Шамбаров Валерий

Свердлов. Оккультные корни Октябрьской революции

От автора

Евреи гордятся тем, что они дали стране такую личность, как Яков Свердлов.

С. Рабинович. «Евреи и СССР», М., 1965

У нас в России история традиционно воспринимается «по крупному», увязываясь главным образом с руководителями государства — «эпоха Екатерины II», «эпоха Николая I», «эпоха Брежнева» и т. д. Для Запада более привычен другой подход — узкая персонификация истории до набора биографий отдельных политических деятелей.

Оба метода в целом верны, но оба обладают и серьезными изъянами. Так что правильным оказывается найти их оптимальное сочетание. Разумеется, именно глава государства в первую очередь прославляется теми свершениями, которые достигла страна в период его правления, и в первую очередь именно он несет ответственность за все беды и несчастья, которые в это время претерпел народ. Разве можно, например, утверждать, что президент Путин, несмотря на его личные положительные черты и рейтинги, не отвечает за углубление при нем развала России, обнищание провинции, уродливую «монетизацию», пенсионные, жилищные и прочие безобразия?

Но если мы желаем более детально исследовать исторические процессы, механизмы принятия тех или иных решений, выбора политического курса, тактических и стратегических зигзагов, то здесь, конечно, уровня глав государств будет уже недостаточно. Тут надо

учитывать, что во все времена и почти при всех правителях существовали свои талейраны, кольберы, меттернихи, серые и прочих цветов радуги кардиналы.

Порой это оказывается очень важным. Так, когда мы касаемся одного из переломных моментов нашего прошлого, эпохи революции и гражданской войны — той, что принято именовать «эпохой Ленина», обращает на себя внимание фигура Якова Михайловича (Янкеля Мовшовича) Свердлова. Одна из самых страшных фигур в российской истории. И одна из самых загадочных. Да, не побоюсь этого слова, загадочных. Она как бы вообще «выпадает» из рассмотрения исследователей.

Хотя деятель-то был не маленький! И почестей удостоился чрезвычайных. Похоронен у Кремлевской стены — не в стене, а у стены, в шеренге немногих «избранных». Его именем был назван огромный областной город, площадь в самом центре Москвы, десятки поселков, станций, колхозов, оно было присвоено многим советским и партийным учреждениям, воинским частям, школам, больницам, пионерлагерям, заводам, фабрикам. Практически в каждом городе и городишке обязательно была улица Свердлова… То есть почести по самому высшему разряду! Из руководителей партии и правительства таковых удостоились считанные единицы. Но при этом всегда оставалось непонятным — а за что? Что он такого выдающегося сотворил?

Писали о нем совсем мало. Он как бы всегда оставался «в тени», не сам по себе, а «при» Ленине. Была издана книжка его избранных произведений. Одна. И ответа на вопрос о его заслугах она не дает. Теоретиком он не был. Все речи, статьи, доклады — достаточно серенькие, примитивные, без следа какой-либо оригинальной мысли. Был снят художественный фильм «Яков Свердлов». Один. Скучный, туповатый и сугубо плакатный. Тоже без ответа на вопросы. Был издан сборник воспоминаний о нем. Один. Плюс мемуары вдовы. Плюс одна или две биографии — сухие, выхолощенные. Да и то, если не ошибаюсь, биографии выходили не в Москве, а в Свердловске. Труды публицистов провинциального уровня. Невольно складывается впечатление, будто все это делалось «для галочки». Для заполнения пропагандистского «вакуума». Ага, мол, о Свердлове еще фильма нет — непорядок, надо бы снять.

А вот научных, полновесных монографий о нем, кажется, совсем не было. Ни одной. Автору этих строк в юности даже доводилось слышать объяснение его «заслуг» — дескать, он просто умер первым из видных большевиков, вот его и почтили сверх меры. Но ведь что интересно — за рубежом о советских вождях создавалась масса литературы. Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского, Бухарина, Радека и т. п. по всем косточкам раскатывали. А о Свердлове — почти ничего. Его и там по каким-то причинам обходили стороной!

Настала «перестройка» с «гласностью», затем «демократизация» с еще большей «гласностью», запреты снялись, архивы открылись. Покатился поток книг, статей, телепередач, «разоблачительных» кампаний. Но снова героями их становились сугубо те же персоны — Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский, Бухарин… Не Свердлов.

Хотя оказывается, что автором всех самых громких, самых чудовищных преступлений «военного коммунизма» являлся именно он! Яков Михайлович. Нет, я не хочу представить дело так, будто остальные вожди большевиков были ангелами во плоти. Но «честь» авторства почему-то неизменно принадлежала ему. Другие руководители лишь развивали и продолжали его «начинания».

Мы привычно перечисляем — Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский… А ведь Свердлов-то был в свое время величиной более крупной, чем даже Троцкий и Сталин. «Вождем номер два». И только после его смерти на этот ранг стал выдвигаться Троцкий! О Дзержинском я уж не говорю. Для Свердлова оказывалось вполне возможным регулировать и даже устранять со своего пути «всемогущего» председателя ВЧК. Авторы интерактивного биографического проекта «Хронос» глубокомысленно рассуждают о том, что если бы Свердлов не скончался

раньше, он «вряд ли бы пережил 1937-й»… Не задумываясь о том, что при подобном раскладе не было бы самого 1937-го. Точнее, он был бы, но гораздо раньше. И с другими последствиями — покатились бы головы Сталина и «сталинистов». Потому что Яков Михайлович был гораздо умнее Троцкого, Каменева, Зиновьева и не позволил бы так запросто перехитрить себя и оттеснить от власти.

Кстати, мы привычно говорим о «сталинистах», «троцкистах». И никогда не упоминаем о «свердловистах» (или «свердловцах»?) А они, оказывается, существовали, «вождь номер два» имел собственную, вполне реальную группировку внутри партии. И группировку настолько сильную, что в конце жизни Яков Михайлович готов был встать в оппозицию самому Ленину… Но выясняется вдруг и то, что опору Свердлова составляли не только его единомышленники. Что он, ни разу не покидавший Россию, имел тайные связи и с зарубежьем…

Обо всем этом я и хочу рассказать в своей книге. Нет, наверное, не на все вопросы мне удалось найти исчерпывающие и однозначные ответы. Слишком многое уже занесено «пылью времен». Или было преднамеренно и очень тщательно заметено этой «пылью». Но по крайней мере я постарался высветить такие неясности и темные моменты, вскрыть их. И надеюсь, что эта работа поможет читателю составить более полное представление о далеко не простой жизни и судьбе одного из главных губителей и палачей России.

1. Далеко за «чертой оседлости»

Где-то во второй половине XIX века, предположительно в 1870-е годы, в Нижний Новгород переехал мастер-гравер Мовша Израилевич Свердлов. Какова была его настоящая фамилия? Доподлинно известно лишь то, что Яков Михайлович нигде и никогда фамилию своего отца не указывал. Некоторые источники говорят — Свердлин. А американский журнал «Свободное слово России» и сибирская газета «Русский Восток» со ссылкой на британского журналиста Р. Вильтона называют — Розенфельд. Хотя в данном случае велика вероятность, что Вильтон спутал с фамилией Каменева. Но для нашей темы это не имеет принципиального значения. В отличие от того же Каменева, Ленина и т. п. Свердлов — не литературный псевдоним, затмивший подлинное имя. Все родные и потомки «вождя номер два» известны как Свердловы. Вот и мы будем их называть этой фамилией.

Откуда прибыл Мовша Израилевич? Данный вопрос также не совсем ясен. Ряд авторов неопределенно сообщают — «из Литвы». А Н. А. Соколов, производивший расследование убийства Николая II и его семьи, называл Якова Свердлова «мещанин г. Полоцка Витебской губернии», тут же рядом указывая, что родился он в Нижнем Новгороде. Но никаких противоречий тут может и не быть. Витебская губерния в ту пору традиционно относилась к «Литве», поскольку в состав Российской империи они вошли вместе, во время «первого раздела» Речи Посполитой. И вполне можно было родиться в Нижнем, оставаясь при этом мещанином не Нижнего, а Полоцка. Поскольку существовала так называемая «черта оседлости».

Она возникла исторически. Вплоть до XVII века постоянное проживание евреев на территории России запрещалось — если только они не примут крещение. Но в последующем к нашему государству присоединялись западные регионы: Прибалтика, Украина, Белоруссия, Литва, Польша, Бессарабия, где существовали многочисленные иудейские общины. Русские цари, как правило, сохраняли жителям приобретенных территорий все права, которые они имели прежде. В том числе и право иудеев жить по своим обычаям и исповедовать свою религию. Но при этом и исконным российским землям сохраняли их прежние права. В том числе право жить без евреев. Так и появилась «черта оседлости». В результате которой иудеи, перейдя под власть Романовых, в общем-то ничего не теряли по сравнению с жизнью в составе Речи Посполитой. Однако и не приобрели права расселяться где им будет угодно.

Конечно же, в реальности, поскольку государство было единым, эти ограничения постепенно размывались, смягчались. И к концу XIX века «черта оседлости» по сути означала

лишь то, что западнее ее запрещалось строить и содержать синагоги. Но когда на престол взошел Александр III, он взял курс на проведение русской национальной политики. И, в частности, издал в 1882 г. «Временные правила», напоминавшие об ограничениях и ужесточавшие контроль за проживанием иудеев. Видимо, Мовше Израилевичу, как и многим его соплеменникам, пришлось в этот период крепко понервничать.

Впрочем, пути преодоления формальных запретов были уже отработаны. Во-первых, чтобы избежать их, достаточно было принять крещение. Даже и формально. Чем и пользовались многие евреи — если не веришь в Таинство, то почему бы не окунуться? Их и называли на Руси не «крещеными», а «мочеными». А часто обходились и без «мочения». Находили нерадивых священнослужителей, готовых за мзду выдать требуемое свидетельство и сделать запись в метрической книге. И что еще надо? Информация о таких «своих» священнослужителях и храмах распространялась в иудейских общинах, если хочешь — пользуйся. Во-вторых, «черта оседлости» означала именно оседлость, а не временное проживание. Чем тоже пользовались. Записывали недвижимость на подставных «моченых» лиц и жили как бы «в гостях». Можно было на денек съездить на «историческую родину» и снова «в гости» вернуться. Или сунуть городским властям «барашка в бумажке», чтобы закрыли глаза на эту «временность».

Нет, такими способами Мовша Израилевич пользоваться не стал. Он, судя по всему, был иудеем ортодоксальным, принципиальным. А пользоваться услугами подставных людей было малонадежно для человека, желающего поставить свое дело на твердую ногу. Но для него это и не потребовалось. Закон имел множество исключений. Он не касался, скажем, евреев с высшим образованием — юристов, врачей, историков, литераторов и т. п. Не касался учащихся — на период обучения. Не касался ряда профессий — ювелиров, зубных техников, фармацевтов, высококвалифицированных ремесленников. И Мовша Израилевич вполне попал под эту категорию. Его вид на жительство в Нижнем Новгороде никем не оспаривался и не подвергался сомнению.

Он женился. О супруге сведений сохранилось совсем мало. Известно лишь, что звали ее Елизаветой Соломоновной, и она была домохозяйкой. И что она практически постоянно ходила «непраздной». Муж был человеком активным, и дети пошли один за другим. В 1882 г. родилась дочь Софья, в 1884 г. — сын Залман. А 23 мая (4 июня) 1885 г. — Янкель. Тот, кого в протоколах полиции и жандармского управления будут фиксировать как Янкеля Мовшовича, а в обиходе станут называть Яковом Михайловичем… Но и он был не младшим. Следом за ним появились на свет Беня, Сарра, Лейба.

Жили Свердловы далеко не бедно. Очевидно, и Мовша Израилевич начал свое дело не с «нуля», и за женой приданое получил. Он приобрел большой двухэтажный каменный дом с несколькими деревянными пристройками и сараями. И не в трущобах, которых в Нижнем хватало. Не на окраинах или в предместьях, а в самом центре города, на Большой Покровке. Точнее, дом принадлежал двоим совладельцам, граверу Свердлову и богатому ювелиру, тоже еврею. А еще точнее, Мовша Израилевич был не просто мастером-гравером, а владельцем солидной граверной мастерской, где трудились наемные подмастерья и рабочие.

Мы знаем имя одного из них — Генрих Ягода (Иегуди). Дальний родственник Мовши Израилевича, сын его двоюродного брата. Он, правда, трудился в мастерской Свердлова уже позже, в начала XX века. Но из данного факта нетрудно сделать вывод, что и остальные работники были того же сорта. Сородичи, соплеменники. Словом, прописался и угнездился сам — помоги другим. Точно так же, как в наши дни всевозможные «гости» с солнечного Юга, зацепившись в столице и крупных городах, получив регистрацию, помогают приютиться под своим крылом родне, близким, знакомым. Сосед-ювелир, кстати, также был владельцем мастерской с работниками и подмастерьями. И таким образом двор и дом с двумя семьями и мастерскими представлял собой маленькую еврейскую общину.

Существовала и большая. Нижний Новгород в то время являлся одним из крупнейших торговых центров России, перекрестком важнейших путей по Волге и Оке, значительным речным портом, «столицей» знаменитой Макарьевской ярмарки, городом купцов, судовладельцев, промышленных воротил. Упустить такое выгодное место состоятельные еврейские торговцы, финансисты, ростовщики, ремесленники никак не могли. В подобных городах обосновывались значительные иудейские колонии, члены которых имели прочные контакты друг с другом, осуществляли взаимопомощь, переплетались родственными связями, совместно решали важные общие дела, создавали подпольные синагоги. И жили не то чтобы самозамкнуто — замыкаться было нельзя, надо же «гешефт» делать, но «себе на уме».

Русские, татарские, немецкие клиенты, конечно же, обращались к «Михал Израилевичу», зная его прекрасную деловую репутацию. И он, конечно же, принимал их со всем радушием, поддерживая свою репутацию. Знакомился и приветливо раскланивался с городским «светом», в потенциале приобретая новых клиентов. Но «для души» оказывались все же важнее другие знакомства. С единоверцами. Дела у него шли прекрасно. В таком городе, как Нижний, недостатка в заказчиках не было. Мастер и его предприятие изготовляли дверные таблички, гравированные пластиночки для поздравительных адресов, памятных альбомов, подарочного оружия, делали красивые надписи по вкусу клиентов на надгробных памятниках, делали печати и штампы для учреждений и частных фирм.

При исследовании биографии Свердлова одним из самых ценных источников оказываются воспоминания его вдовы, Клавдии Тимофеевны Новгородцевой. К ним мы постоянно будем обращаться по ходу этой книги. В отличие от большинства советских трудов о Якове Михайловиче, чисто плакатных, плоских, выхолощенных, ее мемуары, даже несмотря на сильную лакировку и приглаженность, содержат множество живых впечатлений, бытовых мелочей и фактов. Которые сами по себе или при сопоставлении с другими источниками позволяют порой получить весьма ценную информацию.

Так, из ее книги мы узнаем, что впоследствии гравер Мовша Израилевич немало помогал революционерам, изготовляя печати для поддельных паспортов, полицейские штампы. А отсюда само собой напрашивается немаловажное заключение, что… зарабатывал он не только праведными трудами. Потому что Нижний Новгород был не только крупным центром торговли, но и российского преступного мира. Откройте томик Гиляровского и прочитайте очерк «Под «Веселой козой». Знаменитый журналист очень ярко описал, что здесь творилось — нижегородские «Самокаты», «мельницы», «кузницы», притоны, малины. «Это волчье логово, всегда буйное, пьяное… Вся уголовщина, сбегавшаяся отовсюду на ярмарку, чувствовала себя здесь как дома. Попадали туда (на «Самокаты» не шли, не ездили, а именно попадали) и рабочие-водники со всех соседних пристаней и складов на берегу Волги, где был для них и ночлежный дом. Туда безбоязненно входил всякий, потому что полицейского надзора не существовало во всем этом обширном районе водников…»

Гиляровский описывает целые кварталы публичных и игорных домов всех пошибов, рассказывает о бандитских вертепах, расцветавших во время ярмарок. «Там было около кого погреть руки разбойному люду. Кроме карманников, вроде Пашки Рябчика, рязанского Щучки, Байстрюкова и Соньки Блювштейн, знаменитой Соньки Золотой Ручки, съезжались сюда шулера и воры не только из Москвы, Одессы, Варшавы, но даже Восток стал своим…» Сообщает, что и беглые с каторги обычно устремлялись именно сюда.

И для многих подобных типов новая хорошая «ксива» была, ясное дело, не лишней. А платили за подобную работу щедро. Да и соседство с ювелиром для таких клиентов было весьма удобным — в одном месте можно и сбыть ценную добычу (или изменить ее облик), и новыми документами разжиться. Предположение? Не только. Дальше по ходу книги я приведу

несколько косвенных фактов, способных свидетельствовать о связях Мовши Израилевича с преступным миром.

В целом же проживание далеко за «чертой оседлости» давало возможность неплохих заработков. Однако оно имело и важные издержки. Скажем, для детей. Где-нибудь в Витебской губернии, Одессе, на Волыни ребята получили бы полноценное иудейское воспитание при синагоге от опытных общинных учителей. Изучили бы необходимые тексты, обряды, правила поведения. Дети Мовши Израилевича тоже воспитывались в религиозных традициях. И Яша Свердлов даже и много позже, арестованный за революционную работу, будет в анкетах жандармского управления в графе «вероисповедание» указывать — «иудейское». Да, «иудейское», а не «атеист», как отвечали на данный вопрос многие его соратники.

Но нетрудно понять, что воспитание он получил не такое, как его западные сверстники. Религиозное обучение — только домашнее. Или от непрофессиональных знатоков-учителей нижегородской колонии. Опять же, как должен воспринимать ребенок, если ему внушают какие-то истины, доказывают важность и необходимость каких-то ритуалов — а параллельно объясняют, что об этих истинах вслух лучше не говорить. И о ритуалах тоже. И, несмотря на их важность, иногда их из конспиративных соображений эти ритуалы выполнять не надо. Значит, они получаются не такими уж необходимыми? Не обязательными? Вероятно, отсюда берет начало присущая Свердлову скрытность. И попытки самому найти ответы на интересующие вопросы…

Было и другое. Иудейские дети на Волыни и в Литве росли в кругу себе подобных. В Нижнем Новгороде — среди «чужих». Новгородцева пишет, что Яша с раннего детства дружил с местными ребятами, верховодил в компаниях, был организатором игр и забав для всей улицы, увлекался греблей и плаванием, что сверстники часто забегали в дом Свердловых… Вот тут осмелюсь выразить сомнение. Он не мог дружить со всей нижегородской детворой. Даже сбегать с ними гурьбой искупаться на Волгу. Плавок и трусиков тогда ребятня не носила. И кто-нибудь заинтересовался бы обрезанием, стал бы подшучивать, подначивать. Да и в других отношениях на чужой роток не накинешь платок. А тем более при детской непосредственности. Кто-то подденет — почему не ешь «некошерное» лакомство? Кто-то начнет дразнить из-за того, что не идешь играть в субботу. Кто-то посмеется из-за того, что «нехристь». Отсюда неизбежные обиды. Затаенная злость. Мстительность.

Есть свидетельства о том, что Яша рано научился драться, рос задиристым и хулиганистым. Роста был низенького, в силе другим мальцам уступал. Но брал свое хитростью, изворотливостью. А дружил-то он, скорее всего, с такими же, как сам, с детьми нижегородских евреев. Как раз они, видать, и в дом к нему наведывались. В их ватагах он и верховодил. Что было нетрудно, если это были дети папиных работников. Попробуй не уступи лидерства хозяйскому сыну! Он и привыкал к лидерству. А ближайшим другом детства Якова Михайловича был Вольф Михелевич Лубоцкий. В будущем — видный большевик и секретарь Московского комитета партии Владимир Михайлович Загорский. Такой же, как Яша, отпрыск еврейской семьи. И… как бы не сынок соседа-ювелира? Во всяком случае, из всех источников очень уж тщательно устранена всякая информация о ювелире. Как и родословная Лубоцкого. Зато в воспоминаниях Новгородцевой любимым местом игр мальчиков и их «тайным укрытием» называется то чердак Лубоцких, то чердак Свердловых. Вот и вертится на языке вопрос — не один ли это был чердак? Над двухэтажным общим домом?

Кстати, многое говорит о том, что в их детском тандеме первым был все-таки не Свердлов, а Лубоцкий. Он и по возрасту был на два года старше. А может быть, общественное и имущественное положение его семья занимала чуть повыше, чем у Яши. Как бы то ни было, они являлись «одного поля ягодой».

Мовша Израилевич был главой дома обстоятельным. Не только собственное дело развивал, но заботился и о том, чтобы детей поставить на ноги, дать им хорошее образование.

Читать Янкель-Яша научился дома, от родителей (и, очевидно, не только по-русски). Успешно окончил городское начальное училище и, как и его друг Лубоцкий, был определен в гимназию.

Что само по себе характеризует достаток Свердловых. В России в то время существовало несколько типов средних учебных заведений: гимназии, реальные и коммерческие училища, духовные училища, кадетские корпуса и др. Все они несколько различались по направленности обучения. Различались и по стоимости. Гимназии были самыми дорогими. Но и самыми престижными. Они давали «классическое» образование — их выпускники осваивали как минимум два иностранных языка, не считая «мертвых», латыни и греческого, получали огромный багаж гуманитарных знаний. Гимназическое образование само по себе выводило «в люди», оно было достаточным для устройства на чиновничью службу, для учительской работы в земских школах и начальных училищах. В гимназии обычно шли и те, кто планировал потом продолжить обучение в университетах — на юристов, медиков, преподавателей. Стало быть, и Свердлов-отец прогнозировал пустить сына не по собственной, а по более благоустроенной жизненной дороге.

Что ж, способностей и ума у Яши было не отнять. А энергии тем более, через край. И любознательности. С детства он зачитывался книгами. Стало быть, и на них денег хватало, давали на «карманные расходы». Сведений о детских годах Свердлова вообще мало. Новгородцева пишет: «Яков Михайлович не любил говорить о себе… И лишь многие годы, прожитые с Яковом Михайловичем, рассказы его отца, брата, сестер, изучение различных документов дали мне возможность восстановить более или менее полную картину его детства и юности».

Увы, многими из этих «различных документов» мы с вами не располагаем. И вряд ли когда-нибудь будем располагать. Вот и остается складывать «мозаику» из того, что есть. Упоминается, допустим, о постоянных стычках Якова с классным наставником, о выговорах гимназического начальства, о наказаниях, о «непокорстве». Что не так уж редко в детской среде. И не исключено, что шло по молодости, от буйного характера. Детское упрямое хулиганство. Но Яша и целенаправленно развивал в себе «бунтарские» качества. Они с Лубоцким еще в гимназические годы увлеклись «революционностью».

Но революционностью еще не марксистской, не социалистической или демократической. Кого же в таком возрасте заинтересует подобная нудятина? Нет, они запоем глотали книги про Спартака, Овода, Кожухова, Гарибальди. И грезили созданием тайной могущественной организации наподобие карбонариев. Но не итальянских, а, конечно, еврейских. Чтобы с клятвами, плащами и кинжалами, подземельями, внезапными ударами по врагу и карами предателей. Выдумывали эти клятвы, уставы. И даже купили себе револьвер, пряча его на том самом чердаке. Купили, как сами понимаете, не в магазине. А где еще два пацана могли купить в Нижнем «шпалер»? Чтоб не спросили, зачем нужен, кто ты такой и где деньги взял? Ответить нетрудно, в воровских трущобах. То есть, знали, к кому там обратиться, кто не надует. Вот вам одно косвенное подтверждение, что Мовша Израилевич имел дела с преступным миром. В результате чего и у Яши там образовались знакомства. Может, с кем-то из клиентов, кто домой приходил. А может, и сам по поручению отца заказы относил.

Вообще в семье мастера-гравера бездельничать и нахлебничать не полагалось. Дети должны были и по дому помогать, и в отцовских делах тоже. Папа, судя по всему, был крутоват. И жизнь семьи была далека от дружной идиллии.

Дочку Софью, едва подросла, сразу же выдали замуж. За такого же владельца граверной мастерской из Саратова по фамилии Авербах. То есть, выгодно пристроили. И саму «в люди» определили, и для «гешефта» полезно — какие-то новые дела наклюнутся, новые связи, обмен клиентами, переезжающими туда или сюда. Сердечными симпатиями и антипатиями самой Сони при сем вряд ли кто-то поинтересовался.

А потом случилась ссора Мовши Израилевича со старшим сыном Залманом. История эта очень темная. Ее передают в двух вариантах Б. Бажанов и журналист И. Коршикова. Бажанов сообщает, что Залман по неясным причинам порвал с семьей и иудаизмом, и отец торжественно проклял его ритуальным еврейским проклятием. Залман был крещен и усыновлен писателем Горьким, стал Зиновием Пешковым. Впоследствии уехал во Францию, служил в Иностранном легионе, в боях под Верденом потерял руку. И когда старик Свердлов узнал об этом, он страшно разволновался — какую? А получив ответ, что правую, торжествовал. Поскольку по формуле иудейского проклятия сын и должен был потерять именно правую руку.

Ирина Коршикова обвиняет в ссоре Якова. Дескать, они поссорились из-за соседской девчонки, Залман побил брата, и тот нажаловался в полицию. Старший брат бежал, пристроился у Горького. Который порекомендовал его в театр Немировичу-Данченко. А чтобы он, еврей, мог жить в Москве, его крестили, и Горький усыновил его. Отец же, узнав о крещении, разразился ритуальными проклятиями…

Но тут следует предостеречь читателя, что достоверность обоих названных источников крайне невысока. Бажанов, будучи секретарем Сталина, удрал за кордон и издал там мемуары, заведомо нацеленные на «сверхсенсации». Доверять его свидетельствам было бы крайне опрометчиво. Так, он утверждает, будто был близко знаком с семьей Свердловых, но на трех страницах воспоминаний о них допустил не менее 5 грубых ошибок. В реальности же он был дружен лишь с мальчишкой Германом Свердловым — шутником, склонным к розыгрышам и мистификациям.

Очерк же И. Коршиковой больше напоминает художественное, крайне сентиментальное произведение, основанное на сюжете Бажанова. Фактических ошибок там еще больше. И крайне сомнительно, чтобы в гипотетическом конфликте Залмана и Якова, где младший брат якобы выступил стукачом, отец принял сторону предателя. Кстати, на самом-то деле после ухода из дома Залман порвал отношения с братьями далеко не сразу. Еще долго, живя у Горького поддерживал с ними связь. Как и сам Горький. Что с версией Коршиковой совсем не стыкуется.

И доподлинно известно в данной истории лишь то, что старший брат действительно ушел из семьи, крестился, стал Зиновием Пешковым, потерял руку во Франции, но продолжал службу. Получил французское гражданство, дослужился до чина полного генерала, был видным масоном и другом де Голля. Но сие уже выходит за пределы нашего сюжета. И мы из случившегося можем сделать выводы лишь о том, что характер у Мовши Израилевича был далеко не «сахарным». И что родственного тепла в его семье было не густо.

В 1900 году в доме Свердловых происходят новые катастрофы. Сперва семью посещает огромное горе — умирает мать. И в этом же году, после четвертого класса, 15-летний Яков расстается с гимназией. И уходит из дома… Причем в случае с Яковом, как и с его старшим братом, очень много неясного. Что стряслось на самом деле? В чем причина его разрыва с родными?

К. Т. Новгородцева дает объяснение, связывая его уход со смертью матери: «Отцу одному нелегко было прокормить многочисленных ребят и поддерживать порядок в доме. Усилилась нужда». Вот и пришлось, мол, парнишке «оставить гимназию и думать о заработке». Но при этом, «сознавая, что отцу трудно содержать семью, Яков ушел из дома и зажил самостоятельно». Ни малейшей критики данная версия не выдерживает. Во-первых, Елизавета Соломоновна была домохозяйкой, никаких заработков в дом не приносила, и сказаться на материальном положении семьи ее кончина никак не могла. Мастерская отца по-прежнему функционировала, по-прежнему приносила доход.

Во-вторых, допустим, дела фирмы пошли похуже, прибыли снизились, гимназия и впрямь стала накладной. Но раз уж в образование сына вложены солидные средства, раз оно прошло

несколько ступеней, почему было не продолжить его в более дешевом заведении? Скажем, в одном из реальных училищ, куда обычно отдавали своих детей отставные офицеры, низшие чиновники, заводские мастеровые, ремесленники, купеческие приказчики средней руки? Нет, Яков бросает учебу вообще. Наконец, «прокормить многочисленных ребят» отцу уже не требовалось — без Софьи и Залмана их осталось четверо. А если отцу было трудно одному «поддерживать порядок в доме», то почему старший из оставшихся детей, осознавая это, уходит из дома? Причина явно была другой.

Исключили за неуспеваемость, и рассерженный отец показал на дверь? Вряд ли. Свердлов отличался поразительным умом, феноменальной памятью и исключительной работоспособностью. Выгнали из-за очередного хулиганства и конфликтов с руководством гимназии? Некоторые авторы останавливаются именно на этом объяснении. Но таких вещей в биографиях большевистских деятелей обычно не скрывали. Наоборот, выпячивали их как лишние доказательства «революционности» еще в юношеском возрасте. А вот со Свердловым нашли нужным затушевать…

Остается два варианта. Первый — что Яков оказался замешан в какую-то очень уж грязную и некрасивую историю, которую никоим боком под «революционность» не подгонишь. В результате чего виновника выставили из учебного заведения, а папа, чьи надежды он порушил, выгнал его и из дома. Второй — что причину и следствие надо поменять местами. И толчком к переменам послужила домашняя ссора. Если Яков проявлял «непокорство» к учителям, то это могло случиться и в отношениях с отцом. Возможно, мать, пока была жива, сглаживала трения, а после ее смерти конфликт прорвался. Известно и то, что Мовша Израилевич, похоронив Елизавету Соломоновну, очень быстро надумал вторично жениться. И не исключено, что «пассию» он себе завел еще при жизни супруги. Что также могло дать повод для разрыва. К примеру, сын нахамил будущей мачехе. Или она на него не так взглянула. В результате чего Яков был изгнан без средств к существованию. А соответственно, вынужден был и учебу бросить.

Обе версии косвенно подтверждаются словами Ленина, который в своей речи о Свердлове характеризовал его как «человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества» (кстати, как видим, ни с какой «нуждой» Владимир Ильич случившееся не связывал). Хотя Яков, скорее, не сам порывал с «удобствами и привычками», а был выставлен на все четыре стороны. Но конфликт разрешился все же помягче, чем с Залманом. По крайней мере без ритуальных проклятий (если они в истории со старшим сыном действительно имели место, если их не выдумали Герман Свердлов или Бажанов).

2. Блудный сын не возвращается

Покинув отчий дом, Яков повел себя иначе, чем Залман. Не стал искать покровителей и решил жить самостоятельно, для чего перебрался в нижегородский пригород Канавино. Вот только утверждениям советских источников, что этот пригород был «населен преимущественно рабочими», доверять не стоит. Откройте Гиляровского и увидите, что Канавино — это как раз и был район трущоб и притонов, обиталище ворья, шпаны и люмпенов. «Ниже» и грязнее его были только «Самокаты» — пустырь, где функционировали всякие балаганы, кабаки, «нумера» с бешеным разгулом и развратом. Полуостров, где располагались «Самокаты», отделялся от берега двумя канавами с переброшенными через них мостками, отсюда и название Канавино. Но «Самокаты» оживали сезонно, на время ярмарок, а в Канавино сосредоточились постоянные «малины», «мельницы», ночлежки.

Правда, Свердлов сперва устроился здесь довольно чисто и культурно. Учеником в аптеку. А аптека в Канавино являлась весьма выгодным предприятием, настоящим «золотым дном» — кого порежут, кому башку пробьют, кто опился, кто венерическую хворобу подцепил. Опять же, кому-то внешность надо изменить, краску для волос купить. Да и «марафет» (кокаин) в то время через аптеки распространялся. Работы наверняка было хоть отбавляй, в режиме,

близком к круглосуточному. Но от «золотого дна» ученику могли перепадать только жалкие крупицы. В дореволюционной России ученики получали плату чисто номинальную (если вообще получали). Они работали за еду, крышу над головой и за науку. Только со временем они могли выйти в помощники, в приказчики хозяина. И если бы Якову удалось остаться в канавинской аптеке, дослужиться до повышений, это сулило хороший навар. Но нет. Терпение и послушание в ожидании собственного «гешефта» было не для Якова. Его вздорный характер, самомнение и амбиции опять сыграли свою роль. На новом месте он задержался совсем не долго, поссорился с аптекарем и был выгнан в три шеи.

Пришлось искать другие заработки на пропитание. Кстати, отметим, что устроиться рабочим на какой-нибудь завод — допустим, на Сормовский судостроительный гигант, где работа наверняка нашлась бы, Яков даже не пытался. Как и найти себе место в порту или в лавке кого-то из многочисленных нижегородских купцов. Нет, он уже ставил себя «выше» этого. Его отныне устраивала жизнь пусть неприкаянного, голодного, но «свободного» полуинтеллигента-одиночки. (Можно сопоставить, что и Гитлер в период своего проживания в Вене выберет такую же «свободу»). Яков в это время живет исключительно случайными подработками. Репетиторством. Правками корректур. Перепиской ролей для театра.

Что ж, репетиторство считалось вполне нормальным способом подкормиться для нищих студентов, порой и для бедных старшеклассников. Хотя платили за это мало. А уж тем более недоучке с четырьмя классами образования. Ну кого и чему он мог научить? Только малолетних подготовишек, собирающихся поступать в гимназию. Или отстающих балбесов-младшеклассников. Состоятельные родители в Нижнем могли нанять куда более опытных и знающих преподавателей. А такого, как Свердлов, — только чтобы сэкономить. За копейки, за тарелку супа. Что же касается корректур и переписки ролей, то и это был труд грошовый. Если мы опять обратимся к Гиляровскому, то обнаружим, что такой работой традиционно занимались «интеллигентные» ночлежники. Спившиеся, бездомные. У них существовали особые артели, где старший ходил по театрам, а в ночлежке распределял полученную работу — как правило срочную, и делил выручку за нее. В Нижнем подобная работа была в основном связана с теми же ярмарками — на время их проведения в город съезжались и театральные труппы со всей России.

Таким образом, Яков опустился до мира ночлежек, до самого «дна». Но, по-видимому, он уже имел в этом мире знакомых, покровителей. Иначе 15-летнему пареньку жить среди отбросов общества было бы слишком тяжело и небезопасно. Что еще раз подтверждает предположение о связях с нижегородскими блатными его отца, а через отцовских знакомых и Яков мог стать здесь «своим». И не эти ли его знакомства, причастность к каким-нибудь темным компаниям и их делишкам стали причиной исключения из гимназии и изгнания из дома?

Но тут надо сделать отступление и пояснить, что имелись немаловажные факторы, способствующие контактам Мовши Израилевича и его сына с преступным миром. Дело в том, что значительную и очень влиятельную прослойку среди российских блатных в то время составляли евреи.

Такое положение сложилось отнюдь не случайно. Православная мораль была уже в значительной мере расшатана и ослаблена, но, тем не менее, все еще составляла серьезное препятствие для опускания русского человека на преступный путь. Если поднять самые громкие уголовные дела конца XIX — начала XX века (см. напр. Н. В. Никитин, «Преступный мир и его защитники», М., 1996), то можно обнаружить удивительный факт: расследование большинства из них не стоило правоохранительным органам ни малейшего труда. Преступника замучивала его собственная совесть, и он сам шел сдаваться с повинной! Поэтому описанные у Достоевского душевные страдания Раскольникова вовсе не плод писательской фантазии, а

самая что ни на есть обычная реальность своего времени, как бы странно она ни выглядела с точки зрения россиянина сегодняшнего.

Конечно, существовали и русские бандиты, разбойники, в семье не без урода. Но в народной массе они и воспринимались именно моральными уродами! Заметьте характерную особенность — в русском фольклоре нет благородных Робин Гудов и симпатичных Картушей! Все разбойники в народных сказках и преданиях предстают персонажами сугубо отрицательными, зачастую связанными с нечистью и запродавшими ей души (см. напр. «Разбойничьи сказки» в пересказе В. Цыбина, М., 1993). В лучшем случае, подобно легендарному Кудеяру, им предоставляется право уйти в монахи и замаливать прошлые злодеяния. Уж, казалось бы, какую посмертную благодарность должен был заслужить в устном народном творчестве Стенька Разин! Но прославил его своим «Утесом» отнюдь не народ, а интеллигент Навроцкий. А в народной памяти Разин навеки осужден за душегубство на заточение в глубокой пещере, есть щи из горячей смолы и грызть каменные пироги. Причем рассказывает Гиляровскому это предание не купец или дворянин, а бывший есаул разбойничьей шайки (В. Гиляровский, «На жизненной дороге», Волгоград, 1959).

Словом, русские бандиты-то были, и немало. Но чтобы стать таковым, человеку требовалось перешагнуть свое «я», переломить собственную мораль, воспитание. И оторвать себя от собственного народа, стать для него «чужим». Евреи же заведомо чувствовали себя «чужими» в российской среде. Для них таких внутренних препятствий не существовало. Обмануть «гоя», надуть, перехитрить отнюдь не считалось серьезным проступком. Это был способ заработка, на грани доблести. Многие делали это легальными средствами — в торговле, деловых и финансовых операциях. Но не всем же быть купцами, финансистами, приказчиками. Еврейские семьи были большими, и каждому надо свое место под солнцем найти. Предположим, вне «черты оседлости» обосновался мастер — кому-то из детей оставил наследство, кто-то пристроился у других мастеров. А остальные? Они же не пойдут в деревню землю пахать. И на заводы стремились немногие. Вот и сваливались, как Яков, на «дно».

Развитию еврейской преступности способствовала и национальная взаимовыручка. У соплеменников-единоверцев можно было укрыться, получить помощь, найти каналы сбыта краденого. Точно так же, как в США по национальному признаку сложилась итальянская мафия, так было и в России. И не случайно эпицентром рождения первой российской мафии являлась Одесса (впрочем, и в Америке сперва лидировали еврейские преступные группировки, итальянские их вытеснили позже).

Поэтому и Яков Свердлов в блатной среде должен был найти «своих», что помогло его адаптации и выживанию. Возможно, он и не только репетиторством и переписками ролей начал подрабатывать. И покатился бы дальше, до каторги, как бывало со многими такими же, как он. Но он сам не хотел скатываться. Считал, что такая судьба не для него. Он жаждал большего. Но и со старыми гимназическими товарищами он не порывал. Тут проявилась одна из черт, характерных для Свердлова — никогда не забывать прежних знакомств. Вдруг пригодятся?

Вытащил его со «дна» лучший друг детства Лубоцкий. Он оставался вполне «приличным» юношей. Как и раньше, увлекался политикой. И в 1901 году вступил в местную социал-демократическую организацию. Что также считалось среди молодежи вполне «приличным». Социал-демократия существовала в России легально, создавала всякие рабочие «кружки» и «школы». Царской администрацией это не поощрялось, но и не препятствовалось — в учении марксизма криминала не видели. Хотя социал-демократические структуры наряду с легальной вели и нелегальную работу. И вот за нее действительно привлекали к ответственности. То есть не за социал-демократию как таковую, а за конкретные преступления — организацию противоправительственных демонстраций, забастовок, экстремистскую агитацию, издание подрывной литературы.

Но сама по себе политика и прикосновенность к ней — это было модно, престижно. Ею увлекались юноши и девушки из респектабельных семей. И Лубоцкий получил задание создать молодежный кружок. Привлек туда таких же, как сам, гимназистов, гимназисток. Привлек и Яшу Свердлова. Он стал в кружке первым «пролетарием». И, конечно же, завоевал общую популярность. Кисейные барышни глаза на него таращили. Ведь это тоже было очень модно — горьковские босяки-челкаши, жутковатое и романтичное «дно». И вот он — живой выходец оттуда! На него заглядывались сверху вниз, наверное, тайно и влюблялись. И Якову, ясное дело, нравилось такое внимание. Наверняка, получил он и чисто материальные выгоды — юные коллеги по партии старались помочь, хотя бы пригласить в гости и накормить, подыскать те же репетиторские уроки.

Хотя последующие утверждения, что он и Лубоцкий в это время пришли в большевизм, лишены оснований. Большевистской партии еще не существовало, социал-демократия не успела разделиться. И даже еще почти не отмежевалась от других левых организаций — социалистов, бундовцев, сепаратистов, анархистов, действовала в тесном контакте с ними. Все были «революционерами», а стало быть, союзниками друг для друга. Но Лубоцкого со Свердловым, несостоявшихся «карбонариев», в этой мешанине тянуло к самым радикальным, самым «революционным» группировкам.

Одно из первых партийных поручений Якова было связано со специализацией его отца — доставать поддельные штампы и печати для документов всякого рода нелегалам, скрывающимся от полиции, беглым ссыльным. К этому времени относится и примирение Мовши Израилевича с сыном. Чего ж не примириться, если сын «гешефт» в дом несет? Новгородцева и сестра Якова Сарра вспоминали и о том, что нелегалы иногда по несколько дней укрывались на чердаке Свердловых. И о «тайном ходе» — войдя в половину дома Мовши Израилевича, можно было в уборной вынуть доску в стене и пролезть в квартиру и мастерскую соседа-ювелира. Таким способом отрывались от слежки. Зашел в дом с одной стороны, а вышел с противоположной, через другую дверь.

Ясное дело, без ведома соседа (тем более ювелира!) подобный ход существовать не мог. Да и чердак был общим. Какие-то звуки должны были доноситься. Неужто ювелир не поинтересовался бы, кто там прячется? Не послал бы работников проверить? Откуда я и делаю вывод — в доме гравера и ювелира подобное было в порядке вещей. И они издавна были связаны с преступной средой. Так какая разница — уголовным или политическим нелегалам помогать? Плати денежку, и получай документы, укрывайся, прячься.

Но окончательного восстановления семейных связей между отцом и сыном Свердловыми так и не произошло. В доме уже хозяйничала вторая жена. И Яков остался для отца чужим, отрезанным ломтем. Выбрал такую долю — вот и живи. Позже, когда он пойдет по тюрьмам и ссылкам, Мовша Израилевич ни разу не придет к нему на свидание, не пришлет ни единой передачи. Между ними не будет написано ни одного письма, ни одной записочки. Восстановятся отношения лишь через полтора десятилетия, когда Яков Михайлович взлетит в самые верхи советского государства. Видать, тогда уже признать «блудного сына» станет не стыдно. И для семейных дел полезно.

Яков по-прежнему жил где-то на стороне. Однако с ночлежками расстался. Ютился теперь по углам в частных домах. Теперь ему товарищи по партии помогали пристроить его у себя или знакомых. Очень скоро состоялось и его первое знакомство с полицией. Власти выслали из Нижнего Максима Горького, и его проводы послужили поводом для несанкционированного сборища либеральной и социалистической оппозиции в защиту «свободы слова». Перекрыли движение, устроили митинг. Активистов переписали и задержали, в том числе Свердлова. Правда, тут же и выпустили через два дня. Слишком уж незначительной величиной он был. Да и дело пустяковое.

В следующий раз было серьезнее. 1 мая 1902 года в Сормово начались крупные волнения на судостроительном заводе, вылившиеся в беспорядки и демонстрации. Для разгона и

успокоения властям пришлось использовать не только полицию, но и войска. Гимназическая молодежь в этих событиях не участвовала, но позавидовала «настоящей» революционности и решила не оставаться в стороне. Вечером 5 мая в центре города небольшая кучка юношей и девиц под руководством Лубоцкого попыталась тоже устроить демонстрацию, подняла красный флаг. Прибыли наряды полиции, юных смутьянов сразу же окружили и нейтрализовали. Но при задержании они разбуянились. Брыкались, отказываясь садиться в подводы, предназначенные для арестованных. Распоясавшийся Лубоцкий набросился с кулаками на пристава, нанеся ему побои. Хулиганил и еще один пацан, Моисеев. В участок зашагали под конвоем пешком, распевая песни и силясь превратить в демонстрацию свое шествие.

По большому счету это, конечно, было несерьезно. И Горький из Арзамаса писал видному социал-демократу Пятницкому (Иосифу Гаршису): «В Нижнем ужасные творятся вещи! Страшные дела! Пойманы и посажены в тюрьму отвратительные преступники, политические агитаторы, рррреволюционеры, числом двое, сыновья гравера Свердлова — наконец-то! Теперь — порядок восторжествует и — Россия спасена!.. Преступники изловлены во время демонстрации, на улице… Старшему из них уже 15 лет, а младшему 13. Третий брат их — 6 годов — еще в тюрьму не посажен. Четвертый сейчас сидит у меня и хохочет, нераскаянная душа! Этот самый старый — 18 лет».

Отсюда, кстати, видно, что «самый старый», Зиновий, все еще относился к братьям с симпатией. Следовательно, версия о предательстве Якова лишена оснований. Но в своем письме Горький трижды ошибся. Демонстрация была не 6, а 5 мая. Якову было не 15, а почти 17 лет, его младшему брату Беньямину, задержанному вместе с ним, не 13, а 15. А насчет «спасения России» можно лишь добавить — ну-ну… Стоило бы писателю вспомнить об этих своих словах. Попозже, в годы гражданской войны, когда писал «Несвоевременные мысли»…

Но и тогда, в 1902 году, провокация вполне достигла своей цели. Какой подарок для «прогрессивной общественности» и зарубежной антироссийской пропаганды — детей сажают! Детишки, впрочем, тоже своего добились. Их «приравняли» к участникам сормовского выступления. Руководителей судили вместе. Шестеро активистов рабочей стачки во главе с Заломовым, как и двое юных хулиганов, Лубоцкий и Моисеев, были приговорены к ссылке. Свердлов при задержании вел себя гораздо умнее товарища, поэтому его дело даже и до суда не дошло. Подержали две недели под следствием и выпустили за несовершеннолетием и отсутствием состава преступления.

Что ж, для него майские события 1902 года тоже не прошли бесследно. Его «заметили» в революционных кругах. Он «сидел» — и стал уже «бывалым». А поскольку Лубоцкий поехал в ссылку в Енисейскую губернию, руководителем молодежной группы нижегородской социал-демократии становится Свердлов. О, в роли лидера он проявил себя блестяще. Не так, как Лубоцкий, собиравший всех кого можно, устраивавший чаепития на квартирах или пикники на природе с пустой говорильней.

Свердлов из аморфной тусовки всяческих сочувствующих и интересующихся создает организацию. Начинает ее структурирование. Выделяет «свои» кадры — подручных. Это в основном девушки, Вера Савина, Маша Щепетильникова, Катя Сотникова. И ему, видать, нравится роль руководителя. Нравится, что эти русские девицы, старше его, заглядываются на него, молоденького и невзрачного еврейского паренька, ловят каждое его слово как мудрость высшей инстанции, безоговорочно выполняют его команды. Ему нравится быть распорядителем их судеб. Чувствовать, что они зависят от тебя. Если ему понадобится, они должны не спать ночей, терпеть лишения, пострадать в тюрьме. Вероятно, тут примешивались и сексуальные связи. Но сведения в данном плане недостаточно достоверны, и приводить их не буду.

Со своей группой, которую он превратил в «боевую», Яков выделяется и во всей городской социал-демократической организации. Которая, как и все тогдашние

революционные круги, отнюдь не отличалась дееспособностью. Больше теоретизировала и рассуждала о необходимости переходить к практическим делам, не зная толком, как к ним подступиться, да и не имея особого желания. А тут — вон какой молодец объявился! Вот и поручить ему эти самые практические дела! Пусть выполняет, «оправдывает доверие» старших товарищей.

Он и выполняет. Четко и быстро осуществляет то, о чем старшие товарищи только воздух мололи. Налаживает перевозку и распространение нелегальной литературы. Создает в Нижнем первый социал-демократический пункт печатания прокламаций — на гектографе. А потом и первую подпольную типографию в Сормово. Умело использует для этого старые знакомства — все, что может пригодиться. Желатин для гектографа достает через выгнавшего его аптекаря. Шрифт для типографии закупает через отца. Бумагу и краску для типографии, скорее всего, поставляют ему бывшие соседи по ночлежкам, канавинская и самокатская шпана — ворованное дешевле, и никто не спросит, для чего нужно.

При столь активной деятельности он уже попал на заметку полиции. Ведь уже дважды засветился в задержаниях. И к тому же полиция и жандармерия традиционно имела информаторов в среде революционеров. Но Свердлову до поры до времени удавалось выходить сухим из воды. Жизнь «на дне» научила его распознавать и замечать «шпиков». А от слежки он избавлялся без труда. Либо используя «тайный ход» в доме отца, либо уходя в районы трущоб и притонов, куда представители правоохранительных органов предпочитали не соваться. Яков же оставался там «своим», чувствовал себя, как рыба в воде.

Задача жандармерии была не столь уж простой. О Якове уже знали многое, но требовалось обязательно захватить его с поличным. Иначе было невозможно привлечь к ответственности. Показания секретных осведомителей ни один суд не признавал уликами. И все же, казалось, сумели ему на хвост наступить. В ночь на 14 апреля 1903 года сотрудники жандармерии и Охранного отделения совершили внезапный налет на очередную квартиру, где он устроился на жилье. И при обыске нашли «архив» — 24 экземпляра различных листовок.

Следствие длилось четыре месяца. В камере Свердлов не особо страдал. Политических-то было раз-два и обчелся. В основном сидели его давние приятели, блатные. А если не приятели, то приятели приятелей. Он с ними общий язык прекрасно умел находить. Даже образование стал пополнять, учебники заказывал, художественные книжки. Хотя и не совсем ясно — кому заказывал? Очевидно, приученным к повиновению девушкам-подручным. А доказательств, достаточных для передачи в суд, следствие так и не собрало. Ну как тут докажешь, что он причастен к печатанию, написанию или распространению найденных у него прокламаций? Может, просто на улице собирал, для коллекции? Или из верноподданнических чувств, чтобы другие не читали?

В августе Свердлова выпустили. И как раз в это время в Россию пришли известия, что на II съезде РСДРП произошел раскол на меньшевиков и большевиков. Соответственно и на местах закипела внутрипартийная грызня и разборки. Куда и ринулся Яков — приняв сторону большевиков. С одной стороны, они представляли более радикальное течение. Но… судя по всему, сыграло роль не только это. Тут довольно интересная ситуация сложилась. Глава Нижегородского комитета РСДРП Грацианов и прочие руководители городской организации оказались в меньшевистском лагере. Те самые «старшие товарищи», которые юному активисту «доверие» оказывали, свысока поощряли — вот, дескать, молодец! Подрастешь нам на смену.

Ох, ошиблись! Свердлов не любил быть «вторым». И вовсе не мечтал дожидаться, пока он станет для кого-то сменой. Он хотел быть только первым. А тех, кто мешал на пути, в том числе и соратников, отбрасывал легко. Он это будет делать еще неоднократно. В 1903 году отделение от меньшевиков открыло ему возможность для лидерства. Чем он и воспользовался. Стал самостоятельным руководителем городской партийной организации в 18 лет!

Емельян Ярославский (Миней Губельман) писал: «После раскола в партии Свердлов является первым организатором большевистской группы в Нижнем Новгороде. Он — самый молодой из всех. Там работали в то время такие старики, как Семашко, Владимирский, работал там Десницкий (Строев), Д. Павлов и другие крупные работники. Несмотря на это, все отдавали должное талантливости, энергии и организаторским способностям тов. Свердлова. Он сумел собрать все группы рабочих, недовольных меньшевистским комитетом, и фактически создать свой комитет — большевистский».

Ну естественно, «старики» — то опять только языки чесали, спорили с оппонентами. Да еще и деликатничали, дабы не обидеть старых соратников. А Свердлов не теоретизировал, он действовал. Мало того, для создания новой организации он применил и новые методы. Семашки, Владимирские, Десницкие и иже с ними продолжали вариться в своей интеллигентской среде. Насчет рабочих они, небось, и не сразу сообразили бы, как говорить с ними, о чем. Яков с рабочими тоже не был особенно близок. Но в новую, свою, организацию он взялся собирать отнюдь не «группы рабочих». Он стал одним из тех, кто начал привлекать в партию уголовщину и шпану. Хорошо знакомую ему и привычную.

Как раз в это время, в начале XX века, обозначился приток выходцев из преступного мира в «революцию». Потому что воровство и бандитизм в тогдашней России были занятием, скажем так, бесперспективным. В отличие от России сегодняшней, награбленные деньги не могли вывести преступника в верхушку общества и не открывали ему доступ к более высоким жизненным благам. Ни дворянские, ни интеллигентские, ни купеческие круги не приняли бы в свою среду сомнительного типа с темным прошлым. Несмотря ни на какое богатство. Даже в деревенском миру преступник, пусть и оправданный по каким-то юридическим обстоятельствам или отбывший законное наказание, все равно до конца дней обречен был оставаться «неприкасаемым», окруженным стеной отчуждения. Уделом уголовщины были лишь грязные притоны Хитровки, Сухаревки, Самокатов. Водка, азартные игры, вульгарный разврат. И перспектива окончить жизнь под забором. Так ли уж она приятна, подобная жизнь?

Иное дело — «политики». Окруженные благоговением, почитанием, восторгами «прогрессивной общественности». А на нарах сидели рядом. И дела часто были похожими. Кассу «экспроприировать». Хулиганить на демонстрациях. Контрабандный груз провезти. И блатные со шпаной — те кто помоложе, кто о будущем задумывался или просто «пофраерить» хотел, стали призадумываться. «Перековываться» на политическое поприще. Такие и потекли к своему в доску парню Якову Свердлову.

Но и полиция наконец-то придумала способ вывести его из игры. Если не получается собрать улики и посадить, то надо хотя бы создать ему невозможные условия для дальнейшей деятельности. В сентябре 1903 г. его снова арестовывают. Вскоре выпускают, но потом опять арестовывают. И опять выпускают. Но определяют на два года под гласный надзор полиции по месту жительства.

Это была административная мера, ее власти имели право применять и без суда. Однако революционеру она создавала массу проблем. Требовалось регулярно ходить отмечаться в участок. При необходимости куда-то выехать надо было получать разрешение. А нарушил — вот уже и более серьезный проступок. Дающий основание для более строгого наказания — административной высылки. Свердлов прекрасно понял, что его нарочно прижимают, и прежней благодатной работе в Нижнем пришел конец. Что ж, тогда он сделал решительный шаг. Сорвался с места и уехал в Кострому. Сразу, одним махом перечеркнув постановление о надзоре. И автоматически переходя на нелегальное положение.

3. «Британское» и прочее золото

Стоп… Переход в «нелегалы», на положение профессионального революционера, означает, что человек лишается возможности нормальными способами зарабатывать себе на жизнь. Он отныне должен существовать за партийный счет. То есть за счет какого-то

стороннего финансирования. И обратим внимание на момент, когда это случилось со Свердловым. Февраль 1904 года. Только что началась война России с Японией…

В свое время за рубежом, да и у нас в эпоху бурной «демократизации» было написано немало статей и книг о «германском золоте», помогшем большевикам прийти к власти в 1917 году. Но при этом совершенно осталось за кадром или было преднамеренно «забыто», что в начале века международная ситуация была иной. И главным врагом России являлась не Германия, а Англия. Точнее, кайзеровская Германия тоже точила зубы на русских и уже тогда готовилась к войне. Но еще держала это в секрете, Вильгельм II демонстрировал дружбу к царю и не оставлял надежды на альянс с ним (временный, чтобы сперва без помех раздавить Францию). Англия же считала Россию основной соперницей на морях и в азиатских колониях и враждовала открыто. Втягивала в фарватер своей политики Францию. Да и олигархи США главными конкурентами в бассейне Тихого океана и в Китае видели еще не японцев, а русских.

Рассматривая историю Русско-японской войны и связанной с нею революции, А. И. Уткин и ряд других современных авторов подняли вопрос о «японском золоте». С чем позволю себе не согласиться. Япония была относительно бедной страной. Наличные средства она в конце XIX века тратила на создание национальной промышленной базы. А затем напрягала все ресурсы, чтобы подготовиться к войне с Россией. Ведь требовалось сформировать, снарядить и вооружить большую сухопутную армию, построить крупный и современный флот. «Лишнего» собственного золота у Японии в данный период не было. Она и без того вынуждена была в долги влезать. А главным ее спонсором выступала Великобритания.

Так что и средства, брошенные на подрывную работу в России, лучше назвать «британским» золотом. Но это тоже будет условно. Оно не являлось чисто британским. Оно поступало из нескольких государств. Причем источники финансирования, каналы перекачки средств в Россию и структуры инициирования революционного процесса были связаны с масонскими организациями.

Но здесь мы коснулись уже не биографии Свердлова, а несколько иного, хотя и важного для нашей темы предмета. Поэтому стоит более подробно остановиться на вопросе, что же такое масонство? Происхождение его теряется во тьме веков, но, пожалуй, первые прообразы масонских учений стали создаваться в начале нашей эры. Когда возникновение и распространение христианства явилось толчком для рождения гностицизма. Ближневосточным, малоазиатским и греческим эллинистическим философам очень не понравилось, что в новой религии приоритет отдается вере, а не человеческому разуму. И в противовес они принялись разрабатывать самые разнообразные теории. Одни объявляли существующий мир иллюзией, другие — забавой Бога, вроде театра. Третьи призывали поклоняться змию, соблазнившему Еву вкусить плод познания, а Бога-Творца низводили на уровень «демиурга», ремесленника, причем злого, раз он не позволял людям трогать этот плод.

Всплеск религиозной мысли и споров при рождении христианства задел и другие верования. В Иране на базе зороастризма возникла его противоположность, манихейство. Оно признавало дуализм добра и зла, но объявляло злом весь материальный мир, якобы сотворенный дьяволом. А следовательно, задача верующих состояла в разрушении этого мира, в том числе и своего тела, дабы высвободить частицы «божественного света», плененного материей. Манихейство разбилось на ряд течений и создало ступенчатую систему иерархии: общины состояли из «посвященных» — хранителей высшей мудрости, «верных» — эмиссаров, и «мирян», на долю коих оставлялось выполнять то, что им укажут свыше.

Разделился и иудаизм. На ортодоксальных талмудистов и каббалистов, воспринявших гностические и манихейские теории, занявшихся иносказательными толкованиями Ветхого Завета и поисками некой «тайной мудрости». И для поисков этой «истины» привлекавших всевозможные оккультные сакральные учения Египта, Вавилона, Ближнего Востока, Греции. Однако разделение иудаизма на две ветви стало неполным. В дальнейшем они начали

смыкаться, но при этом ортодоксальный талмудизм приобретал статус религии для масс, для рядовых евреев, а каббализм — для «посвященных», «избранных».

Все эти учения влияли друг на друга, смешивались, взаимодействовали друг с другом и с христианством и порождали в разных странах различные секты и идеологии, чаще всего — разрушительного, революционного свойства. В Персии это был маздакизм, в Армении — павликианство, в Болгарии — богумильство, в Лангедоке и Провансе — альбигойство, в Италии — братства вальденсов. А эмиссары и агитаторы подобных сект, чтобы беспрепятственно передвигаться по городам средневековой Европы, называли себя «ткачами». Позже, когда настоящие ткачи перестали быть бродячей профессией, обозначение изменилось на «вольных каменщиков».

Впрочем, существует и другая версия возникновения этого названия. В период крестовых походов был создан рыцарский орден тамплиеров — храмовников, изначально бравший на себя обязательство защиты Храма Господня в Иерусалиме. На Ближнем Востоке этот орден заразился гностическими и каббалистическими учениями, дойдя до дьяволопоклонства. Но успел нахапать и вполне земных богатств. И когда крестоносцев с Востока выгнали, тамплиерам охотно предоставила пристанище Франция. Они сохранили свои структуры, исполняли тайные мистические ритуалы, но под «храмом» теперь стал пониматься сам орден и обретенная им «сокровенная мудрость». Продолжалось это недолго. Сведения о ереси дошли до французского короля Филиппа IV. И в 1307 г. орден был разгромлен, его руководство казнено. Большинство рядовых храмовников разбежалось и рассеялось кто куда. Возможно, они и переименовали себя в «вольных каменщиков», как бы призванных трудиться на строительстве нового «храма».

Другая идеологическая и теоретическая база масонства возникла в ходе Реформации, в XVI веке. Это учение кальвинизма. Жак Кальвин не только отредактировал свою версию христианства, убрав из нее все, что, по его мнению, не подтверждалось Священным Писанием, но и ввел в религию теорию предопределения. Согласно коей одни люди заведомо предназначены Богом к спасению, а другие заведомо осуждены. А отличить «избранников» очень просто — одни богатеют, другие нищенствуют. Материальное богатство и было признано критерием любви Господа к тому или иному человеку. А долг «неизбранной» черни — повиноваться «избранным». Утверждалось, что если человек имел возможность урвать деньги и упустил ее, это тяжкий грех, он отверг дар Бога. А стяжание, соответственно, объявлялось богоугодным делом.

Кальвинизм разработал и теорию «общественного договора» между властью и народом, взятую потом на вооружение масонами. Основываясь на библейских текстах об избрании царей Израилевых по воле Бога, делался вывод, что раз основатели династий были избраны народом, то и монархи являются всего лишь слугами народа. И обязаны править в рамках изначального «договора», охраняя права и вольности «общества». Иначе они — тираны, и их свержение или убийство не только допускается, но и становится обязанностью подданных. Однако «народ» подразумевался отнюдь не буквально. Имелись в виду лишь «избранные», а не «чернь». Как раз «избранные» должны были составлять «синоды пресвитеров», диктующих свои решения как подданным, так и монархам. И им же предоставлялось право решать, не тиран ли монарх.

Во Франции кальвинизм стал знаменем борьбы дворянской анархии против королевской политики централизации. В Голландии и Англии — идеологией банкиров, крупных купцов и предпринимателей, боровшихся за захват политической власти. Когда нидерландские олигархи добились своего, создав республику, кальвинизм перенял и некоторые черты иудаизма. Голландцы, нация победившего кальвинизма, стали подразумеваться в качестве «избранного» народа. Любое ущемление их интересов и выгод приравнивалось к преступлению против самого Бога, а в отношении «неизбранных» народов и племен допускались любые жестокости и зверства. Хотя такие заимствования могли происходить и от прямых влияний. Голландия являлась торговой и банкирской республикой, и там обосновались

очень значительные колонии иудеев. А в Англии революционер Кромвель, несмотря на то, что вешал католиков, сажал в тюрьму англиканцев и ссылал анабаптистов, разрешил иудеям свободный въезд, поселение и отправление их религиозных обрядов, полагая, что они принесут в страну значительные капиталы.

Но голландские олигархи-кальвинисты сами же подорвали могущество своей державы, в слепой погоне за прибылями развалив армию и обирая собственный народ. В Англии эти силы сохранили позиции. Познав на себе плоды и анархии, и диктатуры, они сочли за лучшее снова уступить трон королям, но уже на договорных основаниях, лишив монархов реальной власти. Правда, и кальвинизм в ходе Стюартов был разгромлен, официальной государственной религией вновь стало англиканство. И вместо прежних «пуританских общин» и «синодов пресвитеров» для теневых группировок потребовались другие формы объединения. Ими и стали масонские ложи, возникшие в Британии к концу XVII в. Они устранили из прежних теорий христианскую терминологию, то есть превратились как бы во «внерелигиозные» общества. Хотя место христианских (или псевдохристианских) заняли оккультные учения и обряды. В 1717 г. четыре лондонских ложи объединились в «Великую ложу». Которая принялась распространять влияние на другие государства, отпочковывая там дочерние структуры.

Литературы по масонству множество. Причем крайне противоречивой. И представления о нем разбегаются в самом широком диапазоне. Одни видят в нем монолитную общемировую секту, по мановению руки высших иерархов сметающую правительства. Другие — всего лишь безобидные клубы для общения между собой. Так, «Оксфордская иллюстрированная энциклопедия», разъясняет, что масонство — это «всемирное братство взаимопомощи и товарищества» («Оксфордская иллюстрированная энциклопедия», т.3, Москва, Инфра-М, 1999).

Разумеется, это не так. Фундамент масонства покоится на «трех китах». Воинствующее республиканство, гностический оккультизм и интересы мирового олигархического капитала. Все это оказывается прочно взаимосвязано между собой. Так, для олигархов всегда бывают выгодны экспорт революции, разрушение религиозной морали людей, скатывание их к безбожию — а с другой стороны, сам по себе капитал является мощным оружием для осуществления данных целей.

Один из руководящих документов высших иерархов «вольных каменщиков» гласит: «Масонство не признает ни монарха, ни священнослужителей, ни Бога… Масонство — это непрерываемая революция в действии, не что иное, как непрерываемая конспирация, направленная против политического и религиозного деспотизма… Для нас, облеченных высшей властью, человек сам по себе является одновременно богом, первосвященником и монархом… Вот высшая тайна, ключ нашей науки, вершина посвящения. Таким образом, масонство является совершенным синтезом всего, что человечно, и значит — богом, первосвященником и монархом человечества… Вот чем объясняется его универсальность, его живучесть и его могущество. Что же касается нас, великих начальников, мы представляем собой священный батальон величественного патриарха, который, в свою очередь, является богом, первосвященником и монархом масонства» (Цит. по кн. О. А. Платонова «Терновый венец России»).

Как видим, само масонство претендует на роль бога, первосвященника и монарха человечества. Недооценивать силы «вольных каменщиков» нельзя. Известный результат их деятельности — так называемая «великая» французская революция. Но чтобы получить представление о их методах, для читателей будет интереснее пример другой масонской операции. Потому что он у нас с вами перед глазами, мы сталкивались с ним неоднократно, только не обращали на него внимания.

Помните книжки, которыми зачитывались в детстве — о честных и благородных английских и французских пиратах, храбро сражающихся со злобными и коварными

испанцами? И о звериной жестокости испанцев при покорении Америки? В противоположность мудрым и чистым британским «следопытам», братающимся с краснокожими и раскуривающим с ними трубки мира… Читаем, увлекаемся. И не задумываемся, что в действительности все происходило наоборот. Испанцы были жестокими, но только в процессе завоевания, после чего индейцы стали равноправными подданными их короля. Результат-то налицо! Латинскую Америку до сих пор населяют потомки прежних индейцев. А в бывших британских владениях, в США, их не осталось…

Точно так же и с пиратством. Честных и благородных поединков к борту борт в «Флибустьерском дальнем синем море» не было. Ни одного за всю историю! Были подлые ночные нападения небольших суденышек, причаливавших в темноте к испанским судам — и банда резала команду и пассажиров. А еще чаще орды пиратов налетали на испанские прибрежные города, истребляя и жутко истязая мирных жителей, вымогая выкуп. И индейцы, кстати, в этих столкновениях всегда принимали сторону испанцев.

Откуда же возникло такое чудовищное искажение истории? Случайно? Ничуть. Огромный пласт антииспанской художественной, публицистической, научной литературы был создан в ходе информационной войны, в свое время развернутой мировым масонством против Испании. Которая еще два столетия назад была обширнейшей мировой державой. И мало того — главным оплотом католической церкви.

Но война велась не только информационная. В 1810–1820-х годах через масонов из числа помещиков, офицеров и интеллигенции Латинской Америки там была инициирована цепочка национально-освободительных революций. А одновременно, и тоже через масонов, были начаты революции в самой Испании. Из-за чего Мадрид не сумел подавить восстаний в своих заокеанских владениях. Каким стал результат операции? Испания вообще выбыла из числа «великих держав», надолго скатилась на уровень второстепенного государства, ее политику стали регулировать Франции и Англии. А страны Латинской Америки достигли вожделенной независимости, но измочаленными, разоренными, нищими. И очутились в полной экономической и политической зависимости от той же Англии.

Позже ее сменили в роли «хозяев» США. И дальнейшая судьба латиноамериканских государств представляла собой 200 лет колебаний по синусоиде. В одну сторону — к либерализму, демократии, «свободам». Что оборачивалось коррупцией, воровством, разгулом преступности и анархией. Для спасения предпринимались перевороты, устанавливались диктатуры. А когда народу надоедал полицейский режим, снова разворачивалась борьба за демократию… «Хозяевам» же оставалось только регулировать этот процесс, поддерживая то диктаторов, то «свободы».

Ну и еще один результат крушения Испанской мировой империи — были значительно подорваны позиции католической церкви. Римом начали помыкать французские, итальянские, австрийские политики, в значительной доле — масоны. И в сами структуры церкви пошло их активное проникновение.

Нет, масонство — не секта. Оно не добивается унификации взглядов, идеологии и религии своих членов. Известны и масоны-католики (как Пуанкаре, Жоффр, Даладье), и масоны-англикане (Ллойд Джордж, Чемберлен), и масоны-православные (Поливанов, Рябушинский), и даже масоны-старообрядцы (Гучков), и масоны-иудеи (Шифф, Варбург), и масоны-атеисты (Бухарин, Львов), и масоны-мусульмане (Масхадов) и масоны-сатанисты (Альберт Пайк). А также и масоны-лютеране, масоны-кальвинисты, масоны-оккультисты, масоны-теософы и т. п. Хотя, согласитесь, членство в одних и тех же или близких друг другу структурах столь разнородных воззрений выглядит странновато. Ведь «плюс» на «минус» в любом случае дает «минус», а не «плюс».

Но масонство — это и не жесткая монолитная структура, наподобие, например, армейской. Где все осознают и видят общую задачу, командующий отдает приказания командирам

соединений, они — командирам частей. В рамках той же единой задачи приказы доходят до подразделений и солдат и начинается их исполнение с непременным взаимодействием, взаимовыручкой, помощью и подкреплением одним частям со стороны других. Если рассматривать проблему в таком плане, то масонство вообще выступает «не единым». Оно многослойно. Отдельные структуры и их члены могут действовать и вразнобой, и наперекор друг другу. Преследовать какие-то собственные цели.

Допустим, если взять приведенный выше пример, то, конечно же, масоны, возглавившие латиноамериканские революции, не ставили себе задач сменить испанское владычество на британскую кабалу и превратить свою родину в «банановые республики». Они искренне мечтали о национальной независимости и верили, что освобождение сделает их страны процветающими и богатыми, выведет в один ряд с теми же Францией, Англией, США. За это они сражались и погибали, как и многие европейские масоны, ехавшие вступать добровольцами в их отряды. И испанские масоны, поднимая восстания, конечно же, не намеревались обрушить свое государство в упадок. Они верили, что свергают «прогнивший режим», и «свобода-равенство-братство» принесут Испании величие и счастье.

И, конечно же, руководители лондонских и парижских лож не отдавали команд Боливару, Сен-Мартину или Риего, как им действовать, какие решения принимать в той или иной ситуации, в каком направлении посылать войска. Но… в целом эти руководители приблизительно знали, что должно получиться. И знали, кому это в итоге будет выгодно. А если и регулировали ситуацию, то отнюдь не прямыми методами. Скажем, поставками оружия (или задержками поставок), финансированием от «сочувствующих» кругов (или прекращением финансирования), созданием «мирового общественного мнения» через средства массовой информации. Очевидно, были и эмиссары. Но не на первом, а на втором плане. В лице каких-нибудь «друзей», советников, иностранных посланников…

Однако попытка завалить и подорвать Россию таким же способом, как Испанию — с помощью офицерского масонского переворота в декабре 1825 года, провалилась. Мало того, после этой попытки аристократия и офицерство разочаровались в масонстве, стали относиться к нему настороженно. Отрезвлению русского высшего света немало способствовала и поддержка Западом северокавказских сепаратистов, польских повстанцев, раздутые в Европе оголтелые антироссийские кампании в прессе, парламентах, правительствах.

Что ж, когда первая атака не удалась, масонство учло свои ошибки и перегруппировало силы. Продолжало работу среди аристократии, офицерства, но основную ставку внутри России перенесло на буржуазию. Под флагом «либерализма». А среди российской буржуазии действовали закономерности, общие для всех времен и народов. Точно так же, как когда-то в Голландии, Англии, Франции крупная буржуазия набрала силы и богатства под эгидой монархии — пользуясь столь явными ее преимуществами, как стабильность, порядок, защита национальных интересов. После чего разъевшимся купцам, банкирам и промышленникам захотелось сломать вскормившую их систему и самим «порулить». Получить в свои руки власть.

Кстати, Россия уже не была абсолютной монархией. В 1864 г. Александр II ограничил свою власть введением Судебного Устава. И с этого времени Закон стоял выше воли царя. При Александре стало внедряться и земское демократическое самоуправление, в чью компетенцию входили вопросы благоустройства, здравоохранения, образования, социального обеспечения. Были даны значительные послабления в вопросах «гласности и устности» — то бишь, свободы слова, печати, политических партий. Пошло очень бурное развитие предпринимательства. Но нетрудно заметить и то, что в это же время случился резкий подъем революционного движения. И сам Александр II погиб от рук террористов.

Руководящие круги революционеров очень часто были связаны с масонством. А политические и земские свободы стали благодатной почвой для размножения и роста российских лож (хотя они оставались под запретом — указами Екатерины II, Павла I и Александра I). Полученных послаблений и земских прав либеральной буржуазии было,

разумеется, мало. Это только разожгло ее аппетиты. А патриотическая «реакция», национальный политический курс и откат от западничества, наступившие при Александре III, раздражали ее. Впрочем, либералам было без разницы, кто сидит на троне. Кто бы ни сидел, он становился противником. Ведь целью-то была — власть.

Докладная записка Департамента полиции от 10 февраля 1895 г. сообщала: «Ныне боевой аппарат масонства усовершенствован, и формы грядущего натиска откристаллизовались… Разжигание бессознательной ненависти в народной толще против всех и вся — таков второй и главный наступательный ход, выдвинутый ныне масонством в России. Этой мутной волной намечено потопить царя не только как самодержца, но и как Помазанника Божия, а тем самым забрызгать грязью и последний нравственный устой народной души — Православного Бога… Пройдет всего каких-нибудь десять — двадцать лет, спохватятся, да будет поздно: революционный тлен уже всего коснется. Самые корни векового государственного уклада окажутся подточенными».

Да, атака как раз и развернулась через десять лет, даже раньше. Международная обстановка сложилась вполне подходящая. В 1902 г. Англия заключила антироссийский союзный договор с Японией. Между прочим, это был вообще первый в истории Великобритании договор, где она нарушила свою давнюю дипломатическую традицию — не брать на себя никаких определенных обязательств. А в январе 1904 г. последовало вероломное, без объявления войны, нападение японцев на Порт-Артур, на русские корабли в нейтральных портах, высадка войск в Корее и Китае.

Россия же, стоило ей взяться за оружие, вдруг… очутилась в почти полной международной изоляции. Англия выступила открытой союзницей Японии, демонстрировала готовность вот-вот самой вмешаться в драку. При этом британцы очень быстро и ловко (и неожиданно) сумели решить все свои противоречия с российской союзницей, Францией, и в 1904 г. заключили с ней соглашение о разделе сфер влияния в мире. Родилась пресловутая «Антанта». Но сперва-то она носила антироссийский характер! Враждебную позицию заняла и Турция. Отказалась пропустить через Босфор русские военные корабли, и самый сильный флот, Черноморский, оказался запертым. В это же время султан Абдул-Гамид учинил резню армян в Сасуне, что очень смахивало на провоцирование конфликта. На русских обрушилось и американское «общественное мнение». А единственным «другом» выступила, вроде бы, Германия. Но «другом» далеко не бескорыстным. В обмен на «дружбу», то бишь гарантированный нейтралитет и согласие снабжать царские эскадры, Берлин навязал Петербургу кабальный торговый договор на 10 лет.

События русско-японской войны (опять же, под влиянием мирового и российского «общественного мнения», читай — информационной войны) всегда отображались в истории крайне некорректно. Дело в том, что ресурсы России и ее военная мощь многократно превосходили японские, но на Дальнем Востоке дело обстояло наоборот. Япония могла беспрепятственно перебрасывать морем войска и снабжать их, а русских сил там было мало. Пополнения требовалось везти через всю Сибирь. На этом и строились планы Токио. Внезапным нападением уничтожить флот и быстро разгромить русские дальневосточные войска — до того, как подтянутся соединения из Европейской России. Эта стратегия определила и сроки войны. Транссибирская магистраль была построена, но еще имела разрыв у Байкала. И Япония поспешила ударить, пока он существует, пока железнодорожные ветки там не сомкнулись.

И все же план провалился. Русский флот понес потери, но уцелел. Героически держался Порт-Артур. А главнокомандующим полевой армией стал талантливый полководец генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин. Он был учеником и соратником Скобелева, настоящим «отцом-командиром», солдаты любили его беззаветно. Куропаткин сразу осознал невыгодное соотношение сил, разгадал расчеты японцев. Ко всему прочему он одним из первых в военной среде, в отличие от западных стратегов, понял изменившийся характер

современной войны. И навязал противнику позиционные, а не маневренные боевые действия. Что по тогдашним общепризнанным доктринам считалось позором, полным неумением воевать. Но для японцев было гибельным. Они изматывались, несли огромные потери в атаках укрепленных позиций. А русские выигрывали время, перебрасывая в Маньчжурию новые контингенты.

И вот тут-то последовал удар «пятой колонны». В спину, по тылам. Забурлило революционное движение. Отметим некоторые особенности вспышки 1904–1907 гг., впоследствии затушеванные. На начальном ее этапе всевозможные социалистические силы выступали единым фронтом, плечом к плечу — эсеры, анархисты, большевики, меньшевики. Причем выступали единым фронтом с либеральной буржуазией и интеллигенцией. Либералы тоже активизировались в это же время. В январе 1904 г. создаются их нелегальные организации — будущие партии октябристов и кадетов. И финансирование в значительной мере пошло за счет богатых либералов, полагавших, что социалисты и рабочее движение будут для них хорошими союзниками. Даже скорее не союзниками, а помощниками — проложат им путь к власти.

Но революции — дело очень дорогое. Частных пожертвований российских спонсоров тут никак хватить не могло. Ведь этих жертвователей и самих революция по карману била, вызывая спад производства, торговли, падение акций. А попробуй-ка профинансировать по всей огромной России многочисленные забастовочные комитеты, стачкомы, выпуск прокламаций, оружие для боевых отрядов, съезды и конференции партий, работу по разложению армии и флота, террористические акты, всякого рода провокации, информационную войну — в период революции практически вся российская частная пресса активно поддержала атаку на власть. Средства на это широко вливались через посредство тех же либералов, многие из которых были связаны с масонством.

В октябре 1904 г. русские либералы-масоны и революционеры различных партий провели в Париже совещание, договариваясь об общности действий. Финансирование революции стало международным. Отнюдь не только британским и японским. Особенно крупные вложения прошли через главу нью-йоркского банкирского дома «Кун, Лоеб и компания» Якоба Шиффа. Одного из руководителей иудейской масонской ложи «Бнайт Брит» (так что по созвучию с «Бнайт Брит» золото и впрямь можно назвать «британским»). В Женеве был создан «Союз освобождения», который координировал деятельность различных революционных партий, обеспечивал их «единый фронт», распределял финансы. Вскоре «Союз» переместился в Россию, начал всюду создавать свои ответвления.

Одним из главных теневых эмиссаров масонства, заправлявших раздуванием революции, являлся Пинхус Моисеевич Рутенберг (впоследствии перебрался в Израиль, являлся председателем «Национального комитета» — фактического правительства еврейских поселений в Палестине). Кстати, и из социал-демократии в период 1904–1907 гг. на ведущую роль выдвинулась отнюдь не ленинская группировка, а те лидеры, которые также были напрямую связаны с масонством — Парвус (Гельфанд), Троцкий (Бронштейн).

Ну а из русских либералов и социалистов, участвовавших в революции, одни в самом деле верили, что в военных поражениях виноват «прогнивший режим», и стоит его изменить, все пойдет иначе. Другие просто полагали, что не грех воспользоваться ситуацией и затруднениями правительства. А были, несомненно, и хорошо понимавшие, что совершают предательство и играют на руку внешним врагам России. Но считавшие это «мелочью» по сравнению с возможностью политического выигрыша. Ну подумаешь, побьют где-то там на Дальнем Востоке. Ох каком дальнем! Зато — «свободы», власть, либерализм… О том, что побьют вполне конкретных, реальных и живых русских солдат, офицеров, матросов, подобные деятели вряд ли задумывались. Как не задумывались наши недавние политиканы, спекулируя на Чеченской войне. Одним из тех, кто принял самое активное участие в данной подрывной кампании, стал и Яков Свердлов.

4. Война и революционеры

Итак, в 1904 г. Свердлов стал «профессионалом» и перебрался из Нижнего в Кострому. Подготовка революции уже шла полным ходом, и был создан Северный комитет РСДРП с задачей объединить разрозненные социал-демократические кружки и организации по Верхней Волге. Свердлов и стал одним из эмиссаров этого комитета. Кострома была крупным центром текстильной промышленности, здесь действовали фабрики Бельгийского акционерного общества, Кашинская, Зотовская. И 19-летний Свердлов снова проявил себя блестящим организатором. Он быстро находит «нужных» людей, связывает их между собой в ячейки, ячейки — в более крупные структуры. Придумывает правила конспирации, налаживает каналы распространения нелегальной литературы. Создает и подпольную типографию.

Еще раз подчеркнем, что революционеры в этот период выступали в теснейшем союзе с либералами и пользовались их активной поддержкой. Так, осенью 1904 г. либералы из «Союза освобождения» развернули банкетную кампанию. Собрания и митинги маскировались под банкеты. Ведь на политические сборища потребовалось бы испрашивать разрешения властей (которые их наверняка запретили бы). А банкет он и есть банкет. Либералы были люди не бедные, почему же не снять зал в ресторане? И кто помешает пригласить на банкет хоть сотню человек, хоть две сотни — кого сочтет нужным хозяин? Эта самая кампания прошла в 34 городах и приняло в ней участие 50 тысяч человек. К. Т. Новгородцева упоминает, что и Яков Михайлович был в числе костромских банкетных активистов, присутствовал и выступал на этих мероприятиях.

Вполне «легальные» респектабельные либералы, к которым полиция и не сунуться не смела во избежание скандала, давали нелегалам пристанище, поддерживали, обеспечивали документами. Как пишет Новгородцева: «Мы… пользовались обычно чужими паспортами, которые нам предоставляли сочувствующие партии, но находившиеся вне подозрения люди, чаще всего из либеральных интеллигентов. Некоторые из нас поддерживали личные отношения с такими либералами, и те охотно отдавали свои паспорта, вручавшиеся нелегалам по усмотрению комитета. Владелец паспорта через какое-то время заявлял о пропаже, платил штраф и получал новый, а по его паспорту в другом городе жил подпольщик. Облегчалась передача паспорта тем, что фотографий на них тогда не было».

Революционное движение ширилось, раскручивалось. В январе 1905 г. начались беспорядки и забастовки в столице. Руководил ими уже упоминавшийся Рутенберг. По ничтожному поводу — увольнение четырех рабочих, забастовал Путиловский завод. За ним остальные. И грянула грандиозная провокация, «кровавое воскресенье». Гапон, создававший свои легальные рабочие организации вроде бы под эгидой полиции, на самом деле действовал под руководством Рутенберга. В массы была внедрена провокационная идея — идти 9 января к царю, изложить ему свои нужды, искать правды и справедливости. Распространялись слухи, будто государь сам хочет встретиться со своим народом, разобраться, как его обманывают чиновники и дворяне.

Царя, кстати, в это время вообще не было в столице. А правительство в последний момент узнало, что вместо петиции, принятой рабочими — с экономическими требованиями, заготовлена другая. Экстремистская, с требованиями созыва Учредительного Собрания, изменения государственного строя. А пункты, выработанные рабочими, перенесены в конец. Узнали власти и о том, что к мероприятию готовятся боевики и террористы. Что в шествиях должно принять участие более 300 тысяч человек. Это была бы катастрофа, грозившая такой же давкой, как при коронационных торжествах на Ходынке. Во избежание беспорядков и давки манифестацию запретили, но было уже поздно. Агитация сделала свое, и с утра 9 января огромные толпы горожан с четырех сторон двинулись в направлении Дворцовой площади. При этом провокаторы подзуживали прорываться в любом случае, даже силой. А если, мол, нам будет отказано, то «нет у нас больше царя». В ряды мирных манифестантов, несших иконы и

хоругви, влились в полном составе эсеровские боевые дружины, отряды социал-демократов и анархистов.

Центр города был оцеплен войсками, получившими приказ никого не пропускать, но оружие применять лишь при крайней необходимости. И в четырех местах, на пути движения четырех колонн, на Обводном канале, Васильевском острове, Выборгской стороне и Шлиссельбургском тракте, события развивались примерно по одному сценарию. Толпы останавливались оцеплением, но провокаторы подогревали людей, возмущали — дескать, мы с добрыми намерениями, а нас, надо же, к государю не пускают. И толпы напирали, несмотря на выстрелы в воздух. В солдат летели камни. Из толпы, прячась за спины рабочих и их жен, экстремисты стреляли и из револьверов. И цепи солдат, видя, что вот-вот будут смяты, раздавлены и растерзаны лезущей на них возбужденной массой, били уже по людям. На поражение. После чего начиналась паника, и толпы в ужасе бежали прочь, сминая и топча друг друга. Не столько людей пало от пуль, сколько погибло и перекалечилось в давке. Всего же в день «кровавого воскресенья» было убито и умерло от ран и травм 130 человек, 299 получили ранения. Причем среди этих убитых и раненых были и солдаты, и полицейские.

Но ох какой же подарок получился для смутьянов и агитаторов! Царь расстрелял тех, кто с иконами и хоругвями шел ему челом ударить и просьбы выложить! Ох как взвыло мировое «общественное мнение»! Цифры жертв были многократно преувеличены, вопили о «тысячах расстрелянных». Обстоятельства перевирались, подробности придумывались и приукрашивались новыми беспардонными наворотами. И провокация фактически дала старт общей мощной атаке всей оппозиции. Забурлило по всей стране, забастовки охватили 400 тысяч человек…

Однако само по себе «забурлить» не может. Так не бывает. Нужны активизаторы процесса. А чтобы «бурление» шло синхронно на огромной территории — нужны режиссеры и дирижеры. И в данном плане успехи Свердлова в Костроме обратили на себя внимание руководства. Потому что социал-демократическая партия по-прежнему в значительной мере состояла из пустопорожних болтунов. Или из экзальтированных юнцов и девиц, готовых жертвовать собой (и другими) ради протеста против действительности. Или заводских хулиганов… Но настоящих деловых людей с практической организаторской хваткой в партии очень не хватало.

Скажем, в Северном комитете РСДРП заседали Губельман, Подвойский и прочие лидеры. Но Подвойский был всего лишь учащимся юридического лицея в Ярославле и возглавлял студенческий комитет — то есть, занимался такой же фигней, как Лубоцкий в Нижнем. А Миней Губельман сумел организовать стачку текстильщиков в Ярославле. Одну-единственную, но это считалось такой выдающейся заслугой, что ему даже присвоили псевдоним «Ярославский», вроде почетного звания.

Практические таланты и энергия Свердлова пришлись для Северного комитета очень кстати. Яков Михайлович получает партийную кличку «товарищ Андрей», и его начинают посылать в другие города для активизации там работы и налаживания нелегальных структур. В том числе и в Ярославль, где базировался сам комитет. Видать, не очень-то хорошими организаторами были его руководители и дела у них не слишком клеились, раз они предпочли воспользоваться услугами специалиста, зарекомендовавшего себя в Нижнем Новгороде и Костроме. Разъезжая с места на место, он действует и в Саратове, Самаре, наведывается на родину, в Нижний.

Организует революционные мероприятия, митинги, демонстрации. По поводам, взятым чаще всего от фонаря. Например, в Ярославле превратили в демонстрацию похороны застрелившегося гимназиста Панова, в Нижнем — похороны застрелившегося Н. И. Девятова. Складывается впечатление, что стоило какому-нибудь юному неврастенику и юбкострадальцу пустить себе пулю в лоб, революционеры оказывались тут как тут, превращая дурачка в «политическую» жертву. Для общей раскачки, для нагнетания эмоций. Продолжались и

плодотворные контакты с либералами. В июне 1905 года Свердлов выступает в Нижнем Новгороде в помещении Всесословного клуба. Перед купцами, приказчиками. И бросает экстремистские призывы добиваться удовлетворения политических требований «силой и оружием».

Но контактировал он не только с либералами. И успехи его объяснялись не только организаторскими способностями. Он повсюду, как и в Нижнем, активно вовлекает в ряды революционеров шпану. Ведь Волга являлась единой экономической системой — транспортной, портовой, торговой. И мир поволжского «дна» тоже был единым. Хулиганье и бомжи-босяки мигрировали из города в город. Мигрировало и ворье, сутенеры, шулера. То в поисках более выгодного «дела», то уходя от полиции, от кредиторов, от облапошенных обывателей. Или просто ради разнообразия. И человеку, вхожему в нижегородский мир люмпенов, совсем не трудно было найти «своих» в трущобах Ярославля, Костромы, Саратова. Если и не обнаружится старых «приятелей», то по повадкам признают, общие знакомые найдутся.

Существовали связи и между еврейскими общинами поволжских городов. Через них также можно было найти подходящих людей, наладить рабочие контакты. А людей Свердлов умел распознавать очень хорошо. Мгновенно оценивал их натуру, качества. Вот и росли по Волге, как грибы, новые большевистские структуры. Ярославский писал о Свердлове: «Он не мирится с работой в одном месте. Его организаторский талант увлекает его к созданию вокруг целой сети организаций, и он покрывает Поволжье такой сетью партийных организаций, кружков, районных и подрайонных комитетов, подбирает людей, рассылает их повсюду в качестве организаторов и агитаторов, организует распространение нелегальной литературы, выполняет колоссальную организационную работу по созданию нашей партии».

Его способности оценивают и в вышестоящих инстанциях. И уже не от Северного комитета, а от ЦК партии направляют в Казань. А Казань, заметим, не являлась в те годы крупным промышленным центром. Но была армейским центром. Здесь располагались командование и штаб военного округа, множество воинских частей. Именно Казань стала одним из основных мест, где шло обучение солдат и формирование пополнений для отправки на фронт. Как видим, рейтинг Свердлова быстро рос. И повышался ранг задач, которые доверялись ему. По прибытии на место он был введен в состав Казанского комитета РСДРП. И возглавил в этом комитете «военную группу», развернувшую работу по внедрению в воинские части и разложению их.

Под руководством «военной группы» стали создаваться партийные ячейки в солдатской среде, в казармах, выпускаться листовки — специальные, рассчитанные на воинов. Сам «товарищ Андрей», между прочим, среди солдат не появлялся ни разу. На вчерашних крестьян, надевших шинели и готовящихся к схватке с врагами России, вид юнца слишком уж характерной наружности, пожалуй, произвел бы нежелательное впечатление. Тут вся агитация насмарку пошла бы. Нет, для непосредственного общения с солдатами подбирались другие люди. Чтобы были не из «бар», не из белоручек-студентов, не из «инородцев». Выискивали агитаторов с «открытыми», вызывающими доверие русскими физиономиями. Желательно — из бывших крестьян или тех, кто сам успел послужить. Часто использовали и женщин, девушек. Свердлов же только организовывал, направлял и координировал их работу, оставаясь в тени.

Между тем боевые действия протекали для России неважно. В Маньчжурии русским войскам несколько раз пришлось отступить. Пал Порт-Артур. В Цусимском проливе погибла 2-я Тихоокеанская эскадра — представлявшая собой боевой костяк Балтийского флота. Хотя, еще раз повторюсь, в истории эти события отображались крайне однобоко и тенденциозно — сугубо с точки зрения «бездарности русского командования». Но Куропаткин в отступлениях был совершенно не виноват. Ему дали нескольких негодных командиров корпусов, имевших обыкновение при вражеских атаках паниковать и без приказа бросать позиции. Когда же он пытался их отстранить от должностей, в Петербурге его решения отменяли, поскольку

издалека видели войну иначе (и эти же самые командиры корпусов, вроде Артамонова, еще проявят себя в 1914 г., будут действовать точно так же).

Стессель сдал Порт-Артур, когда дальнейшая его оборона уже не имела смысла. Враг занял господствующие высоты, расстреливая с них город и гавань, все корабли 1-й Тихоокеанской эскадры были уже потоплены или повреждены артогнем. И продолжение сопротивления вело бы только к одностороннему и безответному избиению гарнизона и населения. Ну а Рожественский был одним из лучших российских флотоводцев. В начале Цусимского сражения он искусным маневром добился очень выгодного положения своей эскадры по отношению к японской. Возник момент, когда казалось, что русский огонь сейчас выведет из строя неприятельские флагманские корабли — и исход боя будет предрешен. Но вдруг оказалось, что наши снаряды главных калибров… не взрывались. Летели и били в борта и надстройки японских броненосцев, как обычные болванки. То есть имел место или производственный брак, а скорее, диверсия.

Предательство кого-то из тех, кто выпускал и поставлял флоту снаряды с негодными взрывателями. Может быть, и самих либеральных промышленников. Но предательство оставалось «за кадром». А «общественное мнение», формируемое прессой (в том числе выражавшей интересы тех же промышленников) спускало всех собак на «бездарное командование», на «царизм». И, как это ни прискорбно, Николай II в данном отношении повел себя далеко не принципиально. Вероятно, под влиянием своих советников, но факт есть факт. Он пошел на поводу «общественного мнения». Дело о невзрывавшихся снарядах и другие подобные вопиющие факты были вообще замяты. А вместо этого царь пожертвовал своими верными слугами. Рожественским, Стесселем, Куропаткиным. Позволил сделать из них козлов отпущения…

И тем не менее война-то не была проиграна! «Сокрушительный разгром», «позор» России, о котором вопили иностранцы и наши либералы — чистейшей воды миф. Русские потери были большими, но не катастрофическими. Всего за время войны погибло 37 тысяч солдат, матросов и офицеров. Это вместе — и Порт-Артур, и Цусима, и все битвы в Маньчжурии. Японцы потеряли в 5–6 раз больше. И хотя Куропаткин был смещен с поста главнокомандующего, но его позиционная стратегия принесла плоды. В Маньчжурии постепенно удалось сосредоточить силы, значительно превосходящие противника. Уже не одну, а целых три армии. В то время как Япония выскребала последние резервы, Россия только разворачивалась для решающего удара! Предсказать его результаты было совсем не трудно.

Но заполыхала революция. Охватила русский тыл. Перекинулась в деревню, вылившись в беспорядки в Центральном районе, Прибалтике, Грузии. Революция парализовала пути сообщения, закупорила очагами мятежа и забастовками Транссибирскую магистраль, от которой целиком зависела армия в Маньчжурии. И сорвала удар, готовый обрушиться на врага. Пошли мятежи и в вооруженных силах. В июне по пустяковому поводу вспыхнул бунт на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», к нему присоединились броненосец «Георгий Победоносец» и корабль «Веха». (И представляется далеко не случайным, что основной упор революционеры делали на раскачку флота и береговых частей, в чем были заинтересованы англичане и японцы — отсюда и мятежи на «Потемкине», в Свеаборге, Севастополе).

Экстремистам активно подыграли и закордонные «друзья». В начале войны, в мае 1904 года, царское правительство, предложив высокие ставки процентов, добилось получения займов во Франции. Теперь же, якобы в связи с революционной ситуацией, западные банки отозвали из России свои капиталы. В разгар боевых действий внешнеполитический и внутриполитический кризис дополнился финансовым.

Все это и стало подлинной причиной поражения России. Она вынуждена была спешно предложить Токио мир. Но и Япония на самом-то деле была весьма сильно измочалена. И хорошо понимала, чему обязана своей удачей. Понимали японские руководители и то, что

война могла бы вот-вот повернуться совсем иначе, если бы не затруднения русских. Поэтому с величайшей готовностью ухватились за мирные предложения.

Мало того, на внешнеполитическую ситуацию 1905 года наложился еще один фактор. Германский. Кайзер Вильгельм II решил, что Россия в результате ее поражений и революции достаточно ослаблена, выведена из игр европейской политики, и с ней можно не считаться. То бишь, без помех испробовать на прочность Францию. Совершая круиз по Средиземному морю, кайзер вдруг надумал сойти на берег в г. Танжере — в Марокко, входившем во зону влияния Франции и являвшемся по сути французской полуколонией. Где и заявил, что считает Марокко вполне суверенным государством, что Германия готова поддержать этот суверенитет и требует для себя в Марокко прав, одинаковых с французами.

И тут уж парижские политики, активно работавшие против царя, схватились за головы. Поскольку было ясно, что дело не только в Марокко, что немцы ищут предлог для ссоры. А без помощи России Франции придется ох как худо. Изменилась и позиция Англии. Ведь для нее-то главным было военно-морское соперничество с русскими. И поскольку две эскадры уже лежали на дне, в Порт-Артуре и Цусимском проливе, эта задача была решена. Строить новый флот — дело далеко не быстрое и не дешевое. А раз так, то на роль основной морской соперницы англичан выходила Германия. Ну а американцы в данный период считали своей «зоной интересов» Тихоокеанский регион. Где гибель флота и потеря Порт-Артура подорвали позиции русских. Зато победы в сражениях явно показали, какую грозную силу может представлять из себя Япония…

Словом, получилось так, что те же самые международные силы, которые сплотились против России, быстро переориентировались в обратную сторону. Стоит ли удивляться, что мирные переговоры в Портсмуте прошли очень быстро? И что наша страна смогла выйти из войны с минимальными потерями — уступив японцам Ляодунский полуостров в Китае, разрешив им утвердиться в Корее, а из своих территорий отдав лишь Южный Сахалин…

Кстати, мировое масонство отнюдь не скрывало своей причастности к поражению России, даже выставляло это напоказ. Так, упомянутый американский банкир Яков Шифф за свой вклад в победу Японии (то есть за финансирование революции) был награжден орденом от лица японского микадо. И произнес при сем речь с угрозами в адрес царя и русских — мы, мол, им еще не то устроим, если не будет предоставлено равноправие евреям, не отменят «черту оседлости». В общем — знай наших. Пусть трепещут и боятся…

5. Агент ЦК

Война закончилась, но революция только еще набирала силу. Забастовки, стачки, митинги и демонстрации катились сплошной чередой. Завершались приготовления к вооруженному восстанию. Организаторы и дирижеры революции отлаживали свои структуры, укрепляли слабые звенья. Эмиссар ЦК Розалия Самуиловна Залкинд (Землячка) посетила с инспекционной поездкой Урал и докладывала: «Здесь я застала дела в ужасном виде. Комитет целиком провалился. Оказались группы по разным городам без комитета». И в Екатеринбург в сентябре 1905 г. был направлен специалист-организатор, Свердлов. В качестве полномочного представителя или, по тогдашней терминологии, агента ЦК.

Нет, еще не по всему Уралу. Столицей Уральской губернии в то время являлся не Екатеринбург, а Пермь. Но, тем не менее, Якову Михайловичу доверили очень важный участок. Екатеринбург был самым крупным из уральских городов, больше Перми. Здесь располагались важные заводы, это был центр горнодобывающей промышленности, ключевой транспортный узел, связывающий Европейскую Россию с Сибирью. К Екатеринбургу тяготел и весь южноуральский регион.

О том, каким был Свердлов в 1905 году, оставила красноречивые воспоминания его вдова. Ведь в Екатеринбурге случилась их первая встреча. Сама Клавдия Новгородцева была из русской купеческой семьи. Окончила гимназию, три года работала учительницей. Потом

отправилась в Питер повысить образование, училась на курсах Лесгафта. Как и многие другие юноши и девушки из «хороших» семей, увлеклась революционностью и нелегальщиной, по возвращении на Урал стала тусоваться во всяких марксистских кружках, вести занятия в «рабочих школах». Увлеклась не на шутку, с полной отдачей. Хотя, может быть, просто в девках засиделась, не подсуетились вовремя родители замуж выпихнуть, вот и играла кровь. На фотографии 1905 г. перед нами предстает очень симпатичная молодайка, одухотворенная, по-уральски крепенькая и ядрененькая, как говорят, «в самом соку». Ей уже было 29 лет, она успела войти в Екатеринбургский комитет РСДРП, успела попасться по делу о подпольной типографии, полгода просидеть под следствием. Потом выпустили — условно, до суда.

Ну а зачем ей было суда ждать? Не проще ли уехать и поминай как звали? Она высказала свое мнение городскому партийному комитету, и тот согласился, принял решение — Новгородцевой уезжать. И тут ей вдруг сообщили, что с ней хочет встретиться прибывший на Урал «товарищ Андрей». Он, мол, обязательно беседует с каждым активистом, уезжающим из Екатеринбурга. Конечно, первая встреча очень ярко запечатлелась в ее памяти. И описание этой встречи с психологической точки зрения выглядит весьма выразительно.

На улице, под видом прогулки, Клавдии показали «молодого, очень молодого человека, совсем юношу». Свердлова. Который с ходу огорошил ее вопросом — «собираетесь удирать с Урала?» Все доводы, что она «под колпаком», что засвечена, что нормальной работы в Екатеринбурге у нее уже не получится, Яков отмел начисто. Дескать, это сегодня «под колпаком», это сегодня мешает. А завтра полиции не до того будет, чтобы за каждым засвеченным следить и гоняться.

Выходит, он уже знал, что ситуация вскоре изменится. Даже указал ей, что требования конспирации, тормозящие работу, скоро можно будет вообще отбросить. А раз девушка здешняя, знает местную специфику, то и должна остаться. Решение Екатеринбургского комитета об отъезде? Поторопились принять такое решение. Отменим, мол. В целом же, когда читаешь описание их встречи, бросается в глаза одна немаловажная черта Свердлова. Властность. Да, у него уже появилась властность. Он однозначно любит командовать. И умеет командовать. Этот «совсем юноша» полностью подавляет и берет под контроль женщину, которая на 9 лет старше его. Он говорит с ней как человек, обладающий властью над ней. И Клавдия покоряется ему. Совсем и во всем. Она остается в городе. Остается в комитете партии. Становится верной подручной Свердлова. И его наложницей.

Без сантиментов, без ухаживаний. Посмотрел — годится. Значит — ложись и подставься. Видимо, он так же обращался с девушками в местах своей прошлой работы. Он и других товарищей учил относиться к половым вопросам проще. Хочется — сходитесь и живите. А сам Свердлов обосновывается в Верх-Исетском поселке, организуя «коммуну». Можно отметить — очень смахивающую на ночлежки, где ему доводилось обитать. В одном снятом доме живут скопом его ближайшие помощники и подручные: Новгородцева, Батурин, Вавилов, Мария Авейде, Крысин. Тут же останавливались ночевать курьеры и связные, наезжающие из других городов.

Их было немало, поскольку Свердлов принялся раскидывать сети революционных структур на Алапаевск, Челябинск, Златоуст, Тюмень, Нижний Тагил. Делая это, как он умел, четко, оперативно, квалифицированно. Выискивал и привлекал подходящих помощников — Черепанова, Камаганцева, Минкина. Полномочия Якову Михайловичу были даны немалые. В частности, в рамках подготовки вооруженного восстания он занялся транспортами с оружием, которое шло из-за границы, похищалось или покупалось на Ижевском заводе. Оно нелегально доставлялось в Екатеринбург для оснащения здешних боевиков. Переправлялось и дальше — в Сибирь.

А в октябре, как и предупреждал Яков Михайлович Клавдию, ситуация и впрямь резко стала меняться. По России началась всеобщая политическая стачка. Правительство сперва надеялось погасить революционную волну методом «пряника», уступками и реформами. По

предложению министра внутренних дел А. Г. Булыгина было принято решение о создании законосовещательной «булыгинской думы». Не помогло, все слои оппозиции, как либеральной, так и социалистической, такой вариант отмели и бойкотировали. Более глубокие реформы инициировал премьер-министр С. Ю. Витте. Великолепный финансист, экономист, хозяйственный реформатор, но в политике он попытался соединить несоединимое: традиционные российские ценности, Православие и самодержавие — с насаждаемыми из-за рубежа «ценностями» либерализма.

Его поддержали многие члены царствующего дома, значительная часть петербургской аристократии, ряд министров, либеральных деятелей. И результатом стал царский Манифест 17 октября. Николай II даровал народу «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». В стране вводилась выборная Государственная Дума, коей предоставлялись законодательные права. То есть менялась сама структура государственности, Россия превращалась в конституционную монархию. Объявлялась и амнистия всем политзаключенным.

Но… ни малейшего успокоения и национального примирения Манифест не принес. Наоборот. Либеральная буржуазия увидела в нем признак слабости власти. И закусила удила, желая добиться большего. А революционным экстремистам «неприкосновенность личности» и те же свободы слова, собраний и союзов распахнули дорогу к расширению подрывной деятельности. Они теперь могли безобразничать и вести свою работу легально, в открытую!

Правда, в Екатеринбурге первый блин получился комом. Сходку и манифестацию на центральной площади левые назначили на 19 октября. А рабочие самого крупного, Верх-Исетского завода, призывам не поддались и на митинг не явились. Пока же их ждали, успели сорганизоваться патриоты из Союза Русского Народа. Собрали своих сторонников и принялись разгонять смутьянов. Тут-то впервые показала себя екатеринбургская дружина боевиков. В руках молодчиков, окружавших Свердлова и его группировку, неожиданно оказались револьверы. И загремели выстрелы. Без предупредительных, сразу по людям. Но стреляли плохо, неуверенно. Наверное, и руки дрожали, перетрусили и переволновались боевики — это ж не так легко, первый раз в человека выстрелить. А патриотов даже и угроза жизни, свистящие навстречу пули не остановили. Напротив, разозлили и раззадорили. Они тоже вооружились кто чем — колами, дубинками. И организаторам митинга пришлось удирать восвояси.

Свердлов и его приближенные, спасаясь от разъяренных русских мужиков-черносотенцев, сумели улизнуть, спрятавшись в здании Волжско-Камского банка, где их укрыли и выводили потом небольшими группами через задние двери, чтобы не привлекали внимания. И вот эта деталь представляется очень многозначительной.

Ведь если Яков Михайлович руководил забастовочным движением в нескольких городах, организовывал выпуск и распространение литературы в обширном южноуральском регионе, был причастен к приобретению и транспортировке оружия, то значит, он уже имел доступ и к финансовым потокам, питавшим революцию.

Какими именно способами шло финансирование, по каким каналам, мы не знаем. Но передача средств наличными через курьеров отпадает. Деньги риска не любят. Да и ни в одном документе полиции и Охранного отделения нет данных о каких-либо денежных курьерах. Остаются два варианта. Поступления от местных либералов — промышленников, купцов, банкиров. Либо банковские переводы извне. Не исключено, что имело место то и другое. Кстати, альянс Свердлова с Новгородцевой, женщиной из местной купеческой среды, был для таких целей очень удобным. Ей проще было и с тузами связь поддерживать, и найти подходящих доверенных людей для банковских операций.

О том, что многие уральские воротилы симпатизировали революции и готовы были подыграть ей, проговаривается сама Новгородцева: «На ряде предприятий сам хозяин был не

прочь сократить рабочий день или даже остановить завод на два-три дня». А тайные финансовые операции, осмелюсь предположить, совершались именно через Волжско-Камский банк. Конечно, перепуганные и запаниковавшие революционеры могли забежать куда угодно. Но посудите сами, ворвавшихся в банк вооруженных проходимцев не задержали, не вызвали полицию. Предоставили убежище и позаботились о благополучном уходе. Могли ли служащие и охрана банка действовать таким образом на свой страх и риск, из личных симпатий к экстремистам? Ох, вряд ли. Скорее, знали своих клиентов. Знали о покровительстве им своего начальства. И были уверены, что их за помощь Свердлову со товарищи с работы не вышибут.

Но вернемся к провалу манифестации в октябре 1905 г. Настроение у екатеринбургских революционеров было после этого удрученным. У боевика Ивана Бушена, чья пуля попала в человека, случилась из-за этого истерика. И только Свердлов не унывал, сохранял бодрость. Бушена он зло высмеял: «Ты что же, Ванюша, революцию в белых перчаточках хочешь делать? Без крови, без выстрелов, без поражений? Тогда, голубчик, ступай к либералам, с рабочими тебе не по пути!» Да, Яков Михайлович не расстраивался. А чего расстраиваться? Разогнали? Ну и пусть. Зато начало положено. И первая кровь пролилась, это уже сам по себе важный результат! Это о-го-го как поможет дальнейшему нагнетанию страстей, углубит революционный раскол. Да и «прогрессивная общественность» наверняка обратит внимание.

А просчеты можно выправить. Он и принялся их выправлять. Заполонил новыми агитаторами и смутьянами Верх-Исетский завод, вполне втянув его в требуемую струю. И провел кардинальную реорганизацию боевой дружины. Для такого дела он подбирает более надежных людей. Он же хорошо умел находить общий язык с бандитами, хулиганами, шпаной. А в боевики нужны были именно такие. Ближайшим помощником Свердлова становится Янкель Хаимович Юровский. Его дед был раввином, но отец пошел по уголовной дорожке, стал вором. Сам Янкель обучался при синагоге в школе «Талматейро», но окончил лишь два класса. Сидел за убийство. В тюрьме связался с «политиками». Другие кадры Свердлова — Лейба Сосновский, Теодорович. Подходящих людей помогала найти и Новгородцева, она раньше преподавала в рабочих школах, местную шпану знала. Через нее Яков Михайлович привлекает таких головорезов как Петр Ермаков.

А командиром дружины становится Федор Сыромолотов. «Унаследовавший» жену Троцкого — Лев Давидович, удирая из сибирской ссылки в эмиграцию, бросил ее, ну а Федор в нее крепко втюрился, привязался, души в ней не чаял. Для дружины было введены регулярные тренировки. Боевиков обучали стрелять из различных положений, владеть бомбами, холодным оружием, фехтованию, рукопашному бою. Яков Михайлович ввел даже изучение анатомии, чтобы знать жизненно важные и уязвимые точки человека. Изучалась тактика уличного боя, от женщин требовалось пройти курс оказания первой медицинской помощи.

И следующие мероприятия стали куда успешнее первого. «В Екатеринбурге началась полоса открытых многолюдных митингов и собраний». Явно помогали и местные либералы — «спонсоры» — для собраний революционеры получили в свое полное распоряжение два больших городских театра. А когда группа патриотов попыталась сорвать митинг в Верх-Исетском театре, она попала в засаду, ее вдруг окружили боевики, под угрозой оружия загнали в холодный подвал и заперли. Начальник Пермского охранного отделения доносил о Свердлове: «Товарищ Андрей» или «Михайлович» после объявления всемилостивейшего Манифеста 17 октября 1905 года руководил всеми происходившими в Екатеринбурге беспорядками и постоянно председательствовал и ораторствовал на всех происходивших там митингах революционного характера».

Успехам Свердлова немало способствовали его личные качества. Он был человеком чрезвычайно контактным. Умел в два счета эдакой кажущейся открытостью, искренностью завязать знакомства, расположить к себе собеседников. Обладал и поистине феноменальной памятью. Один раз увидев человека, уже не забывал его. И помнил не только имя и фамилию,

но и какие-то характерные черты, особенности, качества. Таким образом его память представляла собой настоящий уникальный банк данных на тысячи людей. Своего рода «компьютер». И в нужные моменты Свердлов мгновенно ориентировался, кого, где и в каком качестве можно использовать. А еще одним ценным даром являлся очень зычный и громкий голос. Микрофонов-то еще не было. И там, где другой выступающий что-то мямлил, невнятно и неслышно для задних рядов, Яков Михайлович ошарашивал своим басом, перекрывая любой шум многолюдного сборища. А это помогало дальнейшему росту популярности и авторитета. Такого оратора запоминали, выделяли.

Пользуясь дарованной свободой «собраний и союзов», революционеры по инициативе Парвуса-Гельфанда начали в октябре-ноябре создавать уже и свои «органы власти» — Советы. Они возникли более чем в 50 городах. В Екатеринбурге Совет создавал Свердлов и стал его руководителем. Ну а от Советов дело шло напрямую к вооруженным восстаниям. Яков Михайлович со своими подручными разрабатывал планы бунтов в южноуральских городах. Более интенсивной стала подготовка боевиков. И восстания заполыхали. В Москве, Сормово, Иваново-Вознесенске, на Мотовилихинском заводе под Пермью, по всей Транссибирской магистрали.

Но… Свердлов в вооруженных выступлениях участия так и не принял. Для него началась цепочка событий запутанных и способных показаться странными. Он как раз в это время отправился в Финляндию. На Таммерфорсскую конференцию РСДРП. Однако случилась накладка. Началась всеобщая забастовка на железных дорогах. И Яков Михайлович застрял в пути. Добрался до места, когда большинство делегатов, в том числе и Ленин, уже разъехались. Он двинулся обратно. И попал в Москву в самый напряженный момент, там гремели уличные бои. Но и здесь Свердлов задерживаться не стал. Хотя на баррикадах сражался его старый друг Лубоцкий, Яков Михайлович желания встать в строй не проявил. Очевидно, уже не считал для себя достойным занятием подставлять голову под пули.

Это было для пешек, а «товарищ Андрей» уже являлся птицей более высокого полета. Посмотрел, оценил, пообщался с коллегами и отчалил к себе, на Урал. Где тоже вспышка восстаний обошлась без него. Мотовилихинские артиллерийские заводы под Пермью бунтовали 5 дней, пока туда не прислали отряд казаков — восстание подавили, пермских революционеров пересажали.

Да, в это время во всем ходе революции наступил перелом. Восстания, теракты, погромы, льющаяся кровь наконец-то заставили правительство понять, что «пряниками» такую бучу утихомирить невозможно. И подтолкнули к более решительным действиям. Революционеры, несмотря на массовость их движения, созданную вовлечением рабочих, люмпенов, студентов, гимназистов, несмотря на наличие у них значительного количества оружия, оставались не более чем разбуянившимися толпами. А армейские части оказались еще мало задеты этой заразой. Поэтому раздавить повстанцев было нетрудно. В Москве они продержались всего 10 дней — пока туда не перебросили всего-то один Семеновский полк. Все очаги восстания в Сибири и Забайкалье были усмирены несколькими эшелонами Меллер-Закомельского и Ренненкампфа, двинувшимися навстречу друг другу по железной дороге.

Но обращает на себя внимание и другое. Что до ноября-декабря 1905 года смута вздувалась по стране единой лавиной. А дальше вдруг посыпались нестыковки и разобщенность. Да и сами бунты происходят отдельными очагами, не связанными между собой. И если в том же Екатеринбурге усиленно готовились к восстанию, составляли планы, вооружали и тренировали боевиков, то никакого выступления здесь не произошло. Содействия восставшей Мотовилихе не оказали — руководитель отсутствовал. А когда Свердлов возвращается, он неожиданно отменяет и перечеркивает все планы. И вместо этого берет курс на резкое сворачивание деятельности и перевод организации, особенно боевиков, на нелегальное положение.

Точно так же, как в сентябре, он уверенно говорил о скором изменении ситуации, легализации и отбрасывании конспиративных требований, так теперь объявляет, что царским «конституционным свободам» верить нельзя. И надо, мол, заблаговременно выводить партийные кадры из-под ударов. Делает он это очень быстро и энергично. А именно — перетасовывает всех активистов. Екатеринбуржцев, засветившихся на митингах и демонстрациях, рассылает в другие города. А оттуда перетаскивает людей в Екатеринбург. Тасует туда-сюда и деятелей из прочих уральских мест.

И опять он оказался прав. Разгромив восстания, правительство и в самом деле взялось наводить порядок в стране. Уже в январе 1906 г. полиция и жандармерия Екатеринбурга получили приказ на отлов и арест революционеров. Первая операция была организована по захвату упомянутой «коммуны» в Верх-Исетском поселке. Штаб-квартиры, где обитала и варилась вся свердловская верхушка. Но правоохранительные органы нашли дом уже брошенным. И из прочих смутьянов, когда начались аресты, попадалась только мелкая сошка. А те, кто покрупнее, успели улизнуть. Исчез и сам Свердлов.

Что же такое произошло в русской революции? И чем объяснить резко изменившееся поведение Якова Михайловича? Чтобы понять это, требуется более масштабный взгляд и на внутриполитическую обстановку в России, и на изменение международной ситуации.

После Манифеста 17 октября единый фронт российской оппозиции раскололся. На базе нелегального «Союза земцев-конституционалистов» возникла легальная партия «Союз 17 октября» — «октябристы», объединившая крупных промышленников, банкиров, землевладельцев. А из масонского «Союза освобождения» выделилась легальная партия кадетов — «конституционных демократов». Или, как они себя называли, «партии народной свободы», претендуя на то, чтобы выступать от имени всех слоев населения. Нет, либералы отнюдь не намеревались мириться с царем и правительством. Большинство из них, особенно кадеты, считали нужным продолжать безоглядную атаку на власть. Из-за этого первый созыв Думы получился настолько радикальным, что правительству пришлось почти сразу же ее разогнать.

Но по поводу тактики и стратегии борьбы в либеральном лагере возникли разногласия. Одни полагали, что теперь, используя полученные права, можно перейти к легитимным средствам — через думскую трибуну, подконтрольную либералам печать. Другие считали желательным продолжение революционных процессов. Только не в виде погромов и восстаний, которые угрожали безопасности и собственности самих либералов, могли разорить их, а чтобы революция приняла «тлеющий» характер. Пусть экстремисты держат власть в напряжении, тем легче будет легальным оппозиционным партиям оказывать на нее давление и вымогать новые уступки.

На международной арене положение нашей страны оставалось отнюдь не блестящим. Мировое «общественное мнение», раскачанное масонской пропагандой, продолжало шквальную антироссийскую истерию. Теперь поводом для нападок стало подавление царским правительством восстаний и беспорядков. Система двойных стандартов работала на полную катушку. О том, какими методами сами французы или англичане подавляли собственные революции или выступления в колониях, разумеется, не вспоминалось. В Англии газеты величали царя «обыкновенным убийцей», а Россию «страной кнута, погромов и казненных революционеров», вопили о «тысячах повешенных и брошенных в тюрьмы», о том, что «руки царя обагрены кровью тысяч лучших его подданных». То же самое творилось во Франции.

Как уже отмечалось, Россию лихорадил еще и финансовый кризис, спровоцированный западными банками. А она понесла огромные военные издержки. Срочно требовались средства для восстановления экономики и транспорта, подорванных революционными беспорядками, затыкания «дыр» в бюджете, понесшем колоссальные убытки. Надо было платить и проценты по старым займам. В общем-то у России имелся золотой резерв, и очень солидный. Но западные банкиры и биржи бойкотировали русское золото! Государство очутилось на грани грандиозного

дефолта. Чтобы преодолеть кризис, немедленно требовалось найти около 250 млн. рублей. И премьер Витте поехал по разным странам в надежде занять деньги. Не тут-то было, всюду он получал от ворот поворот. Французская пресса вопрошала: «Давать ли деньги на поддержку абсолютизму?», и ответ при такой постановке следовал однозначный. А французский парламент предлагал заем дать, но не правительству, а оппозиционной Думе — пусть таким способом держит царя на крючке и диктует ему свои требования.

Но в это же время углублялся и Марокканский кризис, начатый заявлением Вильгельма II в Танжере. Кайзер, правда, дал согласие на созыв по данному вопросу международной конференции. Ее назначили в Испании, в Альхесирасе, на январь 1906 г. Однако немцы на предварительных переговорах вели себя заносчиво, к уступкам не склонялись. А германский генштаб советовал Вильгельму вообще без всяких конференций и без всяких разговоров взять да и шарахнуть по Франции. Пока русские не оправились. Европа заколебалась на грани войны. Французов поддержала Англия, что для кайзера стало неприятным сюрпризом. Но было ясно и то, что если он захочет разгромить Францию, толку от британцев, не имеющих сухопутной армии, будет немного.

И французское правительство в панике принялось восстанавливать дружбу с Россией. Хотя само это правительство состояло почти сплошь из масонов, но в сложившейся ситуации оно взялось уговаривать своих банкиров и парламентариев выделить Петербургу кредиты. В соглашении, заключенном по этому поводу, между правительством, деловыми кругами и парламентскими партиями, открытым текстом говорилось: «Считать мирное развитие мощи России главным залогом нашей национальной независимости». В итоге Витте получил во Франции «великий заем», позволивший России выйти из кризиса. А за это на конференции в Альхесирасе царское правительство обязалось принять сторону Франции.

Точно так же и британская политическая верхушка сочла за лучшее переориентироваться на сближение с русскими, между Лондоном и Петербургом стали завязываться переговоры по поводу разграничения сфер влияния в Иране, Афганистане, Тибете. А министр иностранных дел Грей лично убеждал британских русофобов, что «Антанта между Россией, Францией и нами будет абсолютно безопасна. Если же возникнет необходимость осадить Германию, это можно будет сделать». На французов с англичанами ориентировались и российские либералы, видели в них непререкаемый авторитет для подражания, воспринимали западные мнения, как высшие истины. И европейские политические круги начали приструнять распоясавшихся русских «западников» — пусть немножко угомонятся, всему свое время.

Дружественную позицию по отношению к Петербургу сочло нужным занять и правительство США. С одной стороны, из солидарности с европейской Антантой, с другой — видя в России противовес против усилившейся и осмелевшей Японии. И даже непримиримые враги нашей страны, вроде Шиффа, вынуждены были приостановить антироссийскую деятельность. Банкирам не стоит открыто идти наперекор собственному правительству, ведь их бизнес разными сложными путями слишком тесно переплетен с политикой.

И… финансовые потоки, питавшие революцию, вдруг оборвались. «Вентили» перекрылись. Сразу же нарушилась и координация. Покатился разнобой. Одни организации переориентировались, вырабатывали новую тактику. И ругались, спорили о различных тактиках внутри партий, схлестывались со вчерашними союзниками по «единому фронту». В столь масштабном деле, как революция, вовлекшем в себя многие тысячи людей, неизбежна и значительная инерция — «заказ» в принципе больше не нужен, но уже начал выполняться… В значительной мере этими факторами и объяснялась противоречивая картина декабря 1905 года. Когда одни руководители поднимали восстания, другие устраивали стачки железнодорожников, а третьи в это же время ехали совещаться на конференции.

Тем не менее, полного «отбоя» революции не произошло. Несмотря на официальную позицию Англии, Франции, США, умеренного крыла русских либералов, были силы, считавшие целесообразным продолжать начатое и ломать Россию дальше. И было принято решение… Нет,

мы не знаем, кем и на каком уровне оно было принято. Это решение нигде не фигурировало, ни в одном историческом источнике не приводится. Но суть его очевидна из всей дальнейшей последовательности событий.

Решение — перейти на другие формы борьбы. Террористические. Так сказать, «партизанские». Действовать не открытыми массовыми выступлениями и восстаниями, которые легко подавляются, а исподтишка. Но тоже активно и массово, по всей стране. Пусть гремят взрывы, выстрелы, гибнут «слуги режима». И случайные жертвы тоже — это позволит создать атмосферу страха и паники. Нагнетать невыносимую обстановку, чтобы граждане тряслись и проклинали правительство. А тут и газетное «общественное мнение» жару поддаст. А в результате разъедать, расшатывать, разваливать государство. Но методы терроризма имели еще одно преимущество — они позволяли революционерам перейти на «самофинансирование». Добывать средства не извне, а внутри своей страны грабежами, «эксами», рэкетом состоятельных людей.

Однако можно заметить и то, что решение о переходе на новые методы, принималось все же не «внутри». А «вовне». Это отчетливо видно из того факта, что на террор переключились одновременно самые разнородные организации: эсеры, анархисты, социал-демократы, пэпээсовцы, литовские, польские, латвийские, эстонские, грузинские националисты. Причем известно, что различные партии по-прежнему координировали свои действия между собой.

И вот теперь давайте еще раз взглянем на декабрьскую поездку Свердлова в Финляндию. Ленина-то он не застал, на конференцию не попал. И что же, постоял у запертых дверей и пошел на вокзал покупать обратный билет? Нет. Кого-то он там повидал, с кем-то встречался. Финляндия традиционно была главным гнойником подрывной деятельности. Еще Александр I, принимая ее в состав Российской империи, благородно сохранил ее конституцию и самоуправление. Там действовали свои законы, свои власти, своя полиция. Которые всегда смотрели сквозь пальцы на обосновавшихся у них революционеров. Шведско-финская граница охранялась очень слабо, оставалась весьма прозрачной. Поэтому через Финляндию проникали в Россию все кому не лень, текла львиная доля контрабанды и нелегальщины. Здесь были гнезда эмиссаров, заведовавших связями с зарубежьем.

С кем же там встречался Свердлов? Доподлинно мы этого не знаем. Может быть, с кем-то из главных организаторов революции? С самим Рутенбергом? С Парвусом? Троцким? Или с руководителями более низкого ранга, вошедшими в тайный «боевой центр» при ЦК социал-демократической партии? Его возглавляли Моисей Лурье, Лазарь Шкляев, Эразм Кадомцев, Уринсон и Ярославский. Но в таком составе центр сформировался позже. Например, Кадомцев вошел в него уже в 1906 г., после ареста Свердлова.

Вероятнее всего, что Яков Михайлович общался с Ярославским. Он был старым знакомым Якова Михайловича, его бывшим начальником, хорошо знал его личные качества. В Таммерфорсе Ярославский присутствовал, являлся делегатом конференции. А впоследствии именно жена Ярославского, Клавдия Кирсанова ездила на Урал в качестве инспектора и связной «боевого центра».

Но как бы то ни было, с Ярославским или кем-то другим встречался в Финляндии Свердлов, ясно, что какие-то важные контакты имели место. Потому что в Екатеринбург Яков Михайлович вернулся уже с новыми инструкциями и в новом качестве. Его назначили руководителем «уральского куста» боевых организаций. И поручили создание террористических структур, которые охватили бы весь Урал.

6. Двадцатилетний пахан

Свердлов ускользнул от правоохранительных органов Екатеринбурга умело и легко. Сперва в Пермь, губернскую столицу Урала, выехала Новгородцева. Сняла номер в гостинице. А потом к ней прикатил Яков Михайлович. Всем необходимым его снабдили «знакомые либеральные интеллигенты», паспорт пожертвовал студент Петербургского университета Лев

Герц, кто-то и костюмчик подарил, так что он «выглядел как истый джентльмен». С Клавдией Тимофеевной они с этого времени вместе. Она становится спутницей Свердлова в прямом смысле до гроба. Невенчанной и нигде не зарегистрированной супругой.

Что же их так прочно связало? Любовь с первого взгляда между 20-летним молодым человеком и 30-летней женщиной? Конечно, и такое бывает. Правда, в этой паре Яков стал бесспорным доминирующим началом, а Клавдия — бесспорной подчиненной. Но ведь и такое бывает в любви, когда одной нравится подчиняться, а другому — самоутверждаться.

Но вот только обращает на себя внимание, что в письмах, которые потом будет писать Свердлов супруге из ссылок, слова тепла и любви появятся значительно позже, лет через восемь. А сперва выражения будут очень уж неподходящими для любящего человека. Сухими, выхолощенными. Такими, что иная женщина и обиделась бы: «Возникал и раньше, теперь почти нет, вопрос о нашей жизни… Целесообразна ли, нужна ли наша совместная жизнь? Но, помимо ответа на данный вопрос, ответом же и новый вопрос: «а целесообразен ли, законен ли и самый вопрос?»… Целесообразно, нужно было сходиться. Наш общий рост за время и под влиянием совместной жизни несомненен…»

Не знаю, может быть сперва, по молодости, Свердлов стыдился хороших и ласковых слов к любимой и любящей его женщине? Хотя может быть и другое. Что и любовь его родилась позже, уже из привычки. Когда, по его собственным словам, перестал возникать вопрос (да и то «почти») о целесообразности. А сначала все определила именно целесообразность. Оно ведь и впрямь целесообразно сложилось: иметь рядом женщину для удовлетворения половых потребностей, а одновременно надежную, лично ему преданную помощницу, подручную, секретаршу…

Выбор, в общем-то, получился не совсем правильным с точки зрения иудаизма. Поскольку принадлежность к «народу избранному» определяется в первую очередь по материнской линии. А стало быть и дети от русской не будут стопроцентными евреями. Но при том образе жизни, который вел Яков Михайлович, он давно должен был перешагнуть через ортодоксальные требования своей религии. Мог ли ночлежник, голодный бездомный мальчишка привередничать, «кошерная» пища ему перепала или нет? Мог ли бродячий революционер и партийный активист соблюдать иудейские праздники, обряды, законы субботы? И все же Яков считал себя иудеем. А пробелы воспитания и нарушения правил пытался компенсировать другими способами. Общался с соплеменниками, получившими более солидное религиозное образование, очень интересовался разными течениями сакральной, глубинной иудейской мудрости. Которые позволили бы проникнуть в истинную суть, лежащую под внешней формой. Зачем идти к сути опосредованным путем, через соблюдение формальностей? Если получится постичь ее «напрямую»?

Но революционной работе эти интересы не мешали. В Перми Яков Михайлович возглавил губернский партийный комитет — без всяких выборов, явочным порядком. Поскольку весь прежний комитет замели при подавлении Мотовилихинского восстания. И Свердлов принялся сколачивать тут новую организацию. Широко привлекал молодых, 20-летних. Неопытных — но зато для таких он сам был незыблемым авторитетом. Такие не будут увязать в спорах, отстаивать какие-то свои мнения. А станут просто выполнять указания «товарища Андрея». Пермская организация возрождалась и росла быстро, как на дрожжах. Сыграли свою роль и перетасовки активистов, сделанные им еще из Екатеринбурга. Разосланные в разные города партийные кадры стали основой новых структур. И уже через месяц после переезда в Пермь, в феврале 1906 года, была проведена Уральская областная конференция, закрепившая эти структуры.

Конференция связала в единую сеть организации Перми, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Уфы, Вятки, Тюмени, Алапаевска, Сысерти, Туры, Кушвы и других уральских городов и заводов. Руководил собранием Свердлов. Он же возглавил новую сеть. Начальник Пермского охранного отделения на основании донесений агентуры сообщал в жандармское управление, что в 20-х

числах января 1906 года в Пермь прибыл «из Екатеринбурга для постановки новой организации некий товарищ Андрей Михайлович», сумевший «в короткое относительно время сорганизовать довольно серьезную организацию… поставив несуществовавшую здесь ранее военную и типографскую технику и присоединить к комитету боевую организацию».

Действительно, в Перми возникает крупная нелегальная типография, имевшая 5 пудов шрифта, большой запас бумаги. Но главное — всюду, по всему Уралу создаются разветвленные террористические структуры. О, тут Свердлов реализовал и свои мальчишеские мечты о «карбонариях», и умение наводить контакты в преступной среде, быть «своим» в мире люмпенов и шпаны. Его помощники — те же Юровский, Сосновский, Теодорович, Сыромолотов. Находятся и другие подходящие кадры. Сын сосланного бессарабского контрабандиста Иванченко, Мясников, Кадомцевы, Лкоцков, Фортунатов, Алексеев, Чуцкаев, Ермаков, Борчанинов, Зенков, Колпакщиков, Мячин (Яковлев), Соловьев, Перовский, Глухарь, Смирнов, мальчишка-хулиган Белобородов и др.

Сеть боевых организаций охватывает Пермь, Екатеринбург, Уфу, Мотовилиху, Лысьву, Нижний Тагил, Нейву, Сысерть, многочисленные заводы. И организации были далеко не простыми, а тщательно структурированными, законспирированными. Существовало несколько уровней посвящения в тайну. В каждом центре создавалось три дружины, которые так и назывались — первая, вторая и третья.

Первая — руководство. Представители партийного комитета, инструкторы, заведующие складами, заведующие мастерскими по изготовлению бомб. Вторая дружина — собственно боевики. Она состояла из нескольких отрядов — «десяток». Каждый — специализированный. Отряд саперов, отряд бомбистов, отряд стрелков, отряд мальчишек-разведчиков. Во главе каждого отряда стоял «десятский», они делились на «пятки» во главе с «пяточниками». Третья дружина — «массовка». Рядовые партийцы, примыкающие рабочие. Их использовали по мере надобности, не посвящая в тайны организации. Из их рядов черпали резервы для пополнения боевиков, дружина была и школой военного обучений — каждый член второй дружины должен был подготовить «пяток» из третьей.

Особняком находились «лесные братья». В отличие от боевиков, живших по своим домам и исподтишка совершавших теракты, «лесные братья» были нелегальными разбойниками. Руководил их отрядами А. М. Лбов (он же «Длинный», «Лещ»). Свердлов поддерживал с ним прямую связь. Как раньше в Екатеринбурге, всюду было налажено обучение боевиков, тренировки в стрельбе и с холодным оружием.

Одним из главных принципов являлась строжайшая тайна и конспирация. Заповедью уральских боевиков, которая очень нравилась Якову Михайловичу, было: «Говорить надо не то, что можно, а то, что нужно». Всей информацией об организации располагал только руководитель. Остальные — в части касающейся. Командующий дружиной, «тысяцкий», знал только своих «десятских», десятские — «пяточников». Прием боевиков: со стороны — в третью дружину или из третьей во вторую, осуществлялся только по рекомендации двоих поручителей. Которые отвечали за своего рекомендуемого. А в случае каких-то его прегрешений, трусости, отступничества эти же поручители должны были исполнить над ним смертный приговор. Словом, это была самая настоящая мафия. А Свердлов стал ее «некрещеным крестным отцом».

В новом качестве он начал вести себя очень независимо. В апреле 1906 г. в Стокгольме был созван IV съезд РСДРП. Казалось бы, ехать туда по всем партийным канонам следовало «товарищу Андрею», руководителю губернского комитета. Нет, он не поехал! Если в декабре, в самый напряженный момент, бросил все дела и помчался в Финляндию, то теперь счел возможным пропустить мероприятие. Ограничился тем, что послал супругу. Кстати, под псевдонимом «Яковлев». Как бы персональная представительница Якова. А резолюции съезда, которые она привезла, до уральцев даже и доводить не стали. Только кратко

проинформировали своими словами. И объяснили — это, мол, меньшевистская чепуха. Продолжив действовать по своим планам, по своему разумению.

Разгадка проста. IV съезд РСДРП был «Объединительным». В российской социал-демократии было решено, что большевикам и меньшевикам, размежевавшимся на II съезде, надо снова объединиться, выступать единой партией. Это требовалось для легальных методов работы, для выборов в Думу с образованием общей фракции, для создания общих органов печати. И речь на съезде шла именно о «мирных» методах. Не только легальных, но и о агитационной подрывной работе, организации забастовок, стачек, манифестаций. Все это меньшевики признавали и допускали, а террористические акты и «эксы» осуждали. И большевики тоже их осудили, объявили «мелкобуржуазными».

К организации Свердлова такие решения и впрямь не относились. Она подчинялась не ЦК, а боевому центру при ЦК. Тщательно законспирированному, от которого ЦК на словах отрекался. Существовала даже практика, что боевики накануне особенно крупных акций формально объявляли о своем выходе из партии. А потом снова в нее «вступали». И, кстати, хотя Яков Михайлович был связан с большевистским боевым центром, но в свои структуры включал и членов других партий: эсеров, анархистов, максималистов. Какая разница-то? Главное — чтобы человек был подходящим. Способным без промаха и без колебаний послать пулю в ближнего, швырнуть бомбу, заложить заряд взрывчатки. Так что некоторые дружины числились «сводными», многопартийными. А «лесные братья» были вообще беспартийными головорезами.

И «дело» пошло. Оружие поставлялось из-за границы — бельгийские браунинги, маузеры, «партизанские» облегченные винтовки. Текли боеприпасы, доставалась взрывчатка — ее и на Урале хватало, для горных работ использовалась. Загремели выстрелы в полицейских, полетели бомбы в казаков, в окна квартир «черносотенцев». В Уфе готовились взорвать казарму, но не получилось. Начался рэкет богачей — плати такую-то сумму «на нужды революции», иначе смерть. Убивали и рабочих, осмелившихся поднять голос против таких «революционеров», не выполнить каких-либо требований. Причем Яков Михайлович настаивал, чтобы в акциях непременно поучаствовал каждый боевик. Всех провести через «настоящее дело». Всех повязать кровью. И сам пример подавал. У полиции имелись сведения, что он лично убил по крайней мере одного человека — рабочего Пятницкого.

Но и российская власть перед лицом расплескавшегося терроризма не сидела сложа руки. Реформатор Витте был отправлен в отставку. Премьер-министром и министром внутренних дел царь назначил куда более жесткого и решительного П. А. Столыпина. Под его руководством и на местах правоохранительные органы серьезно взялись за революционеров. А аппарат полиции, жандармерии и Охранного отделения, хоть и немногочисленный, работал в России весьма квалифицированно. Выслеживали, вычисляли смутьянов, находили и вербовали провокаторов. Между прочим, широкое распространение провокаторства в революционной среде вряд ли можно считать случайным явлением. Скорее, это было закономерно. Ведь те, кто вовлекался в нелегальные подрывные организации, по сути преступал мораль и традиции своих отцов и дедов, изменял своему Отечеству. А предавший единожды…

В Перми Охранному отделению удалось сделать тайным осведомителем ни много ни мало как члена городского комитета Якова Вотинова, заведовавшего складами с оружием. И по рядам боевиков покатились провалы. Более серьезных последствий Свердлов сперва не опасался. Правила конспирации он ввел строгие, каждый из арестованных знал немного. Яков Михайлович лишь сменил режим своей жизнедеятельности, стал «челночить», переезжая вместе с Новгородцевой из города в город. Останавливался у самых надежных, в Екатеринбурге у Юровского, в Мотовилихе у Иванченко, в Алапаевске у Соловьева. А заодно этими разъездами инспектировал и активизировал звенья своей мафии. Но провалы не прекращались, что привело Свердлова к выводу о провокаторе, действующем в где-то в верхушке структур. Под боком.

И Яков Михайлович решил исчезнуть более капитально. Залечь «на дно». Но перед отъездом назначил заседание Пермского комитета партии, дабы раздать последние указания, перераспределить обязанности. Присутствовал и Вотинов. По окончании Свердлов распорядился расходиться по одному, сам с женой вышел первым, направляясь на пристань. По дороге их и взяли. 10 июня 1906 года неуловимый «товарищ Андрей» и Новгородцева наконец-то очутились за решеткой.

Вскоре захватили еще ряд активистов, типографию, оружейный склад. Была разгромлена вся пермская дружина. При обысках нашли денежный отчет Пермского комитета за май месяц, написанный рукой Свердлова. Без подписи, но графологическая экспертиза установила его авторство. 36 человек были привлечены к ответственности по делу «о преступном сообществе», которое, «именуя себя Пермским комитетом РСДРП, заведомо для них, в видах установления в России социалистического строя, поставило целью своей деятельности достижение, посредством возбуждения народных масс, государственного переворота — низвержения монархии…» Свердлову инкриминировалось и убийство.

Но в камере «товарищ Андрей» ничуть не пал духом. Да по большому счету и не особо страдал. Бытовые условия? Они были такими же, к каким он привык в ночлежках и своих «коммунах». Только теперь даже матерые блатные безоговорочно признали его «авторитетом». Еще бы! Вожак эдакой группировки! Такой только мигнет — и пыль от тебя останется. Да и сам он вел себя в тюрьме соответствующим образом. Как хозяин. И его слушались, повиновались, заискивали перед ним.

Надо сказать, режим в царских местах заключения был куда мягче, чем потом в советских. И передачи регулярно разрешались, и свидания с родственниками дозволялись, и прогулки были многолюдными, продолжительными. Арестантам предоставлялась возможность порезвиться, поиграть в лапту или в мяч, размяться, поболтать во дворе друг с другом. За свои деньги можно было заказать администрации какие-то покупки в магазинах. Камеры запирались только на ночь — днем сидели с открытыми дверями. В тюрьму доставлялись книги в любых количествах и практически любого содержания.

А Свердлова сокамерники сразу же избрали старостой. Это давало право представлять других заключенных перед администрацией, что через него теперь шли все деньги и передачи с воли. Что ж, он не отказывался и без стеснения пользовался такими правами. Сохранилась фотография — Яков Михайлович в пермской тюрьме. Здоровенные мордовороты-уркаганы робко жмутся с краешку, а низенький тщедушный очкарик Свердлов вольготно, по-хозяйски восседает в центре, на первом плане. Он здесь главный. Пахан.

Сразу же он установил каналы тайной связи с волей. Впрочем, они тогда существовали, вполне отлаженные, в любой тюрьме. Как и каналы связи между камерами, отделениями. И в первый же день Свердлов вздумал готовить побег. На прогулке бесцеремонно подозвал самого высокого блатаря по кличке «Потап», залез ему на плечи и стал измерять высоту стены. Потом подключил еще кучу зэков, распределяя их по росту, и принялся дрессировать их строить «слона». Самые высокие и крепкие внизу, на плечах у них люди поменьше и так далее. Подкупили одного из часовых, товарищи должны были ждать снаружи с лошадями. Конечно, таким способом мог убежать только один человек — тот, кто будет на самом верху «слона». Яков Михайлович. А не те, кто внизу. Их дело — всего лишь подставиться. Они и подставлялись послушно.

Готовился и запасной вариант. С воли передали тонкие пилки, и урки по команде «товарища Андрея» столь же послушно пыхтели, перепиливая решетки. Но администрация, видать, что-то пронюхала. Сперва часть зэков, игравших в «слона», отправили в другую тюрьму, а потом и самого Свердлова перевели в Нижнюю Туру, в Николаевское исправительное арестантское отделение. Где теоретически его должны были содержать в одиночке. Но это было благими пожеланиями. Там его тоже сразу избрали старостой, и он

получил право ходить по камерам и общаться со всеми заключенными. Под предлогом изучения их нужд.

В принципе Свердлову очень повезло — в том, что его арестовали в июне. Потому что в августе Столыпин провел закон о военно-полевых судах, которые могли отправлять экстремистов на виселицу без долгой волокиты и без права на апелляцию. Правда, под действие этих судов попадали только террористы, захваченные на месте преступления, по горячим следам, с оружием или изобличенные другими явными уликами. Но ведь и Яков Михайлович руководил крупной боевой организацией, налицо было и оружие, и прямые улики. Так что теоретически под военно-полевой суд его дело можно было подогнать. Однако случилось как случилось. Расследование пошло через обычные судебные инстанции и… застряло. Да-да. О его деятельности прекрасно знали полиция и жандармерия, доказательств его вины было хоть отбавляй. И каких доказательств! Типография, склад оружия, финансовая ведомость. Но всего этого оказывалось… недостаточно. И следствие никак не смогло собрать на него материалы для передачи в суд.

В чем же дело? Почему не получалось осудить преступника, известного всему Уралу? Да по той же самой причине, по которой не удавалось осудить Аль-Капоне и прочих «крестных отцов». При столь широкой, повсеместной известности, против Свердлова не находилось ни одного свидетеля! Свидетели — они же жить хотели. А возможно, что и сами судебные следователи о своей судьбе и о судьбе близких подумывали. Не желали проблем наживать. Не исключено, что и на лапу получили.

Действительный статский советник В. Г. Орлов в 1906–907 годах работал судебным следователем в другом «рабочем районе», в Лодзи, и в своих воспоминаниях очень ярко описал, что там творилось. В его кабинет чуть ли не ежедневно в открытую заявлялись всякие сомнительные личности, предлагая различные формы взяток. Свирепствовал террор — «убивали полицейских, разоблаченных тайных агентов». А любой свидетель, осмелившийся открыть рот для изобличения преступников, был обречен. Удалось, например, разгромить организацию социалистов, перевербовав двоих из них, братьев Фремель. После чего им пришлось жить в полицейском участке. А при перемещениях по улице их охранял конвой казаков. Но во время одного из выходов из окна вылетела бомба, трое казаков и два полицейских были убиты, восемь казаков, несколько прохожих и Фремели тяжело ранены. Старший, Август Фремель, выжил, но через неделю революционеры его выследили и зверски прикончили — вбили в голову восемь 120-мм гвоздей и повесили. «В то беспокойное время мы каждый день узнавали о людях, вступивших в конфликт с рабочими и отправленными к праотцам какой-то тайной организацией» (Орлов В. Г. «Двойной агент», М., 1998).

Но и на Урале творилось то же самое! Если не похлеще. Свердлова-то посадили, но созданная им могущественная организация сохранилась и действовала. Она как раз и развернулась в полную силушку уже после его ареста. Один за другим следовали масштабные «эксы» — два миасских ограбления (взято 135 тыс. руб., убито и ранено несколько десятков человек), ограбление самарских артельщиков (взято 200 тыс.), ограбление почтового поезда (25 тыс.), нападение на транспорт, перевозивший деньги (взято 12 тыс., четверо ранено), нападение на пассажирский пароход «Анна Любимова» (убито 4, ранено 3 человека, взято 30 тыс.)

Только в 1906–907 годах в областной комитет партии боевики передали 40 тыс. рублей, а в ЦК — 60 тыс. В ноябре 1906 г. в Финляндии прошла Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП — она проводилась на средства, предоставленные именно уральской мафией. И на эти же средства издавались материалы конференции. Их, кстати, передали в тюрьму Свердлову, он изучал их с большим интересом. Куда внимательнее, чем решения IV съезда партии.

Террор на Урале шел жесточайший. Убивали тех, кто отказывался платить рэкет — как прикончили подрядчика Русских. Убивали неугодных руководителей предприятий — как

директора Надеждинского завода Прахова и главного инженера. Убивали «черносотенцев». А против полиции шла настоящая война. Убивали постовых, патрульных, делали ложные вызовы и устраивали засады. Были террористы, которые имели особую специализацию — охотиться на стражей порядка. Один из них, Глухарь, убивал их всегда одним способом, пулей между глаз. Павел Ермаков не только убил сотрудника полиции Ерина, но еще и отрезал ему голову…

И как раз подобный разгул бандитов по всей стране заставил Столыпина обратиться к крайней мере, военно-полевым судам. Они действовали всего 8 месяцев, и было казнено 1100 человек. «Общественность» выла. Горький, Короленко и прочие «гуманисты» размазывали слезы, объявляли, что им «стыдно жить». В международных кругах Россию мешали с грязью. Хотя от рук террористов погибло 768 только лишь начальников и высокопоставленных должностных лиц — губернаторов, градоначальников, судей, командиров частей, офицеров. А рядовых полицейских, жандармов, солдат, казаков и простых граждан — многие тысячи. Ценой безжалостного и быстрого уничтожения немногих извергов и убийц Петр Аркадьевич смог навести порядок в стране.

Но дело Свердлова, как мы уже говорили, шло по другим инстанциям. И тянулось целых полтора года. Суд состоялся только осенью 1907 г. Адвокаты, разумеется, были отличными, с хорошо подвешенными языками (и хорошо оплаченными). Доказательства обвинения, ясное дело, оказывались «слабыми», рассеивались и разметались защитой. Убийство Свердловым рабочего Пятницкого доказать так и не удалось. Судьи, конечно, жить хотели. И присяжные жить хотели. Ну а в результате руководитель террористической организации, охватывавшей весь Урал, за создание «преступного сообщества» с целью «государственного переворота» получил… угадайте, сколько? Получил он… два года крепости.

Крепости — это означало тюрьмы. В отличие от каторги. От каторжан требовалось работать, а если давали крепость — просто сидеть. Правда, предварительное заключение Якову Михайловичу не зачли. Итого получилось — три с половиной года. Всего-навсего. Его жене и помощнице Новгородцевой отвалили год крепости. Тоже без учета предварительной отсидки. Итого — два с половиной…

Ну что ж, Свердлов отправился обратно в камеру. Уже не в одиночную, как будучи под следствием, а общую. И продолжал жить вполне безбедно. Сидел в пермской тюрьме, потом перевели в екатеринбургскую. Его по-прежнему неизменно избирали старостой. Во взаимоотношениях с администрацией он держался нагло, самоуверенно. Большевик Н. Давыдов вспоминал: «Надобно было видеть каким тоном разговаривал он с начальником (тюрьмы. — Авт.). Его требования были решительны и категоричны и подтверждены угрозой вызова прокурора…» И администрация пасовала, уступала во всем. Ну его, лучше не связываться. Не тронь — не воняет.

Впрочем, сохранились и воспоминания другого рода. Дневник социал-демократа Н. А. Чердынцева, которому не повезло — сидел вместе со Свердловым и Теодоровичем. Он описывал, что они установили в тюрьме собственную диктатуру. «На воле… эти… товарищи держат себя так же, как сейчас в тюрьме… Теодорович — хулиган форменный, хотя и был членом ЦК РСДРП. По такому типу можно судить, могла ли существовать эта партия в качестве политической силы. «Раз не по моему, плюю на все и вся. А хорошо ли я делаю — это тоже никого не касается».

Свердлов, по словам Чердынцева, был истинным паханом. Постоянно общался с уголовниками, шептался с ними о каких-то тайных делах. Искренне веселился и смеялся, слушая рассказы мошенника-еврея о том, как тот надувал русских крестьян. Пользуясь правами старосты, деньги и передачи с воли Свердлов узурпировал, установив «коммуну» — все в общий котел. Которым заведовал сам. Решая, что заказать через администрацию, на что потратить чужие деньги. Во всех тюремных конфликтах и разборках Свердлов и Теодорович поддерживали только «своих», независимо от того, какую подлость они сделали. И слово Якова Михайловича было — закон. Чердынцев писал: «Вся эта манера изображать из себя что-то

важное, имеющее силу и волю везде, могущее карать и миловать, я считаю за признак низости ума и сердца».

Одним из любимых развлечений двадцатилетнего пахана были крысы. Свердлов организовал среди зэков «дружину» для их истребления. Но дружинники должны были не убивать крыс, а ловить живыми. После чего начиналось самое «интересное». Крысу либо торжественно вешали, либо топили в параше — кидали в жижу и отталкивали от краев, не давая выбраться. Яков Михайлович и его окружение при этом хохотали от души.

Но когда Свердлов занимался — ша! Все уркаганы и блатари не смели нарушить тишину и ходили на цыпочках. А он действительно занимался. Пополнял свое незаконченное образовании. Изучал немецкий и французский. Заказывал книги (за «общие» деньги) — те, что считал нужным. Ему передавалась литература вплоть до работ Маркса, Плеханова, Парвуса, Ленина. Это вполне легально, это было можно. Заказывал он и художественное — книги Гейне, Гете. Их разбирал в подлиннике, с немецкого.

А нелегально в тюрьму передавались резолюции партийных съездов, конференций. И Свердлов организовывал «кружки самообразования» и «дискуссии», просвещая политических. Хотя чужие мнения его не интересовали. Он диктовал свои. А кто был не согласен — попробуй поспорь в такой обстановке. Как уже отмечалось, в местах заключения существовали и внутренние каналы связи. Благодаря чему Яков Михайлович регулировал заключенных по всей тюрьме. Например, назначив «ответственной» по женскому корпусу Новгородцеву.

Контакты с другими зэками, как с политическими, так и с урками, Свердлов вел очень активно. Обрастал новыми знакомствами. Примечал тех, кто может быть полезен, и при выходе их на волю давал те или иные задания. Обрабатывал и вербовал себе в камерах новых соратников. Словом, работал на будущее.

7. «Романтика»

В начале 1909 года, когда Свердлов еще отдыхал на нарах, за рубежом впервые прозвучало предложение о введении его в Центральный Комитет партии. Предложение, скажем так, довольно странное. И прозвучало оно из уст странного человека. По фамилии Гольденберг. Который не замечен ни в каких делах и свершениях партии, ничем не отличился, не имел никаких заслуг. И вообще в воспоминаниях революционеров он почему-то почти не фигурирует. Но при всем при этом являлся членом ЦК. Хотя абсолютно непонятно, как он туда попал, кого представлял и чем занимался. И вот он-то, приехав в Женеву, принялся взахлеб рассказывать о «товарище Андрее» и убеждать всех, «что это был бы настоящий цекист». Что само по себе тоже странно. Свердлов оставался еще «мальчишкой», возраст — 23 года. И являлся он всего лишь одним из террористических «полевых командиров». Такие же, как он, действовали и в других регионах России. Да и сделал он не так уж много. Успел только организовать сеть, а дальше сел, и почти все «подвиги» уральских боевиков совершались без него. За что же такая особая честь?

И тут напрашивается одно предположение. На первый взгляд, может быть, не совсем логичное. Сопоставить карьеру Якова Михайловича со странной судьбой еще одного его брата. Беньямина. Дело в том, что он, едва достигнув совершеннолетия и закончив гимназию, по доброй семейной традиции Свердловых тоже ушел из дома. Ну в этом-то никаких загадок нет. Это уже не загадка, а закономерность. Подтверждение далеко не ангельского характера папаши, раз от него все дети спешили разбежаться. Но Беньямин не повторял путей ни Зиновия, ни Якова, а нашел третий. Уехал в Америку. И в довольно короткое время, не более 10 лет, стал там… владельцем «небольшого банка».

Простите, это что, голливудская сказка? О бедном еврейском мальчике, который ножкой в драном ботинке ступил на «землю обетованную», нашел на дороге сапожную щетку, примостился на обочине чистить обувь и выбился в миллионеры? Но даже в голливудских сказках состояния сколачивают под старость, после долгого и упорного труда. Правда,

Беньямин тоже, вроде бы, орудовал в поте лица. Разные источники, хотя и в общих словах, неопределенно, упоминают, будто он занимался продажей оружия в Россию, закупкой русских мехов. А на какие шиши он начал такой бизнес? Неужто папа-гравер от своих щедрот капитал отвалил? И никаких дядюшкиных наследств Беня не получал. Оно бы ему и не светило при наличии стольких других родственников. И, кстати, что это за чушь — «небольшой банк»? Неужели он смог бы существовать в такой стране, как США? Как он конкурировал бы с «большими» банками? И кто бы этому «небольшому» свои средства доверил?

Но давайте вспомним, что Беньямин из всех братьев был ближе всех к Якову, был вовлечен в политику, они вместе арестовывались на демонстрации в 1902 году. И не составил ли Яков Михайлович братцу протекцию? Не снабдил ли его нужными рекомендациями? Нет, не личными — «товарищ Андрей» был еще слишком мелкой сошкой. Но, предположим, замолвил словечко перед Ярославским? А еще лучше — перед Парвусом, Троцким или кем-то еще из высших партийных боссов. И Беньямин в Штатах уже знал, куда обратиться. А в этом самом «куда» оценили, прикинули и сочли, что он пригодится в качестве подставного лица…

Ведь в таком случае все сходится. Потому что поставками оружия в Россию, тех же бельгийских браунингов, маузеров, «партизанских» карабинов занимались, конечно, не концерны-производители. Деятельность оружейных концернов — это была политика. Их поставки в то или иное государство оговаривались на правительственных уровнях. А частная лавочка Беньямина Свердлова — почему бы и нет? Это ее бизнес, ее «гешефт». Кстати, и «небольшие» банки обычно создавались большими и даже очень большими. Специально для сомнительных операций. Допустим, если солидные господа финансисты, наподобие Шиффа, Куна, Лоеба, не нарушают дружественного правительственного курса в отношении России. А куда идут средства из «небольшого» частного банка — кому какое дело?

Однако «силы неведомые» не могли не оценить ситуацию и с другой точки зрения. Один брат в Америке, их подручный, другой — в России, «полевой командир». Разве плохой расклад? Почему бы не сделать российского брата «своей» фигурой? И не продвинуть его повыше? В общем с большой долей вероятности можно предположить, что к 1909 году «силы неведомые» уже заметили Якова Михайловича и начали делать на него ставку. Хотя ЦК РСДРП воспринял предложение Гольденберга без особого энтузиазма и оставил без практических последствий. Но ведь и это важно, первый раз подтолкнуть. Запомнится. Потом второй толчок будет, третий…

У самого же Свердлова целую треть жизни, одиннадцать с половиной лет, можно охарактеризовать крылатой фразой из фильма «Джентльмены удачи». Помните: «Украл, выпил — в тюрьму, украл, выпил — в тюрьму… Романтика!» Но с поправочкой — Свердлов не пил. Принципиально, ни вина ни водки. Заявлял, что «искусственно подбадривать себя нужно лишь людям со скучной душой». Хотя в дополнительных стимуляторах все же нуждался, курил он очень много, одну за одной. Но если убрать слово «выпил» и заменить «украл», фраза очень точно отражает период с июня 1906 по февраль 1917 года. Вышел, чуть поработал — в ссылку, удрал, чуть поработал — в ссылку…

После совместной отсидки его супруга освободилась в сентябре 1908 года. И по указанию Якова Михайловича уехала в Санкт-Петербург. Установила связи со столичной социал-демократией, устроилась на работу, сняла квартиру и стала ждать мужа. Он вышел на волю в сентябре 1909 года. В Екатеринбурге товарищи по партии и друзья из «либеральных интеллигентов» снабдили его деньгами, приодели, и он выехал в столицу. И становится понятно, почему он направил туда жену — он решил податься за рубеж. Впрочем, не он один. После провала революции 1905–907 гг. большинство партийных активистов предпочли перебраться в эмиграцию — Каменев (Розенфельд), Троцкий, Зиновьев (Радомысльский, в нек. источниках Апфельбаум, но это псевдоним), Парвус, Литвинов (Валлах), Красин, Лубоцкий-Загорский, Юровский и др.

Ну а у Свердлова братец в Америке уже успел на теплое место пристроиться, было к кому податься. Он писал: «Убедился в громадном значении для меня этой поездки. Дело за финансами». После краткого свидания с женой, заблаговременно наладившей для него нужные контакты в Питере, Яков Михайлович сразу отправился в Финляндию к Сергею Гусеву (Якову Драбкину), державшему там перевалочный пункт для связи с зарубежьем.

Но… на этот раз денег для Свердлова не находится. Его боевики десятки тысяч в фонд ЦК отваливали, а их вожаку не дают небольшую сумму, чтобы покинуть Россию! Складывается впечатление — то ли «силы неведомые» вмешались, чтобы и впрямь не удрал к брату в Америку, а кому он там нужен? То ли ЦК заартачился — не всем же в эмиграцию бежать, надо кому-то и на родине оставаться. Заодно и проверить, что за человек, раз его в руководство партии рекомендовали.

И вместо денег на поездку Свердлов получил «повышение» внутри России. Еще во время декабрьского восстания в 1905 году была разгромлена Московская парторганизация, ее лидеров во главе с Землячкой-Залкинд пересажали. Восстановить ее пытался В. М. Лихачев. Но в декабре 1908 года и его организацию замели. Вот Свердлову и было поручено реанимировать структуры Московского окружного комитета РСДРП и областного бюро РСДРП. Хотя ранг его остался прежним — агент ЦК. Разве что место важнее Урала.

Он и отправился в Первопрестольную. Выискивать тех, кто еще не за решеткой, подбирать новых активистов, сколачивать в организационные структуры. Но после восстания, после убийства великого князя Сергея Александровича и других терактов службы полиции и Охранного отделения в Москве работали четко и бдительно. А Яков Михайлович был очень уж заметной и активной фигурой (служба наблюдения присвоила ему шифр «Махровый»). И едва стоило ему восстановить Московский комитет партии, 13 декабря 1909 года собрать на первое заседание, как скопом всех и накрыли. Прямо на заседании, где председательствовал Свердлов. Погуляв на свободе лишь три месяца, он опять очутился за решеткой.

Протоколы его задержания и допросов сохранились. Он и в этот раз в графе «вероисповедание» указывал «иудейское». Но давать какие бы то ни было показания отказался. А весомых улик у следствия теперь вообще не было. В Москве он натворить практически ничего не успел. А редкая память позволяла ему не вести никакой документации, всю информацию держать в голове.

В Москве в это время училась младшая сестра Якова, Сарра (тоже из дома поспешила улизнуть). Через нее Свердлов установил связь с товарищами, с женой, примчавшейся из Питера. Следователи же копались-копались, но даже для передачи дела в суд материалов на этот раз не набиралось. А без суда, в административном порядке, по российским законам ему грозила только ссылка.

И «товарищ Андрей» до того обнаглел, что 17 марта 1910 года подал в Департамент полиции прошение: «Отбыв незадолго до своего ареста три с половиной года тюремного заключения, я сильно расстроил свой организм. В настоящее же время, с наступлением весны, болезнь легких особенно усилилась. На основании изложенного и обращаюсь в Департамент полиции с просьбой заменить мне ссылку в отдаленные места империи, если таковая будет назначена, разрешением выехать за границу». Ох, все же хотелось ему за рубеж вырваться! Ну очень хотелось.

Тюремного врача, вероятно, подкупили, и он выдал соответствующее заключение — будто у Свердлова чуть ли не туберкулез легких. Словом, чего несчастного парня гонять? Пусть уж едет помирать на чужбину. Глядишь, меньше вони в прессе будет. Но в Департаменте полиции на порыв арестованного удрать посмотрели иначе, наложили резолюцию: «Прошение оставлено без последствий». И 31 марта министр внутренних дел вынес постановление о ссылке Якова Михайловича в Нарымский край сроком на три года.

Нарымский край — это часть нынешней Томской области и Ханты-Мансийского автономного округа. От Томска — вниз по течению Оби. В конце апреля Свердлов прибыл в Нарым, где «отдыхали» многие его товарищи по партии. Косарев, Куйбышев, Краевский, Кучменко. Но особенно близко «товарищ Андрей» сошелся здесь с другим человеком. С Шаей Исааковичем Голощекиным (партийный клички «Филипп», «Филиппов», «Жорж»). Личность это была весьма темная и сомнительная. Он был на 9 лет старше Свердлова, родился в Невеле Витебской губернии, в семье хасидов. Учился при общине в хасидской школе, затем закончил зубоврачебную школу. Но до 27-летнего возраста нигде не работал. Ни единого дня.

Чем он занимался, чем жил все это время, покрыто полным мраком. В принципе, специальность зубного техника была одной из профессий, попадавших под исключение в законе о «черте оседлости». Давала иудею право жить где угодно, и иногда зубоврачебные школы заканчивали только для этого. Может быть, Голощекин стал ассистентом у кого-то из разъездных раввинов — такие были, наведывались в общины, не имеющие постоянных наставников. Может быть, прислуживал при одной из подпольных синагог, существовавших за «чертой оседлости». А может, был обычным мошенником. Его жизненный путь «проявляется» только с 1903 года, когда он прибился к социал-демократической партии. Хотя никаких заслуг перед ней еще не имел. Да и вообще считался человеком неприятным и туповатым. Журналист В. Бурцев, лично знавший Голощекина, писал о нем: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации».

Тем не менее именно к нему у Свердлова почему-то возникли особенно горячие симпатии, они становятся друзьями не разлей вода. Напомню, что род Свердловых предположительно тоже происходил из Витебской губернии. Не исключено, что Якова Михайловича привлекли рассказы об «исторической родине». И уж во всяком случае Голощекин лучше кого бы то ни было мог удовлетворить его интерес к сакральным истинам иудаизма, глубинной каббалистической «мудрости», истолкованию и сути обрядов. Восполнить все то, чего не смогло дать Свердлову усеченное нижегородское воспитание.

Жилось ссыльным в царской России в целом неплохо. От казны им отпускалось по 15 рублей в месяц, немалые по тем временам деньги. Крупская вспоминает, как Ленину в Шушенском на неделю забивали барана, а на следующую неделю, чередуясь, закупали телятину или говядину. Другое дело, что Ленин отбывал ссылку в Минусинском крае, сибирской житнице с великолепными природными условиями. В этом смысле в Нарыме было похуже. Места болотистые, неурожайные, продукты дороже. Зато Нарымский край считался «близкой» ссылкой. «Политических» тут после революционной вспышки было много. У них существовали свои легальные организации — библиотеки, кассы взаимопомощи, школы, столовые, пекарни, облегчающие жизнь. Не было никаких строгостей при проживании и этапировании к месту ссылки, «политические» свободно поддерживали как открытую, так и тайную переписку с Европейской Россией, с другими ссыльными.

Да и оставались в Нарымском крае только те, кто не хотел бежать или кому было лень утруждать себя. Поскольку удрать было легче легкого. Ведь дополнительных сроков за побег не навешивали. Поймают — ну и вернут обратно. Да и что такое «побег»? Перепиливать решетки и пробираться по тайге звериными тропами тут не требовалось. Нужно было только раздобыть деньги, документы и доехать до железной дороги. Если тебя случайно не перехватят при этом, садись в поезд, и след простыл. Для подготовки побегов действовала своя, внутренняя «мафия» — вела организацию через те же библиотеки, кассы взаимопомощи. А документами беглые снабжались централизованно, через… Красный Крест. Либеральная интеллигенция по-прежнему благоволила революционерам и помогала им.

Свердлов, как только разузнал обстановку, сообщил Новгородцевой, чтобы ждала его в Екатеринбурге. Она выехала на родину «в отпуск», а в начале августа там появился бежавший муж. Они даже устроили себе небольшое турне. Отправились в Пермь, оттуда пароходом по Каме и Волге в Нижний Новгород, к отцу Свердлова — единственный раз, когда «блудный сын»

посетил его. Может быть, хотел продемонстрировать жену. Или уточнить координаты Беньямина.

Но насколько сердечной получилась встреча, Клавдия Тимофеевна дипломатично опускает. У отца уже была вторая жена, двое детей от нее, Александр и Герман. И умолчание Новгородцевой красноречиво дополняется фактами: в Нижнем революционная чета задержалась лишь на пару дней. И в дальнейшем попыток заехать в гости к папе никогда не повторялось. Кстати, именно в это посещение, «товарищ Андрей», видимо, познакомился с отцовским работником и родственником Генрихом Ягодой. А где-то в Екатеринбурге или во время речного круиза Свердловы зачали ребенка.

Якову Михайловичу успели сообщить явку в Москве к одному из руководителей местной организации. Но его по каким-то причинам в городе не застали. Клавдия, несколько раз ходившая на разведку, потыкалась в запертые двери, и супруги двинулись в столицу. Куда и прибыли в конце сентября. И выяснилось, что пока они путешествовали, властями была раскрыто и разгромлено большевистское подполье в Санкт-Петербурге. Впрочем, устроились без проблем. Поселились у Глафиры Окуловой, жены свердловского кореша Теодоровича. Клавдия вернулась на прежнюю работу, а Яков Михайлович связался с М. С. Ольминским, осуществлявшим контакты через Финляндию с зарубежными центрами.

В ЦК обрадовались, что в Питере очень кстати появился опытный организатор, и теперь ему поручили восстанавливать уже столичные структуры. Значение этой работе придавалось огромное. Свердлову был дан свой, персональный шифр, переданы запасные, еще не проваленные явки. Большевистские эмигрантские лидеры в пересланных инструкциях требовали поддерживать контакты и с «легалами», с социал-демократической фракцией III Государственной Думы. Но в партии шла жестокая внутренняя грызня, поэтому особое внимание Свердлова обращалось на легальные издания этой фракции — газету «Звезда» и журнал «Луч». Следовало протолкнуть в редакции «своих» сторонников, потеснить конкурентов из других социал-демократических группировок.

Свердлов участвует в пропагандистской кампании, развернутой разными партиями, в том числе большевиками, по поводу смерти и похорон Толстого. Собственноручно пишет листовку по данному случаю. Участвует и в кампании, связанной с внесением в Думу законопроекта об отмене смертной казни. Сделали это либералы, но и другие левые, в том числе социал-демократы, активно поддержали. Законопроект был заведомо непроходной. Смертная казнь в то время не была отменена ни в одном государстве. И закон, по сути — о безнаказанности извергов и террористов, Николай II и Госсовет никогда не утвердили бы, царь был все же умнее Ельцина.

Но суть акции как раз и состояла в том, чтобы лишний раз выставить государя и российское правительство кровожадными варварами. Приложил к этому руку и Свердлов. Он писал: «Смертная казнь — великое зло, но держится оно на другом, еще более великом зле, которое теперь не устранить демонстрациями: оплот смертной казни — господствующий у нас политический строй, и протестовать против смертной казни — значит бороться с самодержавием… И лишь тогда, когда гигантский молот нашей политической и других организаций разрушит самодержавие, тогда мы возвысим свой голос против смертной казни вообще…» Это писал человек, который станет палачом и царя, и тех же либералов, и всего русского народа. Интересно, сам-то он вспомнит о своем «гуманизме» 6–7 лет спустя?

Помощницей Свердлова во всех делах стала супруга. Она выступала и связной, и шифровальщицей. Ее даже и правоохранительные органы не воспринимали как жену. Питерское Охранное отделение сообщало, что «К. Т. Новгородцева оказывала «товарищу Андрею» активное содействие в партийной работе, выразившееся в получении на ее имя партийной корреспонденции Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии и исполняла при Свердлове обязанности секретаря».

Да и то сказать, отношения в революционной семейке царили, мягко говоря, своеобразные. Чтобы не рисковать самому, Яков Михайлович не спешил идти на переданные ему явки, а сперва посылал туда беременную жену. А если ее не возьмут, значит, «чисто», тогда уж она от его имени договаривалась о прямых контактах. Но, несмотря на все меры предосторожности, особо разгуляться в Питере беглому не дали. Он успел здесь поработать всего полтора месяца. 14 ноября 1911 года взяли обоих, Свердлова на улице, а Клавдию дома, когда она, вернувшись с работы, села зашифровывать очередное его донесение в ЦК.

Но меры пресечения для арестованных вновь получились очень и очень мягкими. За недостаточностью улик. Новгородцеву продержали три месяца под следствием. В ее деятельности «секретаря» особого криминала не нашли. Опять же и «непраздная». И ограничились ее высылкой из столицы на родину, в Екатеринбург, под гласный надзор полиции. В связи с приближающимися родами Яков Михайлович часто писал ей из тюрьмы. Как она вспоминала: «Из его писем было видно, что он прочел много специальной медицинской литературы. Он давал мне в письмах квалифицированные советы по гигиене, по уходу за грудными детьми. И одновременно подробно разбирал проблему брака и рождения вообще, ссылаясь на Платона, Томаса Мора, Льва Толстого, на современных социологов».

Правда, столь трогательная забота о женушке и будущем отпрыске не мешала Свердлову прилагать длиннющие списки литературы, которую нужно переслать для него — книги Бебеля, Баруха Спинозы, Маркса, Лассаля, Финна, Парвуса, Бернштейна, однотомник Гейне на немецком языке и вообще «побольше немецких книжек». Тот факт, что любимая супруга осталась без работы, а книги стоят недешево, его, судя по всему, не очень волновал. Как и то, что у женщины накануне родов и сразу после них есть несколько другие дела, кроме хождения по книжным лавкам. 4 апреля у них родился сын Андрей, а 5 мая состоялось решение министра внутренних дел — Свердлова сослать в Нарымский край на 4 года.

Довезли его до Томска, откуда следовало плыть по Оби в Нарым. Меры охраны были совершенно детскими. Уже с дороги или из томской пересыльной тюрьмы Свердлов установил связи со здешней колонией ссыльных, договорился, чтобы ему организовали побег. 18 июня при посадке на пароход «Колпашевец» на пристань подошел ссыльный Туркин. «Товарищ Андрей» собирался удрать «со всеми удобствами», даже чтобы не утратить при этом собственного имущества! И Туркину предстояло взять его чемоданчик. Пользуясь суматохой на пристани, Свердлов нырнул в толпу пассажиров и провожающих и был таков. Но Туркина, отирающегося возле вещей этапируемых и пытавшегося прихватить чемодан, задержали.

Яков Михайлович тем временем исчез, успешно добрался до условленной «крыши» и спрятался. И все же от побега ему пришлось отказаться. Что в советской литературе свалили на врагов-меньшевиков. Вот, мол, сволочи, не снабдили «героя» деньгами и паспортом. В действительности история выглядела чуть иначе. Далеко не героически. Свердлов и впрямь готов был улизнуть, однако томская колония ссыльных возмутилась — ведь в таком случае он подставлял Туркина. Именно поэтому ему не дали денег и документов и вынесли решение отменить побег. Ему волей неволей пришлось подчиниться.

Тогда Свердлов решил разыграть комедию. Деньгами ему товарищи по партии все-таки помогли, но только на проезд до Нарыма. И 22 июня он по почте отправил томскому инспектору письмо — что сошел с парохода «Колпашевец» купить что-нибудь на дорожку, «случайно опоздал» и со следующим пароходом «Василий Плещеев» отбывает «в город Нарым, где и явится к местным властям». Конечно, власти на такое объяснение не клюнули. Осерчали. На следующей же пристани, в Колпашево, его сняли с парохода и посадили к каталажку в селе Тогур. Доложили томскому губернатору Грану, и поскольку за Свердловым уже числился один побег и попытка второго, он сделал единственное, на что имел право. Назначил для поселения самое отдаленное и глухое место, чтоб выбраться потруднее было — село Максимоярское (ныне Белый Яр) на притоке Оби реке Кеть.

В Тогуре содержали Якова Михайловича вольготно — что такое сельский околоток с единственной камерой? Местные ссыльные к нему толпами в гости ходили. Он им о положении в России рассказывал, желающих бежать консультировал, связи давал. И просил подготовить ему самому побег из Максимоярского. Но сделать это оказалось не так-то просто. Туда добирались на лодках, по берегам — глухая тайга и болота. Уже и осень была на носу. Вскоре, оценив ситуацию, Свердлов отписал товарищам, что зимой бежать нечего и думать — это можно было сделать только на лыжах, а на лыжах он не ходок. 600 верст по зимней тайге не шутка, пропадешь ни за грош. Поэтому, мол, бежать надо только летом, на лодках…

Максимоярское, или, как его еще называли, Максимкин Яр, было селом, затерянным в диких болотистых местах, оторванным от мира. Сюда и товары редко завозились, местное население порой страдало от перебоев с продуктами, питалось картошкой, черным хлебом и выловленной в реке рыбой. Но для Свердлова самым тяжелым фактором стало одиночество. В данный момент он здесь оказался единственным ссыльным. Правда, он и с местными жителями сразу перезнакомился, принялся налаживать приятельские отношения. Без дела его натура не могла. Хватался за все подряд. Взялся давать уроки хозяйке дома и еще одной девице, готовя их «на учительниц», усердно лечил остяков (не имея никакого медицинского образования) и прослыл среди них «доктором», задумал даже организовать самодеятельность и поставить с молодежью чеховского «Медведя».

Интересно отметить, что максимоярский священник о. Павел (Покровский) был первым, кто увидел в энергичном и контактном Свердлове нечто нехорошее. Черное, нечистое. А ведь Яков Михайлович был тут далеко не первым «политическим». И, вроде, никакой агитации не вел, никакой революцией крестьян не соблазнял. Но почему-то выделил его о. Павел. В проповедях предостерегал людей от общения с ним, называл его «искусным ловцом человеков в сети диавола». Ну да на открытые изобличения «товарищ Андрей» ответил по-своему. Подговорил неграмотных старшин четырех остяцких родов и от их имени написал донос на священника. Дескать, пьянствует, служит плохо, остяков обижает. А вместо подписей старшины поставили под кляузой свои родовые значки-тамги. Хотя, может, и сам Свердлов их нарисовал, кто проверит в Томске, за тысячу километров?

Но поединок между Яковом Михайловичем и о. Павлом так и остался незавершенным. В Максимоярском Свердлова в первый раз (но не в последний) прихватила совершенно непонятная болезнь. Депрессия, бессонница, апатия. Впервые в его письмах сквозит не то что хандра, а откровенная паника. 20 декабря он пишет: «Ночь почти не спал… Голова работает так плохо, что не сразу смог решить задачки пустяковой, которую задал своим ученицам, прервал занятия и отпустил их. Вчера было так плохо, что охота была заплакать, заохать, не мог заснуть, напрягал все усилия, чтобы не распуститься, сдержал себя…» Через пару дней: «Ночь не спал, к вечеру стало еще хуже… Лихо мне, ох как лихо! И ни одной близкой души, хоть пропади совсем, и не узнает никто скоро…»

Может быть, он симулировал или сгущал краски, чтобы ему помогли вырваться из «дыры»? Мне представляется, что нет. Что ему действительно стало там плохо. Он описывал такое свое состояние уже и позже, постфактум, когда все было позади, и надобность в симуляции отпала. И знаете, какое складывается впечатление? Что он уже не мог существовать без кипучей деятельности, без готового подчиняться и повиноваться ему окружения. И, несмотря на присущую ему колоссальную энергию, он как будто и черпал ее извне! От окружающих! А в Максимоярском даже при попытках вести «общественную» работу оказывалось не то. Необходимой ему отдачи он не получал. И стал чахнуть, загибаться.

Однако пропасть ему, конечно, не дали. Вся колония ссыльных, получая из Максимоярского отчаянные крики души, экстренно и во весь голос забила тревогу. Нарымскому приставу и томскому губернатору посыпались петиции и требования: человек болен, необходимо срочно перевести его в более цивилизованные места! А это было опасно. Вдруг и впрямь помрет? Ведь тут же вся либеральная пресса, Дума, всевозможные «правозащитники»

хай поднимут. Комиссии, ревизии поедут. Да и собственное начальство неизвестно как себя поведет. С большой вероятностью подставит подчиненных. И сам же крайним окажешься. Нет уж, местные власти предпочли перестраховаться. Уже 30 декабря пристав Овсянников направил губернатору просьбу перевести Свердлова куда-нибудь поближе. 14 января Гран удовлетворил ее. И в начале февраля Якова Михайловича в спешном порядке, выделив для дальней поездки стражников и лошадей, примчали в Нарым.

А тут он был не один. Тут жило около трехсот ссыльных. И «товарищ Андрей» оживает и поправляется мгновенно! Как рыба, после пребывания на суше возвращенная в воду. Он снова бодр, энергичен, никаких приступов! Он снова в своей стихии. Агитирует, спорит, участвует в диспутах, сходках, рефератах. Побывал под кратковременным арестом в связи с участием в организации первомайской демонстрации, возили в Томск для дознания. После чего перевели в Колпашево. Но и тут была многолюдная колония, 350 ссыльных, и Свердлов по-прежнему живет привычной для него жизнью.

В Нарымском крае он познакомился и с сосланным сюда Сталиным. Который, правда, почти здесь не задержался. Прибыл в конце июля, а в августе бежал. Свердлов тоже не намеревался устраиваться надолго. Писал жене: «Встретимся скоро, но не в Сибири». Да, даже и пересылка такой информации оказывалась возможной — открыто, по почте.

В конце августа Свердлов и другой ссыльный, Капитон Каплатадзе (его Яков Михайлович прихватил с собой за мускульную силу и умение грести), дали деру из Колпашево на маленькой лодке — обласке. Из Томска в это время шел по реке пароход «Тюмень», должен был причалить у лесной пристани загрузиться дровами. А команде приплатили и договорились, что беглецов примут на борт и довезут до Тобольска. Свердлов и Каплатадзе направились вверх по течению Оби, к этой самой лесной пристани. Но погода портилась, налетел ветер, началась буря. Река разыгралась, и лодку понесло не вверх, а вниз по реке. Спасли бежавших лишь два фактора. Первый — их физическая выносливость. Они смогли продержаться и бороться с волнами довольно долго, пока лодку снесло аж на 80 верст, до следующего большого села, Парабель. Где она и перевернулась. Вторым фактором стал очень громкий голос Свердлова. Крестьяне с берега услышали его крики, выплыли на реку и спасли утопающих.

Полиция их, разумеется, арестовала. 31 августа привезла в Нарым. Посадили в каталажку, но горячо и дружно заступились ссыльные — да вы, мол, посмотрите, какие они измученные и обессиленные, совсем больные. Пусть пару дней отлежатся на квартире, а уж потом вернете под арест, будете разбираться с побегом. Пристав благородно согласился пойти навстречу, разрешил. Однако у Свердлова насчет «благородства» были свои понятия. Привезли «обессиленного» и «больного» с каталажки на квартиру, и он сразу же, 1 августа, удрал. Разжился чужой одеждой, сумел попасть на пароход «Сухотин», шедший в Томск (опять по договоренности с командой или с капитаном).

Но уж на такой наглый вызов местные власти отреагировали мгновенно, всю полицию, всех стражников на ноги подняли. А где же еще искать, как не на пароходе? Когда «Сухотин» причалил в Колпашево, начали обыск и в одной из кают первого класса Свердлова обнаружили — прятался под койкой. Снова арестовали, отправили в Томск. Где уже и не знали, что с ним делать-то? Навешивать новые наказания губернатор не имел права. Держать в тюрьме — тоже. Он к ссылке был приговорен, а не к крепости. А отправь на поселение — сбежит.

И как раз в этот момент в Сибирь вдруг прикатила Новгородцева с ребенком. Обеспокоилась, что муж обещал скоро быть, а все не появляется, вот и решила сама приехать к нему. Разузнала, где он находится, обратилась в жандармское управление. Ох уж обрадовалось начальство! Жена, да еще и с сыном! До того обрадовалось, что впервые официально, в документах, признало ее супругой Свердлова, хотя они нигде не были зарегистрированы. Раз семья тут будет, значит, уже не сбежит!

Власти, подумывавшие о том, чтобы отправить Якова Михайловича обратно в Максимоярское, даже отказались от этой идеи. Начальник жандармского управления самолично подал губернатору рапорт: «Почтительнейше ходатайствую о поселении Свердлова, ввиду окончания навигации, в с. Парабель; к Свердлову прибыла жена Клавдия Тимофеевна Новгородцева с полуторагодовалым ребенком, которая предполагает остаться с Свердловым в ссылке добровольно». Томские жандармы с огромным облегчением усадили воссоединившееся семейство на пароход «Братья», последний в эту навигацию, и отправили в Парабель.

Но… начальство-то любезничало и пошло на послабления, исходя из своей психологии. То есть обычной человеческой психологии. А не психологии свердловых. А он как раз на этом и сыграл. На том, что побега от него теперь не ждут. В канун праздника Св. Николая Чудотворца за две бутылки водки его соратники-ссыльные подрядили крестьянина дядю Семена, чтоб в санях домчал Якова Михайловича до Колпашево. Нашлись добровольцы подпоить «ради праздника» деревенских стражников, чтоб не сразу хватились.

Свердлов благополучно бросил в Сибири приехавшую к нему семью и укатил. От Колпашево у ссыльных была отлажена «веревочка» — доверенные крестьяне-ямщики, за плату довозившие беглых от одного к другому. «Товарищ Андрей» по этой эстафете за день-два доехал до Томска, сел в поезд — и ту-ту-у!..

8. Враги внутренние и внешние

Реформы российской государственности достраивались в 1906–1907 годах. В феврале 1906 г. Государственный совет был реорганизован во вторую, верхнюю палату парламента, причем в него отныне входили не только назначаемые, но и избираемые лица. Совет министров превратился в постоянно действующий орган, возглавлявший работу по управлению страной и рассматривавший законопроекты перед внесением в Думу. В апреле 1906 года были опубликованы «Основные государственные законы Российской империи» — фактически конституция, установившая, что царь осуществляет власть в единении с Госсоветом и Думой, и определившая прерогативы императора: пересмотр основных законов, высшее государственное управление, руководство внешней политикой, верховное командование вооруженными силами, объявление войны и заключение мира, право чеканки монеты, увольнения и назначения министров, помилования осужденных и общей амнистия, объявления местности на военном и исключительном положении. А поскольку I и II Думы оказались совершенно неработоспособны, то 3 июня 1907 г. Столыпин провел новые избирательные законы, которые в общем-то и завершили фундамент реформ.

Но корни революции и вражеской подрывной деятельности выкорчеваны не были. Можно ли говорить о какой-то стабильности и безопасности государства, если главарю террористической группировки давали 2 года или льготные ссылки? Св. праведный Иоанн Кронштадтский предупреждал в 1907 году: «Царство русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, и если Россия не очистится от многих плевел, то она запустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и беззаконие. Виновно и высшее правительство, потворствующее беспорядкам. Безнаказанность в России в моде, ею щеголяют… Везде измена, угроза жизни и государственному имуществу… Бедное Отечество!..»

Были и силы, на которые власть еще могла опереться. Армия, казачество. Да и подавляющее большинство народа. Сами по себе, по инициативе снизу возникали патриотические организации: Союз Русского Народа, Союз Михаила Архангела, Союз Русских Людей, Русская монархическая партия, Общество активной борьбы с революцией, Союз Русских Православных Людей. Те самые, кого поныне презрительно зовут «черносотенцами». Но это слово не было оскорбительным. К «черным сотням» на Руси издревле относили свободных горожан — торговцев, ремесленников, мастеровых, а к «черносошным» —

свободных крестьян. «Черными» они значились из-за того, что платили налоги, в отличие от «обельных», освобожденных от налогов крепостных и холопов.

Союз Русского Народа, объединивший все перечисленные организации, имел свои отделения в 66 губерниях. Во главе его встали доктор Дубровин, художник Майков, купец Баранов, мещанин Полторацкий, помещики Пуришкевич и Марков. В Союз входили много выдающихся деятелей Церкви, известные общественники, писатели, журналисты. Записывались крестьяне, мелкие служащие, рабочие. И численность Союза достигла 3 миллионов человек! Куда там всем революционным партиям вместе взятым!

Один из руководителей патриотов, астраханский купец Тиханович-Савицкий, говорил, обращаясь к либералам: «Грозный призрак Союза Русского Народа, который вас так страшит, не призрак, это — тот самый русский народ поднимается, над чувствами которого вы издевались; и который потребует скоро вас к ответу. Это встает грозный Мститель за поруганную честь России, за ее растоптанное вами знамя. Ни ваша злоба, ни ваши вопли, ни хватанье за правительство не остановят могучий рост Мстителя. Он освободит Россию от вас и выведет ее на тот путь истинной свободы народной, на котором не место вам, презренным обманщикам! Русь идет! Расползайтесь, гады!»

Да, Союз и мыслился не как политическая партия, а как весь народ. Выдвигалась программа — поставить во главу угла ценности Православия и Самодержавия, распустить Думу, созвать вместо нее Земский Собор. И с опорой на «всю Землю» навести порядок на Руси, восстановить истинную православную монархию. Царь принимал Дубровина и некоторых других руководителей, выслушивал, с благодарностью принял и иногда носил значок Союза. Но не более того. Ни малейшей поддержки сверху могучая народная инициатива не получила.

Государь, аристократия, правительство, чиновничество сами оказались заложниками той системы европеизации и «просвещения», которая давно уже внедрялась в Россию с Запада. Николай II, судя по всему, просто не видел, как можно опереться на массовую организацию. И не хотел новых беспорядков, столкновений, крови. Немножко успокоилось — вот и хорошо. Правительство и органы правопорядка откровенно боялись Союза (хотя он оказывал добровольную помощь полиции). Да и что скажет Европа? Опять начнет вопить и хаять русские власти. Чего не желали ни царь, ни его министры.

Даже горячий патриот Столыпин был по своему мировоззрению «западником». И если разобраться, то все его реформы носили чисто либеральный характер! Но не в плане революционности, а в плане ориентации на европейские модели. Кстати, и его жесткость в борьбе с революциями этому не противоречила. Западные государства никогда не церемонились с собственными смутьянами. При подавлении Парижской Коммуны маршал Мак-Магон казнил не тысячу революционеров, как было в России, а 20 тысяч. За неделю. И никто не клеймил его «палачом» и «убийцей» — наоборот, громадным большинством избрали президентом страны.

Правительство взялось резко прижимать деятельность Союза. Да и царь в данном отношении не хотел ссориться с «общественным мнением». Инициативы на местах пресекались, возводились всякие искусственные барьеры и препоны, собрания не разрешались, газеты штрафовались. Судебные органы, прокуратура, адвокатура, насквозь пропитанные либералами, устраивали травлю черносотенных организаций и деятелей, их засыпали судебными исками. В общем происходило то же самое, что происходит и в нынешней России с любой искренней патриотической инициативой. На словах — хорошо, молодцы. А на деле — нет, не стоит. А то ж сразу и телеканализация завоняет, и буши с кондолизами райс и европарламентами что скажут?

От Союза отступилось и «просвещенное» руководство Церкви, Синод принял решение о выходе всех священнослужителей из патриотических организаций. И произошло то, что должно было произойти при подобном отношении. Ведь миллионы простых граждан выступали

не против Церкви, а за нее. Не против верховной власти и правительства, а за них. Они же не могли вступать в борьбу с теми, кого хотели поддержать! Не могли сами превратиться в революционеров! И могучее движение, грозившее смести врагов России, быстро стало глохнуть.

Кстати, и столыпинские военно-полевые суды функционировали совсем недолго. По своим правам казнить захваченных с оружием в руках, попавшихся на подготовке терактов, они карали только мелкую сошку. Не был осужден ни один из политических руководителей заговоров, ни один из руководителей боевых организаций. А потом под давлением отечественной и мировой «общественности» и эту меру поспешили свернуть.

Но тем не менее, даже достигнутая, относительная стабилизация и порядок сказались на состоянии России благотворно. После революции в стране возобновился бурный экономический подъем. Всего же за 13 лет перед Первой мировой войной объем промышленного производства вырос втрое, а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Так, химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля — почти в 700 раз, нефти — почти в 1500 раз. Между 1890-м и 1914 гг. объем внешней торговли утроился, достигнув 3 млрд. руб. В сферах текстильной, легкой, пищевой промышленности Россия полностью обеспечивала себя и вывозила товары на внешний рынок. Она занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна. Лидировала в Европе и российская текстильная промышленность, а экспорт ее в Китай и Иран превышал британский. Одно из ведущих мест наша страна удерживала по производству и экспорту сахара. Развивалось машиностроение — 63 % оборудования и средств производства изготовлялись внутри страны.

По темпам роста промышленной продукции и производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив США, также переживавшие период бурного расцвета. А в целом по уровню экономического развития она уступала только Англии и Германии, догнав Францию, Японию и шагая вровень с Америкой. По объему производства она занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, эти сопоставления на самом деле являются некорректными. Ведь в экономические системы западных держав оказывались включены и их колонии, и за их счет обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. А вот «души населения» колоний в расчет не принимались. И надо думать, что если бы к Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана, Южной Африки и т. д. и т. п., то реальная цифра валового продукта и доходов на душу населения стала бы куда ниже российской.

Начало XX века было поистине «серебряным веком» русской культуры. Вспомните, сколько в это время жило и творило величайших художников, писателей, поэтов, композиторов, музыкантов, архитекторов… Был принят закон о всеобщем начальном образовании. В нашей стране раньше, чем в США и ряде европейских стран было введено социальное страхование рабочих.

Что касается политических реформ, то Россия, как и виделось реформаторам, действительно превратилась в государство европейского типа. Ее граждане имели примерно тот же объем прав и свобод, что в других великих державах. Да, избирательное право было еще не всеобщим — но всеобщим оно в начале XX века не было ни в Англии, ни в США, ни во Франции, везде ограничиваясь системами цензов, социальными, имущественными, половыми, национальными и т. п. барьерами. В России действовало до 50 политических партий, в Думе были представлены даже большевики и эсеры.

Запрещалась только экстремистская и террористическая деятельность. Ну да ведь это вполне нормальное явление. Для сравнения, в других странах под «антигосударственными» или «антиобщественными» понимались деяния очень широкого спектра. Скажем, подавление вооруженной силой не только демонстраций, а даже забастовок широко применялось и во Франции, и в Германии, и в Италии, и в Швейцарии. В России к таким выступлениям относились намного терпимее — в Швейцарии и Германии забастовщиков без разговоров угощали пулями,

а во Франции в 1910 г. бастующих железнодорожников принудительно поверстали в солдаты. Существовала в России и свобода слова. Предварительная цензура была отменена. Осталась лишь карательная — возможность наложения штрафов или закрытия изданий за те или иные противозаконные публикации, но и это практиковалось во всех государствах.

И все же обретенные европейские «свободы» не принесли России ни мира, ни гражданского согласия. Либералам и социалистам их оказывалось отнюдь не достаточно, и Дума находилась в вечной оппозиции к верховной власти и правительству. Почему? А она просто добивалась другой формы государственности. Чтобы правительство формировалось парламентским большинством и было ответственно перед парламентом. Хотя подобная структура власти и сейчас принята далеко не везде — она существует в Англии, а в США и Франции — нет. Но русских либералов интересовал только такой вариант. Чтобы самим получить возможность дорваться до власти. И их очень обижало, что при формировании очередных кабинетов царь предпочитает выбирать администраторов-профессионалов, а не думских болтунов.

Поэтому воспринимать возню либеральной оппозиции как борьбу «демократии» против остатков «абсолютизма» глубоко ошибочно. Взять, скажем, вопрос — кто мешал Столыпину при проведении его либеральных аграрных реформ? «Реакционеры»? Черносотенцы? Вот уж нет. Дума! А кто так и не дал Столыпину ввести земства в западных губерниях? Опять Дума! Только лишь из-за того, что инициатива исходила «сверху». То есть, борьба-то шла не за демократию, а за власть — со стороны тех, кто ее не имел, но хотел иметь. Причем российская политическая борьба имела еще одну характерную особенность. В своих нападках на власть отечественные оппозиционеры постоянно апеллировали за рубеж, к западному «общественному мнению». И всегда находили там понимание. Словом, и в этом отношении происходило то же самое, что творится сейчас.

Кроме думских методов, оппозиция практиковала и нелегальные. Ширилась закулисная возня либералов, подрывная деятельность социалистических партий. Активизировалось масонство, включавшее в себя тех же самых либералов и социалистов. Приведу выдержку из работы Б. Башилова «История русского масонства»: «В период между революцией 1905 года и военным переворотом 1917 года в России работало большое число масонских ритуалов: 1. Русские ложи тайного Новиковского мистического масонства. 2. Русские ложи розенкрейцеров. 3. Ложи реформированного Папюсом мартинистского масонства. 4. Русские ложи «Великого Востока Франции». 5. Русские ложи «Великой ложи Франции». 6. Русские ложи, находившиеся в повиновении Высшего совета старинного шотландского масонства. 7. «Думское масонство», отказавшееся от всякой мистики и обрядности, носившее чисто политический характер и находившееся в повиновении «Великого Востока Франции». 8. Русские ложи ордена «Добрых Храмовников». 9. Русские ложи ордена Филалетов. 10. Украинские ложи розенкрейцеров. 11. Ложи «Великой ложи Украины»… 12. Польские ложи различных повиновений. 13. Ложи еврейского ордена «Бнай Брит». 14. Немецкие ложи в прибалтийских губерниях. 15. Финские ложи в Княжестве Финляндском. 16. Ложи грузинские, эстонские и других национальностей, среди которых мировое масонство всячески стимулировало, как и среди малороссов, сепаратистские стремления».

Итак, мы снова сталкиваемся с картиной глобального масонского заговора, разъедавшего Россию. И предопределившего ее падение? Стоп, вот здесь хотелось бы предостеречь читателя от слишком упрощенного взгляда. Действительная историческая картина была отнюдь не «двухцветной» и отнюдь не простой.

Как уже отмечалось, масонство представляет собой «сеть», но не спаянную и монолитную когорту соратников и единомышленников. Допустим, что общего между такими масонами, как князь Львов, Керенский и Троцкий? Союз между ними (весьма условный) возможен был только до падения царя. А когда Львов возглавил Временное правительство, он стал непримиримым врагом для рвущегося к власти Керенского. Как и Керенский для Троцкого. В России возникали

и «дикие ложи» в нарушение всех масонских правил. То есть не учреждаясь от других, вышестоящих лож, а создаваясь сами по себе, явочным порядком. И правила устанавливали сами, преступая традиции «вольных каменщиков». Например, принимая в ложи женщин или широко пропагандируя свою деятельность (что в масонстве категорически не допускается).

Наконец, когда мы сталкиваемся с описаниями всеохватывающего масонского могущества, стопроцентно верить им не рекомендуется. Даже если они основаны на собственных масонских данных. Потому что одно из главных средств «вольных каменщиков» — ложь. В том числе и о себе. При этом реальные тайны, будьте уверены, чаще всего остаются тайнами. А вовне распространяется только та информация, разглашение коей нужно самим масонам.

И зачастую они сами о себе распускают преувеличенные слухи — дабы создать соответствующее впечатление. Пусть уважают и боятся. Бывает и откровенное вранье отдельных масонов ради персонального самовосхваления. Так, в эмиграции Керенский и Кускова разразились мемуарами, явно стараясь всего навсего набить себе цену. Уж такого наплели о своих тайных связях и былом всесилии, что непонятно становится — как же они очутились за бортом, на «политической свалке»?

Отметим и еще один метод. Точно так же, как КГБ иногда очернял своих врагов и подрывал их позиции, запуская утки о их работе… на КГБ, так и масоны нередко практиковали этот метод. Подобным образом они, например, залили грязью генерала Михаила Васильевича Алексеева. Который на самом-то деле крепко насолил масонству, как международному, так и внутрироссийскому. Его конфликт с международным масонством касался связей Франции и Румынии. В обеих странах правительства состояли из «вольных каменщиков» родственных лож, именно этим объяснялась горячая «любовь» двух государств. И когда Франция, несмотря на противодействие Алексеева, втянула Румынию в войну, наобещав ей немыслимые выгоды, на Россию пошло колоссальное давление, требования снимать войска с других фронтов и перебрасывать на помощь румынам. Михаил Васильевич на давление не поддался. И царя убедил не поддаваться. Но катастрофу Румынии ему не забыли.

А внутренним масонам он прижал хвост в 1916 г., выдвинув проект диктатуры тыла, наведения порядка и жесткой борьбы с дезорганизаторами России. Дожать до введения диктатуры ему не удалось, царь на это не согласился, но Алексеев создал особую следственную комиссию генерала Батюшина, в короткий срок пересажавшую ряд вредителей-олигархов: банкира и медиамагната Рубинштейна (что вызвало скандал на уровне Гусинского), промышленников Шапиро, Раухенберга, Шполянского, сахарозаводчиков Бабушкина, Гепнера и Доброго. Когда же на комиссию покатили бочки купленные либеральные юристы, Алексеев прикрыл ее своим именем, направив министру земледелия и опубликовав в «Правительственном вестнике» официальное уведомление: «Моим распоряжением были арестованы сахарозаводчики Израиль Бабушкин, Иоволь Гепнер и Абрам Добрый за противодействие снабжения армии сахаром, умышленное сокращение выпуска сахара и злонамеренный вывоз сахара за границу…» Достаточно сказать, что после Февральской революции все арестованные очутились на свободе, а члены комиссии Батюшина — за решеткой. А вот Алексеева за такие его действия исподтишка произвели в «масоны» и даже в руководители «военного заговора», обгадив его имя, а потом и память.

Если же разбирать реальные факты, то общее разъедание государства — было. Но представлять дело так, будто кругом, во всех государственных и политических структурах внедрились одни масоны, заняли все ключевые посты и вредительствовали, глубоко неверно. В Думе среди депутатов было 30 масонов. Меньше 10 %. Но оппозиционным было подавляющее большинство Думы! Поэтому неча на одних масонов пенять. Ох как у многих деятелей, никогда в жизни не имевших отношения ни к каким ложам, тоже оказалась «рожа крива». Поскольку гораздо более опасным и губительным оказывалось не прямое, а косвенное воздействие масонства. А именно — пропаганда. Она во все времена являлась мощнейшим

оружием «вольных каменщиков», обрабатывая и формируя так называемое «общественное мнение». А на Россию она шла уже два столетия подряд. Под флагами «просвещения», «цивилизованности», «свободомыслия», «прогрессивных» учений и теорий.

И добивалась куда большего, чем вовлечение в ложи десятка-другого неофитов. Она заражала сотни тысяч людей. Ослабляла национальные устои всего народа. Особенно верхушки. Не сразу, постепенно, исподволь, год за годом, десятилетие за десятилетием. И добивалась своего. Дворянство, интеллигенция, буржуазия по-прежнему оставались православными, но многие начали смотреть на посещение храма просто как на красивую традицию. Зачитывались бестселлерами масона Ренана, «объяснявшего» Евангелия и Деяния Апостолов с рациональной позиции. Запоем глотали книжки Ницше, Папюса и прочих антихристианских авторов. Увлекались спиритизмом, оккультизмом, астрологией, хиромантией. А как согласовать с Православием возникшую среди молодежи моду на самоубийства?

У рабочих вера была покрепче, но и они начинали смотреть сквозь пальцы на то, что их дети обходят стороной церкви, а вместо этого тянутся в социалистические «рабочие школы» — что ж, дело молодое, пусть «просвещаются», авось в люди выйдут.

Конечно же, все россияне искренне считали себя патриотами. Но при этом интеллигенция и студенты переписывали друг у друга стихи Веневитинова:

Грязь, вонь, клопы и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут,
И это русские болваны
Святым отечеством зовут…

И восторгалась ими, это было «модно». Как и сочувствие «революции». Это вошло на уровень «общепризнанного», делить все явления на «реакционное» и «прогрессивное». Причем отождествить «прогрессивное» с либерализмом и западничеством. Как ни крути, снова напрашивается сравнение с сегодняшним днем, когда народ под влиянием пропаганды признает некие «демократические ценности», хотя никто их в глаза не видел, кроме кучки воров. И хотя львиная доля россиян не получила от демократии ничегошеньки, кроме бед и несчастий.

Ну а в начале XX века такая «общепризнанность» взглядов привела к тому, что любой человек, ежели сам себя считал «прогрессивным» и хотел выглядеть таковым в глазах окружающих, перенимал и либеральные взгляды. А взглянув на деятельность либеральных партий, нетрудно прийти к выводу — какая разница, кто там у них был масоном, а кто не был? Все в одну дуду дудели, все были оппозиционными царю и правительству.

Но все же оппозиционные течения были разнородными. И в целом нельзя говорить о простой «арифметической сумме» всех антироссийских сил. Скорее, о их «геометрическом», «векторном» суммировании. Так, большинство либералов, конечно, не желало крушения России. Напротив, они были уверены, что стоит им получить власть, как страна под их мудрым руководством еще больше усилится, чем при царе. А «Запад нам поможет». Сепаратистов интересовало отделение их регионов. Плюс максимальное ослабление России, чтобы она не смогла подавить отделения. Поэтому их планы и планы либералов не совпадали. Социалистов интересовала не только борьба с самодержавием, но и последующая борьба с либералами. За власть. Поэтому они блокировались с кем угодно, в том числе с сепаратистами. А были и силы, желавшие не либерализации, не ослабления России, а однозначного ее крушения. Но либералы в своей слепоте этого не видели, охотно идя на союз с революционерами всех мастей. Желая использовать их как инструмент давления на власть и наивно полагая, что смогут держать их под контролем.

Однако и революционные движения отнюдь не были едиными! Напротив, в ходе революции, во время последующей «реакции» они кололись и дробились. По поводу программ,

по поводу стратегии и тактики, а нередко просто из-за взаимоотношений лидеров. Социал-демократы перессорились с эсерами, эсеры — с народными социалистами и т. д. и т. п. Если спуститься на уровень ниже и взять одну партию, социал-демократов, то и внутри нее единством не пахло. Были большевики, меньшевики, независимо от них держали себя сторонники Троцкого.

Но даже и среди большевизма единства ничуть не наблюдалось. Он делился и почковался на множество группировок и группировочек, и Ленин являлся лидером только одной из них. А были и «ликвидаторы» (сторонники ликвидации нелегальных организаций и борьбы легитимными средствами), «отзовисты» (сторонники отзыва своих депутатов из Думы и перехода к сугубо нелегальной борьбе), «примиренцы» (Зиновьев, Каменев — сторонники примирения с Троцким), «правдисты» (группировавшиеся вокруг редакции «Правды», чья позиция во многом расходилась с ленинской), «богдановцы» (Луначарский и др., соединявшие большевизм с мистикой и богоискательством), были и «ультиматисты», «вперeдовцы», «красинцы»…

И все они ожесточенно грызлись между собой. Такое положение в партии было, конечно, ненормальным. И если в 1906 году на IV съезде произошло формальное объединение различных ветвей социал-демократии, то теперь большевики-ленинцы предприняли противоположную попытку. Сплотиться самим и отмежеваться от «чужих». Троцкий начал организовывать международную социал-демократическую конференцию в Вене. Но Ленин в противовес ему созвал в январе 1912 года свою конференцию, в Праге. Она приняла резолюции, осуждавшие прочие группировки, клеймившие их «оппортунизм», и избрала свой, большевистский ЦК.

Ради солидности, чтобы создать более весомый орган, противостоящий оппонентам, формировался этот ЦК наскоро, без особого разбора. Наводили тех, кто под руку подвернулся и казался «верными». Членом ЦК стал, например, полицейский провокатор Малиновский. Вошел в высший орган партии и столь сомнительный тип, как Шая Голощекин, очутившийся к этому времени за рубежом и попавший на конференцию непонятно от кого. Для непосредственной работы внутри России было образовано еще и Русское бюро ЦК. Тоже скомпонованное из случайных лиц, «на живую нитку». А чтобы сделать эти органы более гибкими (и опять же, более солидными в количественном отношении) было решено пополнять их путем кооптации. Не собирать же каждый раз конференции — это дорого, накладно, хлопотно. Подобная практика и установилась. Вводились те или иные активисты, в том числе находившиеся в России. На одном из первых заседаний в ЦК был кооптирован Сталин.

Но, рассмотрев лагерь «внутренних» врагов Российской империи, надо коснуться и внешних. То есть, по большому счету, мирового масонства. Хотя еще раз подчеркну, что структуры «вольных каменщиков» многослойны. И их позиции в описываемое время были совершенно неоднозначны. Во Франции и Англии масоны составляли весомую силу в правительствах и парламентах. Их ослабление России никак не устраивало. Это было бы для них смертельно. В воздухе пахло войной, один за другим следовали то Марокканские, то Балканские кризисы. Но Франции и Англии была нужна Россия послушная, легко регулируемая. Чтобы не выдрючивалась из-за своих национальных интересов, как впоследствии это делал Алексеев. И Франция с Англией двурушничали. Одной рукой выделяли царскому правительству займы, кредиты, демонстрировали дружбу и поддержку на международной арене. А другой рукой вскармливали и подзуживали либеральную оппозицию. Которая в своем оголтелом «западничестве» давно уже пела с голоса Парижа и Лондона.

Однако сильная Россия была нужна Парижу и Лондону только до поры до времени. Поэтому, так сказать, «третьей рукой», они заигрывали и с сепаратистами, и с социалистами. Хотя российские сепаратисты понимали, что от Англии и Франции реальная поддержка им в ближайшем будущем не обломится. И ориентировались в основном на Германию. По пути с потенциальной военной противницей России, Германией, было и еврейским ложам. Но даже и

в «союзных» западных державах промышленных и финансовых магнатов встревожили бурные успехи нашей страны в развитии экономики. И начался новый виток по активизации антироссийской подрывной деятельности.

Инициаторами выступили уже упоминавшиеся крупные американские банкиры и иерархи ложи «Бнайт Брит» Якоб Шифф, Соломон Лоеб, Кун. В США в 1912 г. состоялся сионистский съезд, на котором Лоеб призвал: «Собирайте фонд, чтобы посылать в Россию оружие и руководителей, которые научили бы нашу молодежь истреблять угнетателей, как собак. Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим встать на колени перед избранным от Бога народом».

Была создана особая организация для развертывания борьбы с Россией и Самодержавием. Начинание охотно поддержал видный британский банкир лорд Мильнер, один из руководителей «Великой национальной ложи Англии». Примкнул и близкий ему клан Ротшильдов — британских, французских и австрийских банкиров. И германские банкиры Варбурги, родственные Ротшильдам… Якоб Шифф поддерживал и укреплял отношения с заметными российскими оппозиционерами — Керенским, Милюковым, Аладьиным.

И в это же время произошло маленькое, почти незаметное событие в партии большевиков. В ЦК был вдруг кооптирован Свердлов. С какой стати его решили ввести в руководящий орган партии, непонятно. Он все еще находился в ссылке. То есть как бы кооптировали «мертвую душу». Кто предложил его кандидатуру, тоже неясно. Протоколы тогда велись отрывочно, а то и вообще никак. Может быть, Голощекин приятеля вспомнил? Как бы то ни было, решение было принято. А в конце 1912 года «товарища Андрея» заочно ввели и в состав Русского бюро ЦК. Можно ли считать, что внезапное возвышение Свердлова и активизация «сил неведомых» совпали по времени случайно? Или?..

9. Туруханская глубинка

В Петербург Свердлов добрался в конце декабря 1912 года. Здесь уже полгода издавалась легальная «Правда», а в октябре прошли выборы в IV Государственную Думу, где возникла целая фракция большевиков — Бадаев, Муранов, Петровский, Малиновский, Самойлов, Шагов. В столицу к этому времени переехала и сестра Якова Михайловича — Сарра, она получила медицинское образование и начала работать врачом. Через сестренку «товарищ Андрей» наводит контакты все с тем же М. С. Ольминским — для связей с зарубежьем, с большевиками-думцами, с редакцией «Правды» — Еремеевым, Бонч-Бруевичем, Молотовым, Савельевым, Самойловой. Узнает, что сам он уже не только член ЦК, но и член Русского бюро ЦК.

Ленин и его соратники появлению в Питере Свердлова очень обрадовались. Дело в том, что легалы из «Правды» вызывали массу неудовольствия в эмиграции. Они стали вести себя как обычная редакция газеты. Публиковали то, что сами считали нужным, формировали номера по собственному разумению, задавали настрой по собственному усмотрению. Видели события совершенно иначе, чем из Женевы, и освещали их отнюдь не так, как хотел бы Ильич. А вокруг «Правды» и фракции Думы складывалась и особая партийная группировка «правдистов» руководствовавшаяся тем направлением, которое определяла газета.

И Ленин надеялся, что столь радикальный революционер как Свердлов сможет стать его «руками» и навести желательный порядок. Он писал Якову Михайловичу: «…Дела в Питере плохи больше всего оттого, что плох «День» (условное название «Правды»)… Если верно, что №№ 1-й и 3-й или 3-й и 6-й стоят за осторожность с реформой «Дня», т. е. за промедление изгнания теперешних редакторов и конторы, то это очень грустно (под номерами указаны депутаты Думы, 1-й — Бадаев, 3-й Малиновский, 6-й — Петровский)… Необходимо посадить свою редакцию «Дня» и разогнать теперешнюю. Ведется дело сейчас из рук вон плохо… Надо покончить с так называемой «автономией» этих горе-редакторов. Надо Вам взяться за дело прежде всего… Взять редакцию в свои руки…»

И Свердлов принялся за дело. Укрылся на квартире Бадаева и Самойлова, не выходя на улицу. Разгонять редакцию не стал — видимо, чтобы не портить отношений. Да и вряд ли его послушались бы. Но его самого неофициально ввели в состав редакции. И он начал подправлять нацеленность «Правды» в более острую сторону. Здесь же, на квартире, пользуясь депутатской неприкосновенностью ее хозяев, стали собираться совещания редакции и Петербургского комитета большевиков.

Ну а его супруга с ребенком, оставшиеся в Сибири, пожили там немного — не поймают ли главу семьи, не вернут ли обратно? Не поймали, не вернули. Они переехали в Томск, дождались письма Свердлова, что он уже в Питере, и тоже отправились туда. Никто им, собственно, не препятствовал, никто не удерживал. Удрал муж — ну и удрал. Как видим, порядки в Российской империи были весьма и весьма мягкими.

Впрочем, Охранное отделение прекрасно знало, где находится член ЦК Свердлов и что делает. Ведь об этом информировал другой член ЦК и депутат Думы Малиновский. Но брать «товарища Андрея» не спешили. Пусть поработает, пусть новые связи выявятся, новые инструкции из-за рубежа поступят. Однако в начале февраля агенты охранки допустили промашку. Не довольствуясь данными от Малиновского, они опросили дворника дома, где засел «товарищ Андрей», не видел ли, не замечал ли чего подозрительного? А дворник переполошился — если в подведомственных ему квартирах проживает «непрописанное лицо», то как бы не нагорело, как бы отвечать не пришлось. И пошел выяснять этот вопрос к квартиросъемщику, к Самойлову.

Свердлов, узнав о расспросах агентов, сразу насторожился и решил скрыться. В ближайший же вечер, когда стемнело, его перевезли на квартиру… к Малиновскому. Которому он проговорился, что это все равно ненадежно. Раз у одного депутата вычислили, то, конечно, и других без внимания не оставят. Дескать, придется исчезнуть более основательно. И в полиции решили — надо брать, пока не ускользнул. Только затруднение вышло, как бы собственного «сексота» не подставить. И директор Департамента полиции Белецкий дал указание Малиновскому перевести Свердлова куда-нибудь на другую квартиру.

Но выручили их сам Яков Михайлович, не намеревавшийся задерживаться под одной крышей, и… приезд Новгородцевой с ребенком. Она как раз в эти дни прибыла в Питер. Нашла Сарру, та связалась с Петровским. У него и наметили встретиться с мужем. 9 февраля Клавдия Тимофеевна перебралась к Петровским, а вечером туда и Свердлов пожаловал. Ну а под утро нагрянула полиция. Даже с депутатской неприкосновенностью церемониться не стали, чтоб не упустить такую птицу. Петровский протестовал, порывался звонить министру внутренних дел, но его гостей арестовали. Словом, и в этот раз «товарищ Андрей» лишь два месяца на воле попрыгал.

Был скандал в Думе. 13 февраля социал-демократическая фракция внесла запрос — по какому такому праву на неприкосновенной квартире задержали «находившегося там знакомого депутата Петровского — Якова Михайловича Свердлова и г-жу Новгородцеву с ребенком»? Запрос поддержали аж 73 депутата! Его обсуждала Государственная Дума, поднялась вонища во всех либеральных газетах. Надо ж, какой «произвол и самоуправство» сатрапов! Беглого преступника арестовать осмелились!

Новгородцеву, правда, долго не держали. За ней значился всего один криминал — она с прежнего места поднадзорной высылки, из Екатеринбурга, уехала без спроса и уведомления властей. И ей снова назначили два года высылки под гласный надзор полиции. А по делу Свердлова следствие шло три месяца. С доказательствами его противоправительственной деятельности, как обычно, было не густо. И в мае он получил пять лет ссылки. Но уже подальше — в Туруханский край.

Клавдия Тимофеевна покинула столицу не сразу. Высылка — это была не ссылка. Человек оставался на свободе, ехал своим ходом. Она и не спешила. Да и власти шли навстречу. То

сын у нее заболел, и к тому же, она опять была беременной. Она оставалась в Питере у Петровских и Сарры, пока не определилась участь мужа. Потом поехала на родину, где в июле родила дочь Веру. Потом пожила в Саратове у сестры Якова Софьи Авербах. И лишь когда оправилась и отдохнула от родов, ей определили место высылки в Туринске.

Неоднократно Новгородцева в своих мемуарах упоминает каких-то «знакомых Якова Михайловича из либеральной интеллигенции», которые в разных местах периодически поддерживали ее, помогали найти «конторскую работу». Кто имеется в виду, непонятно. Может быть, сочетанием «знакомые из либеральной интеллигенции» она завуалировала слово «евреи», не очень принятое в советской печати? Или действительно помогали какие-то либералы, с коими Свердлов поддерживал контакты во время революции? Ни имен, ни должностей этих «знакомых из либеральной интеллигенции» не называется.

Сам же Яков Михайлович в мае был доставлен в Красноярск. По-прежнему он верховодил в любой камере, по-прежнему везде обрастал новыми связями. В частности, в Красноярской пересыльной тюрьме содержалось много бундовцев, польских и литовских социалистов и националистов. Тут Свердлов близко сходится с Викентием Мицкявичусом-Капсукасом, рядом других деятелей, подчиняя их своему влиянию.

Из Красноярска его отправляют пароходом до Енисейска, а оттуда к месту ссылки — в туруханскую глубинку. На Нижний Енисей. Центром края являлось тогда село Монастырское (ныне Туруханск). Это было большое селение. Там имелись школа, больница, почта, телеграф, отделение банка. Но те, кто попадал туда, сетовали о «дикости», об «оторванности» от всего мира. О том, что «письма, газеты, журналы шли сюда свыше месяца» (сейчас и в Подмосковье из Москвы больше месяца идут). Правда, Свердлов сперва был настроен по-боевому, полагал, что надолго здесь не останется. По своему обыкновению еще по дороге начал прикидывать планы побега. Слал жене и товарищам по партии тайные весточки, чтобы вскоре ждали его.

Но по прибытии на место убедился, что это нереально. Из Туруханского края не бежали. Дорога отсюда была одна, по реке. Летом — пароходом или на лодках, зимой — на санях. Свыше тысячи километров. Население в редких прибрежных селениях было настроено отнюдь не сочувственно к революционерам, в некоторых селах располагались посты стражи. А главное, в Туруханском крае, в отличие от Нарымского, имелся телеграф. О побеге сразу стало бы известно, и пока будешь выбираться, тебя сто раз перехватят. Ну а бежать без торных дорог, через таежные дебри, енисейскими притоками и волоками — на такое среди политических желающих не находилось. Рисковать собой они не привыкли.

Свердлова поселили в деревне Селиваниха, в 30 верстах от Монастырского. А вслед за ним в Туруханский край был доставлен еще один член ЦК, И. В. Сталин. В Питере они немножко разминулись. Сталин в это время выезжал за границу, четыре месяца работал там с Лениным. А вернулся через две недели после ареста «товарища Андрея» и не без участия того же Малиновского угодил за решетку. Его определили в другую деревню, Костино.

Надо сказать, наличие сразу двух «хронических беглецов» попортило немало нервов местному начальству. Из Петербурга слали указания смотреть в оба и предпринимать все меры, чтоб не удрали. Но Свердлов-то уже отписал коллегам по партии, что собирается смыться! Через Малиновского это стало известно Охранному отделению. А в октябре на заседании ЦК обсуждался вопрос — нельзя ли организовать побег Сталину? Ну и Свердлову заодно. Тоже ведь член ЦК. Что также стало известно правоохранительным органам. И из столицы в Енисейск сыпались новые вводные, инструкции о повышении бдительности и контроля.

Потом где-то что-то напутали и прошла информация, будто Сталин и Свердлов уже бежали. Якобы Свердлова кто-то видел в Москве, откуда он рванул за границу. Из Питера и Москвы летели срочные телеграммы в Енисейск. Начальник Енисейского жандармского управления реагировал, как положено, во исполнение приказаний слал распоряжения туруханскому приставу Кибирову — проверить, где Свердлов и Сталин? Тот проверял,

докладывал. И из Енисейска отписывали по команде — мол, тут они, никуда не делись, и «меры к предупреждению их побега приняты». Но бюрократическая инерция вносила новую путаницу. Одним инстанциям донесли, что ссыльные на месте, а за ними приходили распоряжения других инстанций — проверить, доложить. И снова надо было проверять, отписываться.

Наконец, здешнему руководству надоела подобная свистопляска, и оно вознамерилось решить проблему кардинальным образом. В середине марта 1914 года перевело Сталина и Свердлова в отдаленное селение Курейка, на 180 верст севернее Монастырского. Чтобы и самим местным органам было спокойнее, и перед начальством со спокойной совестью отчитываться — меры против побега действительно приняты.

На этот раз, в отличие от Максимоярского, Яков Михайлович попал в глухомань не один, а с Иосифом Виссарионовичем. Но… они не сошлись! Свердлов писал в Питер: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни…» Да, не сошлись. И причем очень крупно не сошлись. Хотя, стоит заметить, у других большевиков в данный период отношения со Сталиным всегда складывались нормально, Ленин называл его «замечательный грузин».

Впрочем, и Свердлов к нему лез «со всей душой», что называется, без мыла. Несмотря на то, что Сталин был на 10 лет старше его и заслуг перед партией имел куда больше, Яков Михайлович в письмах жене и соратникам панибратски величает его «Васькой» (партийные клички Сталина «Василий», «Коба»). Пытается навязать ему свою помощь и даже покровительство. Но вот «обратной связи» почему-то не возникает. Сталин почему-то отстраняется, не спешит брататься и душу распахивать перед столь милым и контактным человеком! И стена между ними встает нешуточная. Свердлов жаловался жене: «Мы не разговаривали и не виделись с ним».

Что же произошло между ними? Сам Яков Михайлович впоследствии объяснял размолвку весьма уклончиво: «…Мы слишком хорошо знаем друг друга. Что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах… С товарищем теперь мы на разных квартирах, редко и видимся». Версии, озвученной в мемуарах Никиты Сергеевича Хрущева, что, мол, Свердлов был «чистюлей», в Сталин давал тарелки вылизывать собакам, доверять не стоит. Хрущев в своей ненависти к Иосифу Виссарионовичу старался обгадить его даже в мелочах, а таким свидетельствам грош цена.

Куда более правдоподобными выглядят намеки, содержащиеся в воспоминаниях ряда туруханских ссыльных, что конфликты возникали по бытовым вопросам — очередность уборки помещения, приготовления еды, и т. п., и что Свердлов пытался лидировать. Намеки очень сглаженные, неясные. Но представление о характере Якова Михайловича вполне позволяет дополнить картину. Он же привык везде быть паханом. Распоряжаться по-хозяйски, командовать, устраивать «коммуны», где сам же и верховодил. Точно так же хотел подчинить и Сталина. Об этом косвенно свидетельствует и письмо Петровскому: «Если у тебя будут деньги для меня или для Васьки (могут прислать), то посылай…» Сталину действительно помогал ЦК. К примеру, Ленин выслал ему в 1913 году 120 франков. Выходит, Свердлов опять претендовал на роль «старосты», который заведовал бы «общим» достоянием, в том числе и деньгами.

Сталин притязания наглого молодого человека решительно отшивает. И даже называет свою собаку «Яшкой» — не исключено, что в ответ на «Ваську». И, знаете, напрашивается еще одна аналогия. Между Курейкой и Максимоярским. Между священником о. Павлом Покровским и недоучившимся студентом духовной семинарии Иосифом Джугашвили. Случайно ли, что у того и другого Свердлов вызывает чувство внутренней, неосознанной неприязни? Брезгливости, отторжения…

Нет, Сталин своего товарища по ссылке не обличал вслух, не восстанавливал против него крестьян. Просто «отгородился» от него. Прервал контакты. И… у Свердлова в Курейке началась та же самая странная болезнь, что в Максимоярском! Головные боли, депрессия, упадок сил, бессонница. Он писал супруге: «Было скверно. Я дошел до полной мозговой спячки, своего рода мозгового анабиоза. Мучил меня этот анабиоз чертовски». Словом, опять тот же недуг, те же симптомы. Симптомы очень загадочные, но слишком уж похожие на то, будто у Свердлова «село питание», и ему не от кого подзарядиться жизненной энергией…

Но в итоге все разыгралось по прежнему сценарию. В Монастырском о болезни узнали. Ссыльные обеспокоились, забузили, последовали петиции, протесты, прошения. И пристав в сентябре 1914 года вернул «товарища Андрея» на прежнее место поселения, в Селиваниху. Сталина, кстати, не перевели. Он не стонал, не жаловался, и его не вытаскивали. Так и остался в Курейке до конца своего пребывания в Туруханском крае, один. А в Монастырском и окрестных селах было человек двадцать-тридцать ссыльных. И к тому же в Селиваниху, пока Свердлов отсутствовал, загремел его старый приятель — Шая Голощекин! Ну разве затоскуешь, разве пропадешь в таком обществе? И здоровье Якова Михайловича, как и в прошлом аналогичном случае, мгновенно возвращается в норму.

А в Европе уже два месяца громыхала Мировая война. Свердлов ее решительно приветствовал. Еще из Курейки он писал, что «рабочее движение сделает большой скачок вперед. Ужасы войны, ее последствия, тяжелое бремя, долженствующее надавить на самые отсталые слои, сделают огромное революционное дело, прояснят сознание еще не затронутых миллионных масс и в отсталых странах… Да, мы, несомненно, переживаем начало конца России…» Если же что-то его огорчило, то только одно: «Больно ударило убийство Жореса» — социалиста и масона, которого даже в «свободной» Франции сочли такой сволочью, что поспешили прикончить, пока он не организовал удар в спину.

Со своей точки зрения Яков Михайлович, разумеется, был прав. И с точки зрения своего опыта. Война — значит опять, как и в Русско-японскую, будет повод для вмешательства иноземных «сил неведомых», пойдет широкая подпитка экстремистов. Но теперь «товарищ Андрей» уже брал шире. Прогнозировал дестабилизацию и революционные катаклизмы мирового масштаба, а себя явно начал готовить к роли активиста-международника. Заказывал с воли литературу о I и II Интернационале, читал на эту тему лекции среди ссыльных, строил проекты создания нового, III Интернационала. Даже начал писать книгу «Очерки по истории мирового рабочего движения». Но с его неусидчивой, за все хватающейся натурой, нудное и кропотливое дело книготворчества не сладилось, труд так и остался на уровне набросков.

Правда, интересы Свердлова отнюдь не ограничивались революционными. «Мировая революция» — она когда еще будет. И будет ли. А из Туруханки не удерешь, еще сидеть и сидеть. Так не лучше ли использовать годы вынужденного пребывания здесь с хорошей выгодой? Опять же, «политических» много, они разбросаны по разным селениям-станкам на огромном пространстве, это может оказаться удобным. Ссыльный Б. И. Иванов спустя много лет вспоминал: «По инициативе Свердлова возник вопрос об организации в селе Монастырском потребительского кооператива, который должен был охватить все станки Туруханского края. Перед кооперативом ставилась задача: продажа населению товаров, а также скупка у населения мехов, пушнины и рыбы».

Как видим, Яков Михайлович был отнюдь не чужд национальной коммерческой жилки. Ого на какой «гешефт» нацелился! А всех «политических» в свои приказчики поверстать. Можно вспомнить и о том, что брат Беньямин в Америке русскими мехами занимался. Откуда следует, что Яков связи с ним не терял. Но местное начальство прикинуло, что структуры кооператива могут стать «крышей» для каких-то политических дел, организации побегов — тем более что предложение исходило от Свердлова. И создать предприятие так и не разрешило.

Что ж, и без кооператива жизнь в Туруханском крае нельзя было назвать скучной. Свердлов завел обширную переписку и с Питером, и с родными, и со многими другими ссыльными, проживающими в разных местах Сибири. Подрабатывал, написав несколько статей для легальных социал-демократических изданий. Но всего несколько — публицистом он был явно не блестящим. И из того, что он накропал для газет и журналов, проходило далеко не все. Так что журналистские труды стали для него не постоянной, а эпизодической подработкой. «Политические» ходили на охоту, рыбалку. Постоянно организовывали всякие сборища, лекции, заседания за чаем. Посещали праздники местных крестьян. На вечеринках Свердлов всегда выходил плясать — хотя «плясать он не умел, никаких фигур и па не знал». Но азартно прыгал и скакал, как козел, вызывая общее веселье. Может быть, издевался над русскими плясками. Устраивались всякие розыгрыши и над приставом.

Яков Михайлович купил лодку, ездовых собак, путешествовал по Енисею и его притокам — это ничуть не возбранялось. Посещал селения остяков и тунгусов (хантов и эвенков). Снова усердно лечил их, не имея ни лекарств, ни медицинских знаний и опыта — однако прослыл «большим доктором». Даже учил их языки, выписывал в книжечку слова и каким-то образом научился объясняться. Зачем? Для реализации своих проектов кооператива, скупки пушнины? Но для торга знать языки было бы не обязательно. Для таких целей местные жители и приказчики факторий прекрасно обходились русским языком и жестами. Загадка? Да, загадка.

В Туруханском крае проявился еще один неожиданный интерес Свердлова. На пароходах, следовавших через Монастырское, одна за другой ехали различные научные экспедиции. И Яков Михайлович неизменно начинал приставать к их участникам. Переходил от одного к другому, вычислял тех, кто откликался на контакт, выражал готовность к беседе, и, как пишет Новгородцева, «вцеплялся в них с такой силой, устоять перед которой было невозможно». А на обратном пути они уже сами заходили к нему как к знакомому. И… «снабжали Якова Михайловича ценной научной информацией». Потом и из Красноярска слали ему какие-то «книги, нужные для научной работы». Какая «научная информация» могла потребоваться недоучившемуся гимназисту, какую «научную работу» он мог вести — еще одна загадка.

С большой долей вероятности данный интерес мог быть связан с грандиозным катаклизмом, случившимся в этих краях незадолго до приезда Свердлова. Падением Тунгусского метеорита. Действительно, для его поисков, для исследования результатов и последствий катастрофы посылалось много экспедиций. Может быть, и изучение Яковом Михайловичем языков остяков и тунгусов было связано с тем же? С возможностью расспросить их, что-то вызнать. Вам кажется странными сами подобные предположения с моей стороны? С чего бы это Свердлову интересоваться метеоритом? Отгадка данных загадок есть. Но выскажу ее несколько позже по ходу книги. В совокупности с некоторыми другими фактами.

Пока же лишь дополню, что подтверждение такого интереса имеется. Как свидетельствует ссыльный Адольф Тайми, Свердлов сам на двух лодках (вероятно, с Голощекиным и еще кем-нибудь) предпринял путешествие на Подкаменную Тунгуску. От Енисея — куда-то в направлении верховьев реки. То есть в места, прилегающие к зоне падения метеорита. А ведь Подкаменная Тунгуска — это 500 километров от Монастырского (плюс еще сколько-то по самой реке)! Не слабая прогулочка, правда?

Но вернемся к ссыльному быту. Весной 1915 года к Якову Михайловичу приехала Новгородцева с детьми. Он к ее прибытию постарался перевестись из Селиванихи в центр, в Монастырское. А жена в Красноярске через «знакомых из либеральной интеллигенции» смогла получить должность заведующей метеорологической станции (и единственной работницы этой станции). Уровень воды в Енисее замерять, температуру, ветер определять и передавать в Красноярск. Оба подрядились в Монастырском и частные уроки давать местным детям. Так что зарабатывать стали неплохо. И Новгородцева не без ностальгии вспоминала, что только в Туруханском крае они и смогли пожить по-семейному. Приобрели избу из трех комнат с кухней,

купили корову, почти все работы по хозяйству брал на себя Яков Михайлович, отдаваясь этому с присущей ему энергией…

Однако за пределами Сибири события кипели и бурлили. Уже через несколько месяцев после начала войны была арестована большевистская фракция Думы — за враждебную пропаганду. В прокламациях, распространявшихся «народными избранниками», открытым текстом писалось: «Для России было бы выгоднее, если победит Германия». А при обысках обнаружились полные наборы шпионских аксессуаров — наборы подложных паспортов, шифры, листовки. Весной 1915-го состоялся суд над Бадаевым, Мурановым, Петровским, Самойловым, Шаговым и проходившими с ними по одному делу Линде, Яковлевым и редактором «Правды» Каменевым (которого прислали из-за рубежа подтянуть «правдистов», чего не смог сделать из-за ареста Свердлов).

В любой западной демократической стране, вроде Франции, по такому обвинению и при таких доказательствах всех их без долгих разговоров расстреляли бы. Но в России — куда там! Вся либеральная «общественность» хай подняла из-за того, что вообще посмели депутатов арестовать. Западные круги тоже «озабоченность» высказали столь вопиющим нарушением демократии. Приговор ограничился ссылкой. Ленин, кстати, процессом остался очень недоволен. Поскольку подсудимые вместо того, чтобы превратить суд в трибуну обличения, старались выгородить себя и смягчить вину. Особенно ругал «т. Розенфельда» (Каменева), перетрусившего и старавшегося доказать, что его личная позиция не совпадает с линией ЦК.

Свердлов, еще не зная мнения Ленина, писал примерно то же: «Процессом депутатов я не очень доволен. Он должен был быть иным, более ярким, сильным. Надо было совершенно отбросить мысль получить минимальный приговор». (Ну разумеется, судили-то не его. Сам Яков Михайлович почему-то никогда не «отбрасывал мысль» выкрутиться по минимуму). Летом всех осужденных прислали туда же, в Туруханский край. Были собрания ссыльных вместе с прибывшими, разборы процесса. Каменева и здесь критиковали. Однако депутаты и их подельщики пробыли тут недолго. Российская «общественность», Дума, средства массовой информации продолжали шумиху, и власти засуетились смягчить даже столь мягкую меру наказания. В конце лета осужденных перевели в Енисейск и расселили по крупным, вполне благоустроенным городам Сибири.

А подрывную работу против России арест думской фракции большевиков ничуть не остановил и не сократил. Она разворачивалась по разным каналам. Противники, например, рьяно взялись разыгрывать «украинскую карту». Австрийский канцлер Бертольд указывал: «Наша главная цель в этой войне — ослабление России на долгие времена и с этой целью мы должны приветствовать создание независимого украинского государства». В Германии была создана «Лига вызволения Украины» под руководством пангерманиста Хайнце и особый штаб для контактов с украинцами, который возглавил регирунгс-президент Шверин. Через германские посольства в Константинополе и Бухаресте на Украину стали засылаться эмиссары и агитационная литература. В Финляндии вообще чуть ли не в открытую вербовали добровольцев в немецкую армию. А германский посол в Швеции Рейхенау уже 6 августа 1914 г. получил от канцлера инструкцию — обещать финнам создание суверенного государства.

Важнейшее внимание придавалось и «еврейскому вопросу», его в руководстве Германии считали «третьим по значению после украинского и польского». 17 августа 1914 г. под эгидой правительства был создан официальный «Комитет освобождения евреев России» во главе с профессором Оппенхаймером. Верховное командование германской и австрийской армий выпустило совместное обращение, призывавшее евреев к вооруженной борьбе против русских и обещавшее «равные гражданские права для всех, свободное отправление религиозных обрядов, свободный выбор места жительства на территории, которую оккупируют в будущем Центральные Державы». Аналогичным образом велась активизация грузинских, прибалтийских, северокавказских, крымских сепаратистов. Ну и, ясное дело, получали поддержку врагов социалистические движения.

Подобную работу в России значительно облегчало то обстоятельство, что страна оказалась буквально нашпигована германскими предприятиями. В результате упоминавшегося кабального договора 1904 года немцы глубоко внедрились в русскую экономику, торговлю, банковское дело. В одной лишь Москве действовало свыше 500 германских фирм. И с началом войны они никуда не исчезли — а оказались уже как бы российскими. Сменили вывески, заблаговременно переоформились на русских владельцев. С немцами были прочно связаны или контролировались ими Внешнеторговый банк, Сибирский, Петроградский международный, Дисконтный и Азовско-Донской банки, несколько крупнейших страховых компаний, в том числе общество «Россия». Германские подданные были хозяевами «российско-американской» резиновой компании «Треугольник», обувной фабрики «Скороход», транспортных компаний «Герхардт и Хай», «Книп и Вернер», филиала американской компании «Зингер». Ну а русские электротехнические фирмы даже сохранили названия тех, чьими дочерними предприятиями они являлись — «Сименс и Хальске», «Сименс Шукерт», АЕГ. Хозяева-немцы выехали, но оставили за себя доверенных лиц, которые продолжали выполнять поручения руководства, пересылаемые через нейтральные страны. Контрразведка об этом знала, но… ничего не могла поделать в рамках существующего законодательства.

Все это становилось великолепной базой для шпионажа, экономических диверсий, работы с оппозицией. Оказывалось и влияние на «общественное мнение». Так, гамбургские банкиры Варбурги находились в родстве с российскими банкирами Гинзбургами. Связанными с олигархом Дмитрием Рубинштейном. Который через подставных лиц перекупил газету «Новое Время» — самую популярную тогда среди интеллигенции, считавшуюся самой «смелой», сплошь гонящей всякие «разоблачения» и скандалы (словом, представлявшей нечто вроде нынешнего канала НТВ).

На новый, более высокий уровень подрывная работа против России вышла через посредство Израиля Лазаревича Парвуса — социал-демократа, масона, «героя» прошлой революции. После нее он временно отошел от партийной возни, занялся более солидными делами, сколотил капиталец и устроился финансовым советником правительства Турции.

В данном качестве поучаствовал в подготовке чудовищного армянского геноцида. За этим преступлением тоже стояли «силы неведомые», действовавшие через турецких масонов, входивших в правящую партию «Иттихад». Ход, как обычно водится у «сил неведомых», был многосторонним. Во-первых, армяне являлись главными проводниками пророссийской политики на Ближнем Востоке. Во-вторых, армянский капитал удерживал господствующее положение в ближневосточной торговле, банках. А в-третьих, на армянах держалась вся экономика Османской империи — товарное сельское хозяйство, промышленность, внутренняя торговля.

Соответственно и выигрыш получался трояким. Подрывались позиции России в ближневосточном регионе. Место конкурирующего армянского капитала занимал сионистский. И, хотя резня организовывалась через турецкое правительство, руками турок, но в результате разрушалось хозяйство Османской империи. Что предопределяло ее будущее крушение и распад. В том числе выделение независимой Палестины-Израиля.

Ну а Парвус, поработав на одном поприще, перешел на другое. Весной 1915 года он предложил услуги Германии и представил свою программу: «Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор, пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров».

В Берлине его идеи понравились, и он составил подробный план тайной войны, который одобрили канцлер Бетман-Гольвег, министр иностранных дел Ягов, статс-секретарь

Циммерман, начальник генштаба Фалькенгайн, командующий Восточным фронтом Гинденбург и его начальник штаба Людендорф. Одобрил и сам кайзер. Министерство иностранных дел сразу же выделило Парвусу 2 млн. марок на работу по разрушению России, потом еще 20 млн., а осенью 1915 г. еще 40 млн.

Для достижения поставленных целей Парвус предусматривал консолидацию всех сил, способных вести раскачку России. Он вел переговоры с сепаратистами и националистами всех мастей, централизовав деятельность их разнородных организаций. Соблазнил «дружить» Ленина, гарантировав ему щедрое финансирование. Но не только Ленина, а и Троцкого. И часть меньшевиков — так называемых «интернационалистов» Мартова (в отличие от меньшевиков — «оборонцев» Плеханова). Чтобы объединить эти течения социал-демократии на «общее дело», преодолеть их взаимную неприязнь, в сентябре 1915 г. была проведена Циммервальдская конференция. А в Копенгагене Парвус создал штаб, направлявший и координировавший социалистическую пропаганду. Отсюда распределялись деньги, через Швецию и Норвегию переводились в Сибирский, Внешнеторговый и другие российские банки, связанные с немцами. И шли на финансирование забастовок, стачек, подпольной деятельности…

Тем не менее Россия держалась. Стояла. Успешно преодолела военные кризисы. И стала побеждать, круша на фронтах своих врагов. Естественно, несла при этом и потери. И чтобы возместить урон, понесенный в сражениях Брусиловского прорыва, и подготовиться к решающему удару, намеченному на следующую кампанию, в конце 1916 года был проведен очередной призыв резервистов и ратников ополчения. На этот раз было решено призывать даже ссыльных. Среди них был призван и Сталин. Надел шинель, получил винтовку и стал рядовым 15-го запасного Сибирского полка. Свердлов был намного моложе Иосифа Виссарионовича. И здоровье имел отменное — ради упражнений по нескольку раз переплывал на лодке Енисей в бурную погоду, за сотни километров на веслах путешествовал. Но в армию почему-то не попал. То ли сам счел для себя недостойным шагистикой заниматься и команды на плацу выполнять, позаботился о медицинской или иной «отмазке». То ли власти сочли его более опасным врагом России, чем Сталин. Что ж, если так, то они не ошиблись.

10. Накануне грозы

Но давайте на время оставим Якова Михайловича в сибирской глуши, где ничего особенного, собственно, не происходило, и посмотрим, что творилось в России. В прошлой главе я упомянул о подрывной работе, которую развернули ее противники. Но стоит помнить, что основной вклад в раскачку нашей страны, приведшую к катастрофе Февраля 1917 г., внесли отнюдь не противники. И не большевики с сепаратистами, на которых они делали ставку. Нет, основной вклад внесли российские союзники! И вполне патриотические либералы. Настроения нашей стране царили такие, что пораженческая и пацифистская агитация, финансируемая Германией, не имела и не могла иметь успеха. Поэтому вплоть до Февраля прогерманские эмиссары воздействовали на массы сугубо «патриотическими» лозунгами. Смыкаясь в этом с думской либеральной оппозицией.

Началась-то война вообще единодушным порывом и кажущимся сплочением всей России. Прекратились забастовки. Политические партии прекратили свою обычную грызню, и либералы решили «заключить мир» с правительством. В Думе левый Милюков и правый Пуришкевич публично обменялись рукопожатием, отложив разборки до мирного времени. А национальные фракции — поляки, латыши, литовцы, татары, евреи и т. п., приняли общую декларацию, в которой выражалось «неколебимое убеждение в том, что в тяжелый час испытания… все народы России объединены единым чувством к Родине, твердо веря в правоту своего дела, по призыву своего Государя готовы стать на защиту Родины, ее чести и достоинства».

«Общественность» быстро сорганизовалась для помощи фронту. Возник «Союз Земств и Городов» во главе с кн. Г. Е. Львовым — сперва для помощи больным и раненым, потом он

стал брать на себя и вопросы снабжения армии, привлек для этого 1300 мелких и средних предприятий, десятки тысяч кустарных мастерских, открывал в войсках питательные пункты, бани, парикмахерские. Создавались губернские и фронтовые комитеты «Земгора». Позже было созвано Особое Совещание по обороне из представителей банков, промышленников, общественных деятелей, руководителей военного ведомства. Был организован и Центральный военно-промышленный комитет под председательством депутата Думы А. И. Гучкова, координировавший работу 220 местных военно-промышленных комитетов и объединивший таким образом в общую структуру все заводы и фабрики, работавшие на оборону. Под эгидой ВПК было создано 120 новых заводов.

Однако в искренности патриотических общественников и предпринимателей можно было очень и очень усомниться. «Земгор» и ВПК стали для них первостатейными «кормушками». Скажем, 3-дюймовая пушка, произведенная на казенных заводах, обходилась государству в 7 тыс. руб., а через ВПК — 12 тыс. Барыши русских промышленников на поставках для армии достигали 300 %, а случалось, что и до 1000 %. Изначально капитал «Земгора» составлял 600 тыс. руб., собранных по подписке — постепенно бюджет был доведен до 600 млн., и уже не частных, а казенных денег, требовали их у государства. И «Земгор» выступал, по сути, торговым посредником, имея на этом солидный куш. Оклады земских чиновников были в 3–4 раза выше государственных, а протекающие через них огромные средства расходовались совершенно бесконтрольно, вызывая массу злоупотреблений.

Впрочем, это было общим явлением во всех воюющих государствах, везде промышленники и бизнесмены неплохо грели руки на войне. Но российская либеральная «общественность» держала еще и увесистый камень за пазухой. Рассматривала войну в союзе с демократическими Англией и Францией как предпосылку собственных политических успехов. И утверждалось, что главным итогом должны стать, «не победы царя, а победы демократии». А те же «Земгоры», Особые Совещания и ВПК служили не только для снабжения армии, но и для структурирования оппозиции. Превращались в легальные и разветвленные подрывные организации.

Причем либералы, как и в 1905 г., не стеснялись кооперироваться с экстремистами и радикалами всякого рода, считая их союзниками в борьбе с «царским режимом». Еще весной 1914 г. Коновалов и Рябушинский вели переговоры с больше виками. Передавались деньги, возник совместный «Информационный комитет» во главе с Рябушинским и Скворцовым-Степановым. А при ВПК Рябушинский и Гучков стали создавать «рабочие секции» — якобы для лучшей мобилизации рабочих на выполнение оборонных заказов. Но настоящая цель была хорошо известна. Как докладывал начальник Московского охранного отделения, либералы «думали, что таким способом будет достигнуто приобретение симпатий рабочих масс и возможность тесного контакта с ними как боевого орудия в случае необходимости реального воздействия на правительство». «Рабочие секции» (к тому же выборные!) послужили отличной «крышей» для нелегалов всех мастей.

И «национального единения» хватило, увы, не надолго. Первая массированная атака на власть последовала летом 1915 г. Когда русская армия терпела неудачи. Обусловлены они были, кстати, объективными причинами. К войне не под готовилась как следует ни одна из стран-участниц. Все рассчитывали на скоротечную схватку. Когда же выявилось, что современная война диктует совершенно иные, неведомые доселе правила и принимает затяжной характер, во всех армиях возник «снарядный голод», нехватка винтовок, пушек, техники. И правительства большинства государств принялись экстренно мобилизовывать и перестраивать свою промышленность, дабы преодолеть подобные явления. Но русское военное министерство в главе с Сухомлиновым пошло по пути, как казалось, более легкому и быстрому. Заказало 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, 1 тыс. аэропланов, 250 тяжелых орудий, 27 тыс. пулеметов, 8 млн. гранат, 200 тыс. тонн взрывчатки британской компании «Армстронг и Виккерс». Заказ был принят, контракт подписан — со сроком отгрузки в марте 1915 г. Этого

должно было хватить на летнюю кампанию. Но не получила Россия ничего. По решению правительства Англии «Армстронг и Виккерс» вдруг отказалась поставлять продукцию русским, и все изготовленное пошло на вооружение британской армии.

В результате эдакого «финта» наша армия осталась без боеприпасов. А Германия и Австро-Венгрия как раз в это время перенесли главный удар на восток. Что и стало причиной «Великого отступления». Англия и Франция, помощи не оказали. У них просили начать наступление, оттянуть врага на себя. Но союзники тянули, ссылались на неготовность. Просили оружия — не давали. Добавился и финансовый кризис. До войны у России было два основных источника бюджета — экспорт зерна и винная монополия. Но экспорт шел через южные порты, а путь через Босфор закрылся. А доходы от винной монополии исчезли со введением сухого закона. Союзники в валютных кредитах отказывали.

И все это стало предметом массированного политического шантажа, развернувшегося с двух сторон, извне и изнутри. Резко активизировалась печать, обрушивая шквал нападок на правительство. Премьер-министр Горемыкин говорил: «Наши газеты совсем взбесились. Даже в 1905 году они не позволяли себе таких безобразных выходок, как теперь… Надо покончить с газетным враньем. Не время теперь для разнузданности печати. Это не свобода слова, а черт знает что такое…» Но правительство ничего не могло поделать с прессой! Политической цензуры в стране не существовало, а военная действовала в соответствии с законом и утвержденными циркулярами, освобождающими «военных цензоров от просмотра печатных произведений в гражданском отношении».

Оппозиция цеплялась за любой повод. Возмущалась «преследованиями» галицийских униатов — когда русофоба митрополита Шептицкого выслали из Львова… аж в Киев! Требовала больших прав и бесконтрольности земцам, вновь поднимала вопрос об аресте большевистской фракции думы. В июле открылся съезд «Земгора» и начал нагнетать вопрос… о дороговизне. А затем открылась и очередная сессия Думы, и нападки приняли лавинообразный характер. Протоколы заседаний Совета министров отмечали у Думы полное «отсутствие охоты нести текущую работу над рассмотрением внесенных правительством законопроектов, хотя они и вызваны потребностями обороны, а напротив, склонность к потрясающим речам и запросам».

Муссировались «польский вопрос», «финский вопрос», «еврейский вопрос». При Думе возникла «Коллегия еврейских общественных деятелей», организовалось «информационное бюро», собиравшее все антиеврейские факты и ухитрявшееся доставать даже секретные приказы. Правда, в огромной подборке документов, «информационного бюро», опубликованной впоследствии И. В. Гессеном в «Архиве русской революции», нет ни одного упоминания о фактах каких-либо расправ с евреями или погромов. Но до кучи валилось все — даже распоряжение командира пехотной дружины покупать для солдат качественные конфеты известных фирм, а суррогаты местечковых производителей не брать, как вредные для здоровья.

Причем оказалось вдруг, что «еврейский вопрос» тесно связан с… финансовым. Сообщения о русском «антисемитизме» широко тиражировались и в странах Антанты, и в США. На Россию давили. Банкиры отказывали в кредитах. Даже британский военный министр Китченер настаивал, что «для успеха войны одним из важных условий» является «смягчение режима для евреев в России». И министр финансов Барк вынужден был констатировать, что пока этот вопрос не будет решен, «западный рынок закрыт, и мы не получим ни копейки». 17 августа на заседании Совета министров было принято решение о «быстрых и демонстративных» уступках. «Черта оседлости» была отменена.

Но… этого как будто и не заметили! Западная пресса по-прежнему продолжала антироссийские выпады. А собственная оппозиция — атаку на власть. В августе по инициативе думской фракции прогрессистов, влиятельных промышленников А. И. Коновалова и И. И. Ефимова, был сформирован «прогрессивный блок», объединивший ряд либеральных

партий и групп. И требовавший сформировать «правительство общественного доверия». Подотчетное Думе и состоящее из «народных избранников». Читай — из них самих. Прогрессисты провозглашали: «Только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе». А таковою может быть лишь власть, «опирающаяся на народное доверие» и «способная организовать сотрудничество всех граждан». В резолюциях указывалось на «неспособность правительственного элемента организовать страну для победы». Рябушинский писал в газетах, что для сохранения «великой России» необходима «замена существующего режима правления конституционным», что обеспечит «мощную поддержку буржуазии либеральному правительству».

Аналогичные требования посыпались со всех сторон. И с думской трибуны. И от Московского ВПК. И от «Земгора», Мосгордумы, Биржевого общества, Старообрядческого съезда, Яхт-клуба, Объединенного Дворянства… Впрочем, за этими многочисленными вывесками стояли одни и те же люди. Гучков, Рябушинский, Коновалов, Львов, Челноков, Терещенко и еще десяток-другой. Которые выступали то в статусе депутатов, то лидеров перечисленных организаций — чтобы создать иллюзию «массового напора». Дошло до того, что «Утро России», газета финансовых и промышленных магнатов, требуя отставки правительства, 26 августа запустила «пробный шар», опубликовав желательный список нового кабинета во главе со Львовым.

Пресек эту вакханалию царь. Издал высочайшее повеление, ставящее на место зарвавшихся купцов и заводчиков. Они попытались вручить ему выработанное обращение — он отказался их принять. Обвинениям и критике, катившимся в адрес армейского руководства, Николай II ответил тем, что принял пост Верховного Главнокомандующего на себя, заявив: «В такой критический момент верховный вождь армии должен стать во главе ее». А 15 сентября подписал указ о роспуске Думы. И никакой гром не грянул. Никаких предрекаемых революций и возмущений не случилось (отсюда, кстати, видно, какой на самом деле «всенародной поддержкой» пользовалась оппозиция). И разошедшиеся либералы сразу прикусили языки. Первая атака на власть захлебнулась.

Но проблемы остались. И раскачка страны продолжалась. Усугублялось положение тем, что Первая мировая, как и любая война, вызвала расслоение людей на патриотов, стремящихся оказаться поближе к передовой, и шкурников, старающихся быть от нее подальше. Россия к тому же оказалась единственной страной, которая позволила себе воевать со вполне «мирным» тылом. Даже рестораны, кафешантаны, театры и прочие увеселительные заведения функционировали на полную катушку. Ни о каком затягивании поясов даже речи не было. Люди продолжали жить, ни в чем себе не отказывая, сыто и избалованно. Тот, кто в мирное время ездил в «Яр» и снимал ложу в Мариинке, продолжали это делать и в военное. И тот, кто отплясывал под гармонику в дешевой пивнухе, тоже остался при своих радостях. Страна стала жить в двух разных системах ценностей. Одна часть населения сидела в окопах, лечила раненых, пыталась как-то наладить снабжение или просто молилась за ушедших на фронт и с волнением ждала от них весточек. Другая держалась лишь за собственные интересы, политиканствовала, интриговала, всласть пила и ела, а к войне относилась в качестве «болельщиков», перемывая кости «игрокам» и глубокомысленные обсуждая, не пора ли сменить «тренера»…

Не было недостатка в продовольствии и предметах первой необходимости. Но в связи с транспортными проблемами в разных местах начались «недохваты» — там одного, там другого, что приводило к подорожанию. И очень быстро торговцы научились создавать «недохваты» искусственно, чтобы взвинтить цены. Что вызывало соответствующее возмущение избалованных россиян. А раз так, то и оппозиционные олигархи стали создавать эти искусственные «недохваты». И германские агенты — через подконтрольные немцам российские фирмы и банки…

На фронте людей не хватало, а в тыловых городах разрастались огромные запасные батальоны. «Автором» этого явления стал любимец Думы военный министр Поливанов. Господин весьма энергичный. «Спасая Россию», он летом и осенью 1915 г. призывал в строй все новые и новые контингенты. Но послать-то их на фронт было нельзя из-за отсутствия винтовок! Запасные батальоны разбухали до 12–15 тысяч человек. При офицерских штатах нормального батальона, на тысячу солдат. Дурели в тесноте казарм, злились, оторванные от своего хозяйства не пойми зачем — без оружия им оставалось заниматься только строевой. Разлагались враждебной пропагандой, заражались слухами и страхами.

Впоследствии в «демократическую» историографию была внедрена версия, что царь, мол, не шел на своевременные реформы, упрямствовал, что и стало причиной катастрофы. Чушь! Ведь те же самые деятели, которые претендовали на власть в «правительстве общественного доверия» впоследствии получили ее, составив костяк Временного правительства. И показали, на что они «способны», мгновенно наломав дров и развалив государство. Государь прекрасно знал никчемность этих пустых болтунов и вполне справедливо не спешил призывать их к рычагам управления.

Нет, Россию губил не самодержавный «деспотизм», а наоборот, слабость и беззубость власти. Кстати, западные демократии для защиты своей государственности не деликатничали… Во Франции в 1914 г. при наступлении немцев на Париж, расстреляли в Венсенском лесу несколько сот рецидивистов, бандитов, воров и воровок — вообще без суда, в порядке «военного положения». Без суда расстреливали паникеров и дезертиров. Вся печать была взята под жесткий контроль, а рабочие на заводах подчинены военной дисциплине. И в Англии ее пресловутые свободы были на время войны фактически упразднены «Законом о защите королевства»: вводился государственный контроль за транспортом, заводами, допускалась конфискация любых вещей, строго запрещались стачки, вводился принудительный арбитраж по трудовым конфликтам. А ирландских сепаратистов, пробовавших поднимать волнения, без долгих проволочек вешали.

В России же рабочие могли бастовать и митинговать сколько угодно. Во время войны! Вопрос о их мобилизации правительством поднимался, но… только развели руками. Потому что такой закон не могли принять без Думы, а все сознавали, что в Думе у него нет никаких шансов на прохождение. Когда французский министр Тома во время своего визита советовал российскому премьеру Штюрмеру навести порядок и милитаризовать рабочих, тот ужаснулся: «Милитаризовать наших рабочих! Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас!»

Власть очень мягко подходила и к явным врагам и вредителям. Балтфлот, стоявший в финском Гельсингфорсе, подвергался самому интенсивному воздействию германской и большевистской пропаганды. И в октябре 1915 года случился бунт на линкоре «Гангут». После чего на «Гангуте», крейсере «Россия» и в Кронштадте была раскрыта обширная подпольная организация. Состоялся военно-полевой суд. И что же? По законам военного времени… лишь двоих руководителей, Ваганова и Янцевича, приговорили к смертной казни, да и то царь помиловал, заменил пожизненной каторгой. Другие отделались разными сроками заключения, а то и ссылки (в мирный и безопасный тыл!) А большинство арестованных вообще не судили, свели в матросский батальон и отправили искупать вину на сухопутный фронт, под Ригу. Однако батальон отказался воевать, не выполнял приказов и принялся разлагать солдат соседних частей. И… как думаете, наказали их? Расстреляли? Нет. Просто расформировали батальон, а матросов… вернули на свои корабли. Вот и судите, может ли выиграть войну государство, действующее подобным образом?

В конце 1915 г. лидеры легальных социалистических групп устроили в столице тайный съезд под председательством Керенского. На нем говорилось, что неудачи на фронте и беспорядок в тылах уронили царскую власть в глазах народа. Но если будет заключен мир, он «будет реакционный и монархический». А нужен «демократический». Откуда следовал вывод: «Когда наступит последний час войны, мы должны будем свергнуть царизм, взять власть в

свои руки и установить социалистическую диктатуру». Обо всем, что происходило на съезде, было хорошо известно не только Охранному отделению, но даже иностранным послам! И никаких мер не последовало.

Впрочем, пикантность ситуации заключалась в том, что навести порядок мешали либералы, а они, в свою очередь, пользовались мощной поддержкой иностранных союзников. В ходе описанной выше атаки на власть, когда царь распустил Думу, французские газеты выступили с прямыми угрозами: «По словам союзных делегатов, неопределенность внутренней политики России учитывается общественным мнением союзных держав как неблагоприятный признак для общего дела союзников. Особенно неблагоприятное впечатление производит не вполне благожелательное отношение к законодательным учреждениям. Продолжение такого рода неопределенности внутренней политики может вызвать в союзных странах охлаждение, что особенно нежелательно теперь, когда возникает вопрос о финансировании России. Деловые круги Европы, не имея твердой уверенности в политическом курсе России, воздержатся вступать в определенные с нею соглашения».

В 1916 году иностранные делегаты при посещении Думы заявили: «Французы горячо и искренне относятся к Государственной Думе и представительству русского народа, но не к правительству. Вы заслуживаете лучшего правительства, чем оно у вас существует». А тот же самый Тома, который советовал Штюрмеру милитаризовать рабочих, обратился к председателю Думы Родзянко: «Россия должна быть очень богатой и уверенной в своих силах, чтобы позволить себе роскошь иметь такое правительство, как ваше, в котором премьер-министр — бедствие, а военный министр — катастрофа». Простите — и такое высказывание позволяет себе министр дружественной державы? Добавим — Тома при этом «дал полномочия» Родзянко при необходимости обращаться лично к нему или к французскому главнокомандующему Жоффру «с указанием на происходящие непорядки». «Мы поверим народным представителям и немедленно исполним все по Вашему требованию». Это что, тоже нормально? Министр одной страны дает «полномочия» спикеру парламента другой страны?

В прочих отношениях союзники тоже вели себя очень и очень двусмысленно.

Своих предателей карали быстро и строго, а на русских смутьянов смотрели сквозь пальцы. И в Париже на русском языке выходила газета меньшевика-интернационалиста (т. е. пораженца) Мартова «Голос» Мартова, потом добавились «Наше слово» и «Начало», где сотрудничали Троцкий, Антонов-Овсеенко, Мануильский, Лозовский, Коллонтай, Луначарский, Чичерин, Урицкий. Которые вовсю боролись на страницах своей прессы с «социал-шовинизмом» (т. е. патриотизмом) Плеханова. В отношении русских такое попустительство оказывалось вполне возможным и нормальным.

Предоставить валютные займы англичане все же согласились. Но под 6 % годовых и… под обеспечение русским золотом. Которое требовали доставить в Англию. То есть практически речь шла даже не о займах, а о выгодной спекулятивной операции. Всего за время войны в Англию было вывезено золота на 640 млн. руб. Да еще и цены на золото устанавливались заниженные — не те, которые реально возникли на мировом рынке в результате военного скачка цен. Подобные займы сопровождались и целым рядом дополнительных требований. Россия должна была купить обесценившиеся облигации Английского банка, а закупки по кредитам должны были осуществляться комиссией в Лондоне — то бишь англичане сами и решали, на что русские должны тратить предоставленные им деньги. И государственный контролер Харитонов комментировал: «Значит, с ножом к горлу прижимают нас дорогие союзнички — или золото давай, или ни гроша не получите. Дай Бог им здоровья, но так порядочные люди не поступают». А министр Кривошеин отмечал: «Они восхищаются нашими подвигами для спасения союзных фронтов ценою наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика».

Но уж за поставки драли о-го-го! Начальник штаба русской Ставки М. В. Алексеев в январе 1916 г. писал в Париж генералу Жилинскому: «За все, нами получаемое, они снимут с нас

последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хотя немного обоюдные, а не односторонние». Какие там обоюдные! Англичане даже попытались наложить лапу на русский торговый флот. А французы вели себя так, будто вообще уже купили Россию. Заключили тайное соглашение с поляками — пообещав им суверенитет и отчленение от Российской империи. Пришли к выводу, что вместо поставки в Россию винтовок будет лучше привезти во Францию русских солдат. И требовали от царя прислать 400 тысяч бойцов для замены выбитых алжирцев, марокканцев и вьетнамцев. А еще 10–12 дивизий послать в дружественную французам Румынию для ее поддержки…

Россию после ее поражений по сути сбросили со счетов. Наглели и обращались с ней как со страной «второго сорта». Сама же «союзная помощь» оставалась весьма призрачной. Чтобы не выглядеть предвзятым, приведу выводы не русского, а видного британского историка И. Стоуна: «Нечестность и авантюризм иноземных бизнесменов разрушили веру русского народа в иностранных капиталистов. В Петрограде, в отталкивающей атмосфере ожидания обогащения один за другим паразиты въезжали в отель «Астория»… Кризис с военным оборудованием и боеприпасами длился до тех пор, пока русские не оказались способными обеспечить себя сами».

Но они оказались способны сделать это сами! Уже к весне и лету 1916 года кризис был преодолен и последовали блестящие, никем не ожидавшиеся победы Брусиловского прорыва. Западные союзники до этого времени так и не смогли прорвать установившуюся позиционную оборону противника, а русские — смогли. И при этом наша страна отнюдь не выдохлась, отнюдь не «надорвалась», как порой утверждается. Наоборот, она совершила гигантский промышленный рывок — в масштабах своего времени сопоставимый с рывком, совершенным СССР в 1941–1943 гг. Несмотря на потерю западных губерний и мобилизации в армию, валовой объем продукции российской экономики не только не снизился, а вырос — в 1916 г. он составил 121,5 % по сравнению с 1913 г. А производственный потенциал по подсчетам академика Струмилина вырос на 40 %. Производство машинного оборудования всех типов возросло более чем втрое (978 млн. руб. против 308 млн. в 1913 г.), а производство химической промышленности — вдвое. (См. напр. Сидоров Д. И. «Экономическое положение России в первой мировой войне», М., 1973).

Если в 1915 г. Россия была вынуждена выпрашивать у западных союзников орудия и снаряды, а те кочевряжились, тыча ее носом в «отсталость», то всего через полтора года наша страна в производстве артиллерии обогнала и Англию, и Францию! Вышла на второе место в мире (после Германии). Выпуск орудий увеличился в 10 раз и достиг 11,3 тыс. в год. Выпуск снарядов увеличился в 20 раз (составив 67 млн в год) винтовок в 11 раз (3,3 млн.). Российская промышленность изготовляла теперь в год 28 тыс. пулеметов, 13,5 млрд. патронов, 20 тыс. грузовых машин, 50 тыс. телефонных аппаратов. Возникло около 3 тыс. новых заводов и фабрик, а старые расширялись и модернизировались. Велось грандиозное дорожное строительство. Прокладывалось более 5 тыс. км железнодорожных магистралей, из них половина была закончена. Была завершена Мурманская железная дорога, связавшая Петроград с новым, построенным во время войны незамерзающим портом Романов-на-Мурмане (ныне Мурманск).

Конечно, такой грандиозный рывок требовал колоссальных вложений, и государственный долг России вырос на 23,9 млрд. руб. Но подчеркнем, что она при этом вовсе не залезла в «кабалу» к иностранцам. Из указанной суммы лишь 8,07 млрд. руб. составляли внешние займы. А остальное — внутренние. То есть и здесь львиная доля средств была получена за счет собственных ресурсов. Страна сохранила огромный золотой запас — из него впоследствии большевики выплачивали контрибуцию немцам, Колчак за золото покупал оружие у американцев, и еще изрядно осталось в «золотом эшелоне».

Военные потери были большими, но куда скромнее, чем у союзников и противников. Согласно «Докладной записке по особому делопроизводству» № 4(292) от 13(26) февраля

1917 г. общие потери на всех фронтах составляли 63.074 офицера и 5.975.341 солдат (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 186, л. 98). Но это в целом — погибших, раненых, больных, контуженных, пленных. А количество убитых и умерших от ран на февраль 1917 года составляло 11 884 офицеров и 586 880 нижних чинов. То есть около 600 тысяч. Германия на этот же период потеряла погибшими 1,05 млн., Франция — 850 тыс.

И к сражениям 1917 года Россия подготовилась отлично. Оружия и боеприпасов для новой кампании было изготовлено столько, что хватило потом на всю Гражданскую. Завершалось формирование 50 свежих дивизий. Прекрасно вооруженных, с броневиками, многочисленной авиацией, тяжелой и полевой артиллерией. Решающее наступление намечалось на май. И было очевидно, что оно станет именно решающим. Австро-Венгрия и Турция уже на ладан дышали, Германия напрягала последние силы, выскребала тотальными мобилизациями стариков и юнцов. Все признавали, что война должна кончиться в 1917 году, считали — к осени. И Россия выходила из войны не ослабленной, а усилившейся!

Тут-то и обеспокоились союзнички. Резко сменили тон, принялись заискивать. И задабривать. Англия поспешила наградить царя орденом Бани I степени и произвести в британские фельдмаршалы. Французы предпочитали более «весомые» изъявления дружбы. И их посол Палеолог, который в еще мае 1916-го строил проекты отчленения территорий ослабевшей России, теперь выступил инициатором противоположного плана — связать союзницу выгодным для нее договором, чтобы обеспечить ее интерес к дальнейшему «активному сотрудничеству». В результате было заключено секретное соглашение, по которому Россия признавала за Францией полное право на определение ее восточных границ, а Франция за Россией — полное право на определение ее западных границ. Но одновременно Франция и Англия через тех же либералов активизировали попытки подорвать пугающее их российское могущество. И последовали новые удары в спину…

Вторая атака на власть началась осенью 1916 года. И теперь разошедшаяся «общественность» уже не обращала внимания ни на победы, ни на преодоление кризиса со снабжением армии. Поводы брались вообще с потолка, настроения накручивались самыми махровыми слухами и сплетнями. Об «измене» царицы, о якобы готовящемся сепаратном мире. Французский посол Палеолог в своих дневниках глубокомысленно записывает откровенный бред. Что «правительство организует голод, чтобы вызвать волнения и расправиться с социалистическими партиями». Или — что пораженческие теории Ленина поддерживаются лишь небольшой кучкой лиц… «подкупленных охранкой»!

В вину правительству либералы выставляют даже и свои собственные действия! Гучков пишет, что «гниющий тыл грозит доблестному фронту», и страну может ожидать «пожар, размеры которого трудно представить». Хотя, спрашивается, а кто выступал «бактериями», вызывающими гниение? И поджигателями «пожара»? Уже накануне Февраля, вовсю взбаламучивая народ и раскачивая его на массовые провокации, либералы со своими зарубежными друзьями муссировали версию, будто… революция преднамеренно готовится правительством, чтобы подавить ее, разогнать Думу и под предлогом волнений заключить пресловутый сепаратный мир с немцами… Словом, такое впечатление, будто слушаешь сенсационные «журналистские расследования» нынешней «прогрессивной» телеканализации…

Апофеозом второй атаки стала сессия Думы, открывшаяся 14 ноября. Распоясавшаяся оппозиция совсем взбесилась. Министров освистывали и выгоняли вон. Прозвучала знаменитая скандальная речь Милюкова, вываливавшего негативные факты и рефреном повторявшего: «Глупость или измена?» Эта речь потом распространялась по рукам в миллионах экземпляров. Зачитывались резолюции прогрессивного блока: «Как считает вся Россия, совместная работа общественных сил с правительством невозможна, а без этого выиграть войну нельзя». За сим следовали те же требования — «ответственного министерства». 5 декабря депутат-монархист Марков-второй оскорбил Родзянко, назвав его «мерзавцем» — за то, что председатель Думы

допускает такое. После чего Родзянко получил в поддержку массу писем и телеграмм с выражениями сочувствия и поддержки, совет профессоров Петроградского университета избрал его своим почетным членом, а правительство Франции на следующий день наградило Большим орденом Почетного Легиона. Что ж, союзники продемонстрировали свою позицию достаточно выразительно.

11. Революция

Первый православный монарх Руси, Св. Равноапостольный князь Владимир, приняв крещение, перестал казнить разбойников. И в его княжестве умножился бандитизм, мирные граждане не могли спокойно жить из-за разгулявшейся преступности. Тогда к Владимиру обратились пастыри Церкви, спросили: «Для чего не караешь злодейства?» Он ответил: «Боюсь гнева небесного». Священнослужители разъяснили ему: «Нет, ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым — на милование». Указали, что должно карать преступника, «но с рассмотрением», обеспечив тем самым мир и спокойствие державы, которую вверил ему Господь. И князь быстро навел порядок в Русской земле.

Последний (до нынешнего времени) православный монарх России, Николай II, был по натуре совсем другим человеком. Очень четко его характеризуют слова, сказанные Родзянко после одного из докладов: «Почему это так, Михаил Владимирович. Был я в лесу сегодня… Тихо там, и все забываешь, все эти дрязги, суету людскую… Так хорошо было на душе… Там ближе к природе, ближе к Богу…» Он не любил касаться всякой грязи, пытался оставаться в стороне от склок и интриг. Был противником серьезных мер противодействия оппозиции. Противником жестокости. И он не стал героем. Он стал Великомучеником.

Да и то сказать — над ним же довлел 1905 год, когда вся мировая «общественность» поливала его потоками грязи как «палача» и «убийцу». Николай Александрович не хотел, чтобы это повторилось. Довлел над ним и союз с Англией и Францией, в открытую поддерживавших либералов. Ну как во время войны ссориться с союзниками? И он тоже пытался соединить несоединимое. Старался быть «над политикой», желал некоего общенародного единства, которое связало бы и «правых», и «левых». А его уже не было. Он искренне хотел добиться взаимопонимания с российской «общественностью». Но в том-то и дело, что такое понимание должно быть взаимным. А оппозиция закусила удила и требовала лишь уступок, уступок и уступок. Он пытался лавировать между крайностями, держаться золотой середины — а получалось только хуже.

Получалось, что он в угоду «общественности» снова жертвовал своими верными слугами, вроде генерала Ренненкампфа. И миловал проходимцев и вредителей, вроде упоминавшихся сахарозаводчиков Бабушкина, Гепнера и Доброго. В попытках достичь компромисса государь снимал министров, на которых обрушивалась оппозиция. Но ее подобные «успехи» только раззадоривали, воспринимались как «победы», как признаки слабость власти, и либералы еще больше наглели. А новые министры становились точно такими же объектами нападок, как старые. Царь шел и на более серьезные уступки, назначал таких министров, которые были бы угодны «общественности», как генерал Поливанов. Но они разваливали дела, сеяли неразбериху, мешали нормальной работе правительства. И царь перенацеливался в другую сторону, назначал других — по принципу «верности». Что становилось поводом для очередного раздражения оппозиции. Или «верные» министры оказывались попросту некомпетентными. Или даже не успевали войти в курс дел…

Пошла настоящая кадровая чехарда. Ну о каком порядке в стране можно было говорить, если всего за год сменились 4 премьера, 4 министра внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 3 военных министра, 3 министра юстиции, 4 министра земледелия, 3 обер-прокурора Синода…? И к грозным событиям Февраля у руля государства оказался худший из всех возможных составов правительства. Премьер — дряхлый 66-летний Н. Д. Голицын, который сам о себе говорил, что его «из нафталина вытащили». А фактическим «двигателем» в правительстве стал министр внутренних дел Протопопов. Бывший вице-спикер Думы, бывший

прогрессист. Нет, он не был заговорщиком и тайным врагом царя. Он был просто неумным человеком, карьеристом и интриганом.

Он быстро заметил, что царю нравятся успокоительные, уверенные доклады. И при нем великолепно отлаженный аппарат полиции, жандармерии, охранного Отделения заработал вхолостую. Они знали все, докладывали о заговорах, сборищах, планах подрывных действий. Все эти доклады были после революции обнаружены в шкафах и столах Протопопова. Но царю шли другие доклады, бодрые и оптимистичные. Будучи впоследствии арестован Временным правительством, а позже большевиками (которые его и расстреляли), Протопопов признался, что писал заведомую ложь, абы угодить. И царю нравилось, что нашелся наконец-то министр, который не озадачивает его проблемами и справляется сам — и ведь как умело справляется! Без скандалов, арестов и других «непопулярных решений»…

Были ли в России здоровые силы? Да, были. И немалые. И предлагали царю опереться на них. Он этим не воспользовался. В ноябре 1916 г. ему была передана записка из кружка Римского-Корсакова, а в январе 1917 г. — из кружка Говорухи-Отрока, где излагались предложения, которые сейчас кажутся азбучными истинами не только для предреволюционной ситуации, но и вообще для государства, ведущего большую войну.

Так, в «записке Римского-Корсакова» приводилась целая программа. «Назначить на высшие посты министров, начальников округов, военных генерал-губернаторов лиц, преданных царю и способных на решительную борьбу с надвигающимся мятежом. Они должны быть твердо убеждены, что никакая примирительная политика невозможна. Заведомо должны быть готовы пасть в борьбе и заранее назначить заместителей, а от царя получить полноту власти». Думу распустить без указания нового срока созыва. В Петрограде и Москве ввести военное положение, а если понадобится, то и осадное — вплоть до военных судов. Создать надежные гарнизоны с артиллерией, пулеметами и кавалерией. Закрыть все органы левой и революционной печати. И привлечь на сторону правительства хотя бы одно «из крупных умеренных газетных предприятий». Оборонные предприятия мобилизовать с переводом рабочих на положение «призванных и подчиненных законам военного времени». Во все комитеты «Земгора» и ВПК назначить правительственных комиссаров «для наблюдения за расходованием отпускаемых сумм и пресечения революционной пропаганды со стороны персонала». А руководителям администрации на местах дать «право немедленного устранения от должности лиц, которые оказались бы участниками антиправительственных выступлений или проявили в этом отношении слабость и растерянность».

Ну посудите сами — сколько их было, заговорщиков, оппозиционеров, недовольных? Кучка политиканов, вот и вся «общественность». Если мы возьмем число забастовщиков и стачечников, то по максимуму оно достигало 700 тыс. Да и то ведь часть примыкала не ради свержения Самодержавия, а из чувства коллективизма, а то и вынужденно — когда революционеры силком «снимали» и закрывали цеха и заводы. Но все равно, пусть 700 тыс. Пусть даже (с натяжкой) — миллион. Или даже 2 миллиона. Но население страны составляло 180 миллионов! Неужто не нашлось бы опоры и поддержки?

Увы, политическую «погоду» слишком часто определяет не большинство, а самые горластые и языкастые. И информационную войну патриотические круги заведомо проигрывали, не в силах конкурировать с потоками лжи, клеветы и грязных сенсаций. Сказывалось и общее духовное падение столичного общества, когда именно грязное и скандальное почиталось «прогрессивным». Да ведь и сам царь существовал в «информационном поле», создававшемся «общественностью». (Точно так же, сейчас Путин, слепо повторяющий раз за разом о каких-то «демократических ценностях»).

Ни на одну из мер, предложенных в программе Римского-Корсакова, царь так и не пошел. Потому что был сторонником не «решительной борьбы», а именно «примирительной политики». От «непопулярных» шагов он заведомо воздерживался. Сигнал тревоги не дал. И

массы честных граждан оставались индифферентными и не организованными. В отличие от оппозиции.

Была ли Февральская революция результатом заговора? Но тут надо уточнить, а что понимать под словом «заговор»? Глобальный заговор — был. То есть были нацеленные против России и ее царя подрывные действия правящих кругов Англии и Франции, отечественных либералов, германских шпионов, масонства, революционных партий, сепаратистов. Движений, даже и несовместимых между собой, но имеющих одно направление — на расшатывание фундаментальных устоев государственности. Ясно и то, что имелись закулисные силы, объединявшие и увязывавшие между собой эти «несовместимости». Например, рассматривать пресловутое «германское золото» только в качестве германского совершенно неправомочно. Да откуда бы взялось у Германии столько «лишнего» золота?! Она три года вела тяжелейшую войну, вела в условиях блокады, закупая через нейтралов стратегическое сырье, оборудование, даже продовольствие. И еще «везла на себе» союзников, обеспечивая вооружением и боеприпасами Австро-Венгрию, Турцию, Болгарию. А средства на подрывную работу притекали через Варбургов и других банкиров. Тесно связанных с банкирами США и даже стран Антанты.

Но понимать «заговор» в том смысле, что гениальные закулисные режиссеры сплели в России единую мощную сеть, завербовали все ключевые фигуры, окружили царя сплошь «своими» людьми и разыграли по нотам единый сценарий — нет, в таком виде понимать нельзя. Именно из-за разноплановости действующих сил. И процессы протекали, конечно же, куда более сложно. Вспомним — ведь и латиноамериканские, и испанские либералы-масоны действовали вразнобой, видя по-своему результаты начатых ими революций. Но настоящий результат стал не таким, какого чаяли латиноамериканцы, и не таким, какого чаяли испанцы. Он стал таким, какой предвидели их «покровители», подтолкнувший тех и других к выступлениям.

Были заговоры в узком смысле. Зимой 1916/17 г. они плодились, как грибы. Один — с участием генерала Крымова, депутатов Думы Шингарева, Шидловского, Гучкова, Терещенко. Речь шла уже и о перевороте, и о жизни царя. Умеренный Родзянко пресек эти разговоры — мол, «вы не учитываете, что будет после отречения царя. Я никогда не пойду на переворот. Я присягал. Прошу вас в моем доме об этом не говорить». Ну так говорили в других домах, по ресторанам… Еще один заговор зрел среди родственников царя — участвовали великий князь Кирилл Владимирович, его мать Мария Павловна и др. Опять накручивали сами себя сплетнями об «измене», вынашивали идеи принудительного отречения. Думские заговорщики тусовались у французского после Палеолога, среди великосветских своим человеком был британский посол Бьюкенен.

Полиция обо всем этом знала. Так, в докладе начальника Охранного отделения Глобачева Протопопову от 8 февраля 1917 года говорилось: «Руководящие круги либеральной оппозиции уже думают о том, кому и какой именно из ответственных портфелей удастся захватить в свои руки». Причем выделялись две группировки. Одна — из лидеров парламента, прочащая на пост премьера Родзянко, предполагающая добиться передачи власти думскому большинству и насадить в России начала «истинного парламентаризма по западноевропейскому образцу». Вторая — Гучков, Львов, Третьяков, Коновалов и др., приходила к выводу, что Дума не учитывает «еще не подорванного в массах лояльного населения обаяния правительства». И поэтому «возлагает надежды на дворцовый переворот». Этот доклад разделил судьбу остальных — был положен под сукно. Впрочем, отметим, что на самом-то деле «салонные» заговорщики были в большей степени болтунами, чем путчистами. Они широко звонили о своих планах на каждой вечеринке, но оказывались неспособными сорганизоваться даже между собой, не то чтобы действовать.

Гораздо опаснее была общая раскачка государства. Третья атака на власть была приурочена к открытию новой сессии Думы. Уж конечно же, не случайно это открытие было

назначено на 9 (22) января 1917 г. На годовщину «кровавого воскресенья», день традиционных беспорядков на заводах. А чтобы обеспечить «разгон», Думе должны были предшествовать съезды земских и торгово-промышленных организаций. Когда же правительство запретило эти мероприятия, стали тиражироваться и распространяться заготовленные для них речи, декларации. Вроде того что «власть стала совершенно чуждой интересам народа» (Львов), что «правительство, превратившись в орудие темных сил, ведет Россию к гибели и колеблет императорский трон» (оргкомитет земского съезда).

Все же власть смогла выиграть и этот раунд. Государь находился в столице (в связи с убийством Распутина и передышкой на фронте). И правительство, пусть и слабое, в его присутствии действовало мягкими мерами, но последовательно и организованно. Открытие Думы было перенесено на 14 (27) февраля. А в рабочих подпольных организациях прокатились аресты, ослабившие волну забастовок. Они все равно произошли в Питере, Москве, Туле, Ростове, Харькове. Однако для «кровавого воскресенья» уровень вспышки сочли в пределах допустимого.

Нельзя сказать и о том, что правительство вообще не реагировало на нарастание напряженности и не готовилось к возможной схватке. Кое-что предпринималось, хотя шаги были не всегда последовательными и половинчатыми. В феврале Петроградский округ был выведен из состава Северного фронта в самостоятельную единицу, и командующему предоставлены большие полномочия. Но во главе округа был поставлен протеже Протопопова генерал Хабалов. Никогда не воевавший, не командовавший войсковыми соединениями и не пригодный для столь ответственной должности. В Петроград стали перебрасываться с фронта надежные войска — 5-я Кавказская казачья дивизия, 4-й Кавказский конно-артиллерийский дивизион, ряд других частей. Но эти переброски начались только в феврале и к решающим событиям не успели. Да и негде оказалось размещать в Питере новые войска, все было забито огромными запасными батальонами. Вот и сочли, что сперва надо разгрузить казармы по мере отправок маршевых рот на фронт. В общем, успеется…

Тем не менее, и февральская атака оппозиции тоже была сорвана. 9 февраля полиция арестовала «рабочую секцию» при Военно-промышленном комитете, при этом были найдены доказательства подготовки массовых выступлений, приуроченных к открытию Думы. Гучков и Коновалов разразились протестами, возмутились ВПК и Особое Совещание по обороне. Но арест дезорганизовал готовившиеся манифестации. Сходки и волнения на заводах начались, но преждевременно — с требованиями освободить «рабочую секцию». В полной мере сказалась и разноголосица враждебных сил. Большевики, объединенцы, интернационалисты-ликвидаторы и меньшевики решили либералов не поддерживать, и вместо этого провести собственную стачку 10 февраля, в годовщину суда над депутатами-большевиками. И вместо общей волны забастовок получилось три разрозненных. (Далее, чтобы не было путаницы с двойными датами, я буду приводить их только по «старому стилю», по юлианскому календарю — до тех пор, пока он в России не сменился на григорианский)

Сдерживанию эмоций способствовала и публикация 9 февраля решительного (хотя бы на словах) объявления Хабалова, что беспорядки, если потребуется, будут подавляться силой. А когда Родзянко очередной раз сунулся к царю докладывать о революционных настроениях и под этим предлогом выпрашивать «ответственное министерство», Николай Александрович твердо ответил: «Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, она будет распущена».

В день открытия Думы жители Петрограда вообще боялись выходить на улицы (И это называлось борьбой за «демократию»!) Но ничего чрезвычайного не произошло. Бастовали «всего» 58 предприятий — 89 576 человек. Были сходки в университете и политехническом. Само же заседание Думы очень разочаровало журналистов, собравшихся, как воронье, за скандальными сенсациями. Писали «первый день Думы кажется бледным». Депутаты из-за

месячной отсрочки растеряли запал и «на старт» пришли уже выдохшимися. Да и обещанного царем роспуска боялись. На следующий день, 15 февраля, бастовали 20 предприятий (24 840 человек). Дальше выступления явно пошли на убыль.

Правда, капризничала погода. Вдруг ударили сорокаградусные морозы. На железных дорогах вышло из строя 1200 локомотивов — у них полопались трубки паровиков, а запасных не хватило. И не могли вовремя сделать такую мелочь из-за забастовок. Потом добавились обильные снегопады, а в деревнях не хватало рабочих рук для расчистки путей. В итоге на станциях застряли 5700 вагонов, в том числе и с продовольствием. К 22 февраля обстановка в Питере, казалось, успокоилась. И железнодорожное движение восстановилось. И царь выехал в Ставку, в Могилев. Очень переживая за семью — сын Алексей и дочери Татьяна и Ольга лежали с корью. Думская оппозиция пребывала в унынии, считала, что ее удар снова провалился. Большевики тоже признали выступление исчерпанным, их питерский лидер Шляпников дал команду сворачивать акции, чтобы получше подготовиться к следующим «боям».

Но 23 февраля из-за тех же морозов и заносов в магазинах случились перебои с черным хлебом (только с черным — и белый, и другие продукты лежали свободно). И волнения вдруг вспыхнули снова, сами собой. Неожиданно и для властей, и для Думы, и для большевиков. Столичная масс оказалась уже настолько раскачанной, взбаламученной и развращенной безнаказанностью прошлых выступлений, что такой мелочи стало достаточно… Разбуянившиеся хулиганы били витрины, переворачивали трамваи. На следующий день беспорядки продолжились по нарастающей. Теперь к ним присоединились и революционеры, организованно поднимая рабочих.

В Ставку об этом посылались сообщения от Родзянко, от частных лиц. Но… шли и бодрые доклады Протопопова, что ситуация под контролем, что он справится. Видимо, и в самом деле надеялся, что опять обойдется, само собой уляжется. Не улеглось. Градоначальник Балк запросил войска. Однако Хабалов растерялся. Действовал вяло и нерешительно. Выделял солдат — ну они и стояли себе в оцеплениях. Солдаты разложившихся и мало дисциплинированных запасных батальонов. Которые в этих оцеплениях подвергались дополнительной агитации хулиганов и революционеров. Официально царю было доложено об угрожающем положении только вечером 25 февраля, да и то в очень сглаженном, отредактированном виде. А войскам было разрешено применять оружие.

И на следующий день в нескольких местах возникла стрельба. А царь прислал распоряжения: премьеру Голицыну — распустить Думу, а Хабалову — пресечь беспорядки. Но было уже поздно. В ночь на 27 февраля взбунтовались запасные батальоны Павловского и Волынского полков. 15-тысячная вооруженная масса понеслась по улицам, убивая офицеров и полицейских. Присоединились штатские хулиганы, рабочие, студенты. Стали захватывать тюрьмы, выпуская заключенных, громить суды и полицейские участки. Хабалов пребывал в полной прострации. У него оставалось еще более 150 тыс. солдат и офицеров, но он уже считал их ненадежными и не предпринимал ничего. Кончилось тем, что засел в Адмиралтействе, о чем мало кто и знал.

Деморализованное правительство отправило царю прошение об отставке и… разошлось. А Дума выполнять указ о роспуске отказалась. Большинство во главе с Родзянко полагало, что авторитет «народных избранников» надо использовать для прекращения беспорядков. Узнав, что никакой власти в городе уже нет, создали «Временный комитет Государственной Думы для поддержания порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». Другая часть, радикальная, во главе с Керенским и Чхеидзе, была совершенно иного мнения. Она сочла, что должна возглавить начавшуюся «революцию». А многие буяны, студенты, а за ними и солдаты, не зная, что им дальше делать, как раз и начали стекаться к Думе — на ее «защиту» от «реакции». И депутаты-социалисты подсуетились использовать ситуацию, принялись организовывать Петроградский Совет.

В Могилеве только 27 февраля открылась грозная правда. В общем-то, ничего еще не было потеряно. Петроград — это была далеко не вся Россия. А несколько запасных батальонов — это еще не армия. Чтобы разогнать толпы смутьянов, было достаточно одной кадровой дивизии. В конце концов, Парижскую Коммуну раздавили при куда более неблагоприятном соотношении сил. В Ставке были сосредоточены рычаги управления, царь мог лично возглавить и централизовать подавление, назначить новых министров, двинуть войска… Но для этого требовалась «сильная рука». А Николай Александрович по натуре был совсем не таким человеком. Прошение правительства об отставке он не утвердил — хотя этого правительства больше не существовало, оно разбежалось, а частично было уже арестовано. Возглавить экспедицию на Петроград назначил генерала Н. И. Иванова. А сам в ночь на 28-е оставил Ставку и выехал в Царское Село, к семье. За которую беспокоился.

Иванов, 65-летний старик, был уже ни на что не годным военачальником. После того, как он провалил несколько операций, его держали при царе без всяких назначений, из уважения — он был крестным наследника Алексея. Впрочем, в 1905 г. он прославился умением усмирять бунты уговорами и «вразумлением», а не жестокостью. Возможно, из-за этого и был назначен. И толком организовать карательную экспедицию он так и не сумел. Действовал не спеша, с оглядкой. Да и то сказать, назначение-то неблагодарное. Потом станешь мишенью для всей «общественности», как было с Ренненкампфом, Меллером-Закомельским. Как бы и «крайним» не оказаться. И Иванов так и протянул резину, пока экспедиция не отменилась.

А 28 февраля обстановка в Петрограде снова изменилась. Сыграло роль, что в Думе образовался некий «центр кристаллизации» — и «Временный комитет» Родзянко, и Совет Керенского и Чхеидзе. И как раз тогда-то стихийный бунт и погромы начали приобретать черты революции. К Думе пошли гимназисты, интеллигенция, пошли рабочие. Пошли и войска — и уже не группами и толпами, а частями. С офицерами, с оркестрами. Моряков Гвардейского экипажа привел к Таврическому дворцу великий князь Кирилл Владимирович — с красным бантом на груди. Вслед за Питером и в Москве люди и воинские подразделения стали стекаться к городской Думе…

И в эту кашу ехал царь! Оторвавшись от Ставки. Но и не достигнув столицы. Ехал через Вязьму, Бологое. Без информации, узнавая об обстановке на станциях, из противоречивых телеграмм и слухов. В Малой Вишере кто-то не пойми откуда сообщил, что впереди дорогу перекрыли какие-то войска. Или забастовщики. Да и вообще казалось опасным ехать через мятежный Петроград. Царский поезд повернул в объезд. И очутился во Пскове…

Впоследствии многократно поднимался вопрос, почему царя не поддержала армия? Даже почему армия «изменила» ему, писали и о «военном перевороте». Такая версия возникает лишь в результате невнимательного рассмотрения событий. Или их одностороннего освещения. Армия не поддержала Николая Александровича только лишь из-за того, что он сам этого не пожелал. Достаточно было одного его обращения, одного его слова — и от бунтовщиков осталось бы мокрое место. Вспомним историю «заговора генералов» в Германии в 1944 г. — один телефонный разговор фюрера с командиром батальона, и все было кончено. Да, российский генералитет и офицерство в 1917 г. были уже сильно заражены либеральными настроениями, но от этого они не стали изменниками. И сохраняли повиновение своему монарху и Верховному Главнокомандующему… Но он не хотел снова быть «кровавым».

И все-таки, почему революция произошла так легко? Да потому что, если строго разобрать факты, в марте 1917 г. переворотов было не один, а два. Явный и скрытый. И впоследствии тщательно затушеванный как в либеральной, так и в советской литературе. И в зарубежной тоже! При создании «Временного комитета Государственной Думы» никакой речи о «революции» вообще еще не было! Своей целью он ставил только «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Восстановление, а не ниспровержение. Вероятно, Родзянко рассчитывал, что бунт в столице станет уроком для царя,

а восстановление порядка продемонстрирует авторитет Думы и склонит Николая Александровича согласиться на «ответственное министерство». Но не более того.

Однако тут-то и сработал заговор. Вспомним процитированное выше донесение Охранного отделения о двух группировках оппозиции — сторонниках «конституционной» передачи власти думскому большинству и сторонниках дворцового переворота. На переворот-то у них оказалась кишка тонка, а вот подвернувшимся случаем они воспользовались. И пока Родзянко носился по Питеру, то в разные учреждения, то по митингам, успокаивая речами бунтовщиков, пошла закулисная возня. Заговорщики за спиной даже и председателя Думы сформировали список Временного правительства. Куда вошло много масонов. Причем умеренные лидеры либералов, вроде Родзянко, из списка выпали. Зато были включены такие радикальные оппозиционеры, как Милюков и Керенский. Да и вообще основой списка стала «вторая группировка».

А царь действительно склонился согласиться на «ответственное министерство». В надежде, что это поможет выправить ситуацию. И со станции Дно 1 марта Николай II отправил телеграмму Родзянко, приглашая его приехать во Псков, в штаб Северного фронта. Вместе с премьером Голицыным, государственным секретарем Крыжановским и кандидатом на пост главы нового правительства, которому, по мнению Думы, «может верить вся страна и будет доверять население». До Родзянко телеграмма не дошла. Была перехвачена заговорщиками. Царю сообщили, что «Родзянко задержан обстоятельствами выехать не может». А Голицын был уже арестован Керенским. И вместо них во Псков отправились прогрессисты Шульгин и Гучков. С тем самым списком правительства, который был выработан на закулисном совещании. Ехали якобы от Думы. Хотя на самом деле не были уполномочены никаким официальным органом. Не то что Думой, а даже и «Временным Комитетом Думы».

Во Пскове они нашли сообщника, главнокомандующего Северным фронтом Рузского. Масона, любимца «прогрессивной общественности». Но склонили его к сотрудничеству не масонской солидарностью, не революционными перспективами, а чисто корыстными. Поманили надеждой стать начальником штаба Верховного Главнокомандующего. Кстати, надули. Да и в целом демарш заговорщиков был грандиозным блефом, чистейшей воды надувательством. Но они действовали нагло, напористо, уверенно. И выиграли. Очевидно, и сам государь был уже надломлен. Он просто по-человечески устал от всей этой пакости, возни и интриг, которыми терзали его в течение всего правления. Но подчеркнем и то, что при отречении Николая Александровича никакой речи о «революции» не было! Только о легитимной передаче власти другому монарху!

Акт об отречении гласил: «Божьею милостью Мы, Николай II, император Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., и пр., и пр. объявляем всем нашим верноподданным. В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти 3 года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать на Россию новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решающие дни в жизни России, почли Мы долгом своим облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего облегчения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои

будут им установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ней — повиновения Царю в тяжелую минуту всенародного испытания, и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. Николай».

Как видим, царь был обманут. Отрекаясь «в согласии с Государственной Думой» — чего и в помине не было. Гучков и Шульгин были не представителями Думы, а самозванцами. Но видим мы и то, что основы государственности при отречении не затрагивались, только престол передавался Михаилу Александровичу. И именно в таком варианте, когда М. В. Алексеев (по приказу царя!) опросил командующих фронтами и флотами, почти все, за исключением Колчака — Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров, Непенин, великий князь Николай Николаевич, поддержали идею отречения. Не из-за «измены», не из-за «антимонархизма». Большинство-то надеялось на обратное. Что другой государь возьмет более твердый курс, будет представлять более сильную власть. Зная мягкость царя, его склонность к компромиссам и половинчатым решениям, сочли, что в сложившейся ситуации другое лицо на троне сможет лучше и эффективнее восстановить порядок в стране.

Отметим и то, что при отречении сам же Николай Александрович призвал армию сохранять повиновение и дисциплину. Верховным Главнокомандующим назначил очень популярного в войсках великого князя Николая Николаевича. И… утвердил подсунутый ему список нового правительства. И оно стало вполне легитимным. Государь допустил, что назначение оппозиционеров и впрямь может внести успокоение. А если они не справятся или будут зарываться, новый царь вполне мог их сменить, это оставалось в его власти. Словом, Николай Александрович с подачи заговорщиков сделал именно то, что им требовалось. Сознательно принес себя в жертву — как он впоследствии признавал, считая главным избежать крови, междоусобицы, гражданской войны.

Хотя какое уж там — избежать! Только в одном Питере в ходе беспорядков было убито и ранено свыше 1400 человек. Значительную часть погибших составили полицейские. Верные слуги царя, исполнивший свой долг до конца. Позже ходили упорные слухи, что именно их хоронили на Марсовом поле под видом «героев революции». А 1–4 марта беспорядки из столицы перекинулись на разложившиеся и распропагандированный Балтфлот, в Гельсингфорсе и Кронштадте произошли погромы с повальным истреблением офицеров…

Но и в это время никакой революции «официально» еще не подразумевалось. Николая Александровича никто не задерживал и не арестовывал. Он свободно вернулся в Ставку, лично объявил о своем отречении, попрощался с персоналом. Контрразведчик В. Г. Орлов вспоминал: «Старые генералы плакали, как дети, казаки рыдали, один из самых преданных царских слуг, человек огромного роста, упал без сознания на землю. Его свалил апоплексический удар, на его губах блестела пена. Его тут же вынесли. Царь подошел к генералу Алексееву и обнял его. Затем он попрощался с каждым, кто стоял вдоль прохода, желая всем счастья. С друзьями он разговаривал дольше. Я видел, как закаленные, испытанные воины предавались горю, и сам плакал. В печальных глазах государя тоже стояли слезы…»

Примерно так же встретили весть об отречении во фронтовых частях. Деникин писал: «Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифеста. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание… И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы». Доклады с фронтов сообщают, что манифест воины восприняли «сдержанно и спокойно», многие «с грустью и сожалением». Или с сожалением и огорчением». Что он произвел «тягостное впечатление», и люди «преклонялись перед высоким патриотизмом и самопожертвованием государя, выразившемся в акте отречения». Новый Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в своей

телеграмме правительству от 3 марта требовал для пресечения смуты поскорее привести войска к присяге новому царю.

Однако параллельно с явными процессами продолжались и закулисные! Последовал отказ Михаила Александровича от престола… Предлагать-то можно по-разному. К первому государю из династии Романовых, Михаилу Федоровичу, несколько раз отказывавшемуся, и делегации посылали, и уговаривали, и умоляли принять царство, чтобы вывести страну из Смуты. Переговоры с Михаилом Александровичем шли далеко не так. Скорее, наоборот, с желанием, чтобы он отказался. Учтем и такой аспект, что в династическом праве «свято место пусто не бывает». То есть при отказе одного претендента логически требовалось возобновить диалог с отрекшимся царем, провести консультации с домом Романовых. И, может быть, наметить другую кандидатуру…

Не тут-то было! Керенский упросил масона великого князя Николая Михайловича, чтобы он провел переговоры с другими великими князьями об их отказе от прав на престол.

Ну а Временное правительство предпочло искать контакты не с Романовыми, а с самозваными Советами, заключив с ними соглашение о том, что вопрос о власти и будущем устройстве России решит Учредительное Собрание. Решит где-нибудь через полгода. Очевидно, рассчитывая, что за это время страсти улягутся, новые правители и без царя сумеют проявить себя с лучшей стороны, и в конце концов «стерпится — слюбится». Но обратим внимание, что впервые Учредительное Собрание упоминается… в манифесте Михаила Александровича об отказе от престола!

Он сделал оговорку, что отказывается, если таковым не будет решение Учредительного Собрания. То есть в переговорах с ним уже была запущена эта идея. И вероятно, она-то и стала главным аргументом. Ведь в таком случае решение Михаила Александровича было вполне логичным. С одной стороны, принять власть у отрекшегося брата выглядело не совсем этично. Словно бы воспользоваться бунтом. С другой — принять власть сейчас означало усмирять этот бунт, тоже стать «кровавым», чего великий князь, понятно, не желал. И совсем иное дело — принять ее от «всей земли», от Учредительного Собрания, как принял ее от Земского Собора Михаил Федорович в 1613 году… Получается, что Михаила Александровича тоже обманули.

Переход власти не к преемнику царя, а к правительству, которое и объявлялось «временным», до Учредительного Собрания, армия восприняла с недоумением. Но в принципе — спокойно. Ведь во главе ее оставался великий князь Николай Николаевич. И приказом № 4318 от 4 марта он призвал: «Повелеваю всем войсковым начальником от старших до младших внушать и разъяснять чинам армии и флота, что после объявления обоих актов (т. е. Николая II и Михаила Александровича) они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа, и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, обороняя Родину от грозного врага». Между прочим, и народное волеизъявление выглядело на тот момент довольно определенно. Большинство в армии полагало, что царем и станет Николай Николаевич. Кто же еще-то? С большой долей вероятности и сам он лелеял такую надежду. Почему бы и нет? В летнем наступлении он сокрушит внешних врагов, принесет стране мир и победу. И кто тогда сможет конкурировать с ним по популярности? Но он забыл, что пост Верховного Главнокомандующего был назначаемым…

В литературе можно встретить утверждения, что «отсталая» Россия оказалась не готова к парламентской демократии, внедрявшейся Временным правительством. Что ж, подобные теории выдают полную некомпетентность оперирующих ими авторов. Потому что Временное правительство было куда более авторитарным, чем царское, оно поспешило избавиться даже от Думы (из-за конкуренции с Родзянко и его сторонниками) и объединило в своем лице и законодательную, и исполнительную, и верховную власть. И великого князя Николая Николаевича сняли, как только правительство сочло, что достаточно утвердилось. Таким образом «вторичный переворот» растянулся на целый месяц.

А за месяц в растерянную, сбитую с толку армию хлынули агитаторы всех мастей, правительственные комиссары… И попутно, как-то незаметно, исподволь, была произведена подмена понятий. Вместо восстановления законности и правопорядка, на которое вроде бы нацеливалось правительство в момент отречения царя, внедрилось разделение на «революционное» — хорошее, и «контрреволюционное» — плохое. И сам царь, добровольно уступивший власть ради преодоления кризиса, оказался вдруг в роли преступника, которого свергли. И был взят под арест.

Для заговорщиков и было-то главным, что они дорвались до власти! А чтобы здоровые силы не спохватились, не сделали процесс обратимым, Временное правительство спешно начало ломать и рушить все, способное представлять для него угрозу. Одним махом была сметена вся вертикаль власти от губернаторов до полиции и жандармерии. Из командного состава армии военный министр Гучков взялся вычищать «реакционеров», заменяя их более лояльными кандидатурами.

А для окончательной «демократизации» вооруженных сил, чтобы обезопасить новых правителей от возможного сопротивления, была принята печально известная «Декларация прав солдата», подтвердившая Приказ № 1 Петроградского Совдепа и внедрявшая коллегиальное командование, выборность должностей, всевозможные комитеты, отменявшая чинопочитание… По сути парализовавшая командование. Заговорщики наивно понадеялись, что в «революционных» комитетах и советах обретут верную опору против военной оппозиции. Еще одним шагом по обретению опоры стала всеобщая амнистия. На свободу вышло несколько тысяч политических заключенных (их больше и не было) и более 100 тыс. уголовников.

Но нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что залогом успеха заговорщиков стала откровенная поддержка Запада. В правящих кругах Англии, по донесениям дипломатов, радость по поводу революции «была даже неприличной». Ллойд Джордж, узнав об отречении царя, воскликнул: «Одна из целей войны теперь достигнута!» А посол в Петрограде Бьюкенен, обратившись к Временному правительству, поздравил «русский народ» с революцией. Причем указал, что главное достижение России в революции — это то, что «она отделалась от врага». И под «врагом» понимался не кто иной как Николай II. Недавно произведенный в фельдмаршалы британской армии — как говорилось в официальном послании, «в знак искренней дружбы и любви»! Нетрудно понять, что подобная позиция союзников очень и очень способствовала закулисному «вторичному перевороту» — переводу событий из легитимного в революционное русло.

В заключение стоит остановиться еще на одном немаловажном вопросе. А было ли вообще законным отречение государя императора? Ведь соотношение самодержавия и демократии можно, грубо говоря, представить как соотношение законного церковного брака и «свободной любви». При республиканском устройстве народ выбирает наугад, кого посимпатичнее, заведомо ненадолго, рассчитывая получить временное удовлетворение. Или, как это у нас раз за разом происходит, удовлетворение получает только одна сторона, а вторая оказывается недовольной и еще и обворованной. И наугад тычет пальцем в следующего — авось с этим больше повезет…

А царь-то венчался на царство! Он был не просто должностным лицом, а Помазанником Божьим! А помазание миром — это печать дара Духа Святого. Оно знаменует дарование благодати Божьей на особое служение. Это — таинство. А таинствами Церковь называет священнодействия, при которых незримо присутствует сам Господь. Может ли оно быть разрушено росчерком пера? Со времен, когда было установлено венчание на царство русских царей, добровольных отречений не было. И, кстати, ни в одном законе Российской империи возможность отречения не предусматривалась.

12. Из грязи в князи

Известия о перевороте в начале марта долетели до Туруханского края. Пристав Кибиров сперва пытался скрывать новости, приходящие из Питера, но ссыльные были подписаны на сводки информации телеграфных агентств, так что быстро обо всем узнали. А тут грянула и общая амнистия. Временное правительство, стремясь поскорее захватить страну под контроль, спешно создавало повсюду свои органы или они возникали «революционно», то есть самостийно, на основе городских дум, земских структур. Возникли такие и в Енисейске. Откуда направили телеграмму в Туруханский край — назначить комиссаром от новых властей ссыльного социал-демократа Масленникова.

Но для Свердлова творить революцию в сибирской глуши было слишком мелко. Едва прозвучала амнистия, он мгновенно собрался в дорогу. Бросив в Монастырском жену, детей, дом, корову, хозяйство. Вдвоем с ближайшим приятелем Шаей Голощекиным. Впрочем, они не забыли взять у пристава по 50 рублей «подъемных», как полагалось освобождаемым ссыльным. И, оставив прочую здешнюю публику развлекаться революцией на местном уровне — «свергать» Кибирова и нескольких сельских стражников, захватывать полицейское управление, изучать служебные документы и архивы — Яков Михайлович и «Жорж» уселись в сани, и лошади в пургу и метель понесли их по льду Енисея.

Да, им очень требовалось спешить. Стояла вторая половина марта. Вот-вот в верховьях реки лед мог начать вскрываться. А в таком случае они заторчали бы здесь на два-три месяца, пока весь Енисей не очистится ото льда и не пойдут пароходы. Поэтому и мчались два революционера. Мчались во весь опор. Успеть проскочить! Щедро приплачивали ямщикам, мчались без передышек, без ночлегов. Спали тут же, в санях. И перекусывали тоже на ходу. Останавливались только для того, чтобы сменить лошадей на очередных станциях, узнать новости. И снова вперед!

О, они спешили не зря. Оба они знали, что такое революции. Знали атмосферу революций. Знали, каким образом выдвигаются в таких ситуациях лидеры, как прорываются люди к руководству. Кто успел, тот и съел. Так что ставка в отчаянной гонке была высокой. Оно, кстати, так и получалось — скажем, Ярославский замешкался и надолго остался в Якутии, председателем Якутского Совдепа. А пока в Европейскую Россию выбрался — в столице для него уже руководящей работы не нашлось, послали в Москву. Игра стоила свеч. И невзирая на погоду, днями и ночами, неслись по енисейским просторам два кореша.

Наперегонки с природой — свыше тысячи километров! Успеть! Только успеть! Не опоздать к «раздаче слонов», к шапочному разбору! Конечно же, Свердлов, чья жена работала на метеостанции, позаботился разузнать ледовую обстановку, прикинуть, что шансы есть. Но все равно реализовать эти шансы было нелегко. Только в самом напряженном режиме. Впритирку. Без права на малейший сбой, малейшую задержку. И мчались сломя голову двое соратников. Двое будущих цареубийц…

На заключительном этапе было труднее всего. Уже пошла талая вода с верховий. Уже появились полыньи, уже дальше двигаться становилось рискованно. Но уговаривали местных опытных ямщиков, уламывали, соблазняли приплатами. И снова ехали по льду, объезжая лужи и опасные места. К сожалению, они успели. Сумели, что называется, «тютелька в тютельку» проскочить до Енисейска. А отсюда до Красноярска был уже и сухопутный тракт.

В Красноярске они объявились 21 марта. Гостей с низовий Енисея тут уже никто не ждал — в окрестностях Красноярска река начала трогаться. Яков Михайлович и Шая Исаакович застали здесь полнейшую политическую мешанину. Ведь выплеснулись на волю все ссыльные — социал-демократы, эсеры, анархисты. Да и освободившаяся уголовная шпана в это время сплошь примыкала к «политическим». Это было модно — «кричали женщины ура и в воздух…» ну, может, и не в воздух, может и не чепчики, может и не бросали, но «политическим» везде был обеспечен восторженный прием. Всегда можно было и крышу над головой найти, и помощь получить, деньжатами разжиться без проблем. И Красноярск увязал в революционных сходках,

собраниях, доморощенных заседаниях, где толкли из пустого в порожнее, спорили на пустом месте, вырабатывали никому не нужные резолюции и постановления.

Социал-демократия, по-прежнему представлявшая собой скопище совершенно разнородных группировочек — «объединенцев», «правдистов», «примиренцев» и прочая и прочая, нежданному появлению Свердлова и Голощекина очень обрадовалась. Ну как же, сразу два члена ЦК! Вот сейчас и споры разрешат, возглавят, централизуют, организуют. Помогут конкурентов из других партий одолеть. Но нет, Свердлов не был настроен влезать в здешние бестолковые дрязги. Это тоже было для него слишком мелко и совершенно бесперспективно. Он сразу заявил, что позиции ЦК еще не знает, а стало быть, и указаний давать не может. Призвал лишь, не останавливаться, «углублять» революцию и валить Временное правительство так же, как царя валили. Поучаствовал в нескольких собраниях, в заседании красноярского Совета — абы свой авторитет поддержать. И помощь красноярцев обеспечить на дальнейшую дорогу.

А 23 марта Свердлов с Шаей сели на поезд — и помчались дальше. Теперь уже не с севера на юг, а с востока на запад. Через всю Сибирь, через всю Россию. В Петроград. Надо отметить, что Яков Михайлович умел делать расчеты на несколько ходов вперед. К примеру, как уже упоминалось, он в Туруханском крае вел обширнейшую переписку не только с родными и близкими, но и с другими ссыльными. В том числе и с Еленой Стасовой, отбывавшей двухлетнюю ссылку в Минусинске. Она потом искренне умилялась, растроганно описывала, как совершенно малознакомый ей человек «умудрялся… для нас чудом сохранять живую связь со всем миром. Все свои силы он сосредотачивал на том, чтобы поднять дух товарищей». Подбадривал, от руки переписывал и рассылал попавшие к нему нелегальные статьи…

Но переписка-то не бескорыстной оказалась. Стасова в столицу вернулась — и Яков Михайлович к ней пристроил свою сестренку Сарру. А после революции Елена Дмитриевна возглавила Секретариат ЦК. И Сарра оказалась у нее помощницей… Словом, у Свердлова, когда он направлялся в Питер, там уже было «все схвачено».

29 марта Яком Михайлович и Голощекин прибыли в Петроград, сразу с вокзала отправились к Сарре, узнав всю необходимую информацию. Вместе с ней — к Стасовой в Секретариат. Он гнездился еще в Таврическом, под крылышком Думы. И представлял собой всего лишь стол в коридоре, над которым висел листок бумаги с надписью «Секретариат ЦК РСДРП(б)». Но все равно, это было уже «учреждение»! Это была информация, связи, возможность «застолбить» себя.

В Питер к этому моменту успели стянуться и другие видные большевики — из ссылок, из армии, из разных мест проживания. Сталин, Каменев, думские депутаты. Здесь тоже сплошной чередой катились бесконечные и бестолковые говорильные мероприятия. Открылось совещание представителей местных Советов, созванное Петроградским Совдепом. Параллельно Русское бюро ЦК большевиков устроило всероссийское совещание «партийных работников». Что ж, Свердлов провел время с толком. Несмотря на свою «непримиримость» к Временному правительству, первым делом позаботился получить от правительства 500 рублей — такую «компенсацию» назначили освобожденным «политическим». Потусовался на обоих упомянутых совещаниях. Не выступал, никуда не лез — присматривался и прислушивался.

Конечно же, он разузнал, что вот-вот в Петроград прибудет Ленин с эмигрантской партийной верхушкой — их же готовились встречать. И от правительства, и от Петроградского Совета по этому поводу торжества организовывались. Первые политэмигранты в «свободную» Россию возвращаются! Но… Яков Михайлович не хотел быть «одним из многих». Прекрасно понял, что в этом наплыве партийцев с их именами, заслугами, старыми знакомствами он неизбежно будет затерт и останется на втором плане. И впрямь, разве он мог сравняться авторитетом с «пострадавшими» депутатами Думы, чьи фамилии выносились в свое время в аншлаги всеми газетами, полоскались на всех митингах и демонстрациях? Мог ли поспорить в «близости» к руководству с эмигрантами? Пусть бездельниками, долгие годы занимавшимися

только тем, что теоретизировали и языками мололи в пивных, на «рефератах» Плеханова, Ленина, Мартова, Троцкого — но они жили рядышком с лидерами, дружили семьями, постоянно общались.

Нет, такой расклад Свердлову не подходил. Он не желал продешевить. Не для того он несся, рискуя жизнью, по льду Енисея, чтобы получить назначение одним из агитаторов на заводы или быть отправленным революционизировать заштатный город. И Яков Михайлович делает «ход конем». 3 апреля, буквально в тот же день, когда ждали приезда Ленина, когда его поезд уже пересек российскую границу, когда Петросовет уже и почетный караул наряжал, и с бронедивизионом договаривался, чтоб машины прислали, «товарищ Андрей» вдруг… уезжает. Опять катит через всю Европейскую Россию, но в обратную сторону, с запада на восток. На Урал.

Прибыв в Екатеринбург, он остановился на квартире своего бывшего боевика Янкеля Юровского. После разгрома прошлой революции он удрал за рубеж, даже успел принять в Берлине лютеранство. Но когда обстановка в России успокоилась, стала безопасной, вернулся. И открыл в Екатеринбурге частную фотографию. Судя по всему, «товарищ Андрей» об этом знал. Видимо, не порывал связей со старым товарищем. И еще одним будущим цареубийцей. Атмосфера на Урале была примерно такая же, как в Красноярске. Полная политическая неразбериха, возвращающиеся ссыльные и дезертиры, паралич власти, хаос партийных, околопартийных и внутрипартийных групп и группочек.

Свердлов, несомненно, догадывался, что так оно и будет. Он-то по России уже попутешествовал, видел всюду то же самое. И он экстренно принялся «ловить рыбку» в этой мутной каше. С помощью Юровского связывался с другими своими боевиками. Стал из ничего налаживать организацию. Среди рабочих подбирать актив. Хотя он работал здесь более десяти лет назад, но его еще помнили. Да как же не помнить всемогущего пахана «товарища Андрея»! О том, как его боевики орудовали в 1905–1906 годах, слухи еще жили, умножались выдумками, превращались в легенды. И вот вдруг возник он, этот самый легендарный «товарищ Андрей». А представлялся он на этот раз ничтоже сумняшеся «представителем ЦК РСДРП». Вроде как «сверху» прибыл, с инструкциями и полномочиями.

Впрочем, складывается впечатление, что связи он наводил не только по линиям бывших боевиков и рабочих, но и по линиям соплеменников. Потому что новый партийный актив, сколоченный Свердловым на «рабочем» Урале, оказался как на подбор — Юровский с женой Маней Янкелевной, Шейнкман, Цвиллинг, Вайнер, Сосновский, Жилинский, Крестинский, Герцман. Да и то сказать, времени у Свердлова было в обрез. Он спешил. Он всего за 10 дней сколотил «уральскую организацию большевиков». Ну подумайте сами, можно ли за 10 дней создать парторганизации на заводах и фабриках по всему огромному Уралу, провести выборы их руководства? И выборы делегатов на Первую Свободную Уральскую областную конференцию РСДРП?

Которая была созвана и открылась уже 14 апреля! Это была в полном смысле слова свердловская конференция. Он сам ее породил. Сам повыдергивал тех, кого смог побыстрее найти, чтоб получилось от разных городов, от заводов, от рабочих. Он единолично ею и руководил. Точнее, единолично проводил ее. Выступал аж с тремя докладами сразу — об Интернационале, по аграрному и по организационному вопросам. И в прениях он же то и дело выступал. Трепал, видать, первое, что на ум пришло. Потому что даже Новгородцева в своих воспоминаниях вынуждена была признать — супруг явно нес чепуху. «Яков Михайлович не смог с исчерпывающей полнотой определить тактику партии в сложившихся условиях. Не все он формулировал достаточно четко и правильно, не смог самостоятельно дойти до понимания Советов как государственной формы диктатуры пролетариата». Он-то выступал вообще против всего — и Временного правительства, и возникших небольшевистских Советов. Словом, круши-ломай!..

Но такие идеологические «проколы» были мелочью. Да и кто их слушал-то? Его же ставленники. Основной результат конференции был совершенно иным. Был избран Уральский областной комитет партии из тех же самых его ставленников во главе с самим Свердловым. И избраны 9 делегатов на VII Всероссийскую (Апрельскую) конференцию РСДРП (б). И 17 апреля, едва завершив эти дела, Яков Михайлович в составе делегации снова отбывает в Петроград.

Но теперь-то он приезжает в столицу не в качестве одного из многих освобожденных ссыльных! Не в качестве одного из сотен активистов прошлой подрывной деятельности. Нет, теперь он — «вождь уральских большевиков»! Он — руководитель крупной областной организации! Хотя на Урал только что избранный руководитель областной организации больше так и не вернется. Никогда. Урал для него — уже отыгранная карта. 18 апреля он впервые лично встретился с Лениным. И в своем новом ранге, естественно, вызвал интерес Ильича, вернувшегося из-за границы, не знающего российских реалий на местах. Он как бы «поклонился» Ленину Уралом. Сразу выделившись из прочего разношерстного партийного окружения вождя. И сразу сумел навязать ему свои услуги.

Которые были в этот момент очень и очень кстати. Впоследствии в советской литературе картина была сильно подретуширована. Но на самом-то деле сразу после приезда из эмиграции Ленин еще отнюдь не был непререкаемым и однозначным лидером даже в собственной партии. Она по-прежнему состояла из всевозможных расплывчатых группировок. ЦК, избранный еще на Пражской конференции в 1912 году, в полном составе не собирался ни разу. В нем было полно «мертвых душ». А по мере надобности — в ходе каких-то эмигрантских мероприятий, периодических объединений и размежеваний с конкурентами, ради каких-либо поручений в него принимали все новых и новых членов, и в нем набралось свыше 30 человек разных взглядов и ориентаций. Редакция «Правды», как и раньше, действовала сама по себе. Думцы — сами по себе. Кое-кто из большевиков уже попал в Петроградский Совет, то бишь «дорвался до власти» по другой, не партийной линии.

Достаточно сказать, что из пяти «Писем издалека», отравленных Лениным из эмиграции с проектами, как дальше развивать революцию, редакция «Правды» опубликовала всего одно. А остальные отправила «в корзину», они были изданы лишь после смерти Ильича. 4 апреля, сразу по приезде, Ленин дважды, на собраниях социал-демократов и большевиков, огласил свои «Апрельские тезисы» — программу борьбы с Временным правительством, выхода из войны, передачи власти Советам. Его восприняли с недоумением, а то и с возмущением. ЦК большинством голосов «Апрельские тезисы» отмел. А «Правда» хотя и напечатала их с задержкой, 7 апреля, но снабдила примечанием, что это — личное мнение товарища Ленина, не разделяемое и отвергнутое бюро ЦК большевиков.

И Апрельская конференция собиралась из такой же разнородной каши, совершенно не склонной единогласно поддерживать и одобрять Ильича. Вот тут-то и подвернулся Свердлов! Да еще и не один, а с делегацией. Всего-то 9 человек, но спаянных, сплоченных, Яков Михайлович их сам отбирал. Это была чуть ли не единственная дисциплинированная делегация, послушная каждому слову и мановению руки своего вожака. Как вспоминала делегат от Москвы М. М. Костеловская: «Приехали уральцы с Я. М. Свердловым во главе. Они поражали своей спайкой, организованностью и крепкой преданностью Ильичу. С их приездом сразу повеселело. Они стали организующим центром на конференции».

Сам «товарищ Андрей» за 6 дней, остававшихся до начала конференции, с помощью преданных ему подручных-уральцев энергично включился в работу по подготовке мероприятия. Уж он-то знал, как это важно — подготовка в нужном ключе, в нужном русле. На Урале уже такое провернул. А если там он высказывал установки, не совпадающие с ленинскими, то сейчас мгновенно переориентировался. Пристроился четко «в струю» вождя. Для Свердлова это тоже было не главное. Ну а в вопросах организации он был высококлассным профессионалом, проявил себя в полной мере. Там, где «теоретики» чесали в затылках, начинали рассуждать и обдумывать, он действовал. Структурировал аморфную партийную

массу, собиравшуюся на конференцию, обрабатывал, заранее намечал «нужных» людей. Легко справлялся со всеми чисто техническими вопросами. Раз-два — и у него все уже сделано.

И Ленин оценил столь блестящего практика. За несколько дней, прошедших с их первого знакомства, Свердлов успевает стать для него незаменимым! Стать верным помощником, причем одним из ближайших. Конференция открылась 24 апреля. Избрала президиум из 5 человек. И в их число попал Свердлов! Кто как не он сумеет лучше обеспечить ведение протоколов, всякие формальности, регламенты, устранить процессуальные недочеты и неувязки? Нет, на этом мероприятии он не «тянул одеяло на себя». Выступил с коротким докладом только один раз — «от Урала». Словом, заверяем, как один, готовы… Но несколько раз вносил организационные предложения по работе. И Ленин доверил ему зачитывать для вынесения на обсуждение некоторые из своих резолюций.

Он в общем-то и прилагал все усилия, чтобы эта конференция получилась «ленинской». Точно так же, как на Урале была «свердловская». В президиуме держался подчеркнуто в тени, на первый план не лез. Но в кулуарной игре, в закулисных интригах — о, в этом ему равных не было. Е. Д. Стасова вспоминала: «Он приехал тогда делегатом от Урала, но с первого же дня явился душой конференции по всем вопросам. Он устраивал совещания товарищей, когда надо было сплотить их по какому-либо из спорных вопросов. Он подготовлял и составлял комиссии… Можно только удивляться тому, как он успевал быть везде и проводить все встречи, совещания, число которых нельзя было сосчитать». Ей вторит большевичка С. И. Гопнер: «Свердлов на Апрельской конференции активно участвовал в борьбе за ленинскую позицию. Он успевал следить за прениями, организовывал комиссии и секции, следил за ходом дискуссии в них».

Да, он превзошел себя. Он понял то, чего большинство партийцев раньше не понимало — как важны протоколы: что в них занесено, в каких выражениях занесено, а что «выпало». Он устраивал и упомянутые кулуарные встречи, частные совещания, так и эдак обрабатывая несогласных, находя компромиссы, формулировочные сглаживания острых углов, сепаратные соглашения. Именно ему принадлежало предложение разбить конференцию на 6 секций. Для «удобства», для «более углубленного обсуждения вопросов». После чего осталось лишь умело растасовать делегатов. Чтобы выглядело «справедливо», но в секции по обсуждению ключевых вопросов попало бы большинство своих людей. А для второстепенных, не принципиальных — можно и политических противников. Как подмечала С. И. Гопнер, «это мероприятие… несомненно, облегчило полный провал оппозиции и победу ленинской партии».

Таким образом конференция стала первым партийным мероприятием со времени приезда Ленина, принявшим большинство его резолюций. Удалось разобраться и с ЦК, где большинство не приветствовало идей Ильича. Под предлогом, что руководящий орган раздулся, неработоспособен, давно не переизбирался, его основательно перетрясли и сократили. С 30 с лишним членов до 9. Вроде бы самых активных. Но подобным способом сумели «обрезать» и оставить за бортом тех, кто мешал и путался под ногами. Естественно, тоже не обошлось без кулуарных игр. Без персональных интриг — учитывая, что кто-то кому-то лично не нравился, кто-то кому-то дорогу перешел, кому-то посулили «утешительные призы».

За бортом осталось большинство эмигрантских «пивных теоретиков», привыкших панибратски обходиться с Лениным. Их-то потопить было легче легкого, они для внутрироссийских делегатов были чужими, сохраняли привычные им «барские» манеры и замашки. И амбиции имели чрезвычайные, претендуя никак не меньше, чем на руководство революцией. Так что можно было и шепнуть плебеям-неэмигрантам: «Да кто они такие? В то время как мы тут страдали и кровь проливали…». Правда, при перетряске слилась за борт и часть сомнительных деятелей, всякого рода «темных лошадок» наподобие Шаи Голощекина. Но и это было не серьезной потерей. В качестве «равного» Голощекин был Свердлову больше не нужен. Яков Михайлович уже поднялся на более высокий уровень. И такие, как Шая, теперь

требовались ему только в роли подручных, а не близких товарищей — он и сделал его подручным. Отправил на Урал, как бы своим «полномочным представителем».

Итогом Апрельской конференции стало создание совершенно нового ЦК. И не только. Фактически был заложен новый, «боевой» фундамент партии. Для Свердлова же главным итогом стало то, что он вошел в новый, немногочисленный Центральный Комитет. Вместе с Лениным, Сталиным, Милютиным, Ногиным, Каменевым, Зиновьевым… Вышел в первый ряд партийного руководства. И выдвинулся на роль «правой руки» Ленина.

13. Гений организации

В новом составе ЦК Свердлову было поручено вести организационную работу и возглавить Секретариат ЦК. Или Ленин, уже оценив его таланты «великого комбинатора», протолкнул его руководить Секретариатом. Или сам он постарался занять это место. В любом случае это было нетрудно. Лишь значительно позже ранг Секретарей ЦК будет обозначать крупных шишек, высших партийных руководителей. А в 1917 году секретари понимались в прямом смысле слова, то есть были именно всего лишь секретарями. Как уже отмечалось, до Свердлова Секретариат возглавляла Стасова, да и весь штат состоял из нескольких женщин, занимавшихся чисто бумажной работой. Оформлением протоколов, ведением текущей документации, рассылкой и получением писем.

Но… оказывалось, что Секретариат в то время являлся и аппаратом ЦК. Единственным. Другого еще не было. В ЦК тогда вообще не было четкого распределения круга обязанностей между его членами, это была только «головка» лидеров. Кто-то вел некое определенное направление, кто-то действовал практически самостоятельно, сегодня занимаясь одним, завтра другим, что обстановка подскажет. А единственной постоянной бюрократической структурой ЦК, связывавшей и обеспечивавшей единство действий, являлся Секретариат.

Из Таврического его «попросили», и он переехал в дом Кшесинской, под крылышко к Петроградскому Совету и «Военке». Собственно сперва была «Военка» — этот дом был захвачен в дни февральского бунта бронедивизионом. И мятежники вместе с примкнувшими к ним вожаками других частей объявили себя «Военной организацией большевиков». А потом, когда сформировалось Временное правительство, к «Военке» перебрался из Таврического Петросовет. А потом и Секретариат, получив всего две комнаты.

Однако Свердлов хорошо понял, какие возможности дает руководство аппаратом ЦК. И добился, чтобы был определен и сформулирован круг обязанностей Секретариата. Причем круг этот по сравнению со временами Стасовой значительно расширился. В ведение Секретариата были включены ведение документации, финансы ЦК, учет, кадровые вопросы — подбор и направление работников на места, связь с местными органами партии, текущая переписка, рассылка директив, указаний и инструкций ЦК, ответы на запросы с мест…

Что ж, некоторые из данных пунктов заслуживают особого внимания. Во-первых, пункт о финансах. Ведь тогдашняя деятельность ЦК большевиков финансировалась отнюдь не за счет партвзносов (Кто их стал бы платить? И кто бы к большевикам примкнул, если бы за это платить требовалось?) И не за счет газеты «Правда» и издательства «Прибой», как декларировалось официально. Напротив, газета и издательство были дотационными, убыточными. Финансирование осуществлялось за счет денег, поступающих из Германии. По оценкам современных исследователей, большевистский «десант», прибывший из эмиграции, привез с собой очень крупные суммы, около 50 млн. марок. Были созданы и каналы подпитки. Один — через банк «Ниа» в Стокгольме, откуда средства должны были переводиться в российский Сибирский банк. Второй — наличные деньги под видом частных пожертвований должен был передавать через Загранбюро ЦК швейцарский социал-демократ и германский шпион Карл Моор (кличка «Байер»).

Но дело это было крайне деликатное и крайне секретное! Просочись информация о «германском золоте» наружу, политические противники получили бы такой козырь, что партия

потеряла бы все влияние, всех сторонников! И к финансовым делам имел доступ лишь очень узкий круг ленинцев — Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Сиверс, Меркалин, Воровский, Ганецкий (Фюрстенберг), Радек (Собельсон), Семашко, Козловский, Суменсон. Даже многие члены ЦК не имели к этому касательства. А Свердлов вдруг получает допуск к «святая святых»! Только что вынырнувший из провинции, незнамо откуда, совершенно новый человек в руководстве…

Нет, тут можно сказать однозначно, случайному лицу, пусть и зарекомендовавшему себя «верным ленинцем», пусть и проявившему чрезвычайные таланты и способности, такого сверхдоверия оказать, конечно же, не могли. Откуда напрашивается вывод — Свердлов уже действовал не сам по себе. Он уже являлся представителем «сил неведомых». Таких, которые могли подсказать — этому довериться можно. Каких именно сил? Явно не германского генштаба и МИД. С ними он не был связан никогда. И германские документы, касающиеся финансирования большевиков (например, указание Имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 г. отделениям частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии) его среди «доверенных» не упоминают. Он тогда еще находился в Туруханске.

Но, как уже отмечалось, сама Германия в финансовой цепочке служила промежуточным звеном. Получая деньги от сионистских кругов Америки и других стран (через Якоба Шиффа, по данным французской разведки, прошло не менее 12 млн. долл., через лорда Мильнера — 21 млн. руб.). И сверхдоверие, оказанное Свердлову весной 1917 года, однозначно доказывает — в этих кругах «товарища Андрея» уже знали. Когда именно могла установиться такая связь, мы в прошлых главах упоминали предположительно. Теперь же она явно существовала. И нельзя отбросить вероятность, что агенты этих же сил как раз и помогли протолкнуть «товарища Андрея» в ближайшее окружение Ленина. И помогли «организационным чудесам» на Апрельской конференции…

Хотя и сам он был поистине мастером организации. Гением организации! Обратим внимание на другие пункты полномочий Секретариата: подбор и расстановка кадров, связь с местными органами, переписка, рассылка указаний ЦК. Решения-то Апрельская конференция приняла ленинские. Но кто их стал бы выполнять? Партийной дисциплины еще в помине не существовало. Местные лидеры решали вопросы тактики и стратегии по своему разумению. Даже и сам Свердлов, как мы помним, в свое время считал для себя решения партийного съезда вовсе не обязательными.

И Яков Михайлович принялся завоевывать для Ленина партию! Впервые применив для этого «кадровые методы». Свердлов в полной мере сумел понять — чтобы взять под контроль ту или иную организацию, вовсе не обязательно убеждать людей и обеспечивать себе численное большинство. Не обязательно даже обеспечивать большинство в руководящих органах. Достаточно выделить главные, ключевые посты — и расставить на них своих «верных» людей. Пусть немногих, единицы. Сумел расставить — и вся организация твоя!

Он и принялся этим заниматься. В Питер продолжали прибывать партийные кадры — из ссылок, с каторги, из армии, из эмиграции. Куда обратиться? Естественно, в Секретариат. Где и орудовал Свердлов, пользуясь данными ему правами учета и направления работников на места. Его «компьютерная» память работала великолепно. Многих он помнил по прежним встречам, о других что-то слышал, о третьих мог мгновенно составить представление по деталям разговора — оценить человека по кругу его знакомств, интересов, по участию в прежних делах. И шли расстановки. Как пишет Новгородцева, «с каждым встречался Свердлов, и тут же Секретариат ЦК направлял его на работу в Москву, Воронеж и Тулу, на Урал и в Сибирь, на Украину и в Закавказье, по всей стране». Формально никто не был обижен, все получали «важные» назначения. Но одни — в «ключевые» точки, а другие — во второстепенные. Не играющие особой роли. Растасовывались без ЦК, от имени Секретариата. То есть единолично Свердловым. Использовались и другие рычаги, попавшие в руки «товарища Андрея». В адрес Секретариата поступали сотни писем, запросов с мест, приезжали делегаты для получения инструкций, разъяснений своих проблем. Все это тоже Свердлов взял

на себя единолично. Работница Секретариата Л. Р. Менжинская писала: «На приходящих из провинции письмах и запросах Яков Михайлович всегда писал краткую резолюцию, которую секретари превращали в письма к организациям». В общем сам определял, что ответить, в каком свете, какие поставить задачи. Он лично принимал и посетителей, инструктировал, разъяснял «момент», подсказывал, какими способами решать их местные вопросы.

И по сути он не только «завоевывал» партию — он в данный период создавал новую партию. Очень отличающуюся от прежней, хотя и сохранившую старое название РСДРП(б). Она даже и по составу изменилась. От нее после Апрельской конференции откололись те, кто не был согласен с ленинской линией. Откололись «старики», обиженные исключением из ЦК, непризнанием своих «заслуг», обходом со стороны «выскочек». Такие без проблем оказывались в партии меньшевиков: четкого разграничения в двух лагерях социал-демократии еще не существовало. Зато и к большевикам повалили радикальные кадры из меньшевиков, вроде Петра (Пинхуса) Лазаревича Войкова (Вайнера), Георгия Ивановича Сафарова (Вольдина) и др. Потекли и те, кто был настроен наиболее «революционно» из «объединенцев», «ликвидаторов», пэпэсовцев, анархо-синдикалистов, бундовцев и прочей подобной публики. И вполне беспартийные доселе дезертиры, шпана, хулиганы, уголовники, совершенно безразличные к политическим программам, но испытывающие тягу погулять и пограбить, начинали, естественно, ориентироваться на самую «революционную» партию. То есть объявляли себя сторонниками большевиков. Вот Свердлов и занимался структурированием обновляющейся партии, взятием ее под контроль, отлаживанием ее управления.

Придумывал и методы противодействия политическим конкурентам. Так, в Питере рабочие организации группировались по заводам — во главе со своими фабзавкомами, по отраслям — объединяясь в профсоюзы. Но вес большевиков в фабзавкомах был далеко не преобладающим. А в профсоюзах — нулевым, они и при царе были легальными структурами, и там верховодили меньшевики. Изобретением Свердлова стали «крестьянские землячества». Точнее, начали они возникать сами по себе, стихийно. Во время войны оборонные заводы давали броню от призыва в армию, но многие кадровые рабочие ушли на фронт добровольно. А на их места в поисках брони набилось множество «лимиты» из деревень. И после Февраля стали группироваться друг с другом выходцы из одной деревни или одной местности.

Свердлов додумался это использовать. Противопоставить землячества профсоюзам и сделать «своей» структурой. Принялся поддерживать такие образования, через «Военку» их сводили с земляками из солдатской среды, с земляками-дезертирами. Они стали быстро разрастаться. По инициативе Якова Михайловича было создано Центральное бюро крестьянских землячеств — и работу в данном направлении возглавил сам Свердлов. Он написал устав этого бюро, организовал встречу лидеров землячеств с Лениным. В короткий срок в столице было создано более 20 «губернских объединений», в состав которых входили уездные, а в них, соответственно, волостные. Свердлов самолично составил и «наказ», с которым делегаты от землячеств начали выезжать по своим уездам, волостям, деревням, разнося агитацию на места.

Несмотря на «ленинскую линию» очень хорошие контакты наладились у Якова Михайловича и с Советами. Хотя там лидировали эсеры и меньшевики. Но большинство из них было соплеменниками Свердлова. И найти с ними общий язык ему было не трудно. Да и то сказать, эсеры и меньшевики рвались к власти — дабы потеснить и спихнуть правительственных либералов, самим занять их место. А большевики в данном отношении казались естественными «союзниками». И Свердлов благодаря возникшим «рабочим связям» сумел даже войти в состав Петроградской городской думы.

Ну а Временное правительство само облегчало противникам борьбу с собой. Заговорщики оказались никудышными властителями и организаторами. Выросшие в оппозиции, они умели лишь критиковать, обвинять, ниспровергать. Но в практических делах проявили себя

совершенно беспомощно, не умея создавать и руководить. Только разрушали. Разрушили опытную царскую администрацию в городах, губерниях, уездах — и на ее место полезли такие же оппозиционеры, как в столице, только еще более бестолковые. Был уничтожен аппарат полиции и жандармерии — а они выполняли в Россию и массу «неполицейских функций». Санитарного и пожарного контроля, статистики, сбора налогов. Вся система гражданского управления оказалась снесена и парализована…

Оппозиция вела борьбу с царем под лозунгами «свобод» — но в России имелись уже все демократические свободы на уровне западных стран. Значит, дорвавшись до власти, требовалось декларировать какие-то дополнительные, более широкие «свободы». Они и объявлялись: свобода печати — любой, вплоть до подрывной. Свобода партий — любых, вплоть до экстремистских. Свобода слова — любого, вплоть до вражеской агитации. Отмена смертной казни — что делало любые преступления безнаказанными.

И покатилась анархия. Тем более что в условиях военного расслоения на патриотов и шкурников Февральская революция и стала по большому счету победой шкурничества. Шкурничества политиков, рвущихся к власти. Шкурничества запасных солдат, не желающих на передовую. Шкурничества рабочих, желающих бастовать в свое удовольствие и при этом получать, сколько захочется. Шкурничества хулиганов, стремящихся всласть побезобразничать.

По-своему оценивая успехи Земгора и ВПК (под эгидой царской администрации) либералы были уверены, что без «препонов» дела в промышленности пойдут еще лучше. Не тут-то было. Гигантский промышленный подъем России после переворота сменился резким спадом. Народ пьянел от вседозволенности. Заводы вошли во вкус забастовок. Митинговали и бастовали по мельчайшим поводам. Уже в апреле выпуск продукции упал на 30–40 %. Требования поднять заработную плату намного превышали доходы предприятий (например, в Донбассе требования составили 240 млн. руб. в год при доходах 75 млн.). Локауты, забастовки в городах и на транспорте подрывали систему снабжения, и без того перегруженную войной. А это опять вело к недовольству и к новым забастовкам.

Как только ослабла центральная власть, активизировались сепаратисты. Сейм Финляндии потребовал независимости. Украинская Рада (Совет) во главе с Винниченко и Петлюрой начала добиваться автономии (пока). Предъявили права на автономию Кубанское и Донское казачество. Сибирь и Закавказье потребовали для себя отдельных Учредительных Собраний. Забурлил Северный Кавказ, здешние народы сразу вспомнили все обиды и счеты между собой, начались конфликты и резня. А освобождение по амнистии огромного числа уголовников вызвало разгул бандитизма. И правоохранительных органов, чтобы сладить с этим, больше не существовало.

В деревне крестьяне принялись решать «земельный вопрос». Явочным порядком, по постановлениям местных Советов, то там то здесь начали делить и переделивать землю. В Тамбовской и Тверской губерниях это вылилось в стихийные бунты с поджогами усадеб и убийствами. Навести элементарный порядок Временное правительство не могло. Да и как оно стало бы наводить порядок? Уподобляться «царским сатрапам» которых сами же либералы за это поливали? Да если бы они и захотели что-то предпринять, их усилия тут же парализовала бы «вторая власть», Советы.

Кстати, либералы из Временного правительства отнюдь не были добренькими идеалистами. Выпустили блатных, террористов, осужденных шпионов — но тут же за решеткой оказались прежние министры (в тщетных попытках доказать «измену» их и царя). Шумели о свободе слова, но за резкое письмо в адрес правительства арестовали генерала В. И. Гурко. Посадили тех, кого царь якобы оправдал без оснований — Ренненкампфа, Сухомлинова (но почему-то не Рубинштейна и сахарозаводчиков). Посадили генерала Батюшина и членов его комиссии, копнувшей вредительство банкиров, заводчиков, медиамагнатов…

Впоследствии разрушение государства многие авторы вплоть до Бердяева и Горького очень уж старательно подтасовывали к «бессмысленному русскому бунту». Черта с два! Бунт — был. Но кто так долго и так тщательно раскачивал Россию, чтобы разжечь его, чтобы довести народ до бунта? А когда «джинн» был выпущен из бутылки, сами же авторы не могли с ним справиться. И мало того, сами авторы преднамеренно заигрывали теперь с «джинном», дабы обезопасить себя и от него, и от здоровых патриотических сил. Огромный Петроградский гарнизон своим бунтом обеспечил победу либералам. Но до них гарнизонным шкурникам никакого дела не было. Их интерес был — не попасть на фронт. Гарнизон и выдвинул такое требование. А Временное правительство приняло. Чтобы солдатня и его не смела. И в надежде обрести собственную вооруженную опору. Объявило, что «за особые заслуги в деле революции» и «для охраны революции» петроградские части останутся на местах.

Никакой опоры оно, конечно, не обрело. Шкурники никому не могут быть опорой. Гарнизон еще более разросся, 200 тыс. солдат и 25 тыс. матросов бездельничали, митинговали, подрабатывали продажей семечек, кремней для зажигалок, спекулировали самогоном и оружием. И входили во вкус диктовать властям свою волю. Превратившись не в опору, а в дамоклов меч, висящий над головой правительства.

«Свободы», митинговщина и комитеты, насаженные сверху, быстро охватили разложением и фронтовые части. Естественно, в солдатские комитеты попали не служаки, не патриоты, а демагоги с хорошо подвешенными языками. Если командование не имело на них управы, то сами комитетчики всегда находили поддержку вплоть до столицы, обращаясь в Советы. В потоках митингов доступ к солдатам и право вести агитацию получили все — большевики, националисты, германские шпионы. А Верховный Главнокомандующий Алексеев, пытавшийся удержать армию вне политики, выразивший несогласие с «Декларацией прав солдата», мгновенно был отправлен в отставку и заменен более лояльным Брусиловым.

И вот такая война, превратившаяся в глупую бестолковщину, стала непонятной и ненужной даже и для лучших солдат. Прежде они храбро шли на смерть «за веру, царя и Отечество». Теперь царя не было. Понятие веры господа либералы и масоны затерли, отбросили как «реакционное», не соответствующее их собственному «просвещению». Сражаться за революцию — то есть за начавшийся развал и хаос? Или сражаться за «министров-капиталистов» — куда более чуждых и далеких для простонародья, чем православный царь? Это было глупо. Ну а формула «мир без аннексий и контрибуций», выдвинутая, кстати, не большевиками, а еще в апреле эсерами и социал-демократами, лишала войну и последнего видимого смысла — ради чего ж тогда вообще кровь лить? Уже и понятие Отечества стало теряться в агитации, которая снова ориентировалась на шкурничество, выпячивая персональные, эгоистичные интересы. До Рязани-то немец, небось, не дойдет… А с индивидуальной точки зрения, с точки зрения торжествующего шкурничества, важнее было уцелеть самому, вернуться побыстрее в деревню и урвать земли. Как раз в такой обстановке начала находить благоприятную почву большевистская агитация — штык в землю и по домам!

А власти-то всем хочется! Одни дорвались до нее, другие еще нет. Так что раскачка продолжалась с разных сторон. И в начале мая в Петрограде вспыхнули крупные беспорядки. Дошло и до перестрелок, были убитые и раненые. Но все же еще имелись патриотически настроенные казаки, юнкера, офицеры. А во главе Петроградского округа стоял решительный генерал Корнилов, любимец армии. Взбунтовавшиеся части он сумел заставить вернуться в казармы, а безобразия прекратил бескровной демонстрацией силы — вывел на улицы надежные подразделения и выставил батарею у Зимнего дворца. Но после этого Советы и левые партии подняли такой вой, что Корнилов предпочел уйти с поста. На фронт.

Уже даже и некоторые оппозиционеры и заговорщики начали понимать, что натворили, мягко говоря, «не то». Ушел в отставку военный министр Гучков, пытавшийся притормозить «демократизацию» в армии. Разразился правительственный кризис. Первый кабинет Временного правительства пал. И князь Львов сформировал второй — надеясь достичь

взаимопонимания с левыми партиями, пошел на уступки им, пост военного министра отдал Керенскому, предоставил левым еще несколько портфелей…

Кстати, очень интересно получается. Обычно когда говорят о правительственных кризисах, то формированием новых кабинетов происходит при арбитраже и наблюдении сторонних структур: царя, короля, президента, парламента. Но ведь Временное правительство объединило в своем лице верховную, исполнительную и законодательную власти. И выходило, что кучка политиканов, хапнувшая эту власть, все вершила внутри себя. Сама себя «отставляла», переформировывала, допуская в свою среду новые лица и выводя часть старых. И тут уж, конечно, ни о какой легитимности речи быть не могло. Так что, с одной стороны, правомочно говорить о нескольких кабинетах Временного правительства. А с другой — об одном и том же явлении под названием «Временное правительство». Группировке проходимцев, которая сама же, путем переговоров и сговоров с другими проходимцами, меняла свой состав.

Отметим важную особенность послефевральского периода. Единство внешних антироссийских сил в это время снова нарушилось. Правящие круги Англии и Франции своей цели достигли. Россия была ослаблена. Царя свергли — значит, можно было не выполнять заключенных с ним соглашений и данных ему обещаний. О свободе определения Россией своих западных границ, о черноморских проливах. Профессор и пустозвон Милюков мог сколько угодно захлебываться речами об «исторической миссии» и «кресте над Святой Софией» — так бы ему и позволили воплотить эти фантазии! У руля страны находились теперь люди, во всем послушные Западу. Которые по-лакейски безоговорочно воспринимали к исполнению любые указания послов Палеолога и Бьюкенена. Спешили исполнить любое указание — пожалуйте-с! Так что дальнейших российских кризисов Англии и Франции не требовалось — им нужно было сперва немцев победить с помощью русского «пушечного мяса».

Другим внешним силам — Германии, Австро-Венгрии, Турции, достигнутого было отнюдь не достаточно. Им нужен был сепаратный мир на Востоке — поэтому шла поддержка большевиков, левой части меньшевиков и эсеров. Требовалось отчленение от России национальных окраин, чтобы после войны включить их в свои сферы влияния — поэтому шла поддержка сепаратистов. Третья внешняя группировка, сионистские круги, желали полного распада и уничтожения России. Поддерживая любые силы, «углубляющие» революцию.

И в дополнение к ленинскому последовал второй «десант». В Россию прибыл Троцкий. Уже не из Германии, а прямо из Америки. С целым кагалом своих сторонников. И тоже с изрядными деньгами. Но не «германским», а «американским» золотом. Впрочем, и к германским каналам, осуществляемым через Парвуса, он тоже получил доступ наряду с большевиками. Что служит лишним подтверждением общего происхождения «германских» и «американских» вливаний. Хотя изначально к большевикам Троцкий отношения не имел. Он начал создавать собственную организацию, называвшую себя «межрайонцы» — поскольку возникла она на Межрайонном совещании райсоветов Петрограда, фабзавкомов, профсоюзов, землячеств, женских и молодежных рабочих организаций.

В свою группировку Лев Давидович вобрал отколовшихся от Ленина большевиков-примиренцев, отколовшихся от Мартова и Чернова меньшевиков-интернационалистов. То есть занял положение как бы между партиями. Активистами Троцкого стали Луначарский, Володарский (Гольдштейн), Урицкий, Иоффе, Мануильский, Чудновский, Ларин, Рязанов.

Видный русский контрразведчик действительный статский советник В. Г. Орлов впоследствии писал о Троцком: «Он был величайшим преступником в России… Вплоть до Октябрьской революции Троцкий стоял в партии особняком, не сближаясь ни с большевиками, ни с меньшевиками. Его натура требовала независимости и власти. Троцкого отличала неразборчивость в средствах. Это же качество, доходившее почти до цинизма, было присуще и Ленину, но было продиктовано интересами и идеалами партии. Троцким же двигали

исключительно личные, эгоистичные интересы, не имевшие никакого отношения к общему делу, партии и благу государства».

Осмелимся внести поправку. Эгоистичные интересы, но не только личные. Троцкий был активным масоном, поддерживал связи с американскими сионистскими ложами. В частности, с Якобом Шиффом, Лев Давидович лично встречался и контактировал с ним в период пребывания в США в 1916 году. И сама группировка троцкистов по сути представляла не только «центристов», а масонствующее течение социал-демократии. Впрочем, к «вольным каменщикам» разных лож и направлений относились и многие видные большевики: С. П. Середа, Ю. В. Ломоносов, И. И. Скворцов-Степанов, Г. И. Петровский, Н. И. Бухарин, К. Радек (Собельсон), М. И. Скобелев, Н. Д. Соколов, А. В. Луначарский.

Ну а для Временного правительства смена кабинетов не дала практически ничего. Ну зачем было Керенскому удовлетворяться портфелем военного министра, если имелся более высокий пост председателя правительства? И с какой стати было мириться с правительством тем лидерам эсеров, меньшевиков, трудовиков и т. д. и т. п., которым никаких портфелей еще не досталось? Свистопляска неслась дальше…

14. С Лениным и без Ленина

События в стране все сильнее напоминали какую-то странную фантасмагорию. Эсеры и меньшевики готовили натиск на правительство и созвали I Всероссийский съезд Советов. Одновременно большевики готовили захват власти. Ну а Временное правительство в это же время готовило… генеральное наступление на фронте. Причем и Верховный Главнокомандующий Брусилов, и само же Временное правительство умоляли союзников… отменить эту операцию. Доказывали, что с разложившимися войсками наступать нельзя. Что в пассивном состоянии фронт еще может держаться, сохранит хотя бы видимость боеспособности и тем самым будет по-прежнему оттягивать на себя значительные силы врага. А если попытаться начать активные действия, это обернется катастрофой.

Да, дошло уже и до таких парадоксов — решение о том, наступать или не наступать нашим армиям, принимали не русское командование и правительство, а союзники! То есть победившие заговорщики стали полными марионетками своих закордонных покровителей. Да ведь и стратегического значения наступление уже не имело. Потому что в договоренности, достигнутой при царе, речь шла о двойном ударе, на французском и русском фронтах. А наступление на Западе, начатое в мае, позорно провалилось с огромными потерями, чуть не привело к революции во Франции, там были солдатские бунты. Но французские власти навели порядок быстро — диктатурой, военно-полевыми судами, расстрелами. А об отмене русского удара союзники и слышать не желали. Раз договорились — извольте выполнять. И начало операции было намечено на 18 июня.

3 июня открылся I Всероссийский съезд Советов. А через три дня собрался ЦК большевиков вместе с представителями петроградских организаций и «Военки», был заслушан доклад Подвойского, и большинством голосов было назначено выступление. На 10 июня. Поднять взбаламученную столицу, гарнизон, скинуть правительство и отдать власть съезду. Поставив его перед фактом. А при этом на победной волне самим занять господствующее положение в Советах. Однако большевики работали еще неумело. Сведения о подготовке получили широкую огласку. В Советах большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, декларирующим патриотическую позицию. Правда, «патриотизм» они понимали весьма своеобразно, в сочетании с собственными выгодами (и эти выгоды оказывались на первом плане). Но в данном случае они сочли переворот вредным. И в ночь с 9 на 10 июня съезд принял решение — на три дня рабочим и солдатам воздержаться от каких бы то ни было массовых акций.

Большевики попали в неудобное положение. Они-то намеревались поднять мятеж под лозунгом «Вся власть Советам!» — а получалось, что Советы запрещают такой вариант. В ту

же ночь экстренно собрался ЦК. Не в полном составе, всего 5 человек. Каменев, Зиновьев, Ногин высказались против выступления. «За» были двое. Ленин и Свердлов. И Ленин подчинился большинству. Остался при своем мнении, что восстание нужно, но признал, что в данном случае оно был бы несвоевременным. Свердлов пристроился к нему в струю, и они при голосовании воздержались.

Надо сказать, что несмотря на эту позицию, Свердлов по-прежнему поддерживал вполне нормальные отношения с эсеро-меньшевистским руководством. И для него съезд ознаменовался очередным успехом — он сумел пролезть в состав Центрального Исполнительного комитета (ЦИК) Советов, то бишь, вошел в руководящую структуру этой организации. А в день начала наступления, 18 июня, Советы организовали в Петрограде свои манифестации, оборонческо-патриотические (но и с политическими лозунгами). Любопытно отметить, что в манифестациях приняли участие и либералы — и колонна интеллигентов во главе с Милюковым маршировала… у окон британского посольства, демонстрируя свой «патриотизм» перед Бьюкененом! Точнее, демонстрируя свое низкопоклонство.

Можно ли после этого осуждать русских людей за ненависть к таким «патриотам»? И часть демонстраций и митингов все равно вылились в антиправительственные и антивоенные. С теми лозунгами и транспарантами, которые были заготовлены большевиками для отмененных акций 10 июня.

Небезынтересен и другой аспект. Чисто военный. Что же это за военная операция, о начале которой знает весь Петроград? Впрочем, и в армии дело обстояло настолько плачевно, что даже главнокомандующий Западным фронтом А. И. Деникин вынужден был специально допустить в газетах утечку информации о наступлении. Потому что знал — его войска в атаку не пойдут. И надеялся хотя бы таким «оповещением» удержать против себя вражеские дивизии, не дать перебросить их туда, где должен был наноситься главный удар. И действительно, вся операция на Западном фронте ограничилась артподготовкой. Те части и подразделения, которые все же выполнили приказ об атаке, не были поддержаны соседями, и их действия сразу захлебнулись. А многие солдатские комитеты даже и артиллерийским батареям, стоявшим неподалеку от их полков, стрелять запрещали. Чтоб не навлечь ответный огонь. То же произошло на Северном фронте.

А главный удар наносил Юго-Западный фронт силами 7-й и 11-й армий. Вспомогательные удары возлагались на 8-ю, 3-ю и Особую. Но в наступление перешла только одна армия, 8-я. Еще сохранившая остатки былых брусиловских традиций и память о победах. Да и командовал ею энергичный Л. Г. Корнилов. И вот тут-то выяснилось, насколько победоносным должен был стать удар русских армий в 1917 году, если бы не революция. Даже одна, не поддержанная никем 8-я армия прорвала неприятельские позиции, взяла Галич и Калуш, захватила 37 тыс. пленных и вышла на подступы к Львову. Увлеченные ее успехами, активизировались и другие армии фронта, 11-я и 7-я. Тоже двинулись вперед. И Австро-Венгрия обращалась к Германии, умоляя даже не о помощи, а о спасении. Считая, что все пропало! Но прочие участки фронта остались пассивными, и немцы без труда сняли оттуда несколько дивизий, сосредоточив их для контрудара.

3–4 июля начались германские контратаки. И в это же время вспыхнуло восстание в Петрограде. Организация этого выступления представляет собой весьма запутанную историю. Хотя ЦК большевиков принял решение об отмене выступления, но какие-то силы в партии действовали вопреки данному постановлению. Очевидно, действовал Свердлов. Не исключено, что с тайного благословения Ленина. Именно на эти дни была созвана II Петроградская конференция партии. Но независимо от большевиков действовали и троцкисты, подталкивая к мятежу. И началось. С оружием в руках выступил пулеметный полк, за ним — еще два полка, бронедивизион. Забастовала часть заводов. Поднялся Кронштадт, послав в столицу 6 тыс. вооруженных моряков. Свердлов, Подвойский, Невский, Слуцкий выступали с балкона дома Кшесинской, возбуждая народ речами. В ночь на 4 июля ЦК большевиков вместе с

Петроградским комитетом партии, частью делегатов конференции и «Военкой» принял решение — что раз уж выступление начато, надо его возглавить. Ленина при этом не было, он приехал позже. Но сразу присоединился к руководству восстанием.

В свидетельских показаниях, собранных потом Особой следственной комиссией правительства, отмечалось: «На балконе особняка Кшесинской находилось несколько человек, и среди них член ЦК Свердлов… Через несколько минут на балконе появились Луначарский (еще троцкист — прим. авт) и Ленин. И первым Свердлов обратился к подошедшим ко дворцу Кшесинской матросам и солдатам с небольшой речью. Приветствуя кронштадтцев от имени Центрального Комитета партии большевиков, Свердлов указал, что Центральный Комитет никогда не сомневался в том, что в исторические минуты авангард русской революции — истинные кронштадтские революционеры — придут на помощь петербургскому пролетариату…» Дальше он предоставил слово Ленину, но фактически продолжал руководить действом у особняка, регулируя, чтобы одна группа матросов и солдат послушала речи, потом отошла в сторону и дала место другой.

Однако мятеж был организован плохо. Шел вразнобой. Четкого плана, судя по всему, не существовало. Очевидно, сказывалось и то, что его инициировали разнородные силы. Пулеметчики выступили 3-го, а штурмовой отряд из Кронштадта прибыл только 4-го. А у правительства еще нашлись боеспособные части, готовые встать на его защиту. Юнкера Владимирского училища, несколько казачьих полков, отдельные роты гарнизона. И даже столь ничтожных, по сравнению с 200-тысячной массой повстанцев, но решительных и сплоченных сил оказалось достаточно. К Таврическому колонны бунтовщиков не пропустили, на Садовой встретили огнем. И они покатились прочь. Атаку мятежного дивизиона броневиков отбили демонстрационной вылазкой учебных, невооруженных машин с фанерной броней. Уже 5 июля выступление было подавлено. Всего в ходе восстания погибло 56 человек.

А на фронте дело обернулось полной катастрофой. В результате германского контрудара по разложившейся 11-й армии наступавшие русские войска в панике побежали, бросая оружие, сминая тылы и резервы. А едва обозначился прорыв, побежали и 8-я, 7-я армии. Быстро разваливаясь, превращаясь в толпы дезертиров и мародеров. Немцы быстро вернули утраченную территорию и погнали русских дальше, захватив ряд городов, массу трофеев и пленных. Керенский, примчавшись с фронта, потребовал 6 июля «установления полного правительственного контроля над армией». А Петроградский Совет ответил, что согласен предоставить такие полномочия — но в обмен на немедленное (а не после Учредительного Собрания) провозглашение республики и решение аграрного вопроса в пользу крестьян.

Во здорово, а? Не считаете? Военный министр во время войны выпрашивает контроль над армией! И ведет по этому поводу переговоры с непонятным самозваным органом! Который выставляет ответные претензии. В это же время министры Терещенко и Церетели повели переговоры с украинской самостийной Радой — о признании самостийности в обмен на поддержку на фронте «украинских частей». Пошел раздрай. Председатель правительства Львов ушел в отставку, уступив свой пост Керенскому. Будто этот пост был личным имуществом Львова. А переговоры с самостийниками возмутили либералов. Они-то, напомню, были за «сильную» демократическую Россию, распад их планам никак не соответствовал. Ну что ж, дело ограничилось тем, что и либералы ушли в отставку. А Керенский своей волей сформировал третий кабинет Временного правительства, где из 15 министров было 9 социалистов.

И первые шаги нового кабинета, напуганного фронтовыми событиями и восстанием, были достаточно жесткими. Верховным Главнокомандующим стал Корнилов. По его ультимативному требованию была восстановлена смертная казнь (только на фронте). Были закрыты газеты «Правда», «Окопная правда», флотская «Волна», распущен антироссийский финляндский сейм. После июльских событий «общественное мнение» вообще отвернулось от большевиков. Все социалистические партии выражали им презрение. Троцкий, Каменев, Коллонтай,

Луначарский были арестованы (впрочем, чисто номинально и ненадолго). А Ленин несколько дней прятался по частным квартирам, после чего перебрался с Зиновьевым в Разлив.

Но для Свердлова участие в восстании обошлось без каких-либо последствий. Он был членом ЦИК Советов, депутатом городской думы. И оказался в положении «неприкосновенного» лица. А может, и стоявшие за ним «силы неведомые» постарались и надавили нужные пружины, чтобы их эмиссара не трогали? Л. Р. Менжинская вспоминала: «В Секретариате через два-три дня (после подавления мятежа. — Авт.) дело пошло нормальным ходом, и твердая рука Якова Михайловича направляла всю работу в сторону поддержки связи с местными организациями, обслуживания материалами новой большевистской газеты и главное — в сторону подготовки VI партийного съезда».

И он же, Свердлов, взял на себя поддержание связи между Разливом и Петроградом. Не он один, к Ильичу периодически ездили и Сталин, Дзержинский. Однако и для Якова Михайловича положение получилось очень удобным. Он в первый раз (нет, не в последний) получил возможность выступать «представителем» Ленина. Вершить дела именем Ленина. Как выразитель его воли, его предначертаний, его указаний.

В начале июля, как раз накануне беспорядков, в Петроград прибыла и Новгородцева с детьми. Выехав из Монастырского первым пароходом. Из чего видно, как много выиграл Свердлов в своей гонке по льду Енисея — без этого и он бы только к июлю очутился в столице. Попал бы уже на «готовенькое» и вынужден был бы довольствоваться третьестепенными оставшимися ролями в партийной и советской работе. А так и сам успел достичь высокого положения. И жену пристроить. Что ж, семейными связями он и раньше не пренебрегал, и в дальнейшем пренебрегать не будет. Это надежно. Надежнее и партийного «товарищества», и личной «дружбы». И уже в середине июля он назначил Клавдию Тимофеевну заведующей издательством ЦК «Прибой». Назначил от имени ЦК (который не собирался и которого вообще, по сути, не было — кто в Разливе, кто под арестом, кто залег «на дно» в Питере).

И назначение было, между прочим, весьма и весьма «ключевым». Потому что «Прибой» являлся главным пунктом «отмывки» денег, поступающих извне. Финансы ЦК большевиков декларировались именно как доходы от «Прибоя» и «Правды». Но «Правда» была закрыта, «Прибой» остался. Новгородцева в своих мемуарах не удержалась, чтобы не коснуться вопроса о деньгах. Хотя и, понятно, в отредактированной форме: «Благодаря тому, что почти никто из наших авторов не брал гонорара, издательство давало прибыль. Это позволяло нам систематически снабжать деньгами центральный орган партии. Деньги я обычно передавала через Дзержинского, он заходил ко мне за ними». В общем Свердлов подмял под себя канал финансирования партии и партийную бухгалтерию.

И в связи с этим требуется сделать немаловажное отступление. Дело в том, что финансирование большевиков из Германии через банк «Ниа» в данный момент пресеклось. Русская контрразведка вскрыла этот канал. Обнаружила его выходы в Сибирский банк на счета Козловского и некой Суменсон, действовавшей под видом сотрудницы швейцарской фирмы «Нестле». Оставался второй канал — наличными, через Карла Моора («Байера»).

16 июля Радек, находившийся в Стокгольме, доложил Ленину, что Моор готов передать деньги и запросил о из распределении. Но после неудачного мятежа, когда вся российская пресса вопила о работе большевиков на Германию, это было слишком опасно. И Владимир Ильич предпочел перестраховаться. Он пишет: «Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него не было и нет ни прямого, ни косвенного снюхивания с немецкими социал-империалистами?… Тут нет, т. е. не должно быть, места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т. п.» (ПСС, т. 49, с. 447). Хотя он прекрасно знал Моора, тесно общался с ним в Швейцарии, и не кто иной как Моор давал поручительство перед кантональными властями, чтобы Ленин смог поселиться в этой стране.

Вероятно, намек Ленина не был понят. И 24 сентября секретарь Заграничного Бюро ЦК Семашко вновь доложил, что Моор готов передать большевикам «полученное им крупное наследство». На что ЦК РСДРП(б) ответил уже открытым текстом: «Всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми». Но затем случилась революция, большевики взяли власть, и 4 ноября 1917 года Воровский направил в Берн телеграмму на имя Моора: «Выполните, пожалуйста, немедленно Ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования». Моор тотчас доложил о телеграмме германскому посланнику Ромбергу, и тот передал информацию в Берлин, указывая: «Байер дал мне знать, что это сообщение делает его поездку на север еще более необходимой».

Из данной цепочки фактов А. Г. Латышев, исследовавший вопросы финансирования большевиков, сделал справедливый вывод: после июльских событий, избегая из осторожности связей с немцами, большевики где-то крупно задолжали. А в ноябре, когда власть уже была в их руках, хотели вернуть долг (Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996). Но отсюда вытекает вопрос, на который ответа так и не дано. А где они могли задолжать? У кого? Причем «где» и «кто» были такими, что большевики считали необходимым расплатиться. Ясное дело, кредиты они получили не у российских банкиров, которых без всяких проблем позже «экспроприировали». Но, выходит, с июля по ноябрь финансирование шло и не из Германии! Следовательно, существовал еще одни канал. И такой, что перед хозяевами приходилось связать «себя обязательствами». Такой, что хозяева потом могли предъявить «большие требования»… Этот канал до сих пор остается неизвестным.

Можно лишь строить догадки. Как уже отмечалось, троцкисты были связаны с еврейскими масонскими ложами, с американскими банкирами в лице Якоба Шиффа. Но в последующих главах будет приведено свидетельство, что и Свердлов имел контакты с Шиффом. И контакты эти осуществлялись через американскую миссию. Может быть, и деньги в период с июля по октябрь поступали оттуда. «В долг», обставляясь какими-то упомянутыми «обязательствами». В любом случае ясно, что Свердлов к данному неизвестному каналу имел самое прямое отношение. И даже счел нужным на отмывочную «бухгалтерию» поставить собственную супругу.

Кстати, детей они в этой неспокойной обстановке отправили к деду, Мовше Израилевичу, в Нижний Новгород. Хотя до сих пор никаких связей с ним так и не поддерживали. Ни разу, кроме мимолетного визита в 1910 г. не встречались. А внуков своих старый гравер вообще ни разу не видел. Скитаясь по России во время отсидок мужа, Клавдия Тимофеевна никогда к тестю не заезжала. И в ссылки к супругу детишек с собой таскала — и в Нарым, и в Туруханский край. Откуда видно, что теплых отношений между семьей Якова Михайловича и его отцом до сих пор не возникло.

Вероятно, были и сомнения, как в этот раз сложится. И Новогородцева пишет: «К нашей радости, дед с охотой принял внучат». Невольно напрашивается предположение, что Яков Михайлович не забыл хорошо приплатить папе на содержание отпрысков. В прошлых главах было показано, что он был отнюдь не лишен «коммерческой жилки». И, как будет показано, в дальнейшем не забывал о собственном кармане. Откуда вполне логичным будет допустить, что и летом 1917-го, когда через его руки бесконтрольно протекали энные суммы, кое-что могло уйти и на личные нужды «товарища Андрея». Может, и отец подобрел, поняв, что его «блудный сын» все же не окончательный балбес, а его революция — не пустое занятие. Что сумел Янкель найти свой «гешефт».

Ну а основное внимания Свердлова, как и всего ЦК, было в это время сосредоточено на организации VI съезда партии. Началась подготовка к этому важному мероприятию еще до восстания. А теперь ее приходилось вести без Ленина, без ряда других лидеров. И когда в середине июля было создано Организационное бюро по созыву съезда, возглавил его не кто иной, как Яков Михайлович. Он и подыскивал помещение, и составлял повестку дня, и

регламент. И делегатов принимал. И регистрацией их заведовал. А если вспомнить его опыт с проведением Уральской конференции, возникает мысль, что и отбор части делегатов произвел он же.

И вот что знаменательно: именно на VI съезде произошло объединение большевиков с троцкистами! Встает вопрос, кто наводил мосты с ними, вел переговоры? Кто обеспечил это объединение? Не Ленин. Он в столице так и не появлялся. Не Сталин. Он уже в те времена Троцкого ненавидел. И «дипломатом» не был, переговоры с его участием были бы обречены на провал. Были выключены из активной деятельности и Зиновьев, Каменев. А остальные члены ЦК и лидеры большевиков были фигурами не того масштаба, чтобы влиять на политику партии. Остается — Свердлов.

Мало того, если копнуть факты, то выясняется, что Яков Михайлович помогал не только объединению с троцкистами. А поучаствовал даже в создании Львом Давидовичем его группировки! Как уже отмечалось, «межрайонцы» сформировались и оформились на Межрайонном совещании райсоветов Петрограда, фабзавкомов, профсоюзов, землячеств, женских и молодежных рабочих организаций. А одним из главных организаторов этого мероприятия был Свердлов.

Вот вам и разгадка событий июльского мятежа. ЦК большевиков голосует против, но троцкисты действуют. И кто-то из лагеря большевиков тоже действует. Вместе с троцкистами… Ну а после провала мятежа, после случившегося разнобоя и раздрая, был сделан вывод, что на будущее так не годится. Нужна более тесная консолидация. Возможно, что это подсказали «силы неведомые». В роли связующего звена между Разливом и ЦК Свердлов имел возможность оказать соответствующее влияние и на Ленина. Вспомним и о неведомых источниках финансирования. Это могло быть очень сильным аргументом в пользу объединения. Дескать, деньги-то получить можно, но…

И слияние осуществилось. Съезд открылся 26 июля, полуподпольно, в помещении, арендованном у христианского братства при Сампсониевской церкви на Выборгской стороне. Как вспоминал потом делегат Ю. Н. Флаксерман, Свердлов встречал собирающихся. «Весь он как бы светился, излучал бодрость и энергию. Он протянул мне руку, крепко сжал мою и радостно сказал: «К нам пришли межрайонцы!» Впереди была большая работа, партия крепила свои ряды, а в межрайонке — Луначарский, Володарский и другие…» Этих других, Троцкого и иже с ним, Флаксерман из воспоминаний по понятным причинам скромненько опустил.

Ленина избрали почетным председателем, а реально заседание вел Свердлов. Но основные доклады — политический отчет и доклад о политическом положении Ильич поручил все же не ему, а Сталину. Яков Михайлович выступал только с организационным отчетом. И надо сказать, что сохранившийся текст этого отчета выглядит неясным и путанным. В нем ничего не сказано о фракциях, существовавших в социал-демократии, о их разногласиях. Ни разу даже не упоминается слово «большевик»! А в качестве главного достижения выделяется все то же — что в партию вступили 4 тыс. межрайонцев.

Съезд рассмотрел вопрос о явке Ленина на суд Временного правительства. Постановил — считать такую явку невозможной. И взял курс на вооруженное восстание. Сведения об этом просочились куда шире, чем следовало. Каким-то образом попали и в прессу. Поднялся шум. И 28 июля последовало распоряжение Временного правительства о запрете каких бы то ни было съездов и конференций. Тут же Свердлов по своей инициативе созывает внеочередное закрытое заседание. И призывает быстренько-быстренько, пока не разогнали, избрать ЦК. Это и происходит быстренько-быстренько. Как пишет Новгородцева, «протокола этого заседания не велось, результаты выборов полностью не оглашались. Яков Михайлович занес результаты выборов шифром в свою записную книжку и огласил их только на Пленуме ЦК, после окончания съезда».

Вот таким странным и сомнительным образом был избран новый ЦК, большевистско-троцкистский, из 21 члена и 10 кандидатов в члены ЦК. После чего VI съезд партии… перебрался из Выборгского района в Нарвский и вполне спокойно, без спешки и суеты завершил свою работу. Ну а Пленум ЦК собрался 4–5 августа далеко не в полном составе. И при этом избрал «узкий состав ЦК». Для проведения текущей работы. Куда Ленин вообще не вошел — якобы как отсутствующий. А 6 августа собрался «узкий состав» и сформировал Секретариат ЦК, он получил и второе название, Оргбюро. В него вошли Свердлов, Иоффе (от троцкистов), Дзержинский, Муранов и Стасова.

Отслеживая эти хитрые ходы и манипуляции Якова Михайловича, можно прийти к версии, что он не прочь был и переориентироваться. С Ленина на Троцкого. Или, во всяком случае, обеспечил себе возможность лавирования между ними. А скорее всего, возможность играть на подобном лавировании. В свою пользу.

15. В «мутной воде»

Сам способ, которым сформировалось Временное правительство, сам его состав и методы вели его к катастрофе. Утвердившись у власти в результате заговора и альянса с Советами, оно создало «вторую силу», подталкивающую его слева. А поставив во главу угла «революционные» ценности, оно никак не могло конкурировать со своими более левыми противниками. Они, как ни крути, оказывались «революционнее». Остановить процесс, навести хоть какой-нибудь порядок? Но тогда правительство превращалось в «запрещающий» орган, а Советы — в «разрешающий», защищающий «права и свободы». И в результате периодических кризисов и смен кабинетов шло «полевение» самого Временного правительства. Одни демагоги приходили, «углубляли революцию» по-своему, что приводило лишь к дальнейшему ухудшению обстановки, и при очередном кризисе они уходили, уступая место другим демагогам, еще более некомпетентным и радикальным. Но и к согласию это не приводило, поскольку левела и оппозиция — за теми, кто дорывался до власти, стояли в очереди более «революционные» конкуренты. За меньшевиками — большевики. От эсеров тоже откололось в самостоятельную партию мощное левое крыло во главе с террористкой и истеричкой Марией Спиридоновой…

Получался заколдованный круг. И выход из него был только один. Тот же самый, который применили французы в мае 1917 г. Диктатура. Могла ли она спасти Россию? Трудно сказать. Но могла, по крайней мере, временно стабилизировать обстановку, сделать ее подконтрольной. Такую попытку и предпринял Корнилов. Генерал либеральных взглядов, республиканец. Но по натуре он был человеком честным, искренним, очень смелым. И никудышным политиком. Когда он был назначен Верховным Главнокомандующим, то ужаснулся, увидев глубину развала. В Петрограде его даже конфиденциально предупредили, что на заседании правительства нельзя… докладывать секретные вопросы! Все тут же станет известно противнику «в товарищеском порядке». И намекнули на министра земледелии эсера Чернова. В самом правительстве уже были шпионы, и мало того — правительство знало об этом!

Самые разные круги в России связывали с Корниловым надежды на спасение. К нему отовсюду шли письма и петиции. Ехали люди изливать свои беды и обиды. Казаки, помещики, общественные деятели, изгнанные из частей офицеры и члены семей офицеров, убитых солдатней. И он начал действовать. Но не против правительства, а в его поддержку. Он подготовил докладную записку, в которой изложил план: 1) распространение на тыловые районы военно-революционных судов; 2) ответственность перед законом Советов и комитетов за свои действия; 3) восстановление дисциплинарной власти начальников и реорганизация армии. Предполагалось сделать то, на что не решился царь. Двинуть на столицу надежные части — 3-й конный корпус, 7-ю Дикую дивизию, Корниловский полк и др., сведя их в особую Петроградскую армию. Разогнать большевиков, а если их поддержат Советы, то и их тоже. Разоружить бездельный петроградский гарнизон. И установить диктатуру. Но не

персональную, а коллективную, диктатуру правительства. Которая твердой рукой доведет страну до общенародного волеизъявления — Учредительного Собрания.

Этот проект и был представлен Керенскому — министру-председателю и одновременно военному министру. Но… он заюлил. Он ведь был одновременно и товарищем председателя Петроградского Совета. И видел себя не иначе как в роли «вождя революции». Человек самовлюбленный, подленький. Впрочем, эти качества для политиков не так уж редки. Но он был еще и полной «пустышкой» и мог держаться «на гребне» только в революционной атмосфере. Очень опасался за персональную власть, которой достиг. Боялся, что его потеснит тот же Корнилов. Боялся, что при новом раскладе — «твердой власти», он со своим единственным талантом, талантом демагога, очутится на втором плане. И, несмотря на устную договоренность, достигнутую с Корниловым, Керенский медлил, мурыжил, и представленный ему проект на заседание правительства не выносил.

Вместо решительных действий было созвано Московское Государственное Совещание. Из представителей «общественности», различных партий, разных слоев населения, деловых кругов. Шумели, что это Совещание решит все наболевшие вопросы, утрясет все проблемы, позволит прийти к общенародному согласию. Но, разумеется, ни к каким реальным результатам подобное мероприятие привести не могло, вылившись в пустую говорильню. Каждый высказывал свое, и никто не хотел воспринимать противного…

А большевики не болтали, они действовали. «Кадровые» методы Свердлова срабатывали безукоризненно. Партия к концу лета была практически «завоевана», то есть стала не расплывчатой массой, а управляемой, относительно дисциплинированной структурой. Сказывалось и усиление троцкистами. Сказывалось и стороннее финансирование. И вслед за завоеванием партии пошло завоевание Советов. Нет, не всех. Чтобы взять верх во всех Советах, у большевиков даже и в это время сил еще не хватило бы. Но действовал тот же принцип — захватить «ключевые» точки. В Петрограде, Москве, других важнейших центрах. И сюда настойчиво внедряли своих людей, перевербовывали активистов, разочаровавшихся в других партиях.

Ленин в августе перебрался из Разлива еще дальше, в Финляндию. Там уже царили вполне сепаратистские настроения, власти вели себя независимо от Петрограда, и российской контрразведке и прокуратуре туда ходу не было. Живую связь стало поддерживать труднее, тем не менее Свердлов дважды ездил к нему в Финляндию, что давало возможность при необходимости ссылаться на мнения Ильича и в спорных вопросах прикрываться его авторитетом.

А в конце августа ситуация резко изменилась. Немцы в результате частной операции взяли Ригу — разложившаяся 12-я армия бежала без боя. И теперь-то даже большинство членов правительства спохватилось, выступали за решительные меры. Керенский был вынужден принять план Корнилова. Были подготовлены несколько законопроектов — о введении в Питере военного положения, о мобилизации в нуждах фронта промышленности и транспорта, введении смертной казни, укреплении армии. Но Керенский пока не подписывал их. Обещал подписать позже, когда к столице подойдут надежные части. Чтобы неизбежное возмущение не застало правительство «безоружным».

И Корнилов поверил. Отдал приказ на выступление. Полки стали грузиться в эшелоны для отправки в Петроград. Казалось, все шло к развязке. Если и не бескровной, то малой кровью. Тыловые шкурники из запасных частей никакой реальной силы не представляли и уж конечно стоять насмерть не стали бы. Фронтовики раскатали бы их мгновенно. Но… внезапно предал Керенский. Роли «спасителя отечества» (которая могла достаться вовсе не ему, а Корнилову), он предпочел роль «спасителя революции». Объявив Верховного Главнокомандующего изменником. А заодно под предлогом «спасения» вознамерился получить диктаторские полномочия — лично для себя.

Состоялось бурное заседание правительства. Министры его не поддержали. Он кричал, что раз так, он уходит к Советам, несколько раз хлопал дверью. А в итоге распустил кабинет, 27 августа самочинно присвоил себе диктаторские полномочия и единолично отстранил Корнилова от должности. На что, кстати, не имел никакого юридического права. 28 августа он потребовал отмены движения войск к Петрограду. Корнилов отказался, выступил с резким воззванием к народу, указав, что правительство опять попало под влияние «безответственных сил».

Столица была в панике. Керенский объявил Верховным Главнокомандующим самого себя и собирался то обороняться, то бежать. Советы тоже серьезно думали о бегстве. Савинков, назначенный генерал-губернатором, пытался сформировать оборону из ни на что не годного гарнизона, не желающего сражаться. Корнилов и его сподвижники были объявлены мятежниками… А большевики очень здорово воспользовались моментом. 28 августа под руководством Свердлова и Дзержинского прошло совещание Военной организации с участием представителей полков. На заводах началось формирование Красной гвардии — этот процесс тоже подмяли под себя большевики. Для защиты от «контрреволюции» (то бишь защиты Временного правительства) получали на складах винтовки, пулеметы, патроны, вооружая своих сторонников.

Хотя против Корнилова Красная гвардия, как и гарнизонные части, не понадобились. Гибельным стал сам демарш Керенского — он оказался слишком неожиданным для Лавра Георгиевича. И получилось так, что Корнилов остался в Ставке, командующий Петроградской армией Крымов торчал в Луге — без войск. А эшелоны с полками растянулись по железным дорогам на огромном пространстве от Пскова до Нарвы и Петрограда. Без командования. Железнодорожники и станционные комитеты, узнав о «мятеже», загоняли их в тупики, отцепляли паровозы, разбирали пути. Движение прекратилось. Части были оторваны друг от друга, лишены управления. К тому же казаки и горцы были сбиты с толку. Ведь они-то ехали защищать Временное правительство! А сейчас то же самое правительство клеймит их изменниками! И тотчас остановившиеся эшелоны были атакованы агитаторами и делегациями всех мастей… «Мятеж» заглох, так и не начавшись. Корнилов и поддержавшие его генералы и офицеры были арестованы.

Керенский начал очередную чистку в армии, изгоняя «корниловцев». То есть последних еще остававшихся в строю офицеров-патриотов. И тем самым довершил развал вооруженных сил. Принялся формировать четвертый кабинет Временного правительства, уже чисто социалистический. Но и большевики не зевали. Керенский своими игрищами по сути сам рубил под собой сук. И теперь его обвинили, что он был замешан в «корниловщине». Было объявлено, что правительство не способно защитить революцию, и на волне общего возбуждения 31 августа в Петроградском Совете большевики вынесли на обсуждение недоверие кабинету под лозунгом «Вся власть Советам!» Их резолюция была принята большинством голосов. Меньшевистско-эсеровское руководство подало в отставку. И верховенство в президиуме Петросовета досталось большевикам. Председателем вместо Чхеидзе стал Троцкий. Таким же образом под контроль был взят Московский Совет.

Отныне штаб большевиков обосновался в Петроградском Совете — в Смольном институте благородных девиц. В состав Совета попал и Свердлов, он тоже перенес свою резиденцию в Смольный, где открыл как бы филиал Секретариата. А аппарат Секретариата был фактически слит с «Прибоем», они разместились в общем помещении на Фурштадтской, арендованном у женской монашеской общины. Здесь теперь шла бумажная и закулисная работа, а в Смольном Яков Михайлович вел прием посетителей, назначал встречи.

Если своими «кадровыми» методами он способствовал успехам партии, повышению влияния Ленина и Троцкого, то при этом начал формировать и собственный круг доверенных людей. Так сказать, «свердловцев». В него вошли Стасова, Володарский (Гольдштейн). Близкие отношения установились и с Моисеем Соломоновичем Урицким — выходцем из семьи

хасидов и меньшевиком. «Товарищ Андрей» приближает к себе Аванесова (Мартиросова). И все сильнее подчиняет своему влиянию Подвойского (их «дружба» станет настолько тесной, что в будущем перерастет в семейные связи, и уже после смерти Якова Михайловича Подвойский выдаст дочь за его сына).

Захватывать влияние в Советах было тем легче, что даже небольшевистские их лидеры все равно действовали вразнобой со своими партийными коллегами из правительства, враждовали с ними, всячески отстаивали свою самостоятельность. Так, в дни корниловского выступления возникло множество всяких «ревкомов», «комитетов охраны революции». 4 сентября, когда угроза миновала, правительство попробовало распустить их, объявив, что «самочинных действий в дальнейшем допускаемо быть не должно». Но в этот же день ЦИК Советов (еще не большевистский) издал резолюцию, чтобы эти органы «работали с прежней энергией».

Правда, и у большевиков единства еще не было. 15 сентября Ленин, находившийся в Выборге, прислал письма, где призывалось приступить к практической подготовке вооруженного восстания. Часть ЦК выступила против. Другая часть в целом согласилась с призывом, но сочла, что с ним нужно погодить. Это мнение и победило. Свердлов в данной ситуации проявил себя сторонником самой радикальной линии и «верным» ленинцем. Сослался на то, что письма были адресованы не только ЦК, а еще и Петросовету и Моссовету. И разослал их вопреки принятому решению. Активно занялся вопросами дальнейшего формирования Красной гвардии. Что ж, здесь он был в своей стихии! Опыт создания отрядов боевиков у него имелся, он отлично умел общаться со шпаной, хулиганьем, блатными и приблатненными элементами. А как раз из таких и составлялся костяк красногвардейцев.

Ну а последние месяцы существования «демократической власти» утонули в потоках болтовни. Вслед за бестолковым Московским Государственным Совещанием в сентябре было созвано Демократическое совещание. По замыслу инициаторов из ЦИК, оно должно было создать «единый демократический фронт» и образовать «революционный парламент». Не тут-то было! Снова высказывали каждый свое, выливали друг на друга взаимные обвинения. Формулу о необходимости коалиции приняли «за основу» 766 голосами против 688. «В целом» резолюцию о необходимости коалиции отвергли 813 голосами против 183. Из состава совещания был избран «предпарламент» как совещательный орган всех российских партий до созыва Учредительного Собрания. Он получил название «Временный Совет Российской республики» и захлебывался речами, истекал словесным поносом, ломал копья из-за мелочных формулировок и раздирался взаимной грызней.

А Россия постепенно погружалась в полный хаос. Погромы, беспорядки, самосуды, преступность. Возникла угроза голода — в транспортах с хлебом, направленных в Петроград, из 200 тыс. пудов было разграблено по пути 100 тыс. Вслед за Северным Кавказом, анархия и междоусобицы охватили Туркестан. Финляндия знать не желала Россию. Украинская Центральная Рада заявила о суверенитете. Начали входить во вкус забастовок даже ранее дисциплинированные железнодорожники. Советы явочным порядком повели кампанию «социализации» предприятий. Инженеры и мастера подвергались таким же гонениям, как офицеры на фронте, уходили. Продукция и инструменты разворовывались. В результате к октябрю закрылось до тысячи заводов и фабрик. Сотни тысяч безработных… Они явились готовым пополнением для Красной гвардии.

Керенский, став Верховным Главнокомандующим, назначил начальником штаба, то есть фактическим руководителем Ставки, генерала Духонина. Старого служаку, который в политику уже не лез, ничего самостоятельно не предпринимал, а довольствовался ролью «технического советника», получая распоряжения из Петрограда и передавая их в войска. И Ставка начала работать вхолостую, поскольку никакой армии в общем-то и не было. По мере общего развала солдатские комитеты тоже «левели». Сначала в них еще хватало «оборонцев»: мол, наступать не пойдем, но страну защитим. А к осени в комитеты избирались вожаки самой махровой

анархии. Части сплошь и рядом «самодемобилизовывались», то бишь дезертировали. «Лучшие» солдаты ехали по домам, к земле. Худшие превращались в шайки грабителей. Подобным шайкам ничего не стоило получить легальный статус, окопавшись в подчинении любого местного Совета. И прифронтовая полоса стала адом. Разложившаяся солдатня грабила, мародерствовала, разбивала спиртзаводы, пьянствовала и бесчинствовала.

В конце сентября Германия силами флота и всего одной десантной дивизии нанесла удар по Моонзундским островам. За неделю захватила их, не встретив серьезного сопротивления. Немцы высадились в Эстонии. Военный министр Верховский и морской министр Вердеревский что-то лепетали армии и флоту о «новой демократической дисциплине». За это их подвергли яростным нападкам в печати. Более серьезных успехов враг не одерживал только потому, что не стремился к ним. Для него сепаратный мир был куда нужнее громких побед. И Рига, Моонзунд являлись лишь частными операциями, которыми немцы подталкивали Россию к такому миру…

В обстановке поражений и общих неурядиц правительство Керенского уже хваталось за соломинки. Шло на любые уступки, мыслимые и немыслимые. Если первые кабинеты Временного правительства тянули с созывом Учредительного Собрания (в надежде завоевать популярность, чтобы Собрание узаконило их власть), то теперь срок был определен — декабрь 1917 г. Керенский приостановил, а потом и вовсе отменил смертную казнь на фронте. Первые кабинеты заявляли, что не намерены предрешать до Учредительного Собрания государственного устройства, аграрного и прочих ключевых вопросов в жизни страны. Теперь и на это плюнули. Уже заведомо провозглашали Россию республикой. В октябре были приняты законы о земле и мире. Первым из них Временное правительство до Учредительного Собрания отдавало всю землю крестьянам. (Хотя они и сами ее давным-давно сами захватили и поделили). Вторым законом предусматривалось начать «энергичную мирную политику». Правительство взывало к союзникам о неспособности России продолжать войну.

К поездке в Париж на союзническую конференцию готовилась делегация ЦИК во главе с М. Скобелевым, для которой был выработан наказ с условиями мира. Где меньшевики и эсеры тоже шли уже на любые уступки. Не только отказывались от всех плодов русских усилий и побед, но даже и смирялись с распадом страны. «Наказ» предлагал «мир без аннексий и контрибуций», постепенное разоружение на суше и на море, самоопределение Польши, Литвы, Латвии, восстановление прежних границ с плебисцитом в спорных областях и т. д.

Но несмотря ни на какие уступки, с правительством больше никто не считался. Оно уже не имело никакой опоры. Ни справа, после предательства Керенским Корнилова и гонений на офицерство. Ни слева, откуда давили очередные претенденты на власть. Правительство будто зависло в вакууме и держалось только по инерции. Растеряло весь авторитет. Такое положение могло продолжаться только до первого серьезного толчка. Пока кто-то не сломает эту инерцию и не возьмет упущенную власть…

Серьезнее всех готовились брать ее большевики. В начале октября в Петроград вернулся Ленин. Кстати, а почему лидером революции стал все-таки Ленин, а не Троцкий? Вопрос не такой простой, как кажется. Троцкий и во время пребывания Ильича в Финляндии находился в столице. Он уже занимал видный пост председателя Петроградского Совета. Весь сентябрь действовал очень активно и энергично. А в качестве оратора, умеющего воздействовать на массы, он, по свидетельству Дж. Рида превосходил Ленина. И все же на первом месте оказался не он… Думается, сыграла роль расстановка сил внутри партии. Где в результате всех слияний, размежеваний, объединений возникло два основных крыла. Которые условно можно назвать «интернациональным» — представляемое Троцким, и «национальным» — представляемое Сталиным.

И это второе крыло оказалось достаточно весомым, чтобы не допустить первенства Троцкого. Предпочло ему Ленина и поддерживало его лидерство, несмотря на отсутствие в Петрограде. Несомненно, сыграли роль и личные качества Льва Давидовича. Его «барские»

манеры, эгоизм, безапелляционность, высокомерие по отношению к окружающим. Это облегчало Сталину и его сторонникам привлекать и удерживать в «ленинской струе» других партийных руководителей и активистов.

Судя по всему, и Свердлов после некоторых колебаний сориентировался на Ленина. То ли поняв, что главным будет он, а не Троцкий. То ли оценив, что это более перспективно. Во-первых, в ближайшем окружении Льва Давидовича места были уже заняты. Во-вторых, он и сам был великолепным практиком, в отличие от Ленина, ему «правые руки» не требовались. А в-третьих, он со своим эгоизмом и стремлением к самоутверждению никогда не давал возвыситься собственным «верным». Посмотрите — ведь ни один из троцкистов так и не поднялся в первый эшелон государственной и партийной иерархии, они так и остались во втором-третьем. Он не способствовал их выдвижению. Они были обречены вечно оставаться лишь «тенями» своего вожака. Мало того, порой он их унижал и третировал, как было с Иоффе. А Свердлова подобное, разумеется, не устраивало.

Как бы то ни было, Ильич вернулся в Питер, и 10 октября на квартире члена ЦИК меньшевика Суханова (Гиммера) состоялось заседание ЦК. Вел его Свердлов. Единственным докладчиком был Ленин. По вопросу о «текущем моменте». И 10 голосами против 2 (Каменев и Зиновьев) была принята резолюция о вооруженном восстании. После чего началось формирование Военно-революционного комитета (ВРК). Вполне легально, в открытую. Просто был поднят шум, якобы мифическая «контрреволюция», мифические «корниловцы» готовят силы, дабы прижать к ногтю столицу, разгромить Советы и сорвать Учредительное Собрание. Вот и нужно, мол, обеспечить оборону Петрограда. Как признает даже Новгородцева, «оборона была лишь предлогом, позволившим создать при Петроградском Совете легальный орган, открыто проводивший мобилизацию сил к восстанию и располагающий необходимыми полномочиями».

А на фактический ход событий оказали влияние два съезда. По уставу, принятому на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, в июне, такие мероприятия должны были созываться раз в три месяца. То есть II съезд предполагался в сентябре. Однако ЦИК, по своему составу все еще в основном эсеро-меньшевистский, решил не созывать его. Под тем предлогом, что скоро состоится Учредительное Собрание, поэтому съезд получается ненужным. Хотя реальная причина, конечно, состояла в другом — ЦИК видел, что его влияние в Советах падает, а съезд в столь нестабильной обстановке может стать толчком к нагнетанию страстей. Но большевики самочинно, от имени Петроградского Совета, начали рассылать телеграммы на места, чтобы выбирали и присылали делегатов. А открытие съезда наметили на 20 октября. Сначала ЦИК пытался противодействовать, но, поняв, что сорвать «незаконный» съезд не получится, тоже начал слать телеграммы о выборах делегатов. Правда, вскоре стало ясно, что к 20-му делегаты не успеют собраться, и дату перенесли на 25 октября.

Ну а съезд Советов крестьянских депутатов должен был собраться еще не скоро, 30 ноября. И ЦК партии левых эсеров, видя, что атмосфера накаляется, потребовал ускорить его созыв. И его перенесли на 5 ноября.

Подготовка ко II съезду Советов рабочих и солдатских депутатов по линии ЦК большевиков была поручена Свердлову. Но со своей огромной энергией он одновременно занимается множеством других дел. Участвует в организации конференции Советов Северной области, 4-й Петроградской конференции фабзавкомов, 3-й конференции общегородской парторганизации. В рамках подготовки к восстанию на него возлагается отслеживать действия правительства, а также подготовить запасной штаб для ЦК партии в Петропавловской крепости — на случай, если Керенский нанесет удар по Смольному.

Именно в это время Свердлов создает себе новый имидж — тот самый, что станет для него «традиционным» и войдет в память последующих поколений. Военный френч и фуражка без знаков различия, бриджи, сапоги. Очень любит он наряжаться и в кожаный костюм. Дело в том, что в начале 1917 г., готовясь к решающим сражениям, царь и командование

подготовили введение в армии новой формы одежды. Для солдат форма шилась в «историческом» русском стиле по эскизам художника Васнецова — шинели с «разговорами», напоминающие стрелецкие кафтаны, остроконечные шапки-богатырки. А для офицеров вместо шинелей было разработано удобное и практичное кожаное обмундирование — куртка, бриджи, на зиму — бекеша на меху. Было уже заготовлено большое количество такой формы, но грянула революция, и до фронта она так и не дошла, осталась на складах. В ней щеголяли только некоторые тыловые офицеры. И Яков Михайлович, хотя в армии никогда не служил, расстарался тоже приобрести комплект. Красивый, хорошо подогнанный. И на некоторых мероприятиях появлялся теперь затянутый в черную блестящую кожу. Кстати, по свидетельству Троцкого, Свердлов первым из большевиков начал наряжаться в кожаный костюм. И стал, таким образом, «законодателем» революционной моды.

16. Большевики берут власть

Обвинять большевиков в «узурпации» власти, в свержении «законного» Временного правительства весьма некорректно. Потому что Временное правительство само было узурпаторами. Разве что захватило власть не вооруженным восстанием, а подленькими закулисными интригами. Всякая законность кончилась с момента отречения Михаила Александровича. И в дальнейшем ею и не пахло. Напомню, что согласно Манифесту Николая II власть не только передавалась брату, но и должна была осуществляться в согласии с Государственной Думой. Которую вообще устранили. Вместо нее возникли ни в коей мере не легитимные Советы, а потом «предпарламент», сформированный не поймი кем и не пойми из кого. Из легитимного списка правительства, утвержденного царем, в четвертом кабинете остался только Керенский. Да и то Николай II утверждал его в должности министра юстиции, но отнюдь не министра-председателя и Верховного Главнокомандующего.

16 октября состоялось расширенное заседание ЦК большевиков с представителями исполнительной комиссии городского комитета партии, Военной организации, большевистской фракции Петросовета, профсоюзов и фабзавкомов. Было подтверждено решение о восстании несмотря на возражения Каменева, Зиновьева, Шотмана и Фенигштейна, указывавших, что к захвату власти большевики не готовы, напоминавших июльский провал и полагавших, что раз уже объявлено о созыве Учредительного Собрания, то никакого выступления не нужно. Надо ждать Собрания и бороться демократическими методами. Была принята ленинская резолюция. А по окончании заседания, уже только составом ЦК, был избран Военно-революционный центр по руководству восстанием. Возглавил его Троцкий, членами стали Сталин, Свердлов, Бубнов, Урицкий, Дзержинский.

Этот центр вошел в состав ВРК для руководства его работой. Кроме перечисленных деятелей в Военно-революционный комитет вошли Подвойский, Лазимир, Антонов-Овсеенко, Садовский, Сухарьков, Чудновский, Иоффе, Крыленко, Менжинский и др. Свердлов, кстати, постарался пристроить в ВРК и «своих» людей. В частности, вызвав с Урала Шаю Голощекина. В распоряжении созданного органа сразу же оказался готовый аппарат Петросовета, связи «Военки», партийных организаций. Уже с 17 октября рабочие по ордерам ВРК начали получать оружие — с казенных складов! Велись переговоры с полковыми комитетами, чтобы они выступили на стороне большевиков.

Эти переговоры существенно облегчило само правительство. После Моонзундского поражения фронт опасно приблизился к столице. Причем фронт оголенный, почти без войск. А в Петрограде по-прежнему бездельничал 200-тысячный гарнизон. Уже 8 месяцев бездельничал! И в обстановке осени 17-го, как нетрудно понять, он представлял все большую угрозу для властей. Поэтому Керенский попытался решить проблему комплексно. Расчистить Петроград и заткнуть дыры на позициях. Призвал войска «защитить революцию» и издал приказ о направлении гарнизонных частей на фронт. Не тут-то было! Шкурникам — в окопы лезть? Под пули? Если кто и колебался, если кому и было по фигу, кто там находится у руля государства, то теперь гарнизон дружно возмутился. На митингах и заседаниях полковых

комитетов приказ признали «контрреволюционным», и 17 октября Петроградский гарнизон заявил, что «выходит из подчинения Временному правительству».

Продолжались многолюдные собрания с представителями заводов, фабрик, воинских частей. Свердлов на них выступал четким «пробивателем» ленинской линии. 18 октября на сходке в Смольном, когда опять возникли сомнения и возражения, он своим громовым голосом попросту пресек их. Объявил: «Решение ЦК по вопросу о выступлении состоялось. Я здесь от имени Центрального Комитета партии и никому не позволю отменять его решения. Мы собрались не для того, чтобы обсуждать принятое ЦК решение, прошу выступающих высказываться по существу» — то есть по конкретным вопросам подготовки к восстанию.

Современники отмечали еще один его излюбленный «полемический» прием. Во время своего выступления он подмечал среди оппонентов тех, кто больше всех волнуется, нервничает. Внезапно прерывал речь и обращался персонально к ним — дескать, вот вы что можете возразить? Человек терялся, молчал или мямлил что-то невнятное. А Яков Михайлович, не давая времени опомниться, тут же обрушивался на него: ага, мол, вам и крыть нечем! Неизменно срывая таким способом аплодисменты у сторонников и подавляя противников.

Во время подготовки к восстанию он не оставлял и обычной своей «кадровой политики». Приметил члена Центробалта, решительного и исполнительного, но недалекого матроса Малькова. И взял «под опеку», приблизил, сделал своим как бы помощником. Определил на должность коменданта Смольного, с ходу придумав оную. Приметил солдата-водителя Юлиана Конопко, водителя броневика «Остин», который первым расстарался пригнать свою машину для охраны «штаба революции». И тоже взял под персональное покровительство. Вскоре он станет личным шофером и телохранителем Якова Михайловича.

А 18 октября в партийном руководстве разразился скандал. Каменев и Зиновьев опубликовали в газете Горького «Новая жизнь» заявление, что они не согласны с курсом ЦК на вооруженное восстание. Ленин разъярился. Говорил, что они выдали правительству планы большевиков. 18 и 19 октября обратился с письмами к ЦК, требуя изгнать предателей из партии. 20 октября состоялось заседание по этому поводу — без Ильича, скрывавшегося на конспиративной квартире. Дзержинский загорелся, поддержал ленинские предложения. Сталин, Милютин и еще ряд товарищей отнеслись спокойнее, указывали, что ничего особенного не произошло, и нечего горячку пороть. Свердлов высказался, что ЦК неправомочен исключать из партии членов ЦК, но «вопрос должен быть решен немедленно».

И тут К. Т. Новгородцева в своих воспоминаниях допускает явную «туфту». Пишет, что после слов Якова Михайловича было принято решение «вывести Каменева из ЦК и воспретить Каменеву и Зиновьеву какие-либо выступления против решений ЦК и намеченной им линии». На самом-то деле никто Каменева не выводил, он остался в ЦК. То есть речь Свердлова, по направленности ленинская, была по сути примирительной — не можем исключить, но решение принять надо. И Каменеву с Зиновьевым просто запретили дальнейшие подобные заявления. Куда более интересным выглядит другой фрагмент воспоминаний Новгородцевой: «Рассказав о заседании ЦК, он вынул из кармана и дал мне несколько листков. Как сейчас вижу эти листки простой бумаги в клетку, вроде как вырванные из ученической тетради, исписанные сверху донизу, строчка к строчке рукой Ильича. Верхний угол одного из листков был оборван.

— Возьми, — сказал Яков Михайлович, — это письма Ильича. Спрячь их получше и никому до поры до времени ни слова. Их надо сохранить во что бы то ни стало, они имеют огромное значение. В архиве ЦК их оставить нельзя, там Каменев может к ним подобраться. Знаю я его!»

Как видим, Свердлов начинает собирать свой «архивчик»! Компромат на других партийных деятелей! Авось пригодится… (ему-то, правда, не пригодилось, но позже Новгородцева передаст письма Сталину, и они станут весомыми кирпичиками в политическое, а потом и физическое надгробие Каменева и Зиновьева).

Что же касается сути вопроса, то правы были Сталин, Милютин и сторонники их мнения. Ничего особенного не произошло. Ведь никакой тайны уже не было! Подготовка восстания обсуждалась на многолюдных сборищах, с тысячами людей. Троцкий открыто заявлял на заседании Петроградского Совета: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны. Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил». А с 19 октября газета «Рабочий путь» начала печатать «Письмо к товарищам» Ленина, где он прямо призывал к восстанию.

21 октября на совещании ЦК был уточнен срок выступления. Из каких соображений? Почему «сегодня — рано, послезавтра — поздно»? Ленин обосновал это так: «24 октября будет слишком рано действовать — для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на съезд приедут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия съезда, так, чтобы сказать ему — вот власть…»

То есть восстание было специально приурочено ко II съезду Советов рабочих и солдатских депутатов. Хотя рабочие и солдаты составляли не более 15 % населения России, но это все же был «признанный» орган. И единственный орган, способный легализовать перемену власти. Однако были и серьезные опасения, что II съезд, как и I, начнет осторожничать, примет совсем другие решения, и большевики, как в июне, окажутся в непонятном положении. Выскажись съезд против — и пришлось бы либо командовать «отбой», либо выступать противниками Советов! Под флагом которых поднимали людей на борьбу. Именно из-за этого предложение Троцкого начать восстание 26 октября Ленин назвал «полным идиотизмом» или «полной изменой». Съезд, только-только собравшийся, еще не сорганизовавшийся, надо было поставить перед свершившимся фактом. Тогда-то колеблющихся будет куда меньше. Кто же откажется от власти, преподнесенной «на блюдечке»?

Ну а если вспомнить о функциях, возложенных на Свердлова в ВРК — отслеживать действия правительства и на случай ударов готовить запасной штаб в Петропавловке, то именно этих обязанностей ему выполнять не пришлось. Потому что правительство не предпринимало никаких действий! Несмотря на открыто ведущуюся подготовку восстания, на широко известные планы большевиков. Времени чтобы организовать отпор и самозащиту было полно. С избытком! И любая мало-мальски дееспособная власть сумела бы хоть что-то предпринять. Но не такой козел как Керенский. Он еще верил в свой личный авторитет, в свое обаяние. В достижения «революционной демократии».

За неделю до восстания гарнизон объявил о выходе из подчинения правительству — и ничего, будто так и надо. Никаких мер предпринято не было. Никто даже, в отличие от истории с Корниловым, не назвал это изменой и мятежом! А в своих разговорах со Ставкой Керенский передавал Духонину: «Мой приезд задержан отнюдь не опасением каких-либо волнений, так как все организовано». «Сейчас в Петербургском гарнизоне идет усиленная попытка военно-революционного комитета совершенно оторвать полки от командования. Сегодня они разослали явочных комиссаров… думаю, что мы с этим легко справимся…»

Между тем на II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов начали съезжаться делегаты. Многих их них мандатная комиссия ЦИК отводила как избранных незаконно. По приглашениям, разосланным Петросоветом и большевиками, прибывали люди от никому не известных организаций и вообще не пойми откуда. Но уж в этих-то вопросах у Якова Михайловича все было предусмотрено. Мандатная комиссия ЦИК отводила, а представитель большевиков в этой комиссии, Карахан, приватно просил таких делегатов никуда не уезжать, загадочно поясняя: «Ничего, когда начнется съезд, вы все займете свои места».

С утра 24 октября столичные жители были огорошены воззванием: «К населению Петрограда! Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное Собрание! Петроградский Совет берет на себя охрану революционного

порядка. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли». Газета «Рабочий и солдат» вышла с обращением: «Солдаты! Рабочие! Граждане! Враги народа ночью перешли в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного Собрания, против народа…» Город оказался дезориентированным. На улицах появились вооруженные солдаты. Никто не знал, кто они — за Советы? Или это обещанные «корниловцы»? Или «темные элементы»?

И что же, как вы думаете, предпринял Верховный Главнокомандующий Керенский? Отправился на заседание «предпарламента» — Совета Российской республики. Где произнес речь. Дескать, он всегда стремился, «чтобы новый режим был совершенно свободен от упрека в неоправданных крайней необходимостью репрессиях и жестокостях». Дескать, «до сих пор большевикам предоставлялся срок для того, чтобы они могли отказаться от своей ошибки». Но поскольку они не отказались, то теперь уж необходимы решительные меры. И он, Керенский… испрашивает поддержку и одобрение «парламента» на принятие таких мер. И пошли дебаты! Пошла говорильня и раздрай!.. Поддержку? Ни шута! За день до своего разгона Совет Российской республики 122 голосами против 102 при 26 воздержавшихся выразил осуждение правительству! Принялся цепляться по всяким частным пунктам, вызывавших недовольство тех или иных «общественников». Угрозу восстания «предпарламент» даже и рассматривать не стал! И возложил «ликвидацию конфликта с большевиками» на «комитет общественного спасения», который должны были создать городская дума и представители левых партий.

А руководство эсеров и меньшевиков обратилось к большевикам с воззванием: «Мы осуждаем ваши действия, но если правительство нападет на вас, не станем бороться против пролетарского дела». Словом, распоясавшаяся «демократия» в игрушки играла. А большевики не играли. Вечером 24 октября красногвардейцы заняли все типографии. Гранки газет рассыпались, началось печатание прокламаций. Слабая милиция очистить типографии не смогла. Ее встретили выстрелами, она и убралась. При этом начальник милиции Нейер был убит. Видать, один он по своей должности и полез на рожон, а подчиненные благоразумно остались в сторонке. А в ночь на 25-е большевики начали занимать телеграф, телефонную станцию, банк, вокзалы… Нет, не отнимали они власть у правительства. Ее уже вообще не было, власти. И ленинцы лишь подобрали то, что никчемные «демократы» сами выпустили из рук.

Впрочем, разложение дошло до такой степени, что даже и на восстание гарнизон оказался уже не способен. Несмотря на всю подготовку и агитацию, разбалованная солдатня отнюдь не спешила выполнять чьи бы то ни было приказы. Да еще и своими шкурами рисковать! Большинство частей объявили «нейтралитет». Сидели по казармам. И за плату принимали под свою защиту офицеров и гражданских лиц, опасающихся погромов и убийств.

В ВРК привлечение сил моряков из Гельсингфорса предусматривался как крайний вариант, это был резерв. При необходимости Свердлов должен был дать условную телеграмму «Присылай устав». Такую телеграмму ему пришлось отправить уже в полночь с 24-го на 25-е — людей не хватало. А наличные силы большевиков были ничтожны. Но они действовали по четкому плану, организованно. Авторство плана впоследствии приписывалось и Ленину, и Сталину, и Троцкому. В данном случае это неважно. Но было в плане и нечто «свердловское». Немногими «верными» занять ключевые точки. На каждый намеченный объект направлялись небольшие группы — от 10 до 50 человек. И занимали, не встречая сопротивления. Иногда даже открыто сменяли прежние караулы: у большевиков оказались все гарнизонные пароли, действующие в эту ночь.

Ну а Керенский в эту ночь только и спохватился! Удосужился уведомить Ставку о событиях в столице, приказал выслать войска: две казачьих дивизии, пехотную бригаду, два полка самокатчиков. Лишь в 4 часа утра он из Генштаба начал рассылать приказы по казачьим частям

и юнкерским училищам — выступить для наведения порядка. Распорядился развести мосты. Но ведь и училища уже охватила «демократия»! Они принялись собирать юнкерские комитеты, общие собрания. Начинали обсуждать и голосовать: выступать или нет? А вскоре большевики, засев на телефонной станции, перехватили линии связи. И руководство частей, пытающееся дозвониться в Генштаб и узнать обстановку, получало от имени Генштаба указания, что восстание уже подавлено, и помощь не требуется.

Приказ о разведении мостов не выполнялся до 7 часов утра. Потом нашлось подразделение, верное правительству… 1 офицер и 5 солдат! И все, больше никого. Эти шестеро решительно двинулись к Николаевскому мосту. Ну что ж, дежуривший там матросский патруль отошел. Мост был разведен. А когда «правительственное подразделение» отправилось вдоль Невы к следующему мосту, матросы вернулись и снова навели Николаевский.

Около девяти утра Керенский сел в автомобиль, переодевшись по одной версии матросом, по другой — в женское платье, и бездумно рванул «на фронт». Воодушевлять войска и спасать революцию. С этого момента его безуспешно искали и Ставка, желающая получить указания, и остатки правительства, собравшиеся в Зимнем дворце и ожидающие подмоги. В генерал-губернаторы и «диктаторы» оставшиеся министры определили сугубо мирного доктора Н. А. Кишкина, понятия не имеющего, что ему делать.

Почти весь город к утру оказался во власти большевиков. Прибыл к ним и эшелон более дееспособных войск — матросов и солдат из Гельсингфорса. Во все концы страны полетели телеграммы: «К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета — Военно-революционного комитета». Большевики разогнали «предпарламент», все еще заседавший в Мариинском дворце и все еще обсуждавший, выразить ли поддержку правительству?

А в Смольном под председательством Свердлова открылось заседание большевистской фракции II съезда Советов, потом Петроградского Совета. Провозглашалась победа революции. К середине дня остатки правительства были блокированы в Зимнем дворце. Защитников у них нашлось немного. Несколько рот юнкеров из Ораниенбаума, Петергофа, Инженерной школы, 2 орудия Михайловского училища, две сотни уральских казаков, рота женского ударного батальона, человек сорок безруких и безногих инвалидов-георгиевцев. Вот и все. Никакого плана обороны не было. Не было ни одного пулемета. То и дело защитников перетасовывали из одних помещений в другие. Шли глупые приказания — не поддаваться на провокации, ни в коем случае не открывать огонь.

Получив неизвестно чей приказ, уехали пушки Михайловского училища. Потом ушли и казаки. Остающимся пояснили — мы, мол, «думали, что здесь серьезно, а оказалось — дети, бабы да жиды». Днем патрули юнкеров и большевистское оцепление стояли на расстоянии, не трогая друг друга. К вечеру стали подходить все новые антиправительственные части. Победа уже определилась, и полки, объявлявшие себя «нейтральными», тоже решили примкнуть к победителям. К тому же, Зимний дворец с «царскими богатствами» и огромными винными погребами представлял очень уж заманчивую цель. Массы солдат обкладывали дворец со всех сторон, в нескольких местах поколотили и обезоружили юнкеров, и оцепление пришлось снять, отвести вовнутрь здания.

Около 22 часов открылся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Ленина и Свердлова на первом заседании не было, вел его Троцкий. И оказалось, что опасения Ильича были не напрасны. Несмотря на всю проведенную работу, на все «кадровые» методы и подставки, большевики даже до половины не добрали, получили менее 300 мандатов из 670. Началось со скандала. Эсеро-меньшевистские руководители ЦИК возмутились воззванием о низложении Временного правительства. Кричали, что большевики предрешают волю съезда. Троцкий отрезал: «Воля съезда предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат». Чем, кстати, оскорбил съезд.

В это время бухнула и пушка «Авроры». Мартов возопил: «Гражданская война началась, товарищи!» Меньшевики, эсеры, бундовцы бушевали: «Предательство, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора». «Захват власти за три недели до открытия Учредительного Собрания — есть нож в спину революции». Требовали «политического урегулирования», немедленного прекращения боевых действий. Их выпады отметались. И значительная часть делегатов от разных партий решила в знак протеста покинуть съезд. Член городской думы Эрлих объявил, что они пойдут «под расстрел» на Дворцовую площадь, безоружными встанут живым щитом, и пусть стыдно будет, пусть убивают народных трибунов и избранников! Да только кишка тонка оказалась. Отправились они к Дворцовой площади, там на них солдаты и красногвардейцы цыкнули. И трибуны с избранниками «в знак протеста» поджали хвосты и разошлись по домам.

Никакого штурма Зимнего в общем-то и не было. Ночью осаждающие стали просачиваться в окна, через неохраняемые входы (у защитников даже плана дворца не было, они не знали расположения дверей). Юнкера Петергофской школы договорились с большевиками и ушли. А те, кто держал оборону со стороны Невского, прислали делегатов: «Пусть придут и выгонят нас». И толпы солдат, матросов, красногвардейцев захлестнули дворец. Внутри здания никакого сопротивления не было — при подавляющем неравенстве сил оно было немыслимо. Временное правительство арестовали и отправили в Петропавловку. Это единственное для чего пригодился «запасной штаб», организованный Свердловым.

А съезд Советов после ухода части делегатов объявил перерыв. Когда он продолжил работу, в зал набились и те самые делегаты, которых ЦИК в свое время отвел, и просто случайная публика. Солдаты, матросы, околачивающиеся при Петросовете и ВРК. В таком составе съезд встретил криками восторга известие о взятии Зимнего. И принял зачитанную Луначарским ленинскую резолюцию: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки… Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

26 октября, во втором заседании, участвовал и Ленин. В этот день были приняты «Декрет о мире», «Декрет о земле» и утвержден состав правительства, Совета Народных Комиссаров. Председателем СНК стал Ленин, Троцкий получил пост наркома иностранных дел, Сталин — наркома по делам национальностей. Различные портфели получили также Рыков, Милютин, Шляпников, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко, Ногин, Луначарский, Скворцов-Степанов, Оппоков (Ломов), Теодорович, Авилов (Глебов), Юренев, Ларин.

Яков Михайлович в состав кабинета не вошел. То ли обскакали другие, а может, он не гнался за сомнительным первенством в узких, отраслевых направлениях. Однако и в структурах Советов ему ничего не обломилось. Обошли более именитые. Гнев Ильича быстро забылся, свои же люди, вчера поссорились, сегодня помирились. Новым председателем ЦИК стал Каменев. А председателем Петроградского Совета — Зиновьев. В общем обидели парня. Пахал-пахал, а оказалось — на других. Остался при своих дореволюционных постах.

Вот так и свершился Октябрь. Между прочим, Февральскую революцию либералы с демократами (как и поддерживающая их западная пресса) окрестили «великой и бескровной». Закрыв глаза на то, что в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе в разыгравшихся тогда буйствах и погромах погибло 2–3 тысячи человек. В октябре переворот был организован очень четко и произошел куда более мягко. По крайней мере в столице. Не было ни взрывов стихийной анархии, ни боев. И число жертв, по разным источникам, не превышало 15–20 человек. Это считая и случайных граждан, сраженных шальными пулями при пальбе в воздух, и упившихся до смерти «победителей» в винных погребах Зимнего, и нескольких утонувших в вине.

Однако для Свердлова Октябрь ознаменовался первым его кровавым преступлением. Точнее, преступления, связанные с гибелью людей, он совершал и раньше, на Урале. Но сейчас

речь шла о большой крови. Именно Яков Михайлович при подготовке восстания направил своих эмиссаров в Крым, поставив им задачу, что «Севастополь должен стать Кронштадтом юга». А Кронштадт был не только «оплотом революции». В марте 1917 года он приобрел зловещую славу массовым истреблением офицеров.

На Черноморском флоте Февральская революция прошла без эксцессов — моряки сожалели об отречении царя, но дисциплинированно присягнули Временному правительству и дисциплинированно продолжали воевать. Что не устраивало ни одну их революционных партий. Ведь такому контингенту прикажи — и он столь же дисциплинированно выступит против внутренних разрушителей государства. На флот хлынула масса агитаторов, делегаций, пропагандистов. И к осени его вполне привели в соответствие с остальными вооруженными силами. Боевые действия заглохли, команды разлагались и митинговали, а судовые и флотские комитеты, постепенно левея, стали вполне большевистскими. И опять мирным путем.

Но Свердлову это почему-то не понравилось. Его посланцы во главе с комиссаршей Соловьевой начали сколачивать банды из самых отъявленных головорезов, нагнетать атмосферу, разжигать злобу. И уже после того, как Севастополь принял Советскую власть (опять мирным путем, без эксцессов) учинили вдруг «Варфоломеевскую ночь». Именно под свердловским лозунгом: «Севастополь должен стать Кронштадтом юга». Офицеров хватали по всему городу, вели на Малахов курган и убивали, а трупы топили. Были казнены адмиралы Новицкий, Кетриц, генерал Твердый, несколько священников, много пожилых офицеров-отставников.

Доходило до того, что команды кораблей сами прятали своих офицеров, спасая от бессмысленной вакханалии. Всего было умерщвлено около 800 офицеров и гражданских лиц. После чего банды, сформировавшиеся и сплотившиеся в этих акциях, принялись таким же образом «устанавливать советскую власть» по всему Крыму. В Ялте было убито 80 человек, в Феодосии — 60, в Симферополе — 160. В Евпатории схватили более 300 человек и подвергли мучительным казням, происходившим на кораблях «Трувор» и «Румыния» при непосредственном участии комиссарши Нимич. Жертву выволакивали из трюма на палубу, раздевали, отрезали нос, уши, половые органы, рубили руки и ноги, и лишь после этого кидали в море.

Таким образом был как бы показан пример прочим районам России, задан тон эскалации жестокости и садизма. Отметим, что с точки зрения нормальной логики и даже политики это преступление было абсолютно иррациональным. Если, например, на Дону атаман Каледин не признал Советскую власть, если ее не признала Кубань, то в тихом обывательском Крыму ничего подобного не было. Ни войны, ни сопротивления. Повторюсь, кровавые расправы были учинены уже после признания Севастополем Октябрьской революции и правительства большевиков. Да и кто из офицеров остался к этому времени на флоте? Только сверхлояльные, давно подчинившиеся судовым комитетам. Но нам еще не раз придется столкнуться с тем, что другие преступления Свердлова тоже будут выглядеть по отношению к здравому смыслу совершенно иррационально.

17. Председатель ВЦИК

В советской исторической традиции был затенен тот факт, что победа большевиков в Октябрьской революции оказалась очень непрочной и кратковременной. Что им вскоре пришлось совершить значительное «отступление». Хотя главная угроза для них исходила отнюдь не от Керенского, не от сторонников Временного правительства, не от армии…

Сторонников у Временного правительства почти и не было. Только в Москве нашелся энергичный начальник гарнизона полковник Рябцев. Сил у него было мало — юнкера, «белая гвардия» (добровольцы из студентов, гимназистов, офицеров-отпускников), но он организовал отпор. А большевики тоже были еще очень слабы. В партии насчитывалось всего 60 тысяч человек — на всю Россию. Но они были слабы не только количественно, а и «качественно».

Как следует подготовить взятие власти хотя бы в двух больших городах, и то оказалось затруднительно. В Москве не было таких лидеров, как Ленин, не было таких организаторов, как Троцкий, Сталин и Свердлов. Здешние руководители Ярославский, Бухарин и т. д. проявили полную беспомощность, упустили инициативу, увязли в спорах, позволили противнику захватить Кремль и центр города. Закипели уличные бои. Но Рябцев помощи ниоткуда не получил, а к революционерам стали целыми эшелонами подходить подкрепления — матросы из Питера, красногвардейцы Фрунзе из Иваново-Вознесенска. И вскоре все было кончено.

В других городах переворот прошел практически незаметно. Власть уездных и губернских комиссаров Временного правительства была настолько призрачной, что ее и раньше никто всерьез не принимал. Во многих местах еще несколько месяцев сохранялось двоевластие. Параллельно работали и Советы, и городские думы. Последние думы разогнали только весной. Вооруженные столкновения происходили лишь там, где имелись юнкерские училища. В Казани, Киеве, Смоленске, Омске, Иркутске. Только зеленые мальчишки еще верили в идеалы «демократии» и готовы были вступить в бой за павшее правительство. И, конечно, везде их быстро раздавили.

Не представляли особой опасности для большевиков и фронтовые части. Потому что прежние правители сами же постарались разрушить и доломать армию. Командование, как уже отмечалось, совершенно затюкали, и Духонин исполнял лишь роль «технического специалиста», передаточного звена между Керенским и войсками. Он ее и исполнил очередной раз. Получил приказ об отправке нескольких соединений в Петроград, передал в штаб Северного фронта и успокоился. А главнокомандующего Северным фронтом В. А. Черемисова купили очень просто. Так же, как в марте Рузского. Пообещав пост Верховного Главнокомандующего. И он, получив приказ, задержал его до выяснения обстановки, а после победы большевиков вовсе отменил. Когда же Ставка, уверенная, что все идет как надо, и войска уже в пути, случайно узнала правду и потребовала от Черемисова объяснений, он ответил телеграммой, что Ставка не в курсе дел, что Временного правительства больше нет, что в Петрограде уже другое правительство, Керенский уже не Верховный Главнокомандующий, и что скоро на этот пост будет назначен он, Черемисов.

Ну а так называемый «поход Керенского — Краснова» на Петроград был вообще несерьезным. Когда министр-председатель примчался в Псков, где размещался штаб Северного фронта, этот штаб уже передался большевикам. Но Керенский случайно встретил в городе командира 3-го конного корпуса Краснова, приехавшего выяснить обстановку. Очень обрадовался, назначил его «командующим армией» с приказом наступать на столицу, наобещал, что в подчинение ему передаются еще 4 дивизии, которые скоро подойдут. Все это было не более чем пустозвонством. И даже самого 3-го конного корпуса по сути уже не существовало. Потому что казаки оставались самыми надежными частями, и корпус растащили по полкам и сотням для «затыкания дыр» — по всему Северному фронту от Витебска до Ревеля (Таллина). А Керенского 3-й конный ненавидел. Ведь это был тот самый корпус, который участвовал в «корниловщине». Временное правительство выжило в отставку первого командира корпуса, графа Келлера, погубило второго командира, Крымова, арестовало Корнилова. И когда, например, Керенский протянул руку сотнику Карташову, тот своей не подал. Презрительно пояснил: «Виноват, господин Верховный Главнокомандующий, я не могу подать вам руки. Я — корниловец».

Тем не менее Краснов решил выполнить приказ. И те подразделения, которые имелись у него под рукой, в Острове, двинулись на Петроград. Да какое там «двинулись»! Погрузились в один-единственный эшелон и поехали. В «армии», наступающей на столицу, насчитывалось всего 700 казаков при 16 пушках. Керенский все еще играл в Верховного Главнокомандующего, мимоходом бросал порученцу указания для рассылки в войска — как будто кто-то стал бы обращать на них внимание!

И все же даже такой горстке удалось одержать ряд успехов. Разоружили революционный гарнизон в Гатчине. Нахрапом разогнали 16 тысяч солдат в Царском Селе. В это время и в Петрограде против большевиков выступил «комитет общественного спасения», организованный при городской думе. Точнее, не сам выступил. Сами-то думцы и политики в драку не полезли. Подбили на выступление юнкеров Павловского училища. Ну и что? Мальчишек сразу обложили массами красногвардейцев, матросов, броневиками, подвезли пушки. Расстреляли артиллерией и перебили. А горстка казаков Краснова остановилась в Царском Селе. Ждали, когда подтянутся обещанные дивизии. А их и в помине не было. И казаки кляли Керенского, обманувшего их и втянувшего в безнадежную авантюру.

В это время вмешалась и «третья сила». Правый эсер Чернов выехал в Лугу, где пытался организовать «нейтральные» части, чтобы с их помощью «разнимать» враждующие стороны, прекращать «гражданскую войну». Впрочем, успеха он не добился. Но о нейтралитете объявил и Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников — Викжель. Там верховодили меньшевики, и они провозгласили, что железные дороги не будут перевозить ни войска большевиков, ни их противников. Хотя на данном этапе «нейтралитет» был сугубо односторонним и выгодным большевикам — их вооруженные силы были уже сосредоточены в столице и в перевозках не нуждались. А к Краснову не смогли присоединиться даже сотни и полки его корпуса, двигавшиеся к нему из разных точек фронта, куда их разбросали.

Под его началом оставалась все та же горстка. А когда попробовали пройти дальше по направлению к Петрограду, дорогу уже перекрыли линии окопов. Которые занимала не трусливая тыловая солдатня, а 6 тысяч матросов и красногвардейцев с броневиками и артиллерией. И они уже не бежали при первом наскоке, наоборот, сами то и дело атаковали. Казаков выручали их орудия, осаживали противника огнем. Бой длился целый день. К сторонникам большевиков подходили все новые и новые колонны из столицы. А к вечеру у красновцев кончились снаряды. Массы матросов, солдат и красногвардейцев стали обтекать их со всех сторон. И Краснов отвел казаков в Гатчину, где и начались переговоры о перемирии.

Причем рядовые казаки заключали с матросами собственные соглашения, например, обсуждая вариант: «Мы вам Керенского, а вы нам — Ленина. И замиримся». И на полном серьезе пришли к Краснову доложить, что скоро им для такого обмена привезут Ленина, которого они тут же около дворца повесят. А Керенского, мол, не грех и выдать, «потому что он сам — большевик». Выдавать бывшего министра-председателя генерал счел неэтичным и обратился к нему: «Как ни велика ваша вина перед Россией, я считаю себя не вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь». И Керенский удрал, теперь уже окончательно.

Вступившая в Гатчину 20-тысячная советская армия буквально растворила в себе малочисленных казаков. Происходили чуть ли не опереточные сцены. Дыбенко отгонял подчиненных матросов от казачьих командиров и поучал при этом офицеров: «Товарищи, с ними надо умеючи. В морду их, в морду!» Делегаты от Финляндского полка явились в штаб к Краснову и потребовали его на расправу. Он на них наорал, обматерил и выгнал вон — тогда полк прислал других делегатов. Вежливо просивших разрешения разместиться на ночлег. Прибыл советский командующий Муравьев. Начал с того, что вознамерился арестовать Краснова и его штаб, а кончил тем, что сел с казаками обедать и напился, вспоминая общих фронтовых знакомых. Приехал и сам Троцкий. И прибежал к Краснову жаловаться, просил, чтобы тот избавил его от казака, прицепившегося к нему, как репей. А казак жаловался, что «этот еврейчик» забрал у него арестованного, которого он охранял.

Вот так и кончилась «первая» гражданская война. У казаков в ней погибло 3 человека, 28 были ранены, советская сторона потеряла около 400 человек. Краснова и его начальника штаба Попова пригласили для переговоров в Смольный, гарантируя безопасность. И все же попытались арестовать. Но в Питер тут же примчался казачий комитет 1-й Донской дивизии, притащил с собой Дыбенко, насел на большевистского главнокомандующего Крыленко, и начальников освободили. Разрешили отпустить части корпуса на Дон с оружием и всем

имуществом. Казаков вообще после этих событий очень зауважали. Троцкий пригласил к себе Попова и поинтересовался, как отнесется Краснов, если новое правительство предложит ему высокий пост? Попов откровенно ответил: «Пойдите предлагать сами, генерал вам в морду даст». Вопрос был исчерпан.

Каледин в данный момент тоже не представлял опасности для советской власти, хоть и не признал ее. Казачьи части, как более дисциплинированные, оставались на фронте до последнего. И теперь они только-только начинали возвращаться на Дон. Но и их дисциплина была уже относительной. Заключалась лишь в том, что они не дезертировали, не разбегались, а ехали домой в полном составе, с конями и оружием. А едва достигнув родных мест, расходились по станицам и хуторам и служить больше не желали.

Нет, главную угрозу создала не «контрреволюция», а «революция». Другие левые партии и их лидеры, которые тоже находились в оппозиции к Временному правительству. Но, в отличие от большевиков, занимались словоблудием и болтологией. А когда те взяли в свои руки бесхозную власть, эти партии и лидеры спохватились — а почему они? Почему не мы? Если меньшевистский Викжель общей забастовкой железнодорожников фактически помог большевикам против Керенского и Краснова, то и уступать новым правителям он не собирался. Переговоры с ним были возложены на недавно избранного председателя ЦИК Каменева и его помощника Сокольникова.

Викжель выдвинул свои условия. Удаление из Совнаркома Ленина и Троцкого и формирование «однородного социалистического правительства» из представителей всех левых партий: большевиков, меньшевиков, правых и левых эсеров, бундовцев, народных социалистов. А во главе правительства поставить Чернова или Авксентьева. Каменев начал обсуждение выдвинутых пунктов, поиски компромиссов, уступок. Что, ясное дело, встревожило Ленина и Троцкого. Их-то подобный «компромисс» никак не устраивал. Они восстание готовили, власть брали — а их коленом под зад? Чтобы в правительстве сели Чернов, Авксентьев и меньшевики из Викжеля? Вместе с Каменевым?

1 ноября был созван ЦК — рассмотреть ход переговоров. И Каменев принялся настаивать на необходимости во что бы то ни стало договориться с Викжелем. Иначе, мол, революция погибнет. Что ж, ведь его персоны ультиматум не касался. Он надеялся и в ходе компромисса сохранить полученный пост, так чего ему за Ленина с Троцким цепляться? Его поддержали Зиновьев, Рыков, Милютин, Ногин. А со стороны Ильича горячо выступали Свердлов, Дзержинский, Урицкий. В тот же день собрался ЦИК. И ленинцы сумели провести резолюцию, что соглашение между социалистическими партиями возможно — но только на базе признания решений II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. И того, что новое правительство будет ответственным перед ЦИК, избранным этим съездом.

Однако это никак не подходило конкурентам. Викжель и ЦИК прошлого созыва, эсеро-меньшевистский, выступили с призывами не признавать II съезда как незаконного, не признавать его решений, не признавать нового состава ЦИК, объявляли большевиков узурпаторами и обратились к профсоюзам, местным Советам, руководству политических партий, городским думам с требованиями начать забастовки и акции гражданского неповиновения. Большевики очутились в политической изоляции.

2 ноября снова состоялось два заседания, ЦК и ЦИК. ЦК принял решение, осудившее «попытки мелкого торгашества» с меньшевиками и эсерами, воспрещавшее уступки в принципиальных вопросах. Но Каменев и Зиновьев занимали теперь ключевые посты в Советах! Один — председатель ЦИК, другой — Петроградского Совета. И они даже и в большевистской фракции ЦИК сумели протолкнуть противоположную резолюцию. О том, что надо искать компромиссы любой ценой.

Видать, тут-то и призадумался Ленин, правильно ли он сделал, что при «раздаче слонов» вознаграждал и выдвигал «именитых» партийцев? Именитые они и есть именитые. Что для них

авторитет лидеров? Они и сами себя почти такими же считают. А возвысившись, начинают еще больше зазнаваться. Неуправляемыми становятся, норовят дорожку перейти. Не лучше ли делать ставку на «верных»? А одним из самых «верных» в дни партийного кризиса снова проявил себя Свердлов. За Ильича горой стоял. На всех заседаниях, собраниях в бой кидался, перекрывая оппонентов громовым голосом. И его умение плести интриги опять очень кстати пришлось. Новгородцева вспоминала, как в это время внутри Смольного все бурлило. По комнатам, кабинетам, коридорам кипели споры до хрипоты и хватаний за грудки. И Яков Михайлович всюду среди этой каши сновал. Кого обрабатывал, кого переубеждал, кого нейтрализовывал.

Но общее положение большевиков ухудшалось. Железные дороги бастовали. А обаяние «демократии» жило в основном среди интеллигенции. И началось то, что в исторической литературе получило название «саботаж». Распоряжения новых властей отказывались выполнять служащие государственных и общественных учреждений, инженеры, техники, клерки, телефонисты, телеграфисты. Банки отказывались выдавать деньги. Почта не пересылала их корреспонденцию. Телеграф и телефонные линии прекратили обеспечивать им связь. Министерские служащие не передавали дела. И государственный аппарат, без того разболтанный, забуксовал.

На саботажников нажимали всеми мерами. Угрозами, увольнениями, размещением в учреждениях вооруженных патрулей. Банковские операции приходилось осуществлять таким образом, что они напоминали обычные грабежи — уполномоченные оружием, уговорами и прочими способами «вытрясали» у служащих ключи от сейфов, выгребали деньги и в мешках везли в Смольный. Ничего не помогало. Саботаж продолжался. Из-за сопротивления телеграфистов, телефонистов и почтовых работников правительство очутилось вообще отрезанным от всей страны и внешнего мира. Сообщение с другими регионами России осталось только через Царскосельскую радиостанцию и рации балтийских кораблей — без какой-либо гарантии, что на местах рассылаемые указания примут и будут выполнять. Направляли курьеров — без гарантии, что они доберутся до пунктов назначения.

Эти проблемы налагались и на борьбу внутри партии. Многие начинали склоняться к мнению, что все пропало, и остается только идти на уступки. ЦК упорно стоял на своем, принял решение, «что сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще». Каменеву и его сторонникам Ленин предъявил ультиматум, что если они не прекратят «раскольничества», то будут исключены из партии. Под ультиматумом подписались Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский.

Но Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин провозгласили ответное заявление — что они не согласны с политикой ЦК и выходят из ЦК. Это спровоцировало кризис и в правительстве. Ряд наркомов — Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Юренев, Ларин, заявили, что не желают разделять ответственность за ошибочную политику ЦК и уходят со своих постов.

Однако в ЦИК Советов они остались. И этот самый орган, о котором декларировалось, что перед ним будет ответственным правительство, явно приобретал черты центра оппозиции! Большевистское руководство поняло — если оно хочет удержаться у власти, надо срочно брать под контроль ЦИК. Переизбрать председателя Каменева и поставить другую кандидатуру. Кого? Ленин остановил выбор на Свердлове, обладавшем всеми необходимыми качествами. «Верностью», умением вести кулуарную борьбу, организаторскими талантами. Тщательно подготовили заседание ЦИК, обработали его членов, «подкопали» противников. И 8 ноября провернули эту операцию. ЦИК сместил своего председателя и по рекомендации ЦК избрал на его место Якова Михайловича…

Хотя облегчения это сперва не принесло. Теперь уже Свердлов вместо Каменева попытался вести переговоры с Викжелем. Подключил к ним и Шаю Голощекина. Видимо, надеясь, что меньшевиков Дана, Гоца и Либера диалог с хасидом сделает уступчивее. Нет, и это не подействовало. Они уперлись и повторяли те же требования.

А 10 ноября в Петрограде открылся Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов. Тот самый, что был по требованию левых эсеров был перенесен с 30 ноября на 5-е, но собрался с задержкой из-за хаоса и перебоев с транспортом. Россия была аграрной страной, и теоретически съезд крестьянских депутатов представлял куда большую часть населения, чем съезд рабочих и солдатских депутатов. Хотя, конечно, эсеры, выступавшие от лица русского крестьянства, к оному ни малейшего отношения не имели. А в значительной доле не только к крестьянам, а и к русским отношения не имели. Но позиции большевиков в крестьянских Советах были чрезвычайно слабы, куда слабее, чем в рабочих. Из 330 делегатов 195 было от левых эсеров, 65 от правых эсеров, а от большевиков лишь 37.

Чернова встретили овациями, Ленина освистали с криками «долой». Вопили об «узурпации», обвиняли большевиков в плагиате — мол, они в «Декрете о земле» украли эсеровскую аграрную программу. Но… съезд этот, при всей своей оппозиции ленинцам, был и вполне «демократическим». В худшем стиле демократии осени 1917-го. То есть мгновенно раскололся на фракции, группы, группочки, потонул в безудержной болтовне, речах, резолюциях, выработке формулировок, голосованиях по частным вопросам, во взаимных претензиях, счетах и обвинениях. Левые эсеры разругались с правыми, лидеры принялись грызться друг с другом…

На чем и сыграли большевики. Намекнули левым эсерам — а чего бы нам с вами не составить коалицию? Им уже предлагалось несколько портфелей в Совнаркоме сразу после взятия Зимнего, тогда они отказались. А теперь призадумались — почему бы и нет? Власть-то уже взята, Керенский вернуть ее не смог и исчез с горизонтов. И пока съезд хаялся и ругался, в Смольном начались секретные переговоры. От большевиков их вел Свердлов. Периодически подключались Троцкий, Зиновьев, Голощекин. Диалог им пришлось вести опять с соплеменниками — от левых эсеров были уполномочены Натансон, Шрейдер, Камков (Кац). Но эти соплеменники оказались гораздо более покладистыми, чем меньшевистские.

Сначала они выдвинули все тот же пакет условий: исключение из правительства Ленина и Троцкого, создание «однородного социалистического министерства», роспуск ВРК и других «репрессивных организаций». А ВЦИК, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов, как рабочих, так и крестьянских, пусть станет парламентом, там должны быть представлены все левые партии, городские думы, профсоюзы, земства, армия. Однако защищали эти пункты левые эсеры не очень-то твердо. Действительно, имело ли для них смысл отстаивать интересы своих врагов, правых эсеров? И городских дум с земствами? И валить Ленина с Троцким — которые так любезно протягивают их партии руку дружбы и союза?

Так что удалось за несколько дней сторговаться. ВРК был оставлен. Ленин с Троцким тоже. Совнарком становился коалиционным, двухпартийным, из большевиков и левых эсеров. Благо и часть портфелей освободилась после ухода «раскольников». ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов крестьянских депутатов сливались в единый ВЦИК, получавший права парламента. А в его состав входило 108 депутатов от съезда рабочих и солдатских Советов, 108 от съезда крестьянских Советов, 100 от армии и флота и 50 от профсоюзов. Кроме того, к статусу Совнаркома — «рабоче-крестьянское правительство», добавлялась приставочка «временное». До Учредительного Собрания. И все свои декреты и постановления Совнарком должен был снабжать фразой «впредь до решения Учредительного Собрания».

Известие о достигнутом соглашении прозвучало на Чрезвычайной крестьянском съезде совершенно неожиданно, 14 ноября. И было встречено бурным ликованием. Во-первых, делегатов от левых эсеров было подавляющее большинство. А во-вторых, открывался выход из тупика, наступал конец затянувшемуся противостоянию и общей напряженности. Поддержку возникшей коалиции высказали меньшевики-интернационалисты Мартова, анархисты, польские социалисты, окологазетная группировка «Новая жизнь» Горького. Да и тех, кто остался недоволен, соглашение в целом удовлетворило. Новое правительство все

равно получило статус «временного», как бы пятый кабинет. Повластвовали два кабинета Львова, два кабинета Керенского, ну и пусть кабинет Ленина повластвует — всего полтора месяца до Учредительного Собрания осталось…

День 14 (27) ноября провозглашался концом гражданской войны, «величайшим днем» всей революции. Было разыграно массовое праздничное действо. В Таврическом дворце делегатов крестьянского съезда горячо приветствовал Свердлов. Затем они вышли на улицу и двинулись к Смольному. Вдоль дороги были выстроены солдатские полки, играли военные оркестры. Было уже темно, но организаторы заготовили факелы. Их зажгли, и колонна с факелами и знаменем крестьянского ЦИК шагала по Питеру. Присоединялись новые группы, колонны. Шествие разрасталось. Провозглашалась победа революции, здравицы объединению сил демократии и социализма. Возле Смольного ждала выстроенная Красная гвардия, на ступенях — делегации рабочих. Встретили, повели в зал, где ждал ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Петроградский Совет. Под музыку впустили, два президиума обнялись и сели вместе. Скрестили знамена обоих ЦИКов. Опять приветствовал Свердлов — как «хозяин» помещения. Предоставил слово Спиридоновой…

На следующий день прошло торжественное объединенное заседание ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председательствовал на заседании Яков Михайлович. И он же был избран председателем ВЦИК. Без всяких проблем, без альтернативных кандидатур. Оно как бы уже само собой подразумевалось. Он ведь на всех объединительных мероприятиях на первом плане был. А скорее, это тоже согласовали заранее, в ходе закулисного торга. И левые эсеры с этим согласились. Почему бы и нет? Свердлов не был «аллергеном» для «социалистической общественности», подобно Ленину и Троцкому. Вроде, человек почти нейтральный. И вон какой умный, обходительный, дипломатичный. С таким будет легко дела вести, взаимопонимание находить…

18. Второе лицо государства

Итак, совсем еще молодой, 32-летний человек, вчера еще — мало кому известный партиец, всего за несколько месяцев совершил головокружительную карьеру. Ленин — во главе правительства и ЦК, а Свердлов — председатель парламента и руководитель Секретариата ЦК. Но даже и не просто парламента! И не просто Секретариата! Как и прежде, Секретариат оставался единственным аппаратом ЦК. То есть Центральный Комитет мог себе заседать, выносить решения. А их оформление, рассылка, работа с нижестоящими организациями шли через Свердлова. Точно так же и Совнарком мог сколько угодно заседать, обсуждать те или иные вопросы, принимать декреты — а кто стал бы их реализовывать? Если правительство не обладало реальными рычагами власти…

Царская администрация была разрушена еще весной. Деятели Временного правительства создать структуры своей власти толком так и не смогли, и эти хлипкие зачатки администрации смел Октябрь. Наркомы из большевиков и левых эсеров поделили между собой министерские портфели? Прекрасно. Но ни наркомат здравоохранения, ни наркомат земледелия, ни наркомат просвещения и ни один другой из наркоматов, даже военный, не имели своих структур и рабочих органов в губерниях, городах, уездах. Единственной действующей властью на местах были Советы. Подчинявшиеся ВЦИК. То есть Свердлову!

А руководство Секретариатом ЦК давало ему дополнительные возможности. Позволяло влиять на местные Советы не только от своего имени, а еще и от имени ЦК, от имени партии. И он опять энергично действует «кадровыми» методами. Расставляет, переставляет работников. К нему идут за назначениями люди и в Секретариат, и во ВЦИК. Кого-то присылают ему и Ленин, Троцкий, другие руководители. Дескать, хорошо знаю этого человека, наш в доску, надо пристроить. Он и пристраивает. Мгновенно оценивая, мгновенно ориентируясь в качествах кандидата. По-своему пристраивает. Кого-то председателем исполкома — но в глухую «тьмутаракань». А кого-то малозаметным «винтиком» — но в важный центральный орган.

Как вспоминала Новгородцева, «сохранились десятки коротеньких записок, написанных Яковом Михайловичем наркомам, руководителям ведомств и учреждений» — с рекомендациями на назначения. И Цюрупа говорил: «Ведь это просто поразительно, как хорошо знает Яков Михайлович партийные кадры, как он умеет каждому найти именно такое место, где он будет более всего полезен; знает цену каждому, словно насквозь человека видит». Да, без всяких отделов кадров, досье, картотек он умел по памяти оперировать тысячами фамилий, помнил массу мелочей про каждого, учитывал персональные качества.

Вспомнил, например, товарища по туруханской ссылке Бориса Иванова. Который в конце 1916 г. был призван в армию вместе со Сталиным. И так и застрял там, делая революцию в Сибири, председателем полкового комитета. Свердлов его из армии вытащил, припомнил, что тот когда-то был булочником, и направил руководить Главным управлением мукомольной промышленности.

На должность секретаря ВЦИК Свердлов протащил своего ставленника Варлама Александровича Аванесова (Сурена Карповича Мартиросова). Отныне Аванесов становится его персональным ближайшим помощником, «альтер эго» Якова Михайловича. Некоторое время они даже жили вместе, в одной квартире. Как любил «товарищ Андрей» — «коммуной». Сам Свердлов, Новгородцева, Аванесов и Володарский. Прилепился к их компании и Демьян Бедный. Но это — не «альтер эго». Не помощник, не «кадр». Это был лакей. Шут гороховый. Развлекавший Якова Михайловича, подмазывавшийся к нему с откровенной лестью:

У дядюшки у Якова

Добра хватает всякого:

И волос, и голос.

И всегда готовая резолюция —

Да здравствует социальная революция!

Что ж, Свердлов, конечно, и ему цену знал. Но привечал, опекал, держал при себе. Такие тоже нужны, пригодятся.

Своего дружка Шаю Голощекина он вернул на Урал. И не только его. В помощь ему еще двоих «боевых» ребят приспособил. Войкова (Вайнера) и Сафарова (Вольдина). Они входят в президиум Уральского Совета и вместе с бывшим свердловским боевиком Белобородовым берут под контроль столь «ключевую» область, как Урал.

И о родственниках Яков Михайлович не забывал. Выписал из Америки брата Беньямина. И тот медлить не стал. Быстренько ликвидировал свой банк и приехал. Откуда, кстати, следуют два очевидных вывода. Первый — что связи с братом-банкиром у него действительно существовали и поддерживались. А второй — это подтверждение сделанного ранее предположения, что банк Беньямина был чистейшим «мыльным пузырем». Разве стал бы владелец солидного предприятия ликвидировать его и лезть очертя голову в российскую кашу? Где шансы на успех или даже просто на «гешефт» выглядели в данный период очень и очень проблематичными? Судя по всему, американская контора брата и впрямь возникла благодаря «силам неведомым». Решившим, что больше она не нужна, что теперь их подручный будет полезнее в России.

А Яков братца не обидел. Сразу протолкнул в советское руководство. Бывший паровозный машинист Емшанов, назначенный наркомом путей сообщения, слишком явно оказался не на своем месте. И в столь гиблом деле, как разваленный транспорт, еще и наломал дров, после чего сам запросился освободить его от должности. И Свердлов подсуетился, подъехал к Ленину, порекомендовал — вот, мол, отличный деловой человек, школу американского бизнеса прошел. Может, и не в таких словах, но факт есть факт. Беньямин Свердлов в начале 1918 года с ходу стал членом правительства, наркомом путей сообщения.

Совнарком на первом этапе своего существования вообще состоял из лиц малокомпетентных, но исполненных энтузиазма. Действовал очень бурно. И декреты сыпались один за другим. Декрет о печати. Декрет о создании народных трибуналов, Декрет о государственной монополии на объявления. Декрет о создании Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Декрет об аресте вождей гражданской войны, противников революции. Декрет о 8-часовом рабочем дне. Об отмене «Табели о рангах» и равноправии всех в сфере государственной службы. О реквизициях. Об отделении школы от Церкви, а Церкви от государства. Об отмене воинских званий. Об отмене всех законов царской России — указывалось, что отныне при вынесении приговоров судьи должны руководствоваться исключительно «классовым революционным правосознанием». Декрет о национализации заводов и фабрик. Об отмене всех банковских процентов и выплат. О национализации банков. О создании ВСНХ — Высшего Совета Народного Хозяйства.

Впрочем, напомню, все декреты снабжались примечанием «впредь до окончательного решения Учредительного Собрания». И на них, как на временные, не очень-то обращали внимание. Поскольку значительная доля населения не сомневалась — большевики и левые эсеры у власти не удержатся. Положение в стране оставалось очень сложным. И Октябрьская революция его не улучшила. Напротив, усугубила. Хозяйство посыпалось окончательно. Стихийная демобилизация остатков армии стала бедствием. Неуправляемые толпы солдат хлынули через всю страну по домам. Добывали питание грабежом, захватывали поезда, оставляли за собой разбитые вокзалы, разгромленные станции, искалеченный транспорт. Растаскивали и громили казенные склады. Анархические фронтовики хлынули в деревню, требуя переделов земли, поскольку ее распределяли в их отсутствие. И по сельской местности пошла буза с драками, убийствами.

Рухнула централизованная система снабжения городов. Перебои с продуктами стали перерастать в голод. В Петрограде была введена карточная система, и выдача хлеба урезана до трех четвертей фунта (300 г) на два дня. Заводы останавливались, лишенные сырья и топлива, с разрушенным управлением. Рабочие одними из первых стали выражать недовольство. Росла преступность, банды орудовали почти в открытую.

А по окраинам уже начала погромыхивать гражданская война. На Дону создавали белые отряды Алексеев и Корнилов, против большевиков выступили Кубань, Астрахань, оренбургский атаман Дутов, в Забайкалье — Семенов. Объявила о своей самостийности украинская Центральная Рада. Против них стали создаваться фронты. С обеих сторон действовали еще ничтожные силы. В сотни штыков и сабель, отдельные полки и отряды. Но война уже шла, кровь уже лилась, и территорию страны там и тут перечеркивали районы боевых действий, внося дополнительный разлад в транспортные сети, хозяйственные связи, разрушая экономику.

Справиться с такими проблемами большевики были не в состоянии. Куда уж справиться, если ни кадеты, ни социалисты не справились в гораздо менее катастрофической ситуации. Вот и ждали люди, когда оно случится, Учредительное Собрание, и даст новым правителям и экспериментаторам коленом под зад. Оно давно пропагандировалось, в нем видели панацею от всех бед — придет Учредительное Собрание, и все встанет на свои места, все сразу же и нормализуется, и развал прекратится, и страна воскреснет, из тупика выйдет.

Подготовка к Собранию велась уже с сентября. Партийные списки для выборов составлялись и публиковались, выборная комиссия была образована. И очередные потрясения, революции шли как бы независимо от этого процесса. Захваты и перехваты власти — само по себе, а Учредительное Собрание — само по себе. И едва удалось утрясти коалицию с левыми эсерами и сформировать парламент — ВЦИК, как новым властям пришлось вплотную заниматься этими вопросами. Правительственным комиссаром по выборам был назначен Урицкий. А от ВЦИК, естественно, основную работу пришлось выполнять Свердлову. Он и по линии Советов, и по линии Секретариата ЦК составлял и рассылал инструкции, подробные

указания — как вести выборы, как их организовывать, какие меры и приемы применять, чтобы оказать влияние на результаты. 26 ноября был опубликован декрет Совнаркома о созыве Учредительного Собрания. Выборы начались…

Относительно самого Свердлова в разных источниках существуют разночтения. Э. Хлысталов в своей статье «Находка в Кремле» в газете «Литературная Россия» подчеркивает факт, что Яков Михайлович почему-то баллотировался не от Урала, а по Витебской губернии. А биографический указатель «Хронос» со ссылкой на статью В. Н. Заботина в биографическом словаре «Политические деятели России, 1917» указывает, что он был избран от Симбирской губернии. Объяснять разночтение не берусь. А сами по себе данные факты могут иметь определенное значение, а могут и не иметь никакого.

Почему не от Урала, предположить легко. Там и без фигуры председателя ВЦИК у большевиков было «все схвачено». Почему от Витебской или Симбирской губернии? Может быть, Яков Михайлович, хотел таким образом связать себя с «исторической родиной» отца? Использовать влияние местных еврейских общин? Но объяснение может быть и другим. Витебская губерния была прифронтовой. Тылом насквозь большевистского Северного фронта. В местных Советах позиции большевиков были сильны, и они могли рассчитывать на успех. Объяснить Симбирскую губернию труднее. Может, хотел дополнительно расположить к себе вождя? Хотя, повторюсь, здесь может и не быть никаких таких объяснений, а просто имели место обычные «выборные технологии» с перетасовками кандидатов, абы провести нужных людей.

В целом же выборы, конечно, нельзя было назвать «чистыми и честными». На них оказывалось давление. Благодаря «Декрету о печати» большевистская пропаганда получила преимущества перед другими партиями. Кое-где Советы попросту сажали или изгоняли неугодных им агитаторов. В Питере Урицкий то арестовывал выборную комиссию, то выпускал, то не давал ей помещения и выгонял из Таврического дворца, где она заседала. «Контрреволюционные» области, не признавшие Советскую власть, оказались вообще выключены из «демократического волеизъявления». Как и районы боевых действий. Но и другие социалистические партии действовали неразборчиво. Играли на том, что списки кандидатов составлялись еще в сентябре, соответствовали тогдашнему раскладу политических сил. Играли на том, что смогли тогда захватить под контроль центральную и местные выборные комиссии. Эсеры спекулировали на чаяниях крестьянства, меньшевики — рабочих.

Несмотря ни на какие «технологии», давления и подгонки, уже при подведении первых предварительных итогов стало ясно — большевики безнадежно проигрывают. Одним не нравилась их партия и политика. Другие связывали с их правлением хаос, в котором очутилась Россия к концу 1917 года (хотя хаос обеспечился и без них, Временным правительством, а в ноябре-декабре он только углублялся естественным образом). И Ленин заговорил о том, что «Советы выше всяких парламентов, выше всяких учредительных собраний». Однако и не созывать «Учредилку» было уже нельзя. Пропаганда и выборная кампания всю страну охватили, и само существование Совнаркома и ВЦИК было «временным», до Собрания. 3 декабря ВЦИК принял постановление, что Учредительное Собрание «будет созвано, как только половина членов, именно 400 депутатов, зарегистрируется установленным порядком в канцелярии Таврического дворца».

Причем большевикам опять пришлось вести борьбу в собственных рядах. Они начали формировать свою фракцию заблаговременно, и в «бюро фракции» были заранее определены все те же «именитые» — Каменев, Рыков, Милютин и др. Которые готовы были «временность» Совнаркома и ВЦИК понимать буквально. Донести власть до «Учредилки» — и передать ей. А дальше Совнарком и тем более ЦК вмешиваться не имеют права (ведь в этом случае лица из бюро фракции, то есть они сами, получили бы больший вес в партийной иерархии, обошли бы других лидеров). Но метод борьбы с такой оппозицией был уже отработан. 11 декабря собрался

ЦК, Ленин потребовал сместить бюро фракции. Троцкий, Свердлов и другие члены ЦК его поддержали. И бюро скинули.

А 20 декабря Совнарком установил дату Собрания — 5 января 1918 года. Хотя уже заранее предполагалось, что его придется разогнать. Но сделать это надо было умно. Обставить как-нибудь «позаконнее», подкрепить свою позицию. Эти шаги были возложены на Свердлова. И он их предпринял. Уже 22 декабря, через два дня после назначения даты Собрания, ВЦИК вынес решение созвать III Всероссийский съезд Советов. На 8 января. Узаконить разгон. И Свердлов заранее написал и разослал местным Советам, армейским и фронтовым комитетам циркулярное письмо: «Лозунгу — вся власть Учредительному Собранию — Советы должны противопоставить лозунг — власть Советам». Заблаговременно вбивался клин между «Учредилкой» и Советами. Обратим внимание и на форму — циркулярное письмо. Ознакомься, прими к сведению и отправь обратно. Чтоб следов не осталось. Свердлов и в дальнейшем часто будет прибегать к такой форме, как циркуляры.

Обстановка накалялась. 1 января произошло первое покушение на Ленина, офицеры пальнули в проезжающий автомобиль на Фонтанке. Сорганизовались правые партии (точнее, относительно правые), готовили свой сценарий Собрания. Готовили «демократические» манифестации в его поддержку. Но и большевики готовились. По разным линиям. Один ход был политическим и пропагандистским. 3 января ВЦИК рассмотрел и принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней были собраны разнородные компоненты. С одной стороны — подтверждение декретов о земле, мире и т. д. С другой — декларировалась власть уже существующих структур, Совнаркома и Советов. И указывалось: «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное Собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества».

То есть «Декларация» предлагала «Учредилке» всего лишь узаконить большевистскую власть и разойтись по домам. Велась и силовая подготовка. Гарнизонные «революционные» полки давно уже выродились в анархический сброд, готовый митинговать за кого угодно и повернуть штыки против кого угодно. Поэтому большевики стянули в город более надежную и дисциплинированную силу — матросов. Из них составились оцепления, заслоны против манифестантов, охрана Таврического дворца. Был сформирован и «военный штаб» для руководства этими силами. Возглавил его Свердлов.

К 5 января из-за транспортных и иных трудностей кворум едва-едва набрался: прибыло 410 из 715 делегатов. Но решено было начать. Открытие «Учредилки» запланировали на 12 часов. Но из-за тех же демонстраций, манифестаций, оцеплений многие опаздывали. Начало перенесли на 16. Большевики набрали менее 25 % мандатов. Большинство досталось эсерам. Причем списки их партии составлялись еще до раскола на правых и левых, и среди избранных превалировали правые. Много было и кадетов. Их избирали по прошлой думской популярности, а то и из ностальгии — весна 1917-го, время кадетского правления, в воспоминаниях людей казалась уже «раем» по сравнению с осенью и зимой. Хватало и меньшевиков — их позиции были сильны в профсоюзах.

Могло ли Учредительное Собрание спасти Россию? Объединить, поднять, вывести из кризиса? Разумеется, нет. Ведь через все это страна уже проходила — через власть кадетов, социалистов, продемонстрировавших свою полную никчемность и беспомощность. Через пустопорожние Государственное, Демократическое совещания, «предпарламент». По сути идея Учредительного Собрания с самого начала была мертворожденной. Она была придумана либералами-заговорщиками, чтобы, с одной стороны, убаюкать монархистов надеждой на всенародное избрание нового царя, а с другой, в расчете легитимизировать собственную власть. Но политические и социальные бури, борьба за власть, которым открыл дорогу Февраль, уже успели смести и монархистов, и самих заговорщиков. И Учредительное Собрание

никак не могло стать выходом из тупика. Оно могло лишь ознаменовать «второй круг» внутри тупика.

Из той глубины хаоса, в которой очутилась Россия к январю 1918 г., реальный выход оставался только один — диктатура. Я здесь не ставлю вопрос, какая именно могла бы быть диктатура, чья диктатура была бы хуже, а чья лучше. Но в принципе проблема имела лишь единственное решение. Царь такое решение отверг, оно претило его натуре. Либералы и социалисты возможность встать на путь диктатуры упустили. Большевики — нет.

Начиная заседание, торжествующая «демократия» попыталась сделать так, чтобы Учредительное Собрание открыло как бы само себя. Для этого заранее определили старейшего из депутатов, эсера Швецова. Не тут-то было. На трибуну прорвался запоздавший Свердлов, бесцеремонно отобрал у Швецова председательский колокольчик и объявил, что ВЦИК поручил открыть заседание ему. После чего с ходу зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», от себя добавив: «Позвольте надеяться, что основы нового общества, предуказанные в этой декларации, останутся незыблемыми и, утвердившись в России, постепенно охватят и весь мир».

Свердлова освистали, шумели. В качестве кандидатуры на роль председателя его даже рассматривать не стали. Правые эсеры предложили Чернова, левые — Спиридонову. И большевики ее тоже поддержали. Тем самым поддержав и усугубив вражду между правыми и левыми эсерами. Чернов набрал 244 голоса, Спиридонова 151. А когда был поднят вопрос об обсуждении зачитанной Свердловым декларации, Собрание, естественно, отказалось. Против проголосовало 247, за — 146. Чем «Учредилка» дала прекрасный повод для большевистской агитации — теперь она оказалась противницей «прав трудящегося и эксплуатируемого народа», передачи земли крестьянам, мира и т. д., и т. п.

Чернов выступил с речью по земельному вопросу. И пошли прения. Говорильня все в тех же худших «демократических» традициях, где каждому оратору важнее самому блеснуть и на трибуну вылезти. Кто ругал большевиков, кто поднимал какие-то местные или частные проблемы. Одни не слушали других. И друг с другом уже начинали по обыкновению цапаться, старые счеты вспоминать. В полночь большевики ушли, огласив заявление, что Собрание «встало поперек дороги рабочему и крестьянину». С ними ушли левые эсеры, «левые мусульмане», еще часть делегатов. И «Учредилка» вообще лишилась кворума, в зале осталось около 200 делегатов (всего-то по списку было избрано 715). Тем не менее оставшиеся продолжали колебать воздух речами. Конец известен. В половине пятого — матрос Железняков. И сакраментальная фраза: «Караул устал, прошу очистить помещение». Учредительное Собрание, просуществовав 12 часов 40 минут, приказало долго жить…

6 января вышел декрет о его роспуске. А демонстрации и манифестации, начавшиеся было в его защиту, были безо всяких церемоний разогнаны, кое-где и стрельбой. Давал ли Свердлов команду открыть огонь или кто-то еще из «военного штаба» — Подвойский, Урицкий, Прошьян, Бонч-Бруевич, или матросы действовали самостоятельно, в рамках полученных заранее инструкций, мы не знаем.

Куда более важную с политической точки зрения акцию Свердлов провел через несколько дней. III Всероссийский съезд Советов. На него делегаты тоже запаздывали, открыть его пришлось не 8 января, а чуть позже. А может, надо было получше подготовиться. Ведь многие были возмущены роспуском Учредительного Собрания, пальбой по демонстрантам. Но руководство партии левых эсеров оказалось несложно обработать. Вероятно, получилось обработать и кое-кого из правоэсеровских и меньшевистских деятелей, подвизавшихся в структурах Советов. Они-то уже получили доступ к власти. Так зачем им какая-то «Учредилка», которая их потеснит?

Свердлов применил и еще один любопытный прием. Второй раз обыграл уже единожды опробованную карту — с торжественным объединением рабочего и крестьянского съездов.

Хотя, вроде бы, те и другие Советы уже объединились в ноябре. Но сперва, 10 января, открылся III Всероссийский съезд Советов только рабочих и солдатских депутатов. Где позиции большевиков были сильнее. Свердлов во вступительном слове объявил: «Акт роспуска Учредительного Собрания мы должны сопоставить с созывом III Всероссийского съезда Советов — этого верховного органа, который единственно правильно отражает интересы рабочих и крестьян».

Таким образом, подольстил съезду. Вы, мол, главные, а не «Учредилка». После чего сразу дал слово «от имени революционных отрядов Петрограда» Железнякову — братишка не подвел, так живописал, что над «Учредилкой» оставалось только животики надрывать. Потом откуда-то вытащили с приветствиями якобы «посланцев рабочих» Норвегии, Швеции, США, Англии, вскружив головы простонародным делегатам эдаким «международным признанием». На второй день выступил Ленин с отчетом Совнаркома, Свердлов с отчетом ВЦИК, Сталин с докладом по национальному вопросу. Съезд постановил всецело одобрить политику Совнаркома и ВЦИК. Утвердил отвергнутую учредиловцами «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». А тем самым узаконил и разгон Учредительного Собрания.

13 января открылся III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. И, кстати, «кадровые» методы, коими действовал Яков Михайлович в системе Советов, уже дали плоды. В ноябре у большевиков на съезде было около 10 % мандатов, теперь каким-то образом насчитали 50 % от большевиков и всякого рода «сочувствующих». И здесь вместо всяких других вопросов на первом же заседании Свердлов вынес предложение о слиянии со съездом рабочих и солдатских депутатов. Дружно приняли, опять торжествовали, праздновали и обнимались. Ну а при этом крестьянский съезд как бы автоматически присоединился к решениям рабоче-солдатского.

После чего заседали уже вместе. И если кто-то пытался высказывать «не те» мнения, его сразу забивали. А под занавес, когда уже наговорились и назаседались, Яков Михайлович вынес на голосование и протолкнул два «маленьких» пунктика. Формальных. Бумажных. О том, чтобы из принятых декретов Совнаркома изъять оговорку «впредь до окончательного решения Учредительного Собрания». И из наименования Совнаркома «временное рабоче-крестьянское правительство» изъять слово «временное». Вот так незаметно, между делом, осуществился на самом-то деле еще один переворот. Все, что напринималось и воспринималось как временное, одним махом стало постоянным. И сам Совнарком перестал быть «пятым кабинетом» Временного правительства.

Съезд избрал и новый состав ВЦИК. Теперь не по раздельности, от рабочего и от крестьянского, теперь избирали от общей массы делегатов двух съездов. Что сказалось и на составе ВЦИК. Он остался многопартийным, но большевики уже смогли обеспечить себе «парламентское большинство. Из 306 членов — 160. Председателем ВЦИК был опять избран Свердлов, секретарем — Аванесов.

19. Мир или война?

Жизненное правило говорит — долги надо платить. А Германия, конечно, не за красивые глазки и не из симпатий к Ленину финансировала большевиков. Ей позарез требовался сепаратный мир на Востоке. Потому что положение немцев и их союзников было критическим. Не было сырья. Начинался голод. По тотальным мобилизациям призывали уже 17-летних и 55-летних. А в 1917 г. в войну вступили США. Пока что они воевали чисто номинально, только еще создавали, обучали и перевозили через океан свою армию. По расчетам, они могли изготовить ее только к концу лета — началу осени 1918 г. Поэтому последней ставкой немцев было замириться с Россией, получить от нее продовольствие и сырьевые ресурсы, вернуть 2 млн. пленных, находящихся в русских лагерях, сосредоточить все силы на Западе и разгромить Францию до развертывания американцев.

Но и расходиться с Россией «при своих интересах» Германия не намеревалась. Зря что ли воевали? Как уже отмечалось, немцы желали ослабить нашу страну на будущее, расчленив ее. Поэтому двурушничали, поддерживая не только большевиков, а и сепаратистов. А начальник штаба Восточного фронта генерал Хоффман придумал удобную «двуединую» формулу: поддержать лозунг «мира без аннексий и контрибуций», но обязательно вместе с «правом наций на самоопределение». И «самоопределившиеся» национальные окраины неизбежно попадут под влияние Германии, станут ее марионеточными придатками.

Переговоры в Бресте начались еще в декабре. Большевики готовились к ним торжественно, помпезно, в эйфории от только что одержанных успехов. Делегацию возглавили Иоффе и Каменев, в ее состав вошли Карахан, Сокольников, Мстиславский, эсерка-террористка Биценко. А перед самым выездом из Петрограда кому-то пришло в голову, что раз власть народная, то в делегацию обязательно надо включить представителей «революционного народа». И прихватили первых попавшихся солдата, матроса, рабочего и крестьянина. Причем, подходящего крестьянина отловили уже на улице, по дороге на вокзал и соблазнили ехать большими командировочными. Конечно, на заседаниях эти фигуры не играли никакой роли, помалкивая в тряпочку. Но тем не менее, их педантично сажали «выше» приехавших с большевиками генералов и офицеров Генштаба. «Представители народа» числились «полномочными делегатами», а офицеры — всего лишь «консультантами».

В Бресте советских делегатов ждал очень неприятный сюрприз. Они-то рассчитывали, что Германия и ее союзники с радостью ухватятся за возможность сепаратного мира, подмахнут договор, и все. Не тут-то было. Выяснилось, что уходить с оккупированных территорий немцы и австрийцы не собираются, и в результате «права наций на самоопределение» Россия потеряет Польшу, Литву, Латвию и, с большой вероятностью, Закавказье. Долго бодались из-за этого права. Большевики утверждали, что волеизъявление народов в условиях оккупации будет недемократичным, а немцы возражали, что в условиях большевистского террора оно будет еще менее демократичным. Впрочем, делегаты подобрались такие, что особо не впечатлялись. И переговоры напоминали дешевый фарс.

Секретарь делегации Л. М. Карахан с ходу занялся бурной коммерцией. Он срочно затребовал из Петрограда царских денег и принялся обменивать их на немецкие: в Питере 1 марка котировалась в 8 рублей, а в Бресте деньги шли по довоенному курсу, 1 рубль — 2 марки. А местные крестьяне, с которыми связался «красный дипломат», давали и того больше — 3,5 марки за «николаевский» рубль. На эти средства Карахан принялся скупать в немецких военных магазинах все, что под руку подвернется: часы, обувь, мануфактуру, косметику, вино. В результате, вынужден был вмешаться даже генерал Хоффман, которому германский «военторг» направил жалобу, что уже не в состоянии обеспечивать товарами собственных офицеров.

Иоффе и Каменев под предлогом посещения лагерей военнопленных ездили отовариваться в Варшаву. Не отказывали себе и в других удовольствиях. Сопровождавшие их немцы потом со смехом рассказывали «военспецам», как еврей Каменев вошел в роль русского вельможи и плясал «русскую» в варшавском публичном доме. А «представитель трудового крестьянства» Сташков во время заключительного обеда так надрался, что уже не мог поставить свою подпись под соглашением о прекращении военных действий. И когда пришло время ехать на вокзал, начал брыкаться: «Домой? Не желаю домой! Мне и здесь хорошо! Никуда я не поеду!» Его приводили в чувство всем составом «советских дипломатов», а немцы деликатно подали санитарный автомобиль, куда и загрузили на носилках нетранспортабельного «делегата».

Итогом переговоров стало лишь заключение временного перемирия на неделю и выработка чисто декларативной формулы мира «без аннексий и контрибуций». Немцы намекнули, что так и быть, примут ее — если согласятся Франция, Англия, США. Хотя такой надежды, разумеется, не было. Когда советская делегация уезжала, закупленное

«дипломатами» барахло не умещалось в купе и загромождало проход вагона. Через линию фронта вещи Карахана таскали 10 солдат. А по приезде в Питер он загрузил ими огромный лимузин, куда едва поместился сам. Причем, по воспоминаниям подполковника Д. Г. Фокке, секретарь был настолько увлечен перевозкой собственный покупок, что забыл на вокзальных ступенях… портфель со стенограммами, протоколами, подлинниками соглашений — в общем, со всей документацией брестских переговоров. Случайно замеченный «военспецами», портфель был передан Каменеву.

В дальнейшем перемирие было продлено. Страны Антанты предложенную формулу, конечно, отвергли. И обе стороны оказались в тупике. Советское правительство не могло принять германских условий — опасаясь, что его тут же свергнут. Не только левые эсеры, но и большинство в собственной партии было за «революционную войну». Да ведь и воевать-то было нечем! Армия уже разбежалась по домам. Ленин опрашивал делегатов Общеармейского съезда по демобилизации, ставил вопросы, могут ли военные задержать возможное наступление противника или хотя бы вывезти из прифронтовой полосы склады, запасы, артиллерию. Ответы были отрицательными. И большевики пытались тянуть резину. Предлагали перенести переговоры в Стокгольм.

От чего отказывались немцы и их союзники. Хотя при этом отчаянно боялись — а что если большевики прервут переговоры? Для них это было бы катастрофой. Голод у них уже стал реальностью, а продовольствие можно было получить только на Востоке. На союзном совещании панически прозвучало: «Германия и Венгрия не дают больше ничего. Без подвоза извне в Австрии через несколько недель начнется повальный мор». И воевать они тоже не могли. Даже учитывая отсутствие у России армии. Если бы русские отступили, увозя материальные ценности, то партизанская борьба, отвлечение войск для оккупации огромных российских пространств представляли гибельную перспективу. Поэтому австрийский представитель граф О. Чернин писал, что при возвращении большевистской делегации, «было любопытно видеть, какая радость охватила германцев, и эта неожиданная и столь бурно проявившаяся веселость доказала, как тяжела была для них мысль, что русские могут не приехать». Австрия грозила, что если Германия расстроит переговоры, то она сама заключит сепаратный мир.

На втором раунде, в январе, обошлось уже без карикатурных фигур рабочих и крестьян. И «красным дипломатам» пришлось подтянуться. Делегацию возглавил нарком иностранных дел Троцкий. Но ситуация изменилась. Прибыла еще и украинская делегация, от Центральной Рады. Хотя повела себя непредсказуемо для немцев. У «хохлов» в руках был хлеб, и они принялись шантажировать Германию и Австро-Венгрию, требуя за продовольствие своего признания, требуя отдать Украине принадлежавшие Австро-Венгрии Галицию и Буковину. Но и Троцкого знать не желали. Получалось, что теперь Россия теряет еще и Украину.

Но накладывались и другие факторы. В Вене разразилась всеобщая стачка из-за голода, за ней — стачка в Берлине. Бастовало 500 тысяч рабочих. Украинцы сразу стали наглеть, требовали за свой хлеб все больших уступок. А Троцкий приободрился. Казалось, вот-вот у немцев и австрийцев начнется революция, и надо лишь дождаться ее. Так же полагали многие другие большевистские лидеры. За предложение Троцкого «мира не заключаем, но и войны не ведем» 24 января в ЦК проголосовало 9 человек — против 7. Точно так же и на другом заседании ЦК, 3 февраля, по вопросу, допустимо ли заключать мир, «за» проголосовало 5, против — 9.

(Поскольку в России был в это время принят декрет о переходе с Юлианского на Григорианский календарь, дальше по ходу книги я буду указывать даты уже по «новому стилю»).

На третьем раунде переговоров ситуация снова изменилась. На Украине красные части Муравьева громили Раду в хвост и в гриву. Теперь Троцкий отказался признавать украинцев самостоятельной делегацией, называл Украину неотъемлемой частью России, а переговоры с

ней немцев — вмешательством в русские дела. Большевики уже явно делали ставку на близкую революцию в Германии и Австро-Венгрии, по-прежнему старались выиграть время. А в один прекрасный день в Берлине перехватили радиообращение из Петрограда к немецким солдатам, где их призывали к убийству кайзера, генералов и к братанию. Вильгельм рассвирепел, приказал немедленно прервать переговоры.

Однако украинцы по мере успехов красных войск становились все сговорчивее, сразу убавили наглость и принялись подлизываться к немцам, соглашаясь на все. И 8 февраля, когда отряды Муравьева вошли в Киев, заключили с Германией и Австро-Венгрией сепаратный мир. Избавив их от угрозы голода и голодных бунтов… Вот теперь-то положение большевиков стало отчаянным. Немцы заговорили языком ультиматумов. С Украины красных «попросили» убраться, как с территории дружественного Германии «государства». А к прежним требованиям добавили неоккупированные части Латвии и Эстонии. И контрибуцию в 6 млрд. марок золотом — которую завуалировали «покрытием издержек» на содержание пленных.

Принять такие условия? Свои же возмутятся и скинут. Не принять — немцы двинутся на Петроград и скинут. И 11 февраля Троцкий завершил переговоры, провозгласив свою формулу «ни войны — ни мира». Впрочем, при этом очень прозрачно намекнул, что большевики никогда не поступятся своими принципами, но… «если речь пойдет о грубых аннексиях, то должны будут склониться перед силой». Да и большинство ЦК по-прежнему стояло против заключения такого мира. Ленин проводил заседания несколько раз. 17 февраля за мир высказалось 5, против — 6. 18 февраля за проголосовали 6, против — 7.

Сторонников «революционной войны» называли «левыми коммунистами». Эту позицию заняли Бухарин, Пятаков, Дзержинский, Оболенский (Осинский), Ломов, Яковлева, Радек, Урицкий, Ярославский, Манцев, Коллонтай, Стеклов, Сапронов, Рязанов. Далеко не все из патриотических побуждений. Многие — из соображений «мировой революции». Дескать, заключить мир с кайзеровским режимом — значит спасти этот режим. А если продолжить войну, даже ценой разгрома России, то сама эта война активизирует массы в Германии и Австрии… На «левую» позицию встали Петроградский и Московский комитеты партии, Моссовет. Их активно поддерживали большевики тыловых районов, которым оккупация никак не грозила — Урала, Сибири, Поволжья.

Но немцев, хотя они и впрямь не могли вести войны на два фронта, неопределенность «ни мира — ни войны» никак не устраивала. Им требовался на Востоке прочный мир. Чтобы прочно, по-хозяйски устроиться в оккупированных областях и использовать их ресурсы. Чтобы снять отсюда все войска на Запад. А то вдруг большевики со временем окрепнут, отмобилизуют новую армию и возобновят боевые действия? И подсказку Троцкого о «грубых аннексиях», о том, что большевики «должны будут склониться перед силой», германское руководство вполне оценило.

Решило подтолкнуть процесс. К настоящему масштабному наступлению оно было не готово — войска уже перебрасывались во Францию. Но такого наступления и не потребовалось. Хватило нескольких второсортных ополченских дивизий. 18 февраля германо-австрийское командование двинуло их вперед. Совнарком обратился с предложениями о возобновлении переговоров — но теперь немцы не спешили их принять. Уж пугануть так пугануть! А заодно и прихватить еще что-нибудь. Ни боев, ни сопротивления не было. И фронта тоже. Немцы продвигались по дорогам. Очень небольшими отрядами, батальонами, а то и ротами. А кое-где попросту ехали на поездах и поочередно захватывали станции.

Их не останавливал никто. Последние воинские подразделения на фронте сразу дали деру, бросив позиции. А Красная гвардия, состоящая из дезертиров и люмпенов, для боевых действий не годилась. И тоже в панике разбегалась при одних лишь слухах о приближении неприятеля. Побежали и анархические матросики Дыбенко, направленные на фронт с приказанием нанести контрудар. По собственному признанию матросского вожака они без оглядки драпали до Гатчины. Там погрузились в железнодорожные составы — и так рванули

от противника, что их эшелоны долго разыскивали по всей стране. И перехватили только… под Самарой.

21 февраля был опубликован декрет Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!» Был образован Комитет Революционной Обороны Петрограда — туда вошел и Свердлов. Но надежды на оборону было мало. Немцы беспрепятственно заняли Эстонию, дойдя до Нарвы. Взяли Псков. А в Финляндии поддержали Маннергейма. Не только против красных — там начали убивать и изгонять всех русских. И никакие героические красногвардейцы противника не останавливали. Немцы сами тормознули свои части на намеченных рубежах. Из Берлина еще и одергивали самых горячих генералов, чтобы не вздумали продолжать движение на Петроград. Потому что падение столицы могло бы всколыхнуть патриотизм русских, сплотить их для отпора врагу. Не собирались немцы и свергать большевиков — их требовалось вынудить к миру. И 22 февраля они продиктовали новый ультиматум со сроком ответа 48 часов. С условиями еще более тяжелыми, чем раньше.

23 февраля состоялось бурное заседание ЦК. Чтобы склонить соратников на сторону мира, Ленин даже поставил вопрос о своей отставке — если мир не будет принят. Многих и это не остановило. Ломов заявлял: «Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без Ленина». Тем не менее сторонникам Ильича удалось добиться успеха. Одних смутил его демарш, других отрезвили беспрепятственный прорыв немцев и угроза Петрограду. За мир проголосовали 7 — Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга, Зиновьев, Стасова. Против высказалось 4 и 4 воздержалось.

Но ЦК был лишь партийным органом. Решение должен был принять ВЦИК. Где за войну стояли левые эсеры. И правые эсеры, меньшевики, анархисты. И значительная часть большевиков. Главным действующим лицом, обеспечившим принятие Брестского мира, стал Свердлов. Он председательствовал на всех собраниях и заседаниях. А вести такие мероприятия он умел как никто другой. Влиять, играть, манипулировать. Очень четко использовал, например, такой инструмент, как регламент. Оппонента взял и обрезал — регламент вышел (а кто там следит, осталось еще минута-две или нет?) Использовал процессуальные тонкости. Скажем, «вы взяли слово по мотивам голосования, а вместо этого полемизируете». Или такой вопрос, кому дать слово. Ленин мог по три раза выступать, а кто-то рвался, но председатель его «не заметил». И сам придумывал разные казуистические приемы. Именно из-за такого умения его стали сажать председателем уже на всех собраниях — и советских, и партийных.

И на заседании ВЦИК он тоже нашел нужный прием. Сперва заседали по фракциям. И на большевистской фракции Свердлов сделал упор на «партийную дисциплину». ЦК, мол, уже решил. Так кто за линию ЦК, а кто против ЦК? Большинство наскребли. Тогда Яков Михайлович поставил вопрос о «партийной дисциплине» еще шире. О подчинении «меньшинства большинству». То есть о том, чтобы на общем заседании вся большевистская фракция голосовала за только что принятое решение. И это большинством голосов тоже было принято.

Уже в 3 часа ночи фракции ВЦИК сошлись вместе. Если бы считать всех противников мира — левых эсеров с добавлением «левых коммунистов», то их набралось бы явное большинство. И, зная об этом, левоэсеровские лидеры потребовали поименного голосования. Но… «левые коммунисты» были уже связаны решением своей фракции. Голосовать за единую позицию, только за мир. Некоторые из них в результате вообще ушли. Однако нарушить «партийную дисциплину» и присоединить свои голоса к другим партиям осмелились лишь четверо: Бухарин, Рязанов, Закс и Ветошкин. 116 голосами против 85 при 26 воздержавшихся ВЦИК постановил принять германский ультиматум.

Как известно, 23 февраля стал не только днем голосований по поводу мира. Поскольку Красная гвардия проявила абсолютную небоеспособность и никчемность, в этот день был издан декрет о создании регулярной Рабоче-крестьянской Красной Армии. Но мало кто знает, что в рамках той же кампании, уже 24 февраля, Свердлов подсуетился создать «собственную»

воинскую часть. Подписал приказ о формировании «1-го автобоевого отряда при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете». Предназначался отряд для охраны первых лиц государства. Базой формирования стал гараж и автоотдел Смольного, а командиром был назначен личный шофер Свердлова, бывший водитель броневика Юлиан Конопко. Отряд сперва был небольшим, около 30 человек (в том числе и шофер Ленина Гиль), но вооружен был первоклассно. Два броневика «Остин», четыре грузовика «Фиат» со спаренными «максимами» на турелях, несколько легковых машин и мотоциклов с установленными на них ручными пулеметами. Подчинялся этот отряд непосредственно Свердлову. И только Свердлову.

В свое подчинение он полностью перетянул и комендатуру Смольного во главе с Мальковым. И вообще практичный Яков Михайлович без чьих-либо указаний, самостоятельно, взял на себя функции администратора правительственных учреждений. Через Малькова организовал в Смольном столовую, стал присматривать за снабжением продуктами, бумагой, чернилами, транспортом…

3 марта 1918 года был подписан Брестский мир. На очень тяжелых условиях. Под маркой «самоопределения» от России отторгались Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Крым, Украина, Закавказье. Разоружался и выдавался немцам флот. На Россию налагалась контрибуция в 6 млрд. марок золотом плюс 1 млрд. марок — за убытки немецким фирмам и гражданам, понесенные ими в ходе революции. Оккупированные Псковщина и Белоруссия оставались под немцами до конца войны и выполнения большевиками всех условий договора. Добавлялся и кабальный торговый договор. Германии и Австро-Венгрии достались все склады вооружения, боеприпасов и имущества, захваченные ими в прифронтовой полосе, возвращались пленные.

Но уже с 24 февраля, с момента принятия решения ВЦИК о таком мире, по России катилась волна негодования. Подливали масла в огонь представители Антанты: британцы, американцы, французы. Сотрудники их миссий подъезжали и к большевистским, и левоэсеровским лидерам, обламывали, уговаривали, сулили за продолжение войны золотые горы — и международное признание новой власти, и финансирование, и поставки вооружения, и даже офицеров-инструкторов. Царю никогда такого не обещали, как большевикам в феврале-марте 1918-го. (Хотя, несмотря на все проявления «дружбы», страны Антанты тоже вовсю двурушничали — сразу же признали независимость Финляндии, Польши, Центральную Раду. И параллельно завязывали закулисные переговоры с украинцами, эстонцами, грузинами, финнами, армянами, азербайджанцами).

Ну а по России протестовали и бунтовали левые эсеры, правые эсеры, меньшевики, анархисты. Возмущалось и большинство Советов, большевистских партийных организаций. Председатель Мурманского Совдепа Юрьев по прямому проводу обматерил Ленина и повел переговоры с англичанами. А центром внутрипартийной большевистской оппозиции стала Москва. От нее-то немцы были куда дальше, чем от Питера. Московское областное бюро РСДРП(б) во главе с Ломовым, Манцевым, Оболенским, Сапроновым, Яковлевой приняло постановление о недоверии ЦК «ввиду его политической линии и состава». Писали: «Мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Многие парторганизации поддержали, шумели об измене. Требовали созыва конференции. И на 6 марта был назначен VII съезд партии.

И вновь лидеры большевиков действовали энергично и умело. Было решено заранее, еще до съезда расколоть и дезорганизовать оппозицию. Для чего в Москву был направлен самый подходящий человек — Свердлов. Он примчался в Первопрестольную вечером 3 марта, сразу же с поезда ринувшись на пленум Моссовета. 4-го участвовал в совместном заседании областного бюро, окружкома и горкома партии. В ночь с 4-го на 5-е — в Московской общегородской конференции РСДРП(б). Которая выбирала делегатов на съезд. И сумел сделать, казалось, невозможное! Москва склонилась к поддержке ЦК, одобрила заключение

мира. Поскольку Яков Михайлович ловко свел вопрос не к условиям этого мира, а к единству партии — и «раскольничеству».

Из Москвы — вновь в Питер. И 6-го он уже председательствовал на VII съезде РКП(б). Он был небольшим по составу — 46 делегатов с решающим голосом и 58 с совещательным. Изменение позиции Московской организации сразу сказалось на настроениях. А Яков Михайлович опять великолепно манипулировал всеми заседаниями. Опять придумывал всякие казуистические приемы, вроде предложений по таким-то вопросам голосовать только «за». Съезд, правда, прошел бурно, с руганью и грызней, но итоги его стали вполне благоприятными для сторонников Ленина. 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся была принята резолюция — одобрить линию ЦК и заключение Брестского мира. Был переизбран ЦК — из коего при этом удалили часть оппозиционеров. А еще на этом съезде партия сменила название. Стала не Российской Социал-демократической (большевиков), а Коммунистической (большевиков).

Но в Москву Яков Михайлович мотался, судя по всему, не только для обработки местных партийцев. А еще и для рекогносцировки. Пребывание правительства и парламента в Питере становилось все более неуютным. Во-первых, столица была эпицентром революций, и именно ее сильнее всего коснулся революционный развал — в Петрограде было голодно, холодно, необеспеченно. В Москве положение оставалось не в пример лучше. Во-вторых, «революционизация» питерцев представляла опасность уже и для советского правительства. Те же разболтавшиеся солдаты, матросы, красногвардейцы, массы рабочих с остановившихся заводов становились неуправляемыми. И при нарастании недовольства могли смести самих большевиков. В-третьих, немцы и белофинны находились теперь слишком близко. Если они и не хотели свергать Советскую власть, то запросто могли диктовать ей условия. Сегодня одни их условия приняли, а завтра, глядишь, еще что-то в голову взбредет. И попробуй возрази, если их войска могут через день быть в Питере…

Вот и было выработано решение перебазироваться в Москву. Разведку произвел, несомненно, Яков Михайлович. И во время своей поездки успел согласовать этот вопрос с московскими властями. Потому что VII съезд завершился 8 марта, а уже 9-го, на следующий день, была осуществлена операция по переезду. В строжайшем секрете подготовили два царских поезда. Их подали на пригородную станцию «Цветочная». Ночью, под покровом темноты и под охраной броневиков туда доставили руководство. И — в путь!..

Это кстати, была первая операция, которую обеспечивал свердловский отряд «спецназа». И с задачей охраны он справился. Когда первый из поездов, где ехал аппарат ВЦИК, прибыл на станцию Малая Вишера, там оказался эшелон с бандитствующими солдатами-дезертирами. Попытавшимися задержать «литерный № 4001». Любопытно, что ровно год назад, здесь же, в Малой Вишере, наткнулся на аналогичное препятствие поезд Николая II. И вынужден был повернуть на Псков. Но со Свердловым такие штучки не прошли. Бойцы автобоевого отряда мгновенно оцепили агрессивный эшелон, навели пулеметы и потребовали разоружиться. Ошалевшие солдаты, так и не понявшие, на кого они покусились, выбросили из вагонов винтовки. Их заперли в вагонах и отогнали в тупик. Поезда ВЦИК и Совнаркома покатили дальше, к Москве…

20. Хозяин Кремля

Первый из двух литерный поездов, свердловский, прибыл в Москву 10 марта. А второй, совнаркомовский, на день позже, 11 марта. Мелочь? Нет, не мелочь. Этот день стал еще одним крупным выигрышем Якова Михайловича. Он использовал время в полной мере. Сразу же с Аванесовым, женой и «кем-то из москвичей» отправился в Кремль. Осматривать, выбирать, распределять помещения. Чья была идея разместить правительство и ВЦИК за стенами Кремля, мы не знаем. Новгородцева сообщает, что это было решено «еще до отъезда из Питера». Как бы не Яков Михайлович такую мысль подбросил.

Но Кремль сам по себе — город в городе. Изучить за день все его здания, помещения, комнаты, соединяющие их переходы невозможно. А Свердлов выбирал именно так, чтобы учесть все нюансы — чтобы из квартиры Ленина можно было легко попасть в Совнарком, чтобы самому расположиться недалеко от Ленина и т. д. Следовательно, или заранее достал и изучил схемы или, скорее всего, во время своего пребывания в Москве назначил «кого-то из москвичей» облазить, изучить и подготовить предложения. А теперь по-хозяйски ходил и прикидывал — здесь будет квартира того-то, здесь того-то, здесь зал заседаний.

По-хозяйски оценивал обитателей Кремля. В нем жили те, кто остался от обслуживающего персонала Большого дворца и других зданий — старые лакеи, швейцары, истопники. Этих он оставит, новых властителей обслуживать. Жили монахи Чудова и Вознесенского монастырей. В то время еще существовавших, еще не разрушенных. И еще действующих. Жили те, кто обслуживал многочисленные кремлевские храмы. Тоже еще действовавшие. Их Яков Михайлович вскоре выгонит. А храмы закроет сразу.

Кремль вообще лежал в запустении, сильно пострадал в октябрьских боях, когда он был последним укрытием юнкеров и белогвардейцев, и с Воробьевых гор его расстреливали из шестидюймовых орудий. Помещения давно не ремонтировались, не убирались, отсырели. Но по мановению руки Свердлова сразу же начинается ремонт — и средства откуда-то нашлись, и люди, и материалы. А пока комнаты и залы приведут в порядок, он накладывает лапу на лучшие московские гостиницы, «Националь» и «Метрополь». Они превращаются в 1-й Дом Советов и 2-й Дом Советов. (Отметим, не Совнаркома, а Советов. Свердлова. А вскоре появятся 3-й Дом Советов, 4-й Дом Советов…)

Ленина и совнаркомовцев Яков Михайлович встречает 11-го уже как здешний хозяин — гостей. Демонстрирует назначенные им кремлевские покои — нравятся, не нравятся? Наделяет временным жильем в «Национале». Кремлевский гараж и казармы занимает автобоевой отряд Свердлова. Охрану отлаживает комендатура, подчиненная Свердлову.

Но все бытовые вопросы сперва оставались второстепенными. Ведь заключенный с немцами Брестский мир требовалось побыстрее ратифицировать. И для этого на 14 марта был назначен IV Чрезвычайный съезд Советов. Снова бушевал и протестовал Бухарин с «левыми коммунистами», снова горячо выступали левые эсеры, меньшевики. Однако это мероприятие прошло гораздо более гладко, чем предыдущие. По-видимому, сыграл роль и сам скоропостижный переезд правительства и ВЦИК в Москву. Ведь даже по коммунистической линии Стасова только 11 марта разослала на места письмо: «Центральный Комитет РКП(б) уведомляет, что он переместился в Москву. Точного адреса мы вам не можем сообщить, а потому просим непосредственно обращаться по адресу Центрального Исполнительного Комитета Советов, также переехавшего в Москву».

В подобной обстановке не так уж трудно было «нужным» делегатам дать своевременную информацию о месте созыва съезда, а кого-то, глядишь, и «забыть». Или направить уведомление с небольшой задержкой. Во всяком случае, из 1200 делегатов две трети оказались от коммунистов. И вопрос о ратификации прошел без особых проблем, 724 голосами против 276 при 118 воздержавшихся. После чего левые эсеры в знак протеста вышли из Совнаркома и с других правительственных постов. Заявили, что не желают участвовать в капитулянтском правительстве и отвечать за его действия. И отныне, мол, они составят во ВЦИК вместе с другими партиями объединенную парламентскую оппозицию большевикам.

Вот с этого момента правительство стало однопартийным. Ушли из него и некоторые «левые коммунисты» — Смирнов, Осинский, Коллонтай. Но что касается «парламентской оппозиции», то Яков Михайлович не преминул использовать столь благоприятный расклад сил, получившийся на съезде. ВЦИК был переизбран. Его состав с 306 человек сократили до 200 — ну а как же, дескать, слишком громоздкий, не оперативный. А пострадали при этом левые эсеры. В прошлом составе они по представительству не очень уступали коллегам по коалиции:

от большевиков было 160, от левых эсеров — 125. Теперь стало от коммунистов 140, а от левых эсеров — 48. Разница хорошо заметна.

Этот же съезд принял и постановление о перенесении столицы в Москву. Хотя для самого Свердлова съезд чуть не кончился трагически. Как раз в эти дни в Первопрестольной объявился Дыбенко со своим дезертировавшим отрядом. И Свердлов недолго думая его арестовал, поставив вопрос о расстреле. Морячки рассвирепели, услышав, что обидели их любимого командира, 16 марта отловили председателя ВЦИК и набросились на него с намерением расправиться. Как уж там дело происходило, осталось тайной. То ли Якову Михайловичу удалось удрать, то ли охрана спасла. Но обратите внимание на дату. 16 марта…

Ровно через год этот же день станет последним в жизни Свердлова. Жить ему оставалось ровно год. Однако натворить он успеет за этот год побольше, чем за всю предшествующую жизнь. Так что недоработали матросики. Плохо постарались… Ну да и дело о нападении кончилось ничем. 21 марта на коллегии ВЧК под пунктом 3 рассматривали вопрос «О покушении матросов на жизнь Свердлова». Постановление вынесли довольно мягкое. «Широко опубликовать об аресте Дыбенко, а тех, кто пытается освободить его до суда, считать врагами и изменниками народа». А «матросов разоружить». Вскоре Дыбенко и вовсе освободили — его Ленин пожалел, распорядился простить. Ограничились исключением из партии и отправкой на фронт.

По мере завершения ремонта руководство переезжало в Кремль. Свердловы поселились в Детской половине Большого дворца, в Белом коридоре. В четырех огромных комнатах, а рядом еще две им отвели, для гостей. В них стали останавливаться при наездах в Москву личные друзья Якова Михайловича. Вроде Шаи Голощекина. Здесь же, в Белом коридоре, обосновались Аванесов и Демьян Бедный. Опять вроде как «коммуной», как Свердлов любил жить с ближайшими лицами.

Он себе в это время, в 20-х числах марта, выправил командировку в Нижний Новгород — под предлогом необходимости выступить на собрании партактива, на заседаниях губкома партии, губисполкома и горисполкома, рассказать о решениях VII съезда партии. Как будто они сами об этом не знали. На самом же деле Яков Михайлович детишек забрал. С отцом впервые за восемь лет повидался. И, надо думать, куда более тепло и сердечно, чем раньше. Блудный сын вон в какие люди выбился, на персональном поезде катается! А своим посещением и отца возвысил, полный иммунитет ему обеспечил, теперь все местное начальство будет перед ним на цыпочках ходить и в ножки кланяться… Детей Свердлов привез в Москву, и семья в кремлевских покоях зажила в полной идиллии.

В советской литературе была создана легенда о том, как руководители партии и правительства голодали, во всем себе отказывали, питаясь пайковыми кусочками хлеба. Все это не более чем сказка. В Москве до конца лета 1918 года голода вообще еще не было. И уж тем более не было его в Кремле. Тут находились большие дворцовые склады с запасами продовольствия. Были взяты под контроль и военные склады прекратившего существование московского гарнизона. Троцкий пишет в мемуарах, что после переезда в Кремль они объедались кетовой икрой — в подвале стояло много бочек, и «этой неизменной икрой окрашены не только в моей памяти первые годы революции». Крупская упоминает, что в Москве их кормили английскими мясными консервами, закупленными еще до революции для армии. Да и Новгородцева проговаривается, описывая случай, как она, уходя на работу, предупредила старого дворцового швейцара, что вечером будут гости, и велела накрыть стол на 10–12 персон. Неуверенно поясняя: «Ничего, кроме воблы и пшенной каши, к обеду не было, но посуду-то поставить надо было заранее». Прости-те-с… а зачем расставлять заранее посуду для воблы и пшенной каши? Не знаете? Я тоже не знаю.

Уже начала действовать система «совнаркомовских» спецпайков, спецраспределителей. Но… вот что интересно. Свердлов подмял все это под себя. Точнее, он-то и стал основателем этой системы! Он оказался самым хозяйственным, самым практичным в советском руководстве.

Ну а кто еще? Не Ленин же с Крупской. Ленин витал в своих замыслах, проекты новых декретов выдумывал, статьи писал… И не безалаберный Бухарин, ходивший с оторванными пуговицами, которого и Яков Михайлович укорял, что он выглядит «свинья свиньей»… И не гордец Троцкий, считавший ниже своего достоинства заниматься «мелочами». А вот Свердлов «мелочами» никогда не пренебрегал. Как отмечалось, он уже и в Смольном столовую организовывал, над гаражом шефство взял, нал охраной.

А в Москве он вообще взял на себя функции «завхоза» правительства и ВЦИК. Все снабжение пошло исключительно через него! Персонально, без всяких промежуточных звеньев. Только через Свердлова. И сохранились многочисленные записочки: «Тов. Петерс! Прошу дать т. Рахья как больному бутылку портвейну. Я. Свердлов», «Коменданту Кремля. Прошу выдать подателям делегатам жел. — дор. рабочих 25 фунтов хлеба. Свердлов». Такому-то предоставить комнату в I доме Советов, такому-то — квартиру в IV доме. И по подобным вопросам к нему обращались высшие руководители государства. Ленин писал — прошу выдать таким-то делегатам 9 талонов на обед в совнаркомовской столовой. И Свердлов выдавал. Не через секретаря, а сам. Все талоны — через него.

Не кажется ли, что это сильно напоминает персонаж Министра-Администратора из сказки Шварца «Обыкновенное чудо»? Который в начале путешествия непрактичного королевского двора выезжал с единственной картонкой, где лежали его кальсоны, а постепенно выдвинулся до роли самой могущественной персоны. Потому что от него все зависят. Точно так же и все работники правительства, аппарата и т. д. попадают в неявную, но вполне определенную зависимость от Свердлова. Конечно, он не откажет, он поможет, он войдет в положение… Но он становится для всех незаменимым. Без него — ничего. Без него сотрудники высших советских органов уже не могут существовать. Только он всех кормит, снабжает, обеспечивает нормальные условия существования.

Он и впрямь становится незаменимым. Не то что «правой рукой», а «руками» Ленина. Ленин думает, Ленин стратегию прокладывает. А исполняет — Свердлов. Его назначают председателем комиссии по выработке первой советской конституции.

И людей лучше всех знает он. И практическую работу с людьми лучше других может провести — переговорить, оценить. Когда после IV съезда Советов и ратификации Брестского мира случился «общеминистерский кризис в связи с уходом из правительства всех левых эсеров и некоторых тт. большевиков», Совнарком поручает именно Свердлову «вступить в переговоры с Московским областным комитетом о возможности назначения на правительственные посты тт. москвичей».

Он и пользуется этим доверием. И по-прежнему, когда открывается возможность, расставляет в важные точки «свои» кадры. Перебрался ЦК в Москву, а заведующая Секретариатом Стасова остался в Питере, у нее отец тяжело болел. Что делать? Яков Михайлович сразу выход определяет. И заведующей Секретариатом ЦК ставит… свою жену. Самому ему теперь некогда, как прежде, в Секретариате торчать. Но отныне у него здесь «все схвачено».

Президиум ВЦИК он составляет сплошь из своих безотказных подручных. Наряду с Аванесовым туда попадают бывший уральский боевик Лейба Сосновский, кореш по тюремной камере И. А. Теодорович, а также Ф. А. Розинь, П. Г. Смидович, А. П. Розенгольц и др. А заместителем секретаря ВЦИК Свердлов ставит свою верную подругу и жену Теодоровича Глафиру Окулову, у которой всегда останавливался при наездах в Питер.

Редактором «Известий ВЦИК» Яков Михайлович назначает Ю. В. Стеклова (Нахамкеса), бывшего меньшевика, с которым близко сошелся еще в меньшевистско-эсеровском Петроградском Совете. После Октября Стеклов перекинулся в большевики. Ну так чего же не взять под крылышко? Главное, чтоб человек был «свой».

Вспоминает Яков Михайлович и друга детства Вольфа Михелевича Лубоцкого-Загорского. Тот в неприятный переплет попал. Тоже был в большевистской партии, эмигрировал, жил в Германии. И с началом войны был интернирован. Видать, недостаточное рвение проявил служить сокрушению царизма, а может, просто забыли про него. Так и проторчал всю войну в лагере. Свердлов не забыл. И ведь знал (или узнал), где он находится. Сразу после подписания Брестского мира вдруг явилась в лагерь германская правительственная делегация. И удивленного Загорского поздравила с назначением первым секретарем посольства. Прямо с нар взяли под белы руки, привезли в прежнее российское посольство. Он поднял над зданием красный флаг вместо царского. И принял обязанности главного дипломатического представителя — до прибытия полпреда Иоффе.

Ушедших в отставку наркомов заменить нужно? Свердлов рад стараться. Именно он договаривается о занятии поста наркома земледелия с Семеном Середой. Лидером большевиков Рязанщины и одним из видных масонских иерархов России. На пост наркома юстиции назначается очень хороший знакомый Свердлова латыш Стучка. Наркомом внутренних дел тоже становится креатура Якова Михайловича, Г. И. Петровский.

Свою «тень» Аванесова он вводит в коллегию ВЧК. Ну а как же, в других структурах свой глаз тоже нужен. В органы ЧК Свердлов пристраивает и еще одного старого знакомого. Дальнего родственника и бывшего рабочего своего отца Генриха Ягоду (Иегуди). А Смидовича, соратника по президиуму ВЦИК, протаскивает в председатели Моссовета. Теперь и столичную власть возглавит «свой» человек.

Начинается формирование Красной Армии. Революционный «главковерх» прапорщик Крыленко, разумеется, был снят со своего поста к шутам собачьим — во время германского наступления он показал абсолютную некомпетентность. И Высший Военный Совет берет под себя Троцкий, назначив начальником штаба профессионала — генерала М. Д. Бонч-Бруевича. Но Свердлов на заседании Совнаркома поднимает вопрос — нехорошо, мол, получается. Со всех правительственных постов левые эсеры ушли, а в Военном Совете Прошьян остался. Довод сочли убедительным, Прошьяна вывели. Вместо него ввели Подвойского. В армейской сфере специалиста никакого (как и Прошьян). Но человека, очень близкого Якову Михайловичу. А другой его близкий человек, Голощекин, ни дня в строю не служивший и винтовки в руках не державший, становится вдруг военкомом Уральского округа…

О, дружить со Свердловым — это очень много значило. Скажем, в связи с оккупацией Украины возвращается оттуда Серафима Гопнер. Та самая, что восхищалась Яковом Михайловичем на Апрельской конференции в 1917 году. Она и видела-то его только один раз, в апреле 17-го. А он ее запомнил. И восторги ее, видать, запомнил. Едва она приходит на прием, с ходу назначает ее вторым секретарем ВЦИК, помощницей Аванесова.

Свердлов по-прежнему, по приведенной ранее характеристике Цюрупы, «знает цену каждому, словно насквозь человека видит». И «умеет каждому найти именно такое место, где он будет более всего полезен». Еще в бытность в Петрограде он сошелся с Глебом Бокием, в то время секретарем Петросовета. Это был человек с больной психикой, что проявится позже. Руководя массовыми расправами в Туркестане, он придумает «обычай» пить человеческую кровь. А еще позже, будучи уже очень крупной чекистской «шишкой», учредит «дачную коммуну», куда будет вовлекать подчиненных вместе с семьями. Выезжая на выходные в «коммуну», мужчины и женщины будут ходить там голыми, пьянствовать и предаваться совершенно диким забавам. Причем Бокий приобщит к этим развлечениям и своих несовершеннолетних дочерей. Всего этого, конечно, Свердлов знать не мог. Но, очевидно, почувствовал в Бокие нечто «близкое». Грязное, нечистое.

И Бокий очутился заместителем начальника Петроградского ЧК. А начальником стал еще один хороший знакомый Якова Михайловича. Хасид Урицкий. Хотя он так и не вступил в коммунистическую партию. Даже на похоронах потом говорили — дескать, он не был большевиком, но «в душе»… Можно предположить, нечто такое же, как в Бокии, «насквозь

видящий» Свердлов учуял в половых психопатках Евгении Бош, Конкордии Громовой. В Кедрове и его женушке Ревекке Пластининой (Майзель). Все это — «свердловцы». Или люди, в той или иной мере им одобренные, получающие назначения с его ведома и при его участии.

Ну а с теми из партийных и советских работников, кто проявлял непослушание, непонимание — чего от них хочет председатель ВЦИК, он не церемонился. Если человек занимал важный пост, Свердлов жаловался на него в ЦК. Для принятия мер и организационных выводов. А то и сам принимал меры от имени ЦК. Если же речь шла о людях не очень высокого ранга, обходился и без ЦК. Как пишет Новгородцева, «решительно смещал с занимаемых постов и неизменно посылал на низовую работу, «на выучку к рабочему классу», как он частенько говорил».

Но нужные ему «кадры» Свердлов не только искал. Он решил целенаправленно их создавать, воспитывать. И были открыты специальные курсы «инструкторов ВЦИК». Впоследствии — Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, «кузница советских и партийных кадров». Но партийным учебным заведением они станут гораздо позже. А сперва-то были — ВЦИК. Подчиненные Свердлову. Он и сам порой читал там лекции (с четырьмя классами образования), сам составлял учебные программы, проверял бытовые условия слушателей. Опекал, лелеял. Ведь они должны были стать «его» людьми. На будущее, на перспективу.

Ленина Яков Михайлович теперь обхаживал лично. Жили-то рядом, в Кремле. Захаживал к Ильичу домой по-соседски. Приглядывал и интересовался — чем помочь, в чем нужда, чего не хватает. Как вспоминала Крупская, увидев, как Ильич пишет статьи, принялся навязывать ему своих стенографистов. Долго уговаривал так и эдак, пока не уломал. Но не сладилось, Ленин со стенографистом работать не умел, не получалось сосредоточиться. Зато Свердлов со временем научился «предугадывать» мысли вождя. Ленин только выскажет какое-нибудь предложение — а у Якова Михайловича оно уже исполнено! Ленин только заикнется, что резолюцию надо бы составить вот в таком виде — а Яков Михайлович ее достает. И как раз в таком виде. В общем-то «предугадыванием» заниматься было не столь уж трудно, если в ленинском Секретариате сидит жена, а вокруг вождя другие «свои» люди. Где-то Ильич обмолвится, что-то подумает вслух. А резолюций можно и несколько заготовить, в разных вариантах. Но получается эффектно. И возрастает ощущение «незаменимости»…

Тут, собственно, на ум приходит еще одна аналогия. Бормана. Которому примерно такими же приемами удалось сделать себя «незаменимым». Окружить фюрера своими стенографистами, предугадывать желания (или исподволь подсказывать их). И привязать вождя к себе, взять под полный контроль, замкнув на себя все его связи с окружающими. Свердлов, как видим, действовал в том же направлении.

Однако действовал он и по дальнейшему укреплению власти коммунистов. Правительство, как выше отмечалось, с марта стало однопартийным. Но ВЦИК, хотя и с преобладанием большевиков остался многопартийным. С участием левых и правых эсеров, меньшевиков, анархистов. То бишь все еще представлял собой обычный парламент. И члены ВЦИК от других партий вели себя, как и пообещали, в роли обычной парламентской оппозиции. Заявляли протесты по поводам тех или иных шагов большевиков, поднимали факты непорядков и безобразий, творящихся на местах, имели свои оппозиционные газеты, вели открытую антибольшевистскую агитацию, пользуясь при этом «парламентской неприкосновенностью».

И Свердлов начал «расчистку» внутри ВЦИК. Не сразу, не в лоб. А постепенно. Поэтапно. Выжидая, когда возникнут подходящие ситуации. Предлог для первого шага по «расчистке» подвернулся в апреле. В данное время по России умножились ряды анархистов. Впрочем, это в основном были те, кто до Октябрьской революции называл себя большевиками. «Революционная» шпана, полууголовники и уголовники, солдатско-матросская вольница, причем самая буйная — более спокойные по домам разъехались, а остались «в строю»

любители погулять и пограбить. Ни о каких партийных программах они, разумеется, понятия не имели. Шли за самыми «революционными», кто готов был дать команду «круши-ломай». Поэтому до революции примыкали к большевикам. А потом большевики стали властью. Но подобная публика не желала подчиняться никакой власти, вот и переквалифицировалась в анархистов.

От фронта они держалась подальше. И значительное их количество сконцентрировалось в Москве. Большой богатый город был для них именно тем, что нужно. Еще в революцию их отряды и банды с самостийными командирами позахватывали ряд особняков, где и угнездились «штабы». Промышляли «реквизициями», то есть грабежами. Потрошили хозяйские и бесхозные склады, магазины, устраивали «обыски» по состоятельным домам, обчищали и прохожих. Так что в городе житья не стало. Но с переездом правительства большевистских сил в Москве значительно прибавилось. И было решено навести порядок.

Операцию четко спланировала и организовала ВЧК. Были выделены отряды латышей, первые красноармейские части, вооруженные рабочие. И в один день 25 «штабов» анархистов — особняки на Малой Дмитровке, Поварской, Донской и в других местах, были внезапно окружены. Произошли вооруженные столкновения, на Малой Дмитровке бой длился целые сутки, с той и другой стороны гремели даже пушки. И к великому облегчению москвичей анархистов ликвидировали. Кого перебили в ходе операции, более 400 человек арестовали.

К политической партии анархистов разгромленные отряды имели весьма отдаленное отношение. Но Свердлов поднял на заседании ВЦИК вопрос об ответственности их партии за грабежи и уголовщину. Его поддержали не только коммунисты, но и левые и правые эсеры, меньшевики. И было принято единодушное решение о выводе анархистов из ВЦИК и всех Советов. В парламенте стало одной фракцией меньше…

21. Курс — громи деревню!

Весна 1918 года стала временем «триумфального шествия Советской власти». Она утвердилась по всей стране. Все основные очаги сопротивления были подавлены. Красные отряды заняли Дон, последние горстки белых казаков Попова скитались в Сальских степях. Под Екатеринодаром погиб Корнилов. И остатки его частей под командованием Деникина бесприютно бродили по кубанским станицам. В башкирские степи ушел разбитый Дутов. Семенов укрылся в Маньчжурии. Противостоять большевикам, казалось, больше было некому.

Правда, в Закавказье лезли турки. Но это был уже «отрезанный ломоть», Закавказье отделилось от России, распавшись на Грузию, Армению и Азербайджан, враждующие друг с другом. Немцы оккупировали Прибалтику, Белоруссию, Крым, Украину — своей волей присоединив к Украине российский Донбасс, поскольку Германии требовался уголь. Но при этом немцы стали «друзьями» и дальше продвигаться не намеревались.

Брестский мир принес и неприятные побочные явления. Страны Антанты еще по заявкам царского и Временного правительств завезли свыше миллиона тонн военных грузов в Мурманск, Архангельск и Владивосток. Опасались теперь, как бы большевики не отдали все это Германии. И в марте англичане с французами высадились в Мурманске, в апреле японские части десантировались во Владивостоке. Однако эти контингенты были небольшими (в Мурманске — несколько рот). Занялись только охраной складов и завезенных грузов, не предпринимая попыток продвигаться в глубь страны. И даже власть свою не устанавливали — мирно сосуществовали с местными Советами. Впрочем, у держав Антанты имелся проект воссоздания «Восточного фронта» на территории России, и они предлагали Японии направить войска, оккупировать Сибирь и вместе с русскими белогвардейцами атаковать немцев на Украине — хотя бы оттянуть на себя несколько их соединений из Франции. Но такой план был уж совсем фантастическим, и в Токио его отвергли.

А с другой стороны, Брестский мир принес и побочные результаты, ставшие для Советской власти очень выигрышными. В Россию отступили латышские солдаты. Их родина была

захвачена немцами, дезертировать подобно русским и разъехаться по домам они не могли. Поэтому они держались друг за друга, сохранили дисциплину и боеспособность. И большевики приняли их на службу, предложив высокую оплату. Золотом. Латыши охотно согласились (слово «латыши» стало обобщенным, к этой категорию относили и эстонцев). И из них было сформировано 8 полков — по сути профессионалов-наемников, безусловно верных тому, кто им платит. Готовых выполнить любой приказ и чуждых русскому населению. С помощью латышей советское руководство смогло раздавить анархистов, разоружить и разогнать неуправляемую и буйную Красную гвардию.

Кроме того, по Брестскому договору стороны разменивались пленными. И хотя Германия возвращать русских пленных не спешила, но от советского руководства требовала. На запад потянулись эшелоны с немцами, австрийцами, венграми, хорватами. Которые за годы пребывания в лагерях расслабились, разболтались, привыкли к мирному и безопасному существованию. Прекрасно понимали, что попасть на родину — значит снова встать в строй и очутиться во фронтовой мясорубке. Стремились к этому далеко не все. Но ведь Советская Россия теперь стала «союзницей». Если пойти к ней на службу, то потом, дома, уже не обвинят в предательстве. И многие выбирали этот путь. Вступали в Красную Армию, пристраивались к органам ЧК, к структурам местных Советов. Это казалось более безопасным, чем фронт. Открывалась возможность пограбить в реквизициях, в карательных экспедициях, а по окончании войны вернуться домой уже не просто демобилизованным в драной шинели, а скопив состояние.

Еще одним «интернациональным» контингентом стали китайцы. Царское правительство за плату навербовало и ввезло их 40 тысяч — на тыловые работы, наподобие стройбатов. Теперь они остались без дела и без средств в чужой стране. Искали заработка, были готовы взяться за любое дело вплоть до самых «грязных». И их тоже начали нанимать в армию, в карательные органы. Всего же в Советской России зацепилось и осело до 300 тысяч всевозможных «интернационалистов».

Свердлов был одним из тех кто очень высоко ценил латышей и иностранцев. Привечал, опекал. Уже говорилось о его близкой дружбе со Стучкой. Он взял под покровительство и ряд других латышских деятелей, вроде Линде. Эстонца Кингисеппа, члена ВЦИК, пристроил в коллегию ВЧК. А свой автобоевой отряд ВЦИК, предназначенный для охраны руководства, Яков Михайлович усилил, и тоже в основном за счет «инородцев». Сюда принимались отборные, лучшие бойцы: Иоган Буш, Карл Янсон, Уно Розенштейн, Януш Урбан, Франц Сентнер, Юлиан Марцинк и др.

Впрочем, Яков Михайлович не только использовал «инородцев». Он был тем, кто организовывал работу по агитации среди пленных, по их вербовке на советскую службу. Во-первых, это были верные, небрезгливые и исполнительные «кадры». А во-вторых, Свердлов же еще в 1914 г. начал грезить «мировыми масштабами». И на Учредительном Собрании говорил о том же. Вот и теперь разъяснял сомневающимся, что военнопленные — это «десятки тысяч будущих агитаторов». Пусть учатся, как завоевывать власть, пусть перенимают опыт.

Он широко открыл им доступ для вступления в партию, и уже с марта-апреля под эгидой Свердлова стали создаваться «иностранные группы» РКП(б). Особо он выделил руководителя венгерской группы — Белу Куна. Мадьярского еврея, социал-демократа, бывшего прапорщика. Как пишет Новгородцева, он «часто бывал у нас дома. Был он с виду угрюм, на первый взгляд несколько грубоват». Что ж, Яков Михайлович по-прежнему «насквозь видел». И опять безошибочно отметил психически нездорового человека, скрытого садиста. Как раз Бела Кун станет в свое время главным палачом Крыма, где будет казнено 80 тысяч офицеров и гражданских лиц — мужчин, женщин, детей. Но это будет позже. Свердлов этого уже не увидит. Пока же по его инициативе при ЦК РКП(б) возникает так называемая Федерация иностранных групп РКП(б), первый прообраз будущего Коминтерна. Яков Михайлович, таким

образом, стоял у самых истоков Коминтерна. А председателем Федерации он провел своего любимца Белу Куна.

А вместе с «иностранными группами» РКП (б) под эгидой Свердлова была создана еврейская коммунистическая организация. Между прочим, очень странная организация — как будто в самой Российской компартии евреев было мало. Но нет, эта организация была отдельной, действовала как-то сама по себе, чем она занимается, мало кто знал. Она имела свой центральный комитет, издавала газету на идиш, а располагался ее штаб на Варварке, напротив палат Романовых. Рядышком с нынешней Администрацией Президента.

Ну а латыши с «интернационалистами» помогли дополнительно закрепить Советскую власть, стали цементирующей основой новой армии, опорой руководства. Положение внутри России стабилизировалось, выглядело вполне прочным, в стране воцарился относительный мир. И новая власть занялась вопросами государственного строительства. В том числе, разумеется, и Свердлов. И в качестве практика, в качестве «рук» Ленина он явился одним из самых активных, самых энергичных «строителей».

Хотя развернулись «строительные процессы» весьма своеобразно. Не по укреплению того, что осталось в России недоломанным. Даже не по реорганизации — частичному отбору из «старого» и частичной замене «новым». Нет, пошли кампании по полному сносу прежней России и созданию на ее руинах чего-то принципиально «нового». Отрицалась всякая преемственность с прошлым, перечеркивались все прошлые достижения, традиции, устои. Например, были отменены все старые праздники, как государственные, так и православные. И не кто иной как Свердлов собственноручно отметил в календаре, какие даты должны стать новыми праздниками. 22 января — годовщина «кровавого воскресенья», 12 марта — день падения царизма, 18 марта — день Парижской коммуны, 1 мая — день всемирной солидарности трудящихся, 7 ноября — годовщина Октября. Придумывались новые ритуалы этих праздников с шествиями, демонстрациями, публичными массовыми действами.

Свердлов был и одним из тех, кто начал кампанию гонений на Православие, инициировал и поддерживал акты закрытия храмов, осквернения мощей и икон. Хотя непосредственно на этой стезе в большей степени специализировался его бывший учитель и наставник Ярославский (Миней Губельман). Создал общество «воинствующих безбожников», издавал журнал «Безбожник», запрещал все, что так или иначе было связано с православными обрядами вплоть до новогодних елок — дескать, «пережиток» христианского Рождества (Ленин, кстати, такой крайности не поддержал, даже будучи атеистом, и с Крупской проводил елки для детей — говорил, что это обычай народный, а не религиозный). Вместо крестин придумывались уродливые «октябрины». Позже Ярославский дошел и до запрета произведений Платона, Канта — как «религиозных» философов. И до запрета духовной музыки Чайковского, Моцарта, Баха, Генделя.

Отрицалась и перечеркивалась вся прошлая история — вместо нее утверждались примитивные оплевательские фальсификаты. В данном направлении на первом плане выступал Бухарин и его сотрудники вроде академика Покровского. В ходе «субботников» сносились монументы и памятники царям, государственным деятелям, полководцам. А вместо них экстренным порядком возводились и открывались уродливые и безвкусные памятники Стеньке Разину, Каляеву, Пугачеву и т. п. Закладывались будущие монументальные сооружения, которым предстояло заменить церкви. Все эти открытия памятников и закладки «дворцов» тоже сопровождались празднествами, митингами, манифестациями. И Свердлов частенько на них присутствовал, выступал с речами.

Ломалась мораль. Издавались книги Александры Коллонтай, поучавшей, что любовь — это удовлетворение похоти между мужчиной и женщиной, и должна восприниматься проще, как «стакан воды». Захотел пить, выпил и забыл, дальше пошел. Правда, у нее были и серьезные оппоненты. Ярославский, Семашко и Сольц проповедовали аскетизм и призывали «беречь половую энергию для строительства коммунизма».

Сметалась и крушилась российская культура, подвергаясь травле. Осуждались и изгонялись из жизни произведения «контрреволюционеров» Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Тут, кстати, тоже отметился Ярославский. Вместе со своими сотрудниками он составлял и подписывал «индексы» (списки) запрещенных книг, куда входили произведения Толстого, Соловьева, Достоевского. Их рассылали по библиотекам, и неугодные книги подлежали уничтожению или передаче в спецхраны. Впоследствии Ярославский стал и «теоретически» обосновывать свои действия. Писал: «Толстой в настоящее время, если брать его отрицательное отношение к государству, если взять его отрицательное отношение к классовой борьбе, его враждебность к науке, является выразителем идей и настроений социальных прослоек, не имеющих никакого будущего, политическое значение которых для сегодняшнего дня ничтожно». «В данный момент церковная музыка, хоть бы и в лучших ее произведениях, имеет актуально-реакционное значение».

Вместо сметаемых, запрещаемых и отрицаемых русских культурных ценностей насаждался разгул «пролеткульта», всевозможных «революционных» авторов. И в утверждении «новой культуры» Яков Михайлович также принял активное участие. Например, обеспечивая за государственный счет издание широкими тиражами книжек своего соседа по кремлевскому коридору и персонального шута Демьяна Бедного.

Безмятежной и радужной становится в это «триумфальное» время и жизнь семейства Свердловых. Вся родня собирается вместе, соединяется дружным кланом. Кроме наркома путей сообщения Бени Свердлова в Москве оказываются и сестры Якова Михайловича, Сарра и Софья Авербах. Софья — с детьми, Леопольдом и Идой. То бишь племянниками председателя ВЦИК. Периодически они сходятся в его просторной кремлевской квартире. То и дело наезжает из Нижнего и отец, имеет возможность насладиться ролью патриарха семейства среди столь высокопоставленных и благополучных чад.

А может, и дело не упускает — мало ли что надо закупить в столице или продать, получить какую-нибудь нужную бумагу, что-то устроить через родню. Самый младший из братьев Якова Михайловича, Лев, к этому времени умер. Но отец привозит его сводного брата, от своей второй жены, Германа. Этот 13-летний парнишка становится частым гостем в Кремле. Новгородцева вспоминает: «Отличительным его свойством был врожденный неистощимый юмор… А какой гомерический хохот стоял, когда Герман читал вслух и по-своему комментировал обычные, всем с детства известные русские сказки! Если во время чтения Германа Яков Михайлович бывал дома, то трудно было определить, кто искреннее и заразительнее хохотал: кто-либо из ребят или Яков Михайлович…»

А мне вот вдруг подумалось — а почему юмористичный Герман Свердлов разбирал и превращал в посмешище русские сказки? Почему не еврейские сказки, истории, предания? Ведь наверное, это закономерно. Нынешние юмористы, оккупировавшие ведущие телеканалы, тоже почему-то считают своим долгом вышучивать национальные черты русских, обычаи русских, слабости русских, бытовые особенности русских. Пользуясь тем, что и сами русские любят о себе пошутить. Сами о себе — ладно. Но почему о «со стороны» мишенью шуток тоже становится «русское»? Формируя штамп, что «русское» — это обязательно нечто смешное, несовершенное, комичное…

В связи с этим хочется задаться и вопросом — а почему Свердлов протежировал именно Демьяну Бедному? Рассматривая не с политической, а с художественной точки зрения. Ведь были же и революционные поэты, но талантливые. Скажем, Маяковский. Относиться к его творчеству можно по-разному, любить или не любить, но отрицать талант невозможно. Да и Есенин в то время был вполне революционным, доходил в стихах даже до богоборчества… Нет, Свердлов ласкает и приближает не таких поэтов, а полную бездарность, рожающую плоские и грубые лубочные «агитки». Приблизил из-за персональной преданности поэта? Бросьте! Яков Михайлович в людях разбирался превосходно. А лакей он и есть лакей.

Или Свердлов совершенно не понимал в творчестве? Тоже нельзя сказать. Он не был ограниченным тупицей. И в гимназии поэтов и писателей проходил, и сам в детстве книгами зачитывался, и в тюрьме почитывал русскую и европейскую классику. Так что должен был отличать талант от явной халтуры… Вот и возникла мысль — а ведь он, пожалуй, ненавидел русскую культуру. Глубоко презирал ее. Потому и возвышал Демьяна Бедного, превращал его в «лицо» новой «культуры». Смешное, глупое «лицо». Похоже, новую русскую «культуру» он видел именно такой — лубочной, топорной, холуйской. Хотел, чтобы она стала такой…

Однако и установившаяся идиллия «триумфального шествия Советской власти» — мирной, вроде бы даже почти безобидной, великодушной после подавления явных врагов, в розовых тонах — Якова Михайловича почему-то не удовлетворяла. И он принимается закручивать гайки. 4 мая он создает собственный карательный орган — Верховный Революционный Трибунал при ВЦИК. Кадры он знал прекрасно. Его компьютерный ум держал на примете массу людей с их особенностями характера. Например, прапорщик Крыленко показал себя никчемным военным. Но он проявил себя и крутым палачом — при расправе с Духониным, еще в нескольких эпизодах. И Свердлов это помнил. Подобрал оставшегося без работы бывшего «красного Главковерха» и пристроил именно туда, «где он будет полезнее всего». Председателем Верховного Ревтрибунала. Так что Крыленко был вовсе не «сталинским палачом», а «свердловским». А главным следователем Ревтрибунала Яков Михайлович определил «своего» чекиста-вциковца Кингисеппа.

Одним из первых процессов стало дело адмирала Щасного. Который не выполнил приказ Троцкого сдать немцам корабли Балтфлота, находившиеся в Гельсингфорсе, а в неимоверно тяжелых условиях совершил почти невероятное — прорвался с эскадрой в Кронштадт. Спас флот для Советской Республики! Но Троцкий отдал его под суд. Сам явился выступить с показаниями. И Крыленко вынес приговор — расстрелять в течение 48 часов. Присутствующие были поражены (Дыбенко, как мы помним, вообще простили за куда более тяжкий грех, а тут — героя расстрелять!), адвокат Жданов заявил протест. Дескать, смертная казнь отменена. А Крыленко отрезал — да, мол, казнь отменена, но мы-то не казним, а расстреливаем. И набросился на адвоката, что не позволит буржуазным крючкотворам отвлекать Трибунал пустыми формальностями. Щасный был расстрелян. Его адвокат арестован…

Все это вызвало большую шумиху в прессе, в оппозиционных партиях, во ВЦИК. Поскольку смертная казнь и впрямь была отменена еще Временным правительством, а Советская власть подтвердила отмену одним из первых своих декретов. Правда, фактически она существовала. Гражданская война велась очень жестоко. На первом этапе пленных вообще не брала ни одна из сторон. Победители-красные устраивали расправы в занятых городах. Безжалостно подавлялись и вспышки восстаний. Но это происходило как бы «неофициально», по «законам военного времени». Убивали своих противников и местные Советы. Но тоже «неофициально», исподтишка. А юридически отмена смертной казни все еще действовала, объявлялась одним из важнейших завоеваний революции.

Вот и посыпались протесты. Свердлов все их отметал. Заявлял: «Я позволю себе напомнить товарищам левым эсерам, что вначале их аргументация сосредоточилась на вопросе формальном, на том, что II съезд Советов отменил смертную казнь, а посему-де вводить смертную казнь никто ни в коем случае без специального постановления съезда не может. Я должен сказать, что нас этот формальный момент, если бы он даже и был, нисколько не связывает». Говорил: «Это не первый случай исполнения смертного приговора. Смертные приговоры мы выносили десятками по всем городам: и в Петрограде, и в Москве, и в провинции. И в вынесении этих приговоров принимали совершенно равное, совершенно одинаковое участие как мы, «кровожадные коммунисты», так и левые эсеры». А вывод следовал: «Я должен указать, что Революционный трибунал первым своим постановлением о смертной казни, по моему глубокому убеждению, показал, что он правильно учитывает данный момент, который мы переживаем в настоящее время».

Да-а… а ведь в 1911 году тот же Свердлов участвовал в пропагандистской кампании против смертной казни, напрямую связывал ее с таким «злом», как Самодержавие. Ну так это ж пустяки, мало ли, что в агитационных целях болталось? Об этом и вспоминать-то было бы «несерьезно». И после падения Самодержавия Яков Свердлов стал тем самым человеком, который легитимизировал смертную казнь в Советской России. Ввел ее в «законное», обыденное русло. И ввел без каких-либо законодательных актов, а, так сказать, «явочным порядком», созданием судебных прецедентов в порожденном Яковом Михайловичем и подконтрольном ему Верховном Революционном Трибунале. Снял формальное «табу» в данном вопросе. Открыл шлюз, через который все шире польются потоки людской крови — и вскоре захлестнут Россию.

Или, как говорил Свердлов, «реки крови». Исследователи, разбиравшие речи, статьи, постановления Свердлова заметили, что он вообще любил слова «кровь» и «смерть». Они в разных сочетаниях и разных контекстах повторяются очень часто. Чаще, чем у многих других большевистских лидеров. Эти слова он то смакует, выделяет, делает на них упор, то они проскальзывают сами собой, как бы подсознательно. Но он же дает и повод к последующему разгулу смерти и кровопролития. Указывает, откуда они должны политься, реки крови. Он начинает готовить атаку на деревню. На русское крестьянство.

Подчеркнем, что в деревне в данный период все обстояло мирно и благоприятно для «революции». Все эксцессы и столкновения здесь завершились еще в 1917-м вместе с разделами земли. Крестьяне захватили и поделили поля и усадьбы помещиков, скот, инвентарь, имущество. Обобществили и хозяйства богатых односельчан — «мироедов», кое-где их поубивали или изгнали, в других местах просто разграбили и землю в передел пустили. Большевиков крестьянство вполне поддержало, поскольку те «Декретом о земле» узаконили сделанные приобретения. Местная власть перешла в руки сельских Советов. Иногда они были левоэсеровскими, но чаще — беспартийными. В основном в них вошли те, кто и раньше заправлял в сельских общинах: те, кого считали самыми «справными», хозяйственными, толковыми.

Только благодаря поддержке крестьянства большевикам удалось быстро подавить казачье сопротивление на Дону и Кубани, разбить корниловцев — опору красных здесь составили «иногородние», то есть крестьянские элементы. Благодаря крестьянам, жадно взявшимся осваивать приобретенную землю, в стране не было голода — трудности, как в Петрограде, возникали лишь из-за развалленной системы снабжения и транспорта. А в Москве и других городах действовали базары, импровизированные рынки, куда деревенское население везло свою продукцию.

С точки зрения здравой логики и здравой политики очередное преступление Свердлова тоже оказывалось иррациональным. Но тем не менее оно готовилось. Внедрялась мысль, что революция, совершившаяся на селе — еще ненастоящая. Мелкобуржуазная. Собственническая. И надо сломать сложившуюся систему, перетряхнуть, перекроить по-иному. Ударить. Разрушить… Еще в начале мая левые эсеры, очевидно, пронюхали, что замышляется нечто недоброе. Узнали о возне и обсуждениях, которые вели Свердлов и руководство наркомата земледелия, Середа и Мещеряков. И лидеры партии, Спиридонова и Карелин, обратились к Ленину. Указали, что да, мол, они ушли из правительства, но теперь просят отдать наркомат земледелия в ведение левоэсеровской партии.

Ильич поинтересовался мнением Якова Михайловича, тех же Середы и Мещерякова. Каково оказалось их мнение, нетрудно догадаться. И на заседании коммунистической фракции Наркомзема было принято решение категорически против предложения Спиридоновой и Карелина. А вслед за тем его отверг и ЦК. Мало того, в наркомате оставалось много левых эсеров среди работников среднего и низшего звена. Теперь их начали увольнять, «ослабляя влияние».

А 20 мая на пленарном заседании ВЦИК в повестку дня был поставлен вопрос «О задачах Советов в деревне». С докладом выступил Свердлов. Провозгласивший новый курс по отношению к крестьянству. Он говорил: «Чрезвычайно важно поставить вопрос о наших задачах в деревне и указать основные принципы, как нужно построить работу там… Если в городах нам уже удалось «убить» нашу крупную буржуазию, то этого мы пока еще не можем сказать о деревне… Поэтому мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городе, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов… Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы сможем поставить работу в деревне на должную высоту».

Обратите внимание, «противоположных враждебных сил» в деревне не было! Их предписывается создать! Раскола нет — но надо расколоть! Гражданской войны в деревне нет — но требуется ее «разжечь»! И принимается курс на союз с бедняком, борьбу с «кулаком» при «нейтрализации» середняка. Да уж какие там «кулаки», какая «нейтрализация»! «Мироедов» еще в 1917-м крестьяне «экспроприировали»! И под понятие «кулака» попадали просто зажиточные. Те самые, на ком деревенское хозяйство держалось, кто в местные Советы вошел! А стало быть, и Советскую власть на селе поддерживал… Ну а «нейтрализацию» можно понимать очень широко…

Выступление Свердлова 20 мая 1918 года дало старт бешеной атаке на деревню. В противовес сельским Советам, превратившимся вдруг в «кулацкие» и «контрреволюционные», начали создаваться «комбеды» — комитеты бедноты. Из шпаны, хулиганья, пьяниц, бездельников, безответственных горлопанов. Тех, кто даже в послереволюционной деревне, получив землю и разграбленное имущество, своим трудом встать на ноги не мог, бедняком оставался. Покатился беспредел подобной публики, поощряемой властями и науськиваемой на односельчан. Пошли погромы и осквернения сельских храмов — а крестьянство, несмотря на зараженность революционными лозунгами, сохраняло куда большую веру в Бога, чем рабочие в городах…

Распоряжениями ВЦИК и Совнаркома стала запрещаться свободная торговля сельхозпродуктами. Как спекуляция. «Мешочников» принялись арестовывать. А всю продукцию теперь предписывалось сдавать по обязательным поставкам государству. И для ее изъятия начали формироваться печально известные продотряды…

Нет, я не хочу здесь выгораживать других вождей революции, снимать с них вину. К удару по деревне приложили руку многие. Но эта книга о Свердлове. Поэтому я и отмечаю, что первым автором и инициатором «перенесения гражданской войны в деревню» был Яков Михайлович. Она и заполыхала, гражданская. Только после этого она и заполыхала в полную силу. Уже не в виде столкновений отдельных небольших отрядов, а борьбы массовых, многотысячных армий. Ведь Россия была не «офицерской» страной. Не «интеллигентской» по преимущественному составу населения. А аграрно-промышленной. 90 % ее жителей составляли крестьяне. И солдаты тоже были в основном из крестьян…

22. «Черный железный дьявол»

Она уже снова громыхала по окраинам, гражданская война. Возмущенный бесчинствами и грабежами красных отрядов, восстал Дон. Вспыхивали мятежи и на Кубани. Ощутив поддержку, активизировались части Деникина. А немцы, занявшие Украину, отнеслись к казачьему восстанию вполне благосклонно. На территории, оккупированной собственными войсками, они постарались навести хоть какой-нибудь порядок, поэтому разогнали призвавшую их «революционную» Центральную Раду и поставили другого правителя, гетмана

Скоропадского, хотя его власть свели почти до нуля и армию создавать запретили. Точно так же в Крыму возникло марионеточное татарское правительство Сулькевича.

Но Германию очень даже устраивало дальнейшее расчленение и развал России. И несмотря на «дружбу» с большевиками, она предпочла сразу же признать независимость Всевеликого Войска Донского во главе с атаманом Красновым. Поощряла переговоры о создании «Юго-Восточной Федерации» из Донского, Кубанского, Терского и Астраханского Казачьих Войск. И вела небезвыгодный для себя торг, получая от казаков хлеб, сало, мясо взамен на винтовки, патроны, пулеметы с захваченных на Украине русских военных складов.

Однако для Советской власти это были только «цветочки». После заключения Брестского мира в Россию отступил Чехословацкий корпус, сформированный еще при царе и Временном правительстве из пленных, 40 тыс. штыков. Вернуться на родину чешские и словацкие бойцы корпуса не могли — австрийцы объявили их изменниками и тех, кто попадался в плен, сразу вешали. Большевики надеялись использовать их так же, как латышей и эстонцев, предлагали служить за плату. Но нет, «чехословаки», как их называли, сражались из идейных соображений, за независимость своей страны. А коммунистов, заключивших мир с немцами и австрийцами, считали предателями «славянского дела» и служить им не желали.

Чехословаки были размещены в Пензе и стали для советского руководства серьезной проблемой. Разоружить и расформировать их? Но по весне 1918 года 40 тыс. спаянных солдат и офицеров были не шуткой, попробуй тронь! Ведь Красная Армия еще только формировалась. Вот и ломали голову, как же от них отделаться. А французы молили, чтобы корпус отдали им, на Западный фронт. Там начинались решающие сражения Мировой войны, и лишний корпус был бы очень кстати. И между Францией, сформированным Антантой эмигрантским правительством Чехословакии и большевиками 26 марта было достигнуто соглашение об отправке этих войск на Запад.

Но каким образом отправлять-то? Проще всего было — через Архангельск или Мурманск. Коммунистическое руководство опасалось такого варианта. Это было слишком близко от столиц. А ну как чехи на севере соединятся с антантовскими контингентами и ударят на Москву и Петроград. Да и немцы обеспокоились, начали оказывать давление — их-то появление во Франции свежего корпуса совсем не устраивало. А ссориться с Германией советское правительство не хотело. И был выработан компромиссный вариант — отправлять кружным путем, через Владивосток. Разделив на четыре группы — три дивизии и штаб корпуса со специальными подразделениями и частями усиления.

Чехов с долгими проволочками повезли на восток. Их эшелоны растянулись длинной пунктирной линией от Пензы до Омска. А навстречу из сибирских и уральских лагерей шли другие эшелоны. Немцев, австрийцев и венгров, освобождаемых из плена. По сути получалось — те и другие ехали на один и тот же фронт сражаться друг против друга! Ну а с советской точки зрения одни ехали защищать интересы англо-французской буржуазии, другие — нести в Европу идеи русской революции.

Немцы и венгры радовались освободившему их сепаратному миру, бурно приветствовали большевиков как «союзников», увешивали свои поезда красными флагами и соответствующими лозунгами. И им всюду давали зеленую улицу, выделяли паровозы, вагоны, уголь, дрова. Ну а чехов надолго загоняли в тупики, они простаивали на запасных путях. Однако на Урале и в Сибири шла и вербовка «инородцев» в Красную Армию, ЧК, советские органы. И чехи столкнулись с тем, что их враги, немцы и венгры, тут стали уже «властью». Чехословацкие эшелоны двигались во враждебной стихии, нередко на станциях возникали ссоры, драки, причем местные Советы принимали сторону прогерманских элементов. 14 мая в Челябинске произошла крупная драка между чехами и венграми. Здешний Совдеп обрушился на чехов и арестовал кого смог. Им грозил расстрел. Эшелон взялся за оружие и угрозой силы освободил товарищей.

Информация об этом столкновении дошла до Москвы. И Троцкий счел предлог достаточным для расправы с «контрреволюционными» войсками. Видимо, не обошлось и без влияния Германии, продолжавшей давить на советское руководство. А у Льва Давидовича и иже с ним отношения с немцами сложились очень тесные. И по всем расчетам выходило, что теперь-то вполне можно исполнить пожелания «союзников». Чехи сами подали повод нарушить соглашение с Францией и Масариком — вооруженное выступление! И компактной боевой массой больше не были, рассредоточились по отдельным эшелонам на расстоянии 2 тысячи километров. Поэтому Троцкий без долгих раздумий издал грозный приказ: «Все Советы депутатов обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь…»

Последние части чехов все еще торчали в Пензе. Местные власти получили приказ Троцкого и попытались его выполнить. Собрали свои отряды, окружили чешский лагерь и потребовали разоружиться. А при отказе попытались захватить его. Но произошло непредвиденное. Здешние красноармейцы все еще представляли собой весьма сомнительную боевую силу, полуанархический сброд. Чехи на их нападение ответили огнем, сами перешли в контратаку, без труда разогнали красных и… свергли в Пензе Советскую власть. Немедленно передали по железнодорожной связи своим землякам, что большевики объявили им войну. Получая эти сведения, один за другим начали восставать эшелоны, разбросанные по сибирским станциям. И везде точно так же легко громили и рассеивали красные отряды, разгоняли Советы.

Версия о подготовленности мятежа критики не выдерживает — сперва действия были явно стихийными. Размещенные в Пензе чехословацкие части двинулись не к Москве, а на восток, пробиваться к своим. Большевики начали бросать войска на подавление. Но бросали разрозненно, только что сформированные необученные красноармейские полки, наспех сколоченные рабочие отряды. И терпели поражения. Чем бы это кончилось, неизвестно. То ли рано или поздно мятеж удалось бы ликвидировать. То ли Советской власти пришлось бы пойти на мировую на условиях пропуска чехов во Владивосток.

Но случилось иначе. Протянувшаяся на 2000 км цепочка чехословацких мятежей стала детонатором и для восстаний российских сил. Сразу активизировались все еще тлевшие очаги сопротивления. Оренбургское казачество под руководством Дутова, Уральское — под командованием Толстова, Сибирское — во главе с Ивановым-Риновым и Анненковым, Забайкальское — с Семеновым, Уссурийское — с Калмыковым. Заполыхали восстания в городах, мгновенно возникали и реализовывались заговоры местной интеллигенции, все еще негодовавшей по поводу разгона Учредительного Собрания. Выступили офицеры. А офицеры военного времени были той же интеллигенцией, вчерашними учителями, студентами, чиновниками. Кое-где забунтовали и начали переходить на сторону мятежников красноармейские части. А в Поволжье, где уже начались мероприятия по наступлению на деревню, стало примыкать и крестьянство.

С приближением чехов к Самаре там поднял восстание Комитет членов Учредительного Собрания (КомУч) в составе Климушкина, Фортунатова, Нестерова, Вольского и Брушвита. 6 июня Самара пала. И КомУч провозгласил себя правительством, объявил мобилизацию в Народную армию. В Томске офицерское восстание возглавил полковник Пепеляев, в Омске — Гришин-Алмазов.

Тут и страны Антанты подключились. Но их беспокоили сугубо собственные интересы, замыкавшиеся на ходе Мировой войны. И всплыл все тот же фантастический проект «Восточного фронта» — только вместо японцев теперь предполагалось использовать чехов и белогвардейцев. Атаковать немцев с Востока, через Украину, заставить оттянуть часть сил с Запада. Судьбы России при этом совершенно не принимались во внимание, а большевики

рассматривались лишь в качестве фактических германских союзников. Причем Франция, Англия, США формальных отношений с Советской республикой не прерывали, войну не объявляли. Их миссии и представительства по-прежнему существовали в России и поддерживали контакты с коммунистическим руководством. Но во Владивостоке была оказана поддержка местным офицерам — и Советскую власть свергли. А задачу чехам командование Антанты изменило.

Им предписывалось расчистить Транссибирскую магистраль и двигаться не на восток, а на запад. Попутно соединившись через Верхнюю Волгу с союзниками, которые нажмут из Мурманска и Архангельска. Какая чехам разница, откуда идти освобождать родину — из Франции или с Волги? Антисоветские силы были численно в общем-то невелики. И не едины. В разных местах верховодили эсеры, меньшевики, народные социалисты, левые кадеты, казачьи атаманы. «Правительств», подобных Самарскому КомУчу возникло еще полдюжины, и они вовсе не спешили договориться между собой. Каждое пыталось качать собственные права. Белые силы не были едины и территориально. Мятеж как полыхнул очагами, так еще в течение полугода сохранял очаговый характер, «белые» области перемежались «красными».

Но и силы большевиков оставляли желать много лучшего. Тоже действовали вразнобой, разрозненно, в войсках царила партизанщина, отряды «самоснабжались» грабежами. И белые одерживали победы. Самарские части Каппеля с чехами развернули наступление вдоль Волги, на Казань. На Урал с одной стороны двигались казаки Дутова, с другой — Гришина-Алмазова с чехами Сырового. Еще один чешский новоиспеченный генерал, бывший фельдшер Гайда, наступал на восток вдоль Транссибирской магистрали, пробивая путь к казакам Семенова и Владивостоку. Кстати, идею «славянского братства», на которой формировался Чехословацкий корпус, сами чехи понимали довольно своеобразно. И за «освобождение» сибирских и уральских городов не стеснялись выставлять крупные денежные счета. А их начальники беспардонно вымогали у «освобожденных» ценные подарки в свою личную пользу.

Но в целом с июня существование Советского государства резко осложнилось. И у Свердлова забот тоже прибавилось. Вместе с Троцким он участвует в организации Красной Армии. Не забывая при этом расставлять в ней «своих» людей. Как лучший знаток партийных кадров и председатель Оргбюро ЦК он практически перехватывает под себя подбор комиссаров армейских соединений и объединений. А комиссары в тот период, как известно, имели не меньший, а порой и больший вес, чем командиры. Как специалист по нелегальным террористическим организациям, Яков Михайлович берет на себя и работу по созданию подпольных структур в городах Сибири и Урала, занятых белыми. И по финансированию этих структур.

В этот период чете Свердловых довелось пережить и горестный момент. Когда в Питере неизвестным мужчиной был застрелен Володарский. Стрелявшего, кстати, так и не нашли. Стрелявшего потом «придумали». В действительности это дело не раскрыто до сих пор. Смерть Володарского Яков Михайлович и его жена восприняли тяжело, это был один из их близких друзей.

А друзей Свердлов очень ценил. Не всех, некоторых, но ценил. Когда в русском полпредстве в Берлине дела наладились, своего приятеля Загорского-Лубоцкого он перетащил в Москву. И несмотря на то, что Загорский никогда не был на руководящих постах в партии, не имел в революции никаких заслуг, протащил сразу аж первым секретарем Московского комитета.

Иногда Яков Михайлович оказывал своим друзьям помощь в чрезвычайно сложных вопросах. Так, Новгородцева свидетельствует, что именно Свердлов спас жену Подвойского, попавшую в руки чехов, хотя очень уклончиво говорит о том, как это произошло. Да, дело было не из простых. Спасали-то не только Подвойскую. В Самаре учредиловскими властями были арестованы 16 жен видных большевиков — Цюрупы, Кадомцева, Юрьева, Брюханова и др. Которые, впрочем, были не только женами, но и сами занимали ответственные посты.

Подвойскую прихватили где-то в другом месте. А вот дальше случился странный факт. Вмешалась «международная общественность»! Иностранная пресса завопила о «зверствах» белых. Надо же, злодеи какие, с женщинами воюют, за решетку сажают! А нейтральные государства, Дания, Швеция. Норвегия, Голландия и Швейцария даже… выразили протест в связи с нарушениями международного права!

Правда, женщин никто и не собирался расстреливать. Самозваные учредиловские власти вообще вели себя довольно гуманно. Во Владивостоке арестованным коммунистическим лидерам даже разрешили баллотироваться на выборах в новое правительство. А комиссарш предполагалось всего лишь выслать в Сибирь без права возвращения в Россию. Но в результате поднятого шума их обменяли на депутатов Учредительного Собрания, арестованных красными. Арестовывать депутатов, как-никак избранных народом, выходит, было можно. Это нарушением «международного права» не являлось.

Словом, случай был уникальный. В первый и последний раз во время российской гражданской войны Запад столь энергично поднял свой голос и вспомнил о «международном праве»! По поводу ареста царской семьи не возмутился никто. И не вступился никто. Позже и за интеллигенцию, офицеров, казаков никто не вступится. Так что в спасении комиссарш явно не обошлось без «сил неведомых». И получается — по ходатайству Свердлова. Значит, у «сил неведомых» его голос пользовался определенным весом, уважили просьбу.

Ну а сам Яков Михайлович даже к трудностям умел отнестись прагматично. И даже из поражений и неприятностей ухитрялся извлекать пользу. Чехословацкий мятеж и инициированные им восстания стали отличным предлогом для… дальнейшей расчистки парламентской коалиции. Ведь повсюду в восстаниях приняли участие представители партий эсеров и меньшевиков. Конечно, не те, кто вместе с коммунистами и левыми эсерами заседал во ВЦИК. Эти-то по-прежнему заседали, по-прежнему в говорильню играли, пытались свои мнения выражать через легальные газеты. А в чем-то и осуждали своих партийных товарищей, выступивших с оружием в руках. И уж ни в коем случае не признавали учредиловских правительств. В этом смысле российские социалисты были верны себе, каждый боролся лишь за собственную персональную власть.

Но для Свердлова повод стал достаточным. Примкнули правые эсеры и меньшевики к «контрреволюции»? Примкнули! Участвуют в «контрреволюционных» правительствах? Участвуют! И 14 июня на заседании ВЦИК был поднят вопрос о выводе представителей этих партий из парламента. Проголосовали за это подавляющим большинством голосов, при полной поддержке левых эсеров. И во ВЦИК стало еще на две фракции меньше. Фракций осталось всего две. Коммунистическая и левоэсеровская. Ее очередь пришла всего лишь через три недели. Когда грянул так называемый левоэсеровский мятеж. Событие, до сих пор представляющее настоящий клубок загадок. Что ж, давайте попробуем разобраться в нем. И для этого выстроим в цепочку известные факты.

Еще в апреле 1918 г. представитель французской миссии капитан Ж. Садуль (глубоко сочувствовавший большевикам) лично передал Дзержинскому и Троцкому предостережение, что по данным разведки генштаба Франции, в России готовится какая-то провокация, связанная с покушением на германского посла. Причем после покушения Германия потребовала бы введения в Москву для охраны посольства батальона из тысячи человек. Этот батальон состоял бы из кадровых офицеров и унтер-офицеров и в короткий срок мог быть развернут в дивизию, впитав рядовой состав из военнопленных. Садуль в своих «Записках о большевистской революции» недоуменно вспоминал, что его предостережения почему-то не были приняты к сведению.

Потом и советник германского посольства д-р Рицлер сообщил Дзержинскому о своих данных насчет покушения. Председатель ВЧК лично взялся за расследование и ответил, что кто-то умышленно обманывает или шантажирует посольство. После чего Рицлер заявил представителю наркомата иностранных дел Карахану — дескать, ими получены сведения, что

Дзержинский умышленно смотрит сквозь пальцы на подготовку убийства. Дзержинский назвал это клеветой. За неделю до убийства.

Сам же германский посол Мирбах коммунистам отнюдь не симпатизировал. Он относился к тому крылу немецких политиков, которые полагали, что, заключив Брестский мир, большевики выполнили отведенную им роль. А дальше они стали опасными и для Германии, поэтому их нужно свергнуть и заменить другим правительством.

К лету 1918 г. между большевиками и левыми эсерами и впрямь накопилось много противоречий. Победа в Мировой войне клонилась на сторону Антанты, и Брестский мир становился еще более обидным. Левые эсеры требовали его разрыва. Считая, что в этом случае можно будет замириться с чехами, вместе с ними ударить на немцев. И оказаться в лагере победителей, получив за это какие-то выгоды при послевоенном переустройстве мира. Левые эсеры выступали противниками наступления на деревню. Протестовали против восстановления смертной казни… Но, тем не менее, все эти противоречия не доходили до открытых конфликтов. Наоборот, Спиридонова в июне, на II съезде своей партии, охлаждала самых горячих своих коллег и заявила: «Порвать с большевиками — значит порвать с революцией».

Вот при таких предпосылках 4 июля в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов. С важной повесткой дня — обсуждение крестьянской политики, военной политики, принятие первой советской Конституции.

Противоречия сразу выплеснулись наружу. Левые эсеры потребовали переизбрать мандатную комиссию на паритетных началах и проверить представительство, так как коммунисты, по их данным, протащили на съезд больше делегатов, чем имели на это право (773 из 1164). Съезд превратился во взаимную ругань. Вел его, как обычно, Свердлов. Как обычно, ловко дирижировал ходом мероприятия. Требования о мандатной комиссии ловко обошел. А в ответ на все претензии по политике предложил проголосовать проект резолюции, сводившей все к «благу Советской республики» и гласивший: «…Благо Советской республики есть высший закон. Кто этому благу противится, тот должен быть стерт с лица земли». И попробуй возрази. Значит, ты против блага? Левые эсеры за такую резолюцию голосовать вообще не стали, покинули заседание.

На следующий день ругань продолжилась. Левые эсеры называли коммунистов «палачами», «извергами». Ленин отвечал тоже во враждебных тонах. Назвал их партию окончательно погибшей, провокаторами, единомышленниками Керенского и Савинкова. И резанул: «Предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, а я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв».

А 6 июля был убит Мирбах. Убийцы, сотрудники ВЧК Блюмкин и Андреев, для встречи с ним предъявили мандаты за подписью Дзержинского и с печатью ВЧК, хранившейся у товарища (заместителя) председателя ВЧК левого эсера Александровича. И сработали не очень чисто. Когда немецкий военный атташе лейтенант Мюллер открыл огонь из револьвера, Блюмкин и Андреев бежали, забыв документы на столе.

Узнав об убийстве, в посольство приехал Дзержинский, чтобы лично вести расследование. Он объявил свою подпись на мандатах поддельной и тотчас забрал их в качестве «вещественного доказательства». После чего сообщил Карахану, сопровождавшему его от наркомата иностранных дел, что восстал полк ВЧК под командованием Попова. Хотя откуда он это узнал, непонятно. Кроме того, Дзержинский почему-то сделал вывод, что убийца Блюмкин наверняка прячется в восставшем полку. И уехал его арестовывать в Покровские казармы. В сопровождении всего трех чекистов. В восставший полк!

Мятежники Дзержинского самого арестовали. По крайней мере, по официальной версии. Но вел себя полк Попова весьма странно. К нему присоединилась часть полка им. 1 Марта, всего силы составляли 1800 штыков, 80 сабель, 4 броневика и 8 орудий. У большевиков в

Москве было 720 штыков, 4 броневика и 12 орудий. Но вместо того, чтобы воспользоваться внезапностью и почти троекратным перевесом, атаковать и победить, мятежники «бунтовали»… сидя в казармах. Откуда-то у них появилось большое количество спирта, и основная масса «восставших» солдат загудела очень круто. А все активные действия вели небольшие группы. Одна их них захватила здание ВЧК, оказавшееся почти без охраны. Но захватила ненадолго. Арестовала Лациса и ушла. Также были арестованы нарком почт Подбельский и председатель Моссовета Смидович. Другая группа захватила телеграф. Откуда стала рассылать по стране обращение, объявившее левых эсеров правящей партией. Но никаких призывов к свержению большевиков на местах, никаких требований поддержать восставших в обращении не было. Только предписывалось не принимать распоряжений за подписью Ленина и Свердлова.

А руководство левоэсеровской партии повело себя еще более странно. Вместо того, чтобы возглавить выступление, оно о восстании как бы и не подозревало! Спокойно… отправилось на съезд. В полном составе. И дало себя поймать в элементарную ловушку. Устроил ее Свердлов. По официальной версии, он никаких сведений о подготовке мятежа не имел, но «почуял» нечто неладное. И загодя принял меры предосторожности. Подтянул к Большому театру броневики и машины с пулеметами своего автобоевого отряда ВЦИК, латышей из охраны Кремля. Вооружил слушателей своих курсов инструкторов ВЦИК.

На заседание 6 июля Ленин, вроде бы, запаздывал. И Свердлов сам — как пишут, узнав о мятеже — молниеносно провернул операцию. Объявил заседание по фракциям. Левые эсеры — в фойе театра, а большевики — на Малой Дмитровке, в школе инструкторов ВЦИК. Все двери были заблаговременно заперты, выход остался только один, через оркестровую яму. Там дежурила верная свердловская помощница Глафира Окулова (Теодорович), давая указание пропускать лишь тех, кто предъявлял карточку члена большевистской фракции. А с левоэсеровскими карточками вежливо заворачивали. Вам, мол, товарищ, выходить не надо, ваша фракция остается в театре.

После чего свердловские «спецназовцы», развернув пулеметы, мгновенно обезоружили и сменили охрану. Не лево-эсеровскую, а обычную красноармейскую, не знающую и не понимающую, что к чему. А дальше вдруг открылись двери фойе, где заседала фракция Спиридоновой. В дверях — вооруженные люди. Объявившие фракцию арестованной. 353 делегата, в том числе весь ЦК левых эсеров, оказались в заложниках.

Мятежникам пообещали, что в случае артобстрела Кремля или иных подобных действий их расстреляют. (Хотя и у тех, вроде, были важные заложники во главе с Дзержинским). Но повстанцы по-прежнему никаких действий не предпринимали и не пытались предпринимать. А большевики, пользуясь их абсолютной пассивностью, за ночь подтянули из подмосковных лагерей латышских стрелков, вооружили рабочие отряды, обложили кольцом Покровские казармы, а наутро 7 июля принялись крушить мятежников артиллерийским огнем. Никакого сопротивления не было. Еще не «просохшие» бунтовщики бросились наутек. Дзержинского и остальных задержанных якобы освободили «раскаявшиеся». А основная толпа солдат бежала к Курскому вокзалу, встретила заслон, повернула на Владимирское шоссе. Оно тоже было перекрыто. И повстанцы разбежались, рассыпались, их вылавливали по всей Москве. Многих перебили в ходе подавления — разгоряченные усмирители палили без разбора. Даже по машине Ленина огонь открыли. Свыше 300 человек захватили.

В этот же день была создана следственная комиссия по поводу убийства Мирбаха и левоэсеровского мятежа. Комиссия действовала от имени Совнаркома, но вошли в нее почему-то одни «свердловцы» — П. И. Стучка, Я. С. Шейнкман, В. З. Кингисепп. Следствие прошло в рекордные сроки, и выводы комиссии предсказать нетрудно. Виновность партии левых эсеров и ее ЦК в убийстве посла и попытке переворота в считанные дни была подтверждена.

А 9 июля съезд Советов, уже состоящий из одних большевиков, возобновил работу. Принял резолюцию об изгнании левых эсеров из всех Советов. Принял решения о

продразверстке, о создании в деревнях комитетов бедноты. А 10 июля была принята и Конституция Советской республики…

А вот еще интересные факты. Наркомвоен Троцкий, вручая командиру латышских стрелков Вацетису награду в 10 тысяч рублей за подавление восстания, в полушутливой форме обмолвился, что тот прекрасно действовал как солдат, но своим усердием сорвал какую-то важную политическую комбинацию. Любопытно и то, что руководство левых эсеров получило неожиданно мягкие приговоры: от нескольких месяцев до 3 лет (в это же время был принят закон, согласно которому крестьянам за недосдачу крестьянами хлеба по разверстке полагалось 10 лет!) Но один из видных эсеровских деятелей был все-таки расстрелян. Товарищ председателя ВЧК Александрович. Дзержинский же вдруг подал в отставку до окончания следствия. И проходил по делу о мятеже в качестве свидетеля. Обязанности председателя ВЧК временно исполнял Петерс.

Что же касается убийцы Мирбаха Якова Блюмкина, то он не только остался на свободе, но и продолжал служить в ЧК! Его лишь на время убрали на Украину, а затем он вернулся в Москву, был принят в коммунистическую партию. И продвинулся до поста начальника контрразведки ВЧК! После гражданской войны он учился в академии генштаба, успешно прошел партийную «чистку», организованную для удаления примазавшихся «попутчиков». Заседание, на котором рассматривали Блюмкина (кстати, вместе с Тухачевским), вели председатель Центральной Контрольной Комиссии Сольц и члены ЦКК Караваев и Филлер. Но поддержать своего сотрудника не поленился прийти сам Дзержинский! И выступить не поленился, дал Блюмкину самые блестящие характеристики. Поэтому о таких «мелочах», как левоэсеровское прошлое и убийство Мирбаха, у ЦКК даже вопросов не возникло. Блюмкин выполнял ответственные задания в Иране, Монголии, на Ближнем Востоке. И карьера его оборвалась только в 1929 году, когда он погорел на связях с высланным Троцким и был расстрелян…

В общем, не знаю, как у вас, а у меня из совокупности приведенных фактов напрашивается один-единственный вывод. Что весь «левоэсеровский мятеж» являлся грандиозной провокацией и не более того. Только таким образом факты увязываются воедино. Конечно, не исключено, что большую часть повстанцев использовали «втемную». Подобрали соответствующий контингент, подогрели настроения. Но подобный заговор вряд ли можно было бы подготовить действительно втайне — в Москве, под носом у всех властей! И чтобы в целом полку чекистов не нашлось ни одного стукача?! Поэтому Александрович должен был погибнуть, он слишком много знал. Вероятно, такая же судьба ждала командира полка Попова, но он успел удрать к Махно. Причастность к провокации объясняет и временную отставку Дзержинского.

Зачем же все-таки понадобилось убивать Мирбаха? Нельзя ли было обойтись как-то иначе, без международных осложнений? Придумать что-то другое? Тут однозначного ответа нет. Первая версия — желание лишить левых эсеров народной поддержки. Вот, мол, еле из войны с немцами вылезли, а они снова хотят вас в войну втянуть. Вторая версия — учли антисоветскую позиция посла. В этот момент в правительстве Германии боролись две линии политики в отношении России. Продолжать поддержку большевиков либо свергнуть их? Мирбах был сторонником второй точки зрения. Нельзя отбрасывать и вероятность того, что он погиб в результате совместных действий немецких и советских спецслужб. Поскольку многие высокопоставленные чины германской разведки и генштаба придерживались прежней линии, что надо делать ставку на коммунистов. И Мирбах им серьезно мешал противоположными докладами.

Наконец, напрашивается версия, что большевики как раз и хотели добиться более активной немецкой поддержки и даже военного вмешательства. Напугать Берлин, что при перевороте в Москве немцам снова придется вести войну не на один, а на два фронта. И добиться, чтобы прислали хотя бы тот самый «волшебный» батальон, легко превращаемый в

дивизию, о котором Садуль предупреждал Дзержинского с Троцким. В обстановке лета 1918 г., когда красные терпели поражения на Дону, Волге, в Сибири, кадровая германская дивизия в Москве была бы ох как кстати!.. Не эту ли комбинацию сорвал Вацетис, за несколько часов подавивший «мятеж» и не давший как следует постращать Германию и выпросить у нее помощь?

Но нас, конечно, в большей степени интересует участие во всех этих делах Свердлова. И вот что интересно — в провокации по разгрому левых эсеров явно участвовали многие видные коммунисты: Троцкий, Дзержинский, Ленин, Вацетис. Однако Мария Спиридонова почему-то обрушила основную ненависть на Якова Михайловича. И прилепила ему прозвище «черный железный дьявол». Да, так она назвала того самого Якова Михайловича, который в ноябре 1917-го был для левых эсеров милым и дипломатичным партнером в переговорах, который и обеспечил коалицию, а в итоге — победу революции. Который и в дальнейшем умел находить взаимопонимание с левыми эсерами — при разгоне Учредительного Собрания, при изгнании из ВЦИК других фракций.

Обратим внимание еще на некоторые моменты. Работа по созданию первой Советской Конституции началась 30 марта 1918 г. Комиссия по ее выработке была сформирована 1 апреля. Председатель комиссии — Свердлов. А в состав ее вошли Аванесов, Бердников, Покровский, Стучка, Курский, Петровский, Рейснер и др. В основном — люди Свердлова. Конституция была принята, как уже отмечалось, 10 июля, и провозглашала коммунистическую партию правящей. Эта Конституция фактически узаконила однопартийное правление. Значит… еще в период ее разработки заведомо предполагалось сокрушить левых эсеров.

Второй момент — те самые карточки большевистской фракции съезда, по которым 6 июля «своих» выпускали из Большого театра. Это был первый и единственный случай, когда на съезд Советов для делегатов разных фракций отпечатали разные карточки. Прежде мандаты были одинаковыми, а тут вдруг — разными. Отпечатали-то заранее. И, как видим, пригодилось. Что ни говори, а Яков Михайлович был человеком очень обстоятельным и предусмотрительным.

И, между прочим, Роберт Вильтон, побывавший в это время в России, участвовавший в расследовании цареубийства и других зверств на Урале, вообще приходил к выводу, что «поначалу в большевистском режиме доминировал не Ленин (Ульянов), председатель Совнаркома, а Свердлов… председатель всесильного ВЦИК». Что ж, в значительной мере с ним можно согласиться. Ленин-то был идейным «знаменем», партийным лидером, главой правительства. Но реальных рычагов и механизмов власти правительство по-прежнему еще не имело! На местах единственными структурами, осуществлявшими фактическое управление, оставались подконтрольные Свердлову Советы.

Правда, существовали уже и другие структуры. Партийные. Военные — подчиненные Троцкому. И ЧК — подчиненные Дзержинскому. Но вся связь с партийными механизмами велась через Секретариат, и тоже была завязана на Свердлова. Механизмы военной власти только еще отлаживались и были слабыми, завися от местных Советов. А органы ЧК повсюду создавались самими Советами и были очень тесно с ними взаимосвязаны. Вот и судите, кто же реально «доминировал» в России в июле 1918 года…

23. Путь к цареубийству

Не успела Москва успокоиться после встряски «лево-эсеровского мятежа», как ее всколыхнуло новое известие — убит император Николай II… Приведу два свидетельства, как информация об этом преступлении поступила в советское руководство. Нарком Милютин записал в дневнике: «Поздно возвратился из Совнаркома. Были «текущие» дела. Во время обсуждения проекта о здравоохранении, доклада Семашко, вошел Свердлов и сел на свое место на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слово для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай… Николай хотел бежать… Чехословаки подступали. Президиум ВЦИК постановил одобрить…

Молчание всех…»

А вот еще одно свидетельство:

«В июле 1918 года, когда я опрашивал агентов в здании ЧК, посыльный принес телеграмму, адресованную Дзержинскому, который находился рядом со мной. Он быстро прочитал ее, побледнел, как смерть, вскочил на ноги и воскликнул: «Опять они действуют, не посоветовавшись со мной!» — и бросился из комнаты. Что случилось?

Вся ЧК была взбудоражена. Крики, возгласы, звонки слились в единый гвалт! Люди звонили куда-то, курьеры бегали по коридорам, автомобили громыхали и неистово гудели. Дзержинский поспешил в Кремль. Что же, ради всего святого, случилось?

На следующий день мы узнали новость. Императорская семья была расстреляна без ведома ЧК! Самовольно, по указанию Свердлова и кого-то из высших бонз в Центральном Комитете коммунистической партии…»

Автор второго свидетельства — Владимир Григорьевич Орлов. И поскольку его информация представляет определенную ценность для темы нашей книги, стоит представить его подробнее. Он был юристом, судебным следователем, в начале XX века работал в Польше. И как раз он вел дело Дзержинского в 1912 году. Да так раскрутил, что накопал ему на 20 лет каторги. В Первую мировую служил в военной контрразведке следователем по особо важным делам, проявил себя великолепным профессионалом. Действительный статский советник. Состоял в уже упоминавшейся особой комиссии генерала Батюшина, расследовал дело сахарозаводчиков. И после Февральской революции не сел за решетку только благодаря тому, что находился в командировке.

Был убежденным монархистом и антикоммунистом. После Октября, когда генерал Алексеев ехал на Дон начинать борьбу с большевизмом, он поручил Орлову остаться в Питере и создать разведывательную сеть. Что Владимир Григорьевич и сделал. Благодаря покровительству генерал-лейтенанта Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, прежде руководившего русской контрразведкой, устроился на советскую службу. Возглавил Центральную уголовно-следственную комиссию Петрограда. И в один прекрасный день… лицом к лицу столкнулся с Дзержинским. Который сразу его узнал. Орлов счел — конец. Но Феликс Эдмундович пожал ему руку и сказал: «Это очень хорошо, Орлов, что вы на нашей стороне. Нам нужны такие квалифицированные юристы, как вы».

Дзержинский хотел забрать его в центральный аппарат ВЧК, но воспротивился Крестинский, глава органов юстиции Петрограда. Тем не менее Феликс Эдмундович часто вызывал его, привлекал к расследованию дел по германскому шпионажу. Впоследствии Орлов «провалился» и ему пришлось бежать. В своих мемуарах, изданных в эмиграции, он о многом умалчивает, но его близость к Дзержинскому подтверждается архивными материалами Лубянки (см. послесловие генерала ФСБ А. Здановича к кн. В. Г. Орлова «Двойной агент», М., 1998). Оставил он в своих воспоминаниях и характеристики советских руководителей. Для него все они были смертельными врагами: Ленин, Троцкий, Дзержинский. Тем более любопытно, что он проводит разделение между ними. Между Лениным и Троцким (в пользу Ленина). А Дзержинского характеризует как очень жестокого, холодного человека — но «рыцаря» идеи. И пишет о нем с явным уважением. Отмечая его своеобразное благородство, ум, профессионализм. Согласитесь, со стороны врага такой подход говорит о многом. Это не огульное оплевательство противников, которым так богаты и советские и антисоветские источники.

Почему я так подробно остановился на личности и оценках Орлова? Потому что он сообщает и вывод: «По общему мнению, сложившемуся в ЧК, в Революционном Трибунале и в

Кремле, решение об убийстве было принято единолично и реализовано собственной властью Свердлова. Он осуществил подготовку втайне от товарищей и только после казни поставил их перед свершившимся фактом».

А почему цареубийство вызвало такой переполох в ВЧК, понять тоже нетрудно. Это преступление опять было иррациональным с политической точки зрения. Во-первых, в сложной для большевиков обстановке лета 1918 года Романовы были гораздо полезнее для них живыми. В качестве заложников. Это была лишняя козырная карта для торга с теми же англичанами, французами, немцами. Во-вторых, официальная версия убийства не выдерживала критики. Чехи и белогвардейцы находились еще довольно далеко. Экзекуция совершилась в ночь на 17 июля, а Екатеринбург пал только в августе. В конце концов ничто не мешало эвакуировать царскую семью, дорога на Пермь и Вятку оставалась свободной. В-третьих, наступали на Урал отнюдь не монархисты, а революционеры-учредиловцы. Они боялись монархии даже сильнее, чем большевиков. И никаким идейным, объединяющим знаменем царь для них стать не мог. Если бы даже он и попал в их руки, Романовых мог ждать только новый арест. Эсеровское правительство потом даже колебалось, назначать ли следствие по делу о цареубийстве — не будет ли это слишком «контрреволюционно»?

О цареубийстве написано очень много литературы. И объективной, и фантастической, и лживой. Писали те, кто действительно пытался разобраться в обстоятельствах преступления. Писали любители «желтых» сенсаций. Писали те, кто стремился запутать истину. В советской время писали сами цареубийцы, оспаривая друг у друга сомнительную «честь» — кто именно пустил пулю в государя, кто в наследника, кто в царицу или царевен. Самое полное и объективное, на мой взгляд, исследование, с детальным разбором всех версий, свидетельств, обстоятельств преступления, осуществил О. А. Платонов («Терновый венец России. История цареубийства», М., 2001). Повторять здесь его аргументы, доказательства, рассуждения, выводы, конечно, не имеет смысла. Интересующиеся вполне могут ознакомиться с книгой сами. К тому же, исследование Платонова, как и многие другие работы, посвященные цареубийству, сами по себе представляют солидные, объемные труды.

Тема моей книги иная. Она — только об одном преступнике. Совершившем не единственное, а многочисленные злодеяния. Но поскольку цареубийство занимает среди них чрезвычайно важное место, я позволю себе описать его хотя бы кратко, в общих чертах. И сразу отмечу, что процитированный выше В. Г. Орлов допустил неточность. К смерти Николая Александровича и его семьи приложил руку не только Свердлов. А и многие другие закулисные круги, как отечественные, так и зарубежные. Однако чтобы увидеть это, надо возвратиться несколько назад, в март 1917 года.

Тут обращает на себя внимание и позиция масонского Временного правительства, и позиция союзников. Так, после отречения Николая II английский король Георг V все же счел своим долгом направить царю личную сочувственную телеграмму. Но она попала в руки посла Бьюкенена и… так и не была вручена. Посол не вручает телеграмму своего короля! С простым чисто человеческим участием. Объясняя, что она «не санкционирована правительством». А позиция британского правительства, как мы помним, была иной. С радостью «до неприличия», с заявлением Ллойд Джорджа, что одна из целей войны достигнута.

Российское же Временное правительство действовало подло, исподтишка. Царь поехал в Ставку, а заговорщики по предложению Керенского принимают решение арестовать его. Для чего в Могилев были направлены комиссары Бубликов, Вершинин, Грибунов и Калинин. Причем генералу Алексееву было сообщено, что эти лица командируются лишь для «сопровождения» государя. В знак внимания к отрекшемуся властителю. Об аресте становится известно только 21 марта, когда Николай Александрович уже сел в поезд, чтобы ехать к семье в Царское Село.

Где, по инициативе председателя Петросовета масона Чхеидзе была предпринята первая попытка убить царя — для этого был направлен отряд во главе с С. Д. Мстиславским

(Масловским). Но охрана из «георгиевцев» не пустила террористов к Романовым. В это же время правительство Г. Е. Львова обсуждало вопрос, что делать с царем? Далеко не все были настроены так радикально, как Чхеидзе. Сам же Николай II высказал Львову пожелание выехать в порт Романов (Мурманск) для отправки оттуда в Англию, а после войны в качестве частного лица поселиться в Ливадии. И правительство, вроде бы, согласилось, сочтя это отличным выходом из положения. Даже Керенский хвастливо заявил, выступая в Москве: «Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправлен в Англию» (правда, он двурушничал, одновременно соглашаясь и с Чхеидзе). Временное правительство обратилось к Великобритании с просьбой принять царя и прислать за ним крейсер. И 23 марта Бьюкенен сообщил о положительном решении…

В апреле положение Николая II и его семьи стало ухудшаться. Заговорили уже о суде над ним. И группа патриотических настроенных офицеров и бывших охранников царя подготовила побег через финскую границу в Швецию — сделать это было еще очень легко. Но царь отказался. Он знал о своей невиновности и не хотел стать беглецом, подвергать семью неудобствам и риску. А может, помнил историю французской революции, когда как раз бегство дало якобинцам повод для осуждения короля, и опасался провокации. Он ожидал возможности выехать официально. Как писал воспитатель наследника П. Жильяр: «Мы думали, что наше заключение в Царском Селе будет непродолжительным, и нас ждет отправка в Англию».

Но решение об отправке «зависло». Обставлялось все новыми формальными препятствиями. То Временное правительство указывало, что Николай Александрович еще нужен в России, объяснить те или иные документы для следственной комиссии. То англичане поднимали мелочные вопросы, что Временное правительство должно обеспечить финансирование проживания Романовых в их стране. А у царя денег не было! Все свои личные средства, находившиеся на его банковских счетах, около 200 млн. руб., он в годы войны пожертвовал на нужды раненых, увечных и их семей. Наконец, всплыла и проблема безопасности путешествия. Британцы, мол, согласны прислать крейсер, но с тем, чтобы не рисковать жизнью Романовых (и крейсером). Нужны, дескать, гарантии противников. Через датского посла Временное правительство запросило немцев. И германское командование в данном случае повело себя благородно. Дало заверения: «Ни одна боевая единица германского флота не нападет на какое-либо судно, перевозящее государя и его семью».

Но… когда и этот вопрос был утрясен, британское правительство спустило все на тормозах. В связи со страстями, разгорающимися вокруг фигуры царя, с агрессивной позицией Петросовета, министр иностранных дел Милюков снова обратился к Бьюкенену с просьбой ускорить отъезд. И вдруг получил странный ответ. Что «правительство Его Величества больше не настаивает на переезде царя в Англию». (Как будто оно прежде «настаивало»!) А дальше — больше. Преемнику Милюкова на посту министра иностранных дел, Терещенко, была вручена нота, что для Романовых исключается возможность поселиться в Англии до тех пор, пока не кончится война. В частности, там говорилось: «Британское правительство не может посоветовать Его Величеству (т. е. Георгу V) оказать гостеприимство людям, чьи симпатии к Германии более чем хорошо известны».

Вот так! Николая Александровича, столько сделавшего для союзников, до конца сохранявшего рыцарскую верность им, голословно и огульно обвинили в прогерманских симпатиях! Словом, союзнички расплатились «сполна». Кстати, после войны британцы напрочь открестились от всех этих фактов. Отреклись совершенно голословно — дескать, не было, и все. А Ллойд-Джордж в опровержение эмигрантских обвинений писал: «Романовы погибли из-за слабости Временного правительства, которое не сумело вывезти их за границу». (Все свидетельства о переговорах и переписка по поводу выезда царя за рубеж в советских архивах сохранились. Их приводит, например, бывший посол в Англии В. И. Попов в своей книге «Жизнь в Букингемском дворце»).

Ну а правящие заговорщики оказались в неопределенном положении. Хотели переложить вопрос на другие плечи — не получилось. А следственная комиссия Временного правительства несмотря на всю пристрастность, на попытки натяжек, подтасовок, перелопатив горы документов, допросив сотни свидетелей и обвиняемых, ни единой зацепки об «измене» Николая Александровича и Александры Федоровны найти не смогла. Вынуждена была развести руками — никаких оснований для замышлявшегося суда нет.

Раз уж не сладилось с Англией, царская семья обратилась с просьбой отправить ее в Крым, в Ливадию. Царевич Алексей был слаб здоровьем, нуждался в лечении. И вместе с сестрами недавно перенес корь в тяжелой форме. Это обращение подтолкнуло новое решение. Керенский пообещал Романовым исполнить просьбу. Но на совещании четверых министров-масонов, Львова, Терещенко, Некрасова и Керенского, даже без привлечения других членов кабинета, было постановлено — отправить в Тобольск. Романовы собирались, до последнего дня были уверены, что едут в Крым. И были вдруг ошарашены новостью — не в Крым, а в Сибирь. Куда их и отправили втихаря, в ночь на 1 августа.

Вместе с царской семьей добровольно поехали близкие ей люди и до 40 человек прислуги. Поселились в Тобольске под контролем комиссара Временного правительства Панкратова и охраны из гвердейцев-георгиевцев под командованием полковника Кобылинского. Осенью правительству Керенского стало совсем не до царя. А потом власть сменилась.

Большевики тоже сперва загорелись идеей устроить над царем широкое публичное судилище. Троцкий даже сам вызывался быть обвинителем. Но когда органы юстиции изучили материалы, собранные следственной комиссией Временного правительства, вышел «пшик». Стало ясно, что «красивого», разгромного процесса не получится, только осрамишься. И вопрос был отложен «на потом» как далеко не самый насущный. В Тобольске комиссара Панкратова сменил латыш-большевик Дуцман от Западносибирского областного Совета. Среди солдат царской охраны была создана партийная коммунистическая ячейка.

А между тем начал проявлять странную активность в отношении царя Уральский областной Совет. Председателем его был Белобородов, в руководство входили Голощекин, Войков, Сафаров, Дидковский, Вайнер, Сыромолотов, Юровский, Быков, Жилинский, Чуцкаев. В своей книге О. А. Платонов сообщает: «Работая в уральских архивах и фондах музеев, я просмотрел десятки дел лиц, так или иначе причастных к убийству Царской семьи, и вскоре выявил важную закономерность. Все организаторы и ключевые исполнители убийства были боевиками боевой организации РСДРП, возникшей на Урале в конце 1905 — начале 1906 года под руководством Я. М. Свердлова». Подметим — кроме троих. Голощекина, Войкова (Вайнера) и Сафарова (Вольдина). Хотя и они были направленцами Якова Михайловича, а Голощекин — его, так сказать, персональным и полномочным послом. Должности они занимали разные — то комиссара продовольствия, то юстиции, то снабжения, то по безработице. Это роли не играло. Они были здешней властью, и этим все сказано. А Урал таким образом стал личной «епархией» Свердлова.

Кстати, разместился областной Совет в Екатеринбурге в здании Волго-Камского банка. В том самом, где прятались Яков Михайлович со своими подручными в октябре 1905 г., удирая от черносотенцев. Просто ли понравилось Совету это здание, расположенное недалеко от центральной площади города? Или сыграло роль то, что в 1905 г. хозяева и руководители банка поддерживали революционеров? И они, хорошо зная помещение, решили воспользоваться привычным для себя местом? («Отблагодарив» прежних благодетелей тем, что вышвырнули их вон, а то и пулей).

И вот в феврале 1918 г. Уральский Совет внезапно озаботился — а как бы царь не сбежал? Хотя Тобольск вовсе не относился к подконтрольной ему территории. Это была территория Западносибирского Совета. И какое, казалось бы, дело, что у соседей творится? Нет, товарищам «уральцам» почему-то неймется. Они принимают решение о переводе Николая II «в более надежное место». Создают «чрезвычайную тройку» по осуществлению такого

перевода — из Голощекина, Войкова и Дидковского. Все переговоры по данному поводу ведутся лично со Свердловым.

В ведение Уральского Совета, в Пермь, переводят великого князя Михаила Александровича с близкими ему людьми. Но Николай II остается пока в «чужом» ведении. И из Екатеринбурга рассылаются небольшие группы по 5 вооруженных бойцов, обкладывая Тобольск и перекрывая пути «возможного бегства» царя. Одна группа — в Березов, вторая — в Голышманово, третья — по дороге на Омск. С официальной инструкцией — задержать, а при сопротивлении убить. О неофициальной инструкции пьяные бойцы пробалтываются — едут, мол, «царя убивать». Но затея с треском проваливается. Соседи восприняли вторжение в свои владения непонятных банд болезненно. В Березове группу арестовали. В Голышманове тоже, причем группа оказала сопротивление, и двое несостоявшихся убийц сами погибли.

В чем же дело? Версия возможности бегства не имела под собой никаких оснований. Царь был не «политзаключенным» прежней России наподобие Свердлова, не имел мафиозных связей с товарищами по партии, либералами, Красным Крестом, обеспечивавшими легкие и безопасные побеги. И семью он, в отличие от Якова Михайловича, не бросил бы на произвол судьбы. Как бы он стал бежать и выбираться из Сибири с больным ребенком, женой, дочерьми? Думается, дело в другом. Шли переговоры с немцами о Брестском мире. А ну как кайзер потребовал бы выдать ему царя? И ведь никуда большевистское правительство не делось бы, пришлось бы согласиться. А Свердлов и стоявшие за ним «силы неведомые», очевидно, решили ни в коем случае не выпускать Николая Александровича живым из своих лап. Вот на подобный вариант увоза и предназначались бандгруппы. Но нет, кайзер про «кузена Никки» даже не вспомнил.

Попытки подготовить бегство царя действительно предпринимались некоторыми офицерскими организациями. Однако монархисты образца 1918 года проявили свою полную беспомощность. Им не хватало сил, денег, людей, умения, а главное — решимости и организованности. И дело ограничивалось робкими поездками в Тобольск и «разведками».

Ну а Уральский Совдеп с первой неудачей не смирился. Заслал по подложным документам в Тобольск своих представителей Хохрякова, Авдеева и Заславского (матрос Хохряков прибыл на Урал по личной рекомендации Свердлова). Они развили в Тобольске бурную деятельность, и Хохряков даже был избран председателем горисполкома. А затем к ним был направлен из Екатеринбурга отряд. Но и из Омска был направлен отряд под командованием Демьянова. Дошло до конфликта. Велись переговоры с Омском и Екатеринбургом. В один из дней Демьянов вдруг явился к охране царя, в отрядный комитет партии, и объявил, что готовился нападение, намекая на екатеринбургский отряд. Была объявлена тревога, отряд выставил пулеметы. И нападение не состоялось.

Вскоре Демьянова отозвали в Омск. Очевидно, после вмешательства Свердлова. Однако и оставшийся во главе омских красногвардейцев Перминов уступать «уральцам» не желал. Конфликт углублялся. Перминов сумел найти общий язык с комиссаром Дуцманом, с полковником Кобылинским, Хохрякова арестовали и чуть не расстреляли. Спасли его только переговоры по прямому проводу с Уралсоветом. Тем временем и у 330 солдат охраны, торчавших в Тобольске, положение тоже было не ахти. О них все забыли, жалованья они не получали, снабжались кое-как. И председатель коммунистической ячейки Лупин отправился в Москву.

Его приняли в самых «верхах». 1 апреля он докладывал о сложившейся ситуации на президиуме ВЦИК. То есть Свердлову. И было принято постановление: «1) Просить отряд продолжать нести охрану вплоть до присылки подкрепления… 2)… В случае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву». А 6 апреля следует еще одно решение президиума ВЦИК: «В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т. Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления отряду, охраняющему Николая Романова, и о переводе всех арестованных на Урал». Президиум ВЦИК

— это, считай, единолично Свердлов. Свердлов дает поручение Свердлову! И о переводе уже не в Москву, как было сообщено Лупину, и как Лупин передаст своему отряду, а на Урал.

Судя по всему, Яков Михайлович уже понял, что с екатеринбургскими головорезами деликатно дело не сделаешь. И готовит «подкрепление» в Москве. Задание он поручает еще одному своему бывшему боевику, К. А. Яковлеву (Мячину). Вызвал его, спросил: «Ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно». Как вспоминал сам Яковлев, Свердлов сказал: «Совет народных комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска на Урал… Мандат получишь за подписью председателя Совнаркома т. Ленина и моей, с правами [вплоть] до расстрела, кто не исполнит твоих распоряжений»… «Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мною инструкций, я переспросил: «груз» должен быть доставлен живым? Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил: «Живым. Надеюсь, выполнишь инструкции в точности. Все нужные телеграммы отправлены. Действуй конспиративно».

Отметим, что Яков Михайлович соврал. Постановление о переводе Романовых было принято не Совнаркомом и даже не ВЦИК, а президиумом ВЦИК. Но Яковлев получил мандат, 5 млн. руб. «николаевскими», поезд, отлично вооруженный отряд. 9 апреля он получил и личное письмо Свердлова Уральскому исполкому, где требовалось оказывать подателю полное доверие, а относительно царя и его родных указывалось: «Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева — доставить Николая в Екат. живым и сдать или председ. Белобородову или Голощекину». Вслед за Яковлевым был направлен еще один отряд «особого назначения», из латышей, под командованием Я. М. Родионова (Свикке).

Прибыв в Тобольск, Яковлев выдал солдатам задержанное жалованье, чем сразу расположил их к себе. Вел себя очень корректно, вежливо. Сумев расположить и полковника Кобылинского. И предъявил мандат, сообщив арестованным и начальнику охраны, что прибыл увезти царскую семью. Скрыв пункт назначения. Романовы остались в уверенности, что их повезут в Москву, а оттуда в Германию, обсуждали этот вариант, и Яковлев их не разубеждал. Как и охранников, полагающих, что пунктом назначения будет Москва.

Но наследник Алексей был болен, не мог перенести дороги в телегах. И Яковлев «на свой страх и риск» соглашался увезти только царя, а остальную семью, мол, отправят пароходом, с открытием навигации. От такого варианта отказывался Николай Александрович. Яковлев вежливо, но твердо, ссылался на приказ. Говорил, что в случае отказа вынужден будет сложить с себя полномочия, но тогда вместо него пришлют кого-то другого, куда менее склонного к деликатности. И пришли к компромиссу, что поедут царь, Александра Федоровна и их дочь Мария, а остальные — потом.

Однако выполнить приказ о доставке «груза» живым было не так просто. Находившиеся в Тобольске екатеринбургские громилы всерьез разохотились уничтожить царя тут же, на месте. Заславский при первой же встрече с Яковлевым заявил ему, что «нам надо с этим делом кончать». При сборах ехидничал: «Дадут ли вам царя увезти — вот вопрос. А кроме того, если повезут, то дорогой может случиться». Предупреждал: «Повезете Романова, не садитесь рядом с ним». И все же Свердлов не зря выбрал именно такого исполнителя. Приказ был — живым, значит — живым. Заславского он пуганул своим грозным мандатом. Указал: «В тарантасе с Романовым буду находиться сам. И если найдутся сумасшедшие головы, поступающие наперекор инструкциям Москвы по-своему, они жестоко поплатятся…»

27 апреля колонна из 19 троек помчалась в Тюмень. С разведкой из кавалеристов, с пулеметами на тарантасах. Меняя лошадей, без остановок промчались 220 верст за сутки. Из Тюмени Яковлев связался со Свердловым, доложил о делах. Запросил: «Маршрут старый или ты его изменил?» Ответ гласил: «Маршрут старый, сообщи, везешь груз или нет. Свердлов». На станции царя с женой и дочерью, с сопровождающих их людей, посадили в поезд.

Но поезд, отправившись, повернул вдруг не в Екатеринбург, а в Омск. Яковлев доложил Свердлову, что в Екатеринбурге настроены сразу убить царя, предложил везти или на свою родину, в Уфу, и спрятать «на горах», или в Омск. Уфу Свердлов отверг, Омск сперва было разрешил. А в Екатеринбурге Голощекин всполошился, поднял всех по тревоге, объявил это попыткой бегства. В погоню был послан экстренный поезд с вооруженным отрядом. Догнать, схватить. Сообщили в Омск о «бегстве», тамошние большевики перекрыли путь.

Кое-как удалось утрясти. Поезд Яковлева повернул обратно, на Екатеринбург. А Белобородову и Голощекину Свердлов направил телеграмму, втолковывая: «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мной приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов».

Как видим, Яковлев всеми силами стремился к буквальному выполнению приказа. Сохранить «груз» живым. И его опасения были не лишены оснований. Когда 30 апреля поезд подошел в Екатеринбург, на станции уже собралась вооруженная пьяная толпа. Требовали выдать царя на растерзание. Яковлев выставил пулеметы. Ему орали: «Не боимся твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены!» Стали выкатывать трехдюймовки. Но машинистам спецпоезда по команде Яковлева удалось вывести состав с вокзала. Доехали до станции Екатеринбург-2, где Николай II и его близкие были переданы Белобородову, Голощекину и Дидковскому. И отвезены в дом Ипатьева, заранее приготовленный для них, обнесенный двойным забором и превращенный в тюрьму.

И других представителей дома Романовых тоже свозили на Урал. Кроме Михаила Александровича, содержавшегося в Перми, в мае доставили еще одну партию — великую княгиню Елизавету Федоровну, великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей, князя Владимира Павловича Палея. Их разместили в Алапаевске, тоже во «владениях» Уралсовета. А латышский отряд Свикке привез из Тобольска в Екатеринбург царевича Алексея, царевен Ольгу, Татьяну и Анастасию. Их поместили к родителям, в дом Ипатьева. Но часть близких людей, находившихся в ссылках с царем и его родственниками, при переездах «отсекли», распределили по тюрьмам. А рядовую прислугу в основном распустили восвояси.

24. Кровавый ритуал

Зачем же для цареубийства понадобились такие сложности? Ведь комиссар Яковлев, столь добросовестно исполнивший приказ, на самом-то деле был крутым и довольно жестоким человеком. Достаточно было дать ему другую инструкцию, и что бы ему помешало уничтожить Романовых еще в Тобольске? Или по дороге? Или в поезде? Наконец, он сам мог бы даже ничего не предпринимать, но не препятствовать убийцам в Тобольске или на вокзале в Екатеринбурге. И никаких оправдательных версий потом не пришлось бы придумывать — самосуд разъяренной толпы, и все тут… Нет, зачем-то обязательно требовалось доставить и сохранить Романовых живыми! Зачем?

Ответ на эти вопросы дают Н. А. Соколов, производивший расследование убийства, участвовавшие в расследовании английский журналист Р. Вильтон, генерал М. К. Дитерихс. Эти данные приводятся в работах О. А. Платонова, Д. Н. Меркулова и В. М. Бобровника и др. Дело в том, что истребление Николая Александровича вместе с его родней и близкими не было обычным политическим или уголовным преступлением. Это было ритуальное убийство. Тайное каббалистическое жертвоприношение…

Начнем с обстоятельства, о котором по сей день столько вопят любители «оккультятины» — надо ж, мол, какое роковое совпадение! Династия Романовых началась в Ипатьевском монастыре и закончилась «в доме купца Ипатьева»… Но неужели не ясно, что никакого

«совпадения» не было? Что Романовых преднамеренно поместили в доме Ипатьева, заранее намечая уничтожить в нем? Мало того, никакого купца Ипатьева не существовало. Дом принадлежал купцу Г. И. Шаравьеву. О. А. Платонов приводит сведения, что дом являлся «чистым» с магической точки зрения, в его стенах за 50 лет со времени постройки ни разу не было мертвого тела. Приводит и версии, что одно время в нем размещалась тайная синагога.

А в январе 1918 г. здание купил инженер Ипатьев. Хотя, согласитесь, это выглядит довольно странно. Ну какой нормальный человек в России в январе 1918 г. стал бы приобретать недвижимость? Когда уже были национализированы банки, промышленные предприятия. И уже вовсю начали прижимать домовладельцев, отнеся их к «буржуям»? Да и на какие средства можно было купить дом? Все банковские счета частных лиц уже накрылись! Предположим, инженер Ипатьев хранил крупные суммы наличными — в домашнем сейфе, в наволочке, в кубышке. И не додумался ни до чего лучшего, кроме как грохнуть их на покупку дома? В то время как другие люди, сохранившие какие-то средства, спешили обратить их в золото, драгоценности, твердую валюту?

Э. Радзинский сообщает, что Ипатьев был хорошим знакомым Войкова. А в апреле именно Войков потребовал от хозяина выехать. Так может, Ипатьеву «помогли» и совершить приобретение? По «дружбе»? Кстати, откуда взялся Ипатьев, куда он делся потом — неизвестно. Он как будто и появился только для того, чтобы купить дом и исчезнуть. То есть получается… что дом сделали «домом Ипатьева». Найдя человека с подходящей фамилией, обеспечив «роковое совпадение» и замкнув таким образом каббалистический круг между Ипатьевским монастырем и местом убийства.

Дом Ипатьева к приезду царя был заблаговременно превращен в тюрьму, обнесен высоким двойным забором с будками для охраны, между заборами оставили подобие дворика для прогулок (два раза в день по полчаса). О принятии царя Белобородов доложил лично Свердлову, и он в ответе дал указание: «Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком». Поэтому режим установили не такой, как в Тобольске. Там был «полутюремный», здесь — окончательно тюремный. Охраняли две независимые друг от друга команды, внутренняя и наружная. Наружная под командованием Медведева жила рядом с домом, внутренняя, из красногвардейцев Злоказовской фабрики под командованием коменданта Авдеева — в самом доме, на первом этаже.

В. Г. Орлов, собиравший свои данные по чекистским каналам, пишет, что «Войков… Голощекин и Сафаров сыграли решающую роль в споре о необходимости расстрела… Хотя смертный приговор был подписан Белобородовым по указанию Свердлова, он был лишь слепым орудием в руках этой троицы». Ну нет! Председатель исполкома Уральского Совета Белобородов отнюдь не был безобидной «овечкой». Это был бандюга еще тот. Но в том-то и дело, что он был обычным русским бандюгой (некоторые источники приводят гипотезу о его еврейском происхождении и фамилию Вайсбард, но документами это не подтверждается). Поэтому на долю Белобородова осталась роль номинального руководителя, а верховодили всем действом Голощекин, Войков, Сафаров. Плюс Юровский. И никакого «спора о необходимости расстрела» никогда не возникало. Вопрос был предрешен. Неясности проявлялись лишь по поводу деталей.

12 июня произошло первое убийство. В Перми. Здешние «революционеры» Мясников, Марков, Иванченко, Жугжов, Колпакщиков уничтожили великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона. Их убили без всякого ритуала. Вывезли за город, расстреляли и тайно закопали. После чего объявили, будто Михаил Александрович «бежал». Что ж, здесь ритуала не требовалось. Убийство было политическим. Напомним, что Михаил Александрович отрекся с оговоркой — если его не призовет на престол Учредительное Собрание. Которое было разогнано. То есть с юридической точки зрения он все еще оставался кандидатом на трон. Но он не был Православным Царем с духовной точки зрения! Над ним не было совершено таинство миропомазания на царство! И если в суматохе «бумажных»

отречений марта 1917-го столь важная вещь была забыта, то заказчики цареубийства об этом хорошо помнили. Истинным царем, несмотря ни на какие отречения, оставался Николай II…

О. А. Платонов считает, что расправа над Михаилом Александровичем была «пробным шаром» — посмотреть, как отреагируют иностранцы, «общественное мнение». Позволю высказать и другие предположения. Это мог быть и «фальстарт». Преждевременное убийство. Каковое Яковлев предотвратил в Тобольске и Екатеринбурге. Но там была «столица» края, ситуацию взяли под контроль Уралсовет и эмиссары Свердлова. А в Перми орудовали провинциальные громилы. Могли и не «дотерпеть». Еще одна версия — при разработке ритуала определили, что Михаил Александрович не понадобится. И дали «добро» на устранение «лишних» жертв. Или таким путем создавалась версия прикрытия. Версия некой могущественной подпольной организации, которая смогла похитить Михаила Александровича, а значит, могла организовать побег и для Николая II, что позволяло официально оправдать цареубийство.

В пользу последнего предположения говорит тот факт, что в июне в дом Ипатьева стали передаваться записки за подписью «Офицер» — дескать, держитесь, освобождение близко. Фабриковал их Войков. Возможно, и в самом деле местными большевиками рассматривался вариант убийства с инсценировкой побега. По воспоминаниям участников злодеяния, обсуждались и разные способы убийства — закидать бомбами, перестрелять из наганов, зарезать в постелях.

Что же касается отношения иностранцев, «общественного мнения», то до царя и его родных никому никакого дела не было. При переездах и растасовках семьи Романовых некоторым приближенным, прислуге невысоких рангов удалось вырваться на свободу. В частности, воспитателю наследника Алексея швейцарцу П. Жильяру. И незадолго до убийства он обратился к британскому консулу. Описал ему ситуацию и молил предпринять шаги для спасения Николая Александровича, его жены и детей. Могло ли подействовать твердое дипломатическое предостережение Советскому правительству? В той тяжелой обстановке, в которой очутились большевики летом 1918-го, думается что да. По крайней мере, это могло заставить их осторожничать, отложить расправу. Но Жильяр получил заявление, что, по мнению англичан, положение царя «не является угрожающим»!

Ну а сценарий убийства был определен не в Екатеринбурге. А в Москве. В начале июля Голощекин отправился в столицу — на съезд Советов. Как обычно, жил у Свердлова, общался с ним. Там и получил окончательные инструкции. (Опять можно подивиться энергии и организаторским способностям Якова Михайловича — он и Конституцией занимается, и «левоэсеровским мятежом», а одновременно и цареубийством). В это же время, 4 июля, была заменена внутренняя охрана дома Ипатьева. Под предлогом злоупотреблений снимают коменданта Авдеева, его помощника Мошкина арестовывают, красногвардейцев Злоказовской фабрики отправляют восвояси. Их заменяют латышами отряда особого назначения Свикке (Родионова), комендантом становится Юровский, помощником — Никулин. О смене караула докладывают в Москву: «Свердлову для Голощекина».

Была определена и приблизительная дата ритуала. В 1990 г. на аукционе «Сотби» было выставлено донесение Белобородова в Москву о цареубийстве: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала Екатеринбургу и ввиду того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи) президиум Ур. Обл. Сов. Раб., Кр. и Кр. Арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение. Семья Романовых, содержавшаяся вместе с ним под стражей, эвакуирована из города Екатеринбурга в интересах общественного спокойствия».

Исследователи обратили внимание — в датах 16 и 17 были проставлены только единицы, а цифры 6 и 7 вписаны позже, другими чернилами. Судя по всему, текст заранее, во время

пребывания Голощекина в Москве, был согласован со Свердловым. И намечена вторая декада июля. А конкретный день был уточнен позже, когда и вписали цифры в заготовленный текст.

С возвращения Голощекина закипает уже непосредственная подготовка к акту. Юровский лазил в районе так называемой Ганиной Ямы, глухом углу лесов и болот. В этих местах было много старых шахт и штолен, и выбиралось место для сокрытия трупов. Заготавливалось большое количество керосина и серной кислоты для уничтожения тел. И спирта — поить участников.

За день до ритуала появляется еще одно действующее лицо трагедии. Как установило следствие из опроса свидетелей, «в Екатеринберг из Центральной России прибыл специальный поезд, состоявший из паровоза и одного пассажирского вагона. В нем приехало лицо в черной одежде, похожее на иудейского раввина. Это лицо осмотрело подвал дома» (т. е. место ритуала). О неизвестном еврее с «черной, как смоль, бородой» пишут Дитерихс и Вильтон. Он был важным лицом, прибыл с собственной охраной из 6 солдат. Доказательством его присутствия стал и найденный в камине дома Ипатьева незаполненный бланк на идиш — бланк органа центрального комитета еврейской коммунистической организации в Москве. Той самой, созданной под эгидой Свердлова на Варварке.

Очевидно, «инспектор» проверил и готовность местных сил. А дата уточнилась 16 июля. Голощекин и Сафаров направили Свердлову телеграмму, что «условленного Филипповым суда по военным обстоятельствам ждать не можем» (Филиппов, Филипп — псевдонимы Голощекина, суд — условное название убийства). Но и Яков Михайлович в этот день дает команду. Так называемая «Записка Юровского» сообщает, что «16 июля была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романовых». Пермь находилась в подчинении Екатеринбурга, поэтому ясно, что приказ пришел через Пермь из Москвы.

Юровский в эти дни обменивался со Свердловым и другими шифровками, уточнял детали. Телеграфные ленты при этом изымались, но отступление красных из Екатеринбурга было настолько поспешным, что о лентах забыли и бросили, они попали в руки следствия. Хотя расшифровать их удалось далеко не сразу. И из текстов стало ясно, что Яков Михайлович имел контакты с заокеанскими воротилами иудейских масонских лож! Именно с ними согласовывая предстоявшее цареубийство. Процитирую книгу О. А. Платонова.

«В 1922 году следователю Н. А. Соколову с помощью специалиста по шифрам удалось прочитать телеграфные сообщения, которыми большевистские вожди обменивались перед убийством Царской семьи. В одном из этих сообщений Свердлов вызывает к аппарату Юровского и сообщает ему, что на донесение в Америку Шиффу об опасности захвата Царской семьи белогвардейцами или немцами последовал приказ, подписанный Шиффом о необходимости «ликвидировать всю семью». Приказ этот был передан в Москву через Американскую Миссию, находившуюся тогда в Вологде, равно как через нее же передавались в Америку и донесения Свердлова.

Свердлов подчеркивал в своем разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме него, Свердлова, обо всем этом не известно, и что он в таком же порядке передает приказание «СВЫШЕ» — ему, Юровскому, для исполнения. Юровский, по-видимому, не решается сразу привести в исполнение этот приказ, но на следующий день он вызывает к аппарату Свердлова и высказывает свое мнение о необходимости убийства лишь ГЛАВЫ СЕМЬИ — последнюю же он предлагал эвакуировать. Свердлов снова категорически подтверждает приказание убить ВСЮ семью, выполнение этого приказа ставит под личную ответственность Юровского».

Дата назначается — 17 июля. О. А. Платонов предположил, что ее выбрали из-за совпадения, 17 июля 1174 г. был убит великий князь Андрей Боголюбский при участии «жидовина» Анбала и Офрема Моизовича. Но дата могла быть выбрана и из более мудреных, астрологических соображений. Спешно делались последние приготовления, распределялись

роли непосредственных палачей. Возглавил их Юровский. Состав «бригады» в разных источниках различается — впоследствии участники оспаривали друг у друга «заслуги». Но известно, что в команду вошли Ермаков, Никулин, П. С. и М. А. Медведевы, Свикке со своими латышами. Двое из них отказались стрелять в девушек, тут же были отстранены и на следующий день расстреляны. Вместо них были назначены иностранцы — А. Вергази и еще кто-то. Всего палачей было 12.

К ночи на 17 июля собрались. Ермаков опоздал, он готовил и поил команду для сокрытия трупов. Прибыли и Голощекин, Белобородов. Здесь же находился неизвестный еврей из Москвы. Подогнали машину, шум мотора должен был заглушить выстрелы. Около двух часов ночи узников стали будить, потребовали сойти в нижний, подвальный этаж — мол, в городе неспокойно. 11 человек проснулись, умывались, одевались. Спустились вниз. Царь, Александра Федоровна, Алексей (отец нес его на руках), царевны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, врач Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп и комнатная девушка царицы Демидова. Царица попросила принести стулья — принесли только два. Для нее и царевича.

Юровский попросил всех пройти к восточной стене (смерть должна была прийти с запада на восток, направление антихриста). Вежливо и деловито расставлял, он же был фотографом. Вот и теперь, как фотограф, регулировал — кому правее, левее, кому в первый ряд, кому во второй. После чего вошли убийцы. Юровский зачитал приговор. Царь попытался переспросить: «Как, я не понял?». Есть и другие версии — о вопросе «так нас никуда не повезут?» Но Юровский выстрелил в него. И сразу же началась бешеная пальба. Палачи поспешно разряжали револьверы и пистолеты. Комнату заволокло дымом, летела крошка известки, пули рикошетили, грозя задеть «своих». Юровский дал команду прекратить огонь.

Многие были еще живыми. Охранник Стрекотин вспоминал: «…Наследник все еще сидел на стуле. Он почему-то долго не упадал со стула и оставался еще живым. Впритруть начали стрелять ему в голову и в грудь, наконец и он свалился со стула… Второй на носилки стали ложить одну из дочерей царя, но она оказалась живой, закричала и закрыла лицо рукой. Кроме того, живыми оказались еще одна из дочерей и та особа, дама, которая находилась при царской семье… тогда тов. Ермаков, видя, что я держу в руках винтовку со штыком, предложил мне докончить оставшихся в живых. Я отказался, тогда он взял винтовку и начал их доканчивать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умирала та особа, дама. Ермаков ей всю грудь исколол…»

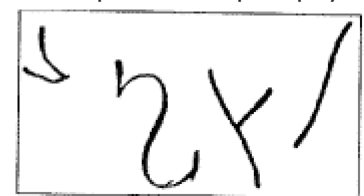
Охранник Нетребин писал, что «младшая дочь б. Царя упала на спину и притаилась убитой. Замеченная тов. Ермаковым, она была убита выстрелом в грудь. Он встал на обе руки и выстрелил ей в грудь». По воспоминаниям М. А. Медведева, Демидова, закрывшаяся при расстреле подушкой, закричала: «Слава Богу! Меня Бог спас!» Подошли, ударили штыками. А охранник Кабанов писал: «Один из товарищей в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки «Винчестер». Штык вроде кинжала, но тупой, и грудь не пронзал, а фрельна ухватилась обеими руками за штык и стала кричать». И ее «добили прикладами ружей».

Трупы вынесли во двор. Есть упоминания, что сфотографировали. Погрузили в кузов машины и увезли к Ганиной Яме для уничтожения. Комнаты, залитые лужами крови, тут же стали убирать силами бойцов «внешней» охраны. Мыть, чистить. А когда убрали, они были удалены. И в помещение, где произошло убийство, вошли другие люди для исполнения каббалистических ритуалов. О. А. Платонов считает, что это были неизвестный раввин, Юровский и Голощекин: «Какие ритуальные танцы они совершили на месте злодеяния, нам неизвестно, но после их ухода на южной, обращенной к храму Соломона, стене комнаты, где погибла Царская семья, остались две надписи, объясняющие значение совершенного здесь ритуала».

Эти надписи были потом обнаружены следователем Н. А. Соколовым. Первая по-немецки, две строки из стихотворения Гейне «Валтасар»:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.
(В эту самую ночь Белшацар
был убит своими слугами).

Другая надпись — четыре каббалистических знака. Три из них — буквы «л» разных алфавитов, «ламед» арамейского, «ламед» самаритянского и «ламбда» греческого. Четвертый знак — косая черта. Причем буквы изображены перевернуто, «вверх ногами».

Относительно первой надписи следствие пришло к выводу, что сделал ее еврей, очень хорошо знавший Гейне в подлиннике. Поскольку Гейне писал стихотворение о Валтасаре, не любившем евреев и за это понесшем кару, и имя дал в иудейской транскрипции, Белшацар. А автор надписи счел возможным пропустить из оригинала слово «aber» — «однако», имеющее смысл в контексте всего стихотворения, но не отдельной надписи. И «скаламбурил», добавив в имя букву «t». В подлиннике — Belsazar. Но с добавлением буквы окончание имени получается «tzar» — то есть «царь» в немецком написании.

Расшифровку второй надписи впоследствии вел ученый-востоковед, знаток магии, М. В. Скарятин. Дело это было очень непростое и неоднозначное. Поскольку в каббалистике буквы имеют и символическое, и цифровое, и астрологическое значение. Особое значение могут иметь и сочетания букв, и сочетания самих значений, «суммирующихся» разными способами. О. А. Платонов излагает рассуждения и аргументы Скарятина. Я же процитирую только результирующий итог: «Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы».

В тот же день, 17 июля, произошло убийство Романовых в Алапаевске. Эту расправу курировал специально приехавший Сафаров (Вольдин). Узникам предложили собраться якобы для переезда в другое место. Под вечер повезли за город 8 человек. Великую княгиню Елизавету Федоровну, после гибели в теракте мужа принявшую постриг и ставшую настоятельницу Марфо-Мариинской обители, содержавшуюся при ней монахиню Варвару, великого князя Сергея Михайловича, Князей Иоанна, Константина, Игоря Константиновичей, князя Владимира Пелея и Ф. Ремеза.

Уже ночью привезли к перекрестку на Нижнюю Синячиху. Банда палачей под руководством Сафарова (участвовали и местные руководители Соловьев, Серебряков, Смольников, Перовский, Плишкин, Черепанов и др.) ссадила жертвы с телег. С побоями и издевательствами повели к намеченной старой шахте — колодцу глубиной около 20 метров. Над ним была перекинута доска, обреченным завязывали глаза, связывали руки и заставляли идти по доске, чтобы падали вниз живыми. Только Сергей Михайлович оказал сопротивление, пытался увлечь за собой большевика Плишкина, и великого князя убили выстрелом в голову. А в Алапаевске был разыгран спектакль со стрельбой, при этом прикончили и бросили на улице заранее арестованного мужика — и объявили, что заключенных освободили и увезли налетевшие белые…

А знаете, второе групповое убийство тоже напоминает часть ритуала. Хорошо известного иудейского ритуала с двумя козлами. Один назначался Яхве, убивался в качестве искупительной жертвы, и кровь его относилась в Святая святых храма. А на второго

возлагались грехи иудейского народа, и он выгонялся живым в пустыню, в жертву Азазелю. Демону пустыни, духу тьмы. Вот и сравните. Царь и его близкие в Екатеринбурге убиты с пролитием крови, с соблюдением ритуалов, по некоторым версиям в помещении бывшей подпольной синагоги. А жертвы в Алапаевске изгоняются «живыми» с лица земли, в глубь шахты…

Но просто «изгнать» их не удалось. Часть сброшенных в шахту не погибла при падении, они еще долго жили и мучились. Оттуда неслись крики, стоны, молитвы. Это привлекало крестьян. И палачи принялись добивать их — несколько раз бросали в шахту бомбы, потом кинули горящую серу, чтобы удушить.

И с трупами расстрелянных в Екатеринбурге далеко не сразу управились. Вывезя за 11 с половиной верст, в местность Ганина Яма вблизи деревни Коптяки, тела раздели догола. При этом были обнаружены бриллианты, зашитые в лифы царевен. Начался ажиотаж. Ермакову и Юровскому пришлось наводить порядок. К тому же все участники были вдребезги пьяны. Долго не могли найти места, намеченного для захоронения. Поленились возиться со сжиганием. И ограничились тем, что побросали трупы в старую шахту. Попытались завалить ее гранатами, но неудачно.

В Екатеринбурге участники операции получили за такую «халтуру» втык от начальства. И 18 июля все пришлось переделывать. Тела извлекали из шахты, расчленяли, жгли на костре и серной кислотой (было израсходовано не менее 30 ведер керосина и 11 пудов кислоты). Как идет уничтожение, приезжал проверять лично Белобородов. По опросам свидетелей, ездил в направлении Коптяков с 6 солдатами охраны и тот самый неизвестный человек «походивший на еврея с черной как смоль, бородой». То ли с целью проверки, то ли совершить некие дополнительные обряды. Или прихватить какие-то части трупов для магических целей. Н. А. Соколов на месте уничтожения тел нашел еще одно доказательство пребывания столичного «гостя» — обрывок московской газеты на немецком языке от 26 июня. Были обнаружены и вырванные страницы анатомического трактата, тоже на немецком.

То, что осталось после сжигания, попрятали по болотам или старым штольням. Где именно — версии существуют многочисленные и различаются между собой. Имелись и сведения о ложных захоронениях. Что подобрали и расстреляли другую группу людей такой же численности, состава и примерно таких же возрастов. А то и несколько групп. Возможно, останки такой группы как раз и похоронены сейчас в Петропавловской крепости.

20 июля в Екатеринбурге была разыграна и «эвакуация» царской семьи (ведь по официальному донесению расстреляли только царя). Для этого были собраны приближенные Романовых, содержавшиеся по тюрьмам — Шнейдер, Гендрикова и ряд других лиц. В обстановке подчеркнутой секретности их посадили в особый вагон и повезли в Пермь. Но не довезли. Недалеко от Перми расстреляли (только камер-лакею Волкову удалось бежать). Кстати, лишнее доказательство, что дорога на Пермь была свободна.

А в Москве еще 18 июля, получив донесение с Урала, Свердлов отреагировал так, как он наметил заранее. Официальный документ гласит:

«Протокол № 1 выписка из заседания ВЦИКа от 18.07.1918.

Слушали: сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга).

Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция. ВЦИК в лице президиума признает решение облсовета правильным. Поручить т. т. Свердлову, Сосновскому, Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся во ВЦИК документах (дневник, письма). Поручить т. Свердлову составить особую комиссию для разбора».

Лжи здесь предостаточно. 18 июля ВЦИК не собирался. Заседал только президиум ВЦИК (если заседал вообще). Те же Свердлов, Аванесов, Сосновский и др. И никаких документов — дневника, писем (от «Офицера», о подготовке побега) у ВЦИК еще не имелось. Эти документы

хранились у членов царской семьи. Следовательно, Свердлов уже знал о том, что и семья уничтожена, и документы ему привезут. И опять, как мы видим, он сплошь дает «поручения» самому себе.

Существуют данные и о том, что привезли не только документы. По сообщению Ермакова, Голощекин велел ему отрезать головы у трех трупов: Николая Александровича, царевича Алексея и царевны Анастасии. Головы «куда-то забрал» Войков. Предположительно, они были отправлены в Москву. О том, что несколько голов убитых были отчленены и увезены в столицу, пишет и генерал Дитерихс, участвовавший в расследовании. А по свидетельствам очевидцев, 19 июля Юровский выехал из Екатеринбурга в центр. Вез он с собой опечатанный чемоданчик, а также какие-то три грубо сколоченных ящика. В Москве он вместе с ящиками сразу отправился на квартиру Свердлова… Хотя существует и гипотеза, что это были ценности царской семьи — но для ценностей больше подошел бы опечатанный чемоданчик.

Однако история о том, будто голова царя была представлена всему советскому руководству и сожжена в присутствии членов Совнаркома, ЦК и коллегии ВЧК, совершенно недостоверна. Автором ее является Сергей Труфанов. Бывший иеромонах Илиодор, боровшийся с Распутиным якобы за спасение Православия и монархии, потом сбежавший за рубеж, где начал торговать грязными «сенсационными» сплетнями о Распутине и царской семье, потом вернувшийся в Советскую Россию, отрекшийся от Православия и поступивший в ЧК, потом опять удравший за рубеж и торговавший грязными «сенсационными» сплетнями о жизни коммунистической верхушки. Доверять «свидетельствам» такого типа нет ни малейших оснований. Да и в фактах он откровенно наплел, указывая, что сам присутствовал при сожжении вместе с советскими лидерами — и перечисляет среди них тех, кого в это время не было и не могло быть в Москве.

Справедливости ради отметим и тот момент, что никаких однозначных доказательств причастности к цареубийству Ленина — нет. А свидетельства слишком слабы. Таких источников в общем-то всего два. Первый — мемуары Троцкого. Причем Лев Давидович передает свидетельство относительно Ленина из уст… Свердлова. Когда Троцкий, отсутствовавший в столице, вернулся, Яков Михайлович сообщил ему новость о расстреле царя и всей семьи. А на вопрос: «А кто решал?» Свердлов ответил: «Мы здесь решали». И упомянул Ильича.

Второй источник — мемуары Свикке «Ясные дали великого пути», написанные уже в 1960-е годы и так и не изданные, известные лишь по свидетельствам журналистки С. Ильичевой. Мемуары, где он называет себя личным представителем Ленина и Дзержинского, сообщает, что по всем вопросам вплоть до содержания Романовых и разрешения передавать им передачи сносился и консультировался непосредственно с Лениным, имея для этого особого шифровальщика и особый шифр — ключом для которого служила книга Лермонтова «Демон».

Свикке явно врет. Все вопросы содержания узников, передач и т. п. были решены без него и до него. А его отряд принял охрану непосредственно перед казнью. И как будто Ленину делать было нечего, кроме как переговариваться по каждой мелочи с командиром отряда из 13 человек! Предполагаю, что сам отряд был сформирован Свердловым параллельно с его охранным «спецназом». А солидный человек, профессор Латвийского университета Ян Мартинович Свикке, видимо, набивал себе цену в воспоминаниях. Ну кто в 1960-х оценил бы, что он был «человеком Свердлова»? А вот человеком Ленина и Дзержинского — это да, это звучало! Могла быть еще одна причина. Уж Свикке-то знал, что это было не простое убийство, не простая казнь. Знал и о том, что участвовавшие в ней «свердловцы» давно пошли под расстрелы в качестве «троцкистов». Так не лучше ли объявить себя не «свердловцем», а «ленинцем»?

25. Общаясь с духами тьмы

Здесь надо сделать отступление от нашего повествования и пояснить, почему же я все-таки называю Свердлова «эмиссаром сил неведомых»? Почему не выражусь более определенно — евреев, иудеев, масонов?

Потому что говорить о евреях в целом было бы несправедливо. Среди них было много честных и достойных людей, в трудную годину проявивших себя настоящими патриотами России. Так, Деникин упоминает, что крещеным евреем был генерал Букретов — герой Сарыкамыша, вставший с горсткой бойцов на пути турецких полчищ. Он великолепно командовал потом 2-й Кубанской пластунской бригадой, и казаки так любили и уважали его, что в 1920 г. избрали атаманом Кубанского Войска. Хорунжий Ф. Елисеев с искренней теплотой вспоминает и евреев-врачей 1-го Кавказского полка, деливших с казаками все беды и лишения, делавших невозможное для спасения раненых. В разных источниках называются евреи-офицеры и евреи-юнкера, храбро сражавшиеся и погибавшие в рядах Белой Гвардии. А журналист Виталий Иванович Сулима приводит в своих статьях любопытные сведения и о том, что на Украине возникли даже «еврейские казаки». Распевали песню:

Тому мы голову снесем,

Кто нападет на наш родной Бердичев!

И храбро рубились со всяческими «интернационалистами», защищая свой город и заслужив полное уважение со стороны самых что ни на есть «щирых» украинцев.

Говорить об иудеях в целом также было бы весьма некорректно. В данном отношении я могу отослать читателя к работам В. Кожинова, приводящего красноречивые примеры, как сами же иудеи страдали от действий сионистской верхушки, как представители этой верхушки спекулировали на горе и мучениях своего народа во время Второй мировой войны. Да ведь и в годы гражданской иудеям крепко досталось не столько от белогвардейцев и махновцев, сколько от «красного террора» и прочих прелестей режима, зачастую от собственных соплеменников-комиссаров. Об этом свидетельствуют воспоминания очевидцев, собранные и изданные И. Гессеном в «Архиве русской революции».

Назвать Свердлова «эмиссаром масонства»? Тоже неверно. Масонами были и Львов, Керенский — но ясное дело, что Свердлов был не их эмиссаром. Он был их врагом. Тут мы снова сталкиваемся с многослойностью масонства. Которое имеет разные уровни «глубины», разные степени посвящения. На шахматной доске присутствуют не только короли и ферзи, но и пешки. Удел коих — тупо и прямолинейно шагать вперед, пока они не будут съедены. А есть и силы, которые решают, какую пешку или коня двинуть вперед? А какую придержать? Причем дело вовсе не в формальном ранге фигуры. Пешка может считать себя ферзем. Но те, кто обдумывает план игры, прекрасно знают, что она — пешка. Дело даже и не в формальных рангах посвящения. Могут быть и целые ложи-пешки. Дело в степени допуска к принятию принципиальных решений. К высшим сакральным тайнам.

И если во внешних, так сказать, поверхностных слоях масонства мы встречаем среди «вольных каменщиков» и атеистов, и тех, кто сам себя считает «умеренными», то есть «просвещенными» православными, католиками, лютеранами, то в глубине оказываются иудейские сектанты, каббалисты, адепты темных оккультных учений… И всегда остается неизвестным, где же она, самая глубина? Допустим, ряд исследователей докопался до фигуры Якоба Шиффа. Он получает орден японского микадо за революцию 1905 г., он принимает активное участие в подготовке и углублении революций 1917 года, обнаружены факты его контактов с Милюковым, Керенским, Троцким, Свердловым. Но из фактов, что Шифф, как и его коллеги-банкиры Лоеб, Мильнер, Ротшильды, Варбурги получили пусть узкую, но известность, может следовать и другое предположение. Что не они были самыми глубинными силами. Поскольку одна из главных заповедей подобных структур — тайна. Следовательно, могут быть и более глубинные слои, не «засвечивавшие» себя пусть даже и законспирированными связями с японцами, немцами, большевиками.

Поэтому я и пишу о Свердлове, как эмиссаре «сил неведомых». И таким был не он один. Скажем, во время подготовки цареубийства на Волге полыхала война, восстания, телеграфные линии нарушались, и часть телеграмм уральские исполнители направляли Якову Михайловичу через Петроград, через Зиновьева и Урицкого. Следовательно, и они были причастны к «силам неведомым», имели определенную степень допуска к тайне. Косвенным подтверждением этого служит очень уважительное отношение к Зиновьеву британских масонов. В. Г. Орлов в своей книге «Двойной агент» приводит любопытный пример: «В 12-м издании Британской энциклопедии читаем следующее: «Зиновьев Григорий (Овсей Гершон Аронор)…» В 13-м издании (в советское время, прим. авт.) читаем: «Зиновьев Григорий Евсеевич (1883 —), русский политический деятель… Он стал одним из руководителей Союза Советских Социалистических Республик… Плодовитый писатель, издал многотомное собрание избранных очерков и речей, которые могут служить богатым справочным материалом по вопросам революции и возрождения Советской России».

Но вернемся к Свердлову. Был ли он масоном? Такие данные, в отличие от Троцкого, отсутствуют. Думается, что формально — вряд ли. В масонские ложи обычно принимали людей другого сорта и круга: образованных, внешне окультуренных, «просвещенных». Недоучившийся гимназист, главарь уральских бандитов как-то не очень вписался бы в ряды «вольных каменщиков».

И все-таки общие точки соприкосновения Якова Михайловича с «силами неведомыми» существовали! Оказывается, что этот деятель коммунистической партии, пламенный трибун, борец за идеи революции, «вождь номер два» являлся… оккультистом. И оккультистом убежденным, заядлым. Увлеченным последователем темных сакральных учений. «Неполноценность» его домашнего иудейского воспитания, отход от классического иудаизма из-за бродячей и бурной жизни революционера толкнули Свердлова к самостоятельному поиску неких «глубинных» истин. И он пришел к каббализму.

Доказательства? Они есть. Разумеется, если накопать доказательства из «желтой» прессы или с соответствующих интернетовских сайтов, они будут недорого стоить. Не более того, что стоит в наших газетных киосках богато представленная «оккультятина», высосанная из пальца и прочих частей тела авторов. Для тех, кто не в курсе, поясню, что подобной тематикой чаще всего занимаются журналисты самого низкого пошиба, не сумевшие найти более солидное поле деятельности.

Нет, доказательства имеются даже и в советских источниках! Вполне открыто публиковавшихся во времена оны, политизированных, подглаженных и отретушированных. Но Свердлов был настолько махровым оккультистом, что свидетельства о его увлечениях просочились на страницы даже и таких работ! Приведу два примера из воспоминаний его жены К. Т. Новгородцевой.

В 1911 году, когда его супруга собиралась рожать, Яков Михайлович подбадривает ее и пишет ей из тюрьмы: «…Хотелось бы перелить весь свой «дух жив», в надежде на укрепление твоего…» Как видим, словосочетание «дух жив» употребляется в смысле некой жизненной энергии. И это сочетание характерно для Свердлова, в его разговорах и письмах оно звучит еще не раз. И именно в таком виде, не «живой дух», не «дух живой», а «дух жив». То есть это термин. В туруханской ссылке, где многие революционеры опускались, спивались, даже кончали жизнь самоубийством, Яков Михайлович убеждает, что главное — не терять «дух жив», сохранять «дух жив». Это действительно каббалистический термин, означающий «энергию». Точнее, по оккультным представлениям, одну из нескольких «энергий», присущих человеку.

Второй пример. В Туруханском крае, еще в Курейке, Свердлов приобрел собаку, которую назвал Пес. И очень полюбил это животное. Новгородцева пишет: «Размером он был с небольшого волка, на редкость силен и сообразителен. Был он весь черный, с проседью, с красивыми белыми метинами на лбу, груди и передних лапах, уши у него стояли торчком, как

у волка…» То ли Свердлов его выдрессировал, то ли по какой-то природной специфике он ненавидел стражников. «Стоило какому-нибудь из стражников подойти к нашему забору, Пес кидался на них с такой свирепостью, что стражникам нередко приходилось спасаться бегством. Благодаря Псу стражникам никак не удавалось нанести нам внезапный визит. Они вынуждены были подходить с той стороны дома, которая выходила на улицу, и стучать в окошко…»

«Пес был бесконечно привязан к своему хозяину и никогда с ним не расставался. Куда бы ни отправился Свердлов, Пес следовал за ним по пятам. В Монастырском всегда можно было определить, где находится Яков Михайлович, так как у дверей того дома, куда он вошел, обязательно сидел неподвижный, как изваяние, Пес. В свою очередь, и Яков Михайлович очень любил своего четвероногого друга». В конце 1916 г. Пес погиб. Как — не уточняется. И «Яков Михайлович страшно горевал». Но что же делает горюющий хозяин? «Он попросил местного охотника выделать шкуру Пса». И в дальнейшем всюду возил ее с собой. «Потом, в Кремле, эта шкура всегда лежала у кровати Якова Михайловича».

Тех, кто имеет домашних животных и действительно привязан к ним, от подобного проявления «любви», наверное, передернет. Как же это — поступить подобным образом с трупом умершего четвероногого друга? Любоваться на его шкуру «на память»? Да еще и использовать в качестве коврика?

Но дело в том, что здесь описан известный магический ритуал. И не просто магический, а черной магии, некромантии. Сохраняя часть трупа, некроманты определенными обрядами стараются «притянуть» дух умершего существа к земле, к материальному плану. Не позволить ему уйти в мир иной. И использовать в своих целях. Если Пес был верным стражем при жизни, то и после смерти должен служить хозяину, стать его теневым, потусторонним стражем. Вспомним, что и после смерти Ленина оккультисты-масоны из руководства 1920-х годов примут решение мумифицировать и сохранить его труп, чтобы использовать в своих целях его дух. Даже гробницу выстроят по подобию древних пирамид.

Вот два примера. Всего два? Но если два доказательства попали в причесанную и цензурированную советскую литературу, то это не всего два. Это целых два! Это два достоверных доказательства. А двух достоверных, определенных точек, как известно, уже достаточно, чтобы провести по ним четкую и однозначную прямую. И в таком случае мы можем под иным углом посмотреть на некоторые другие факты из жизни Свердлова. Которые, в принципе, могли бы иметь и обыденное, безобидное объяснение. Но в свете его доказанного пристрастия к оккультизму позволяют предположить и совсем не «безобидное» толкование.

Например, из списков книг, которые заказывал Яков Михайлович из тюрем и ссылок, названия трудов по магическим дисциплинам, если они там присутствовали, конечно, были изъяты в советское время. Но обращает на себя внимание расширенный интерес к вполне обычным естественным наукам. Медицина, анатомия, математика и т. п. Из тюрьмы он сообщает Г. И. Окуловой (Теодорович) в 1911 г.: «Жду не дождусь учебников по математике…» К чему это профессиональному революционеру? Можно предположить — просто для самообразования, для «ликбеза». Но может быть и иначе, что это требуется для совершенствования в других науках, оккультных. Между прочим, среди художественных книг, заказываемых Свердловым из мест заключения, был и томик стихов Гейне. На немецком, в подлиннике. Тот самый томик, откуда взяты ритуальные строчки «Валтасара», помещенные на стене дома Ипатьева. Видимо, это стихотворение было популярно у иудейских оккультистов, воспринималось как пророчество или заклинание.

Выше уже отмечалось, что в ссылках Яков Михайлович горячо берется лечить товарищей, местных крестьян и особенно остяков с тунгусами. Не имея никакого медицинского образования, никаких лекарств. Откуда такая увлеченность? И как он их лечит? Очевидно, пытаясь использовать изученные им магические приемы.

Или возьмем случай, произошедший в 1911 г. в Максимоярском. Стражники при обыске изъяли у Свердлова бумаги с какими-то чертежами и схемами. И по совету священника о. Павла (Покровского) отправили «наверх», начальству. Яков Михайлович объяснял, что это были всего лишь уроки геометрии, иллюстрация к доказательству теоремы Пифагора и т. п. Может, и впрямь стражники и священник были такими темными людьми? Сомнительно. Священнослужители в России получали довольно высокую общеобразовательную подготовку. Они же сами в церковно-приходских школах преподавали! А выпускники духовных училищ и семинарий, не пожелавшие принять священство, шли обычно работать учителями. Некоторым ученикам духовных заведений полученного образования потом хватало и для правительственных, военных постов — возьмите Сталина, Микояна, Подвойского, Василевского. Поэтому крайне маловероятно, чтобы о. Павел не знал школьной геометрии. Видимо, у Якова Михайловича были изъяты все же не геометрические чертежи, а магические.

Может быть, и неприязнь Сталина в Курейке объяснялась тем, что Свердлов навязывал ему свои оккультные представления? Попробуйте пообщайтесь с современными любителями астрологии, магии и т. д. И убедитесь, насколько они «достают» собеседников. А вот причина горячей дружба, столь неожиданно и столь прочно связавшей вдруг Якова Михайловича с хасидом Шаей Голощекиным, становится совершенно очевидной. Ведь Шая по самому своему воспитанию понимал толк в каббалистике, мог что-то подсказать, подучить. У них были общие темы для разговоров, они вместе имели возможность предаваться оккультным занятиям.

Обратимся и к воспоминаниям, как Яков Михайлович в Туруханском крае ездил по стойбищам хантов и эвенков, выписывал в книжечку слова, учил языки и достиг возможности свободно общаться с ними. Зачем? Чтобы узнать о их тяжелой жизни под гнетом царской власти, как утверждает официальная версия? Не смешите! Во-первых, их жизнь не была тяжелой, никакого «гнета» не существовало. А во-вторых, ни в одном письме, ни в одной речи или статье Свердлова никаких данных о хантах и эвенках не прозвучало ни разу. Зачем же было такие усилия тратить, языки учить? Но вот секреты сибирских шаманов обязательно должны были интересовать Якова Михайловича. Тут для него, конечно, «овчина стоила выделки».

Еще один момент, о котором уже говорилось выше, — его непонятная «научная» работа, которую он вел в Туруханском крае. Никаких следов этой «науки» ни в каких работах Свердлова тоже нет. И здесь также ответ напрашивается однозначный. Особенно если учесть версию, что «наука» касалась истории с Тунгусским метеоритом.

Подчеркнем, что оккультисты обратили на данный феномен повышенное внимание. В некоторых их теориях утверждалось, что это свалился на землю сам «падший ангел». То есть сатана. (И до сих пор такие теории существуют, и доказательства приводятся — что вот, мол, упал метеорит на территорию России, и сразу все кувырком пошло: Мировая война, революция…) Отсюда понятны чрезвычайный интерес Свердлова к научным экспедициям, проезжавшим через Монастырское, завязывание знакомств, присылка ему из Красноярска литературы для «научной» работы. А его личное путешествие за полтысячи километров, на Подкаменную Тунгуску, вероятно, было предпринято для осуществления каких-то оккультных обрядов — Адольф Тайми писал, что к ссыльным в селение Подкаменная Тунгуска Свердлов заглянул уже позже, возвращаясь откуда-то со стороны верховий реки.

Приведем факт и сугубо личный. Своих родных детей Яков Михайлович почему-то называл не иначе как «звереныши». А в единственном числе — «зверинька», «зверюшка», «зверек». Опять можно было бы счесть случайностью, у родителей фантазия работает порой в непредсказуемом направлении. Скажем, Людовик XIV ласково звал своих отпрысков «козявками», «какашками», «вонючками». Но… каббалисты очень внимательно относятся к словам. Слово — это мысль высказанная. По их представлениям оно само по себе вещественно, имеет собственную силу, несет определенный энергетический заряд. И лепить детям прозвище с потолка оккультист не станет. Если Яков Михайлович назвал пса — Пес, то он и желал видеть

в нем «обобщенного» пса со всеми положенными качествами: верностью, преданностью, свирепостью к недругам хозяина. А если настойчиво, раз за разом, называл детей «зверинькаами» и «зверенышами», значит и хотел добиться чего-то, выраженного этими словами. Получается, и себя подразумевал в качестве «зверя»?

С магическими соображениями, по-видимому, был связан и выбор Свердловым Кремля для размещения Совнаркома и ВЦИК. Согласно оккультным теориям, Кремль — «сердце» России. Кто владеет им, тот владеет и всей страной. Да и с точки зрения безопасности — оккультисты считают кремлевские стены не только физическим препятствием, а и мощным кольцом магической защиты. Со времени их строительства ни один враг не смог силой ворваться в них извне (поляков в XVII в. бояре впустили добровольно, а Наполеону Москву сдали без боя).

Наверняка не случайно для спецотряда Свикке (который, как представляется, был все же не ленинским, а свердловским) в качестве ключа для шифровок была дана книга «Демон». Каббалисты всегда были внимательны к символике и словам. А какая символика подразумевалась при выборе книги, к каким силам шло обращение, выглядит очевидным.

Наконец, вспомним и отрезанные головы Николая Александровича, Алексея и Анастасии. Зачем они понадобились Свердлову? Почему — три? Почему именно эти головы? Даже в «сенсационных» сплетнях о доказательстве, предъявленном Совнаркому, фигурирует только одна, царская голова. Следовательно, Яков Михайлович и в этом случае замышлял какие-то опыты из области черной магии.

Ну а суммируя сказанное, можно понять, почему именно на Свердлова обратили внимание «силы неведомые». Почему именно он становится их доверенным лицом. Почему именно ему поручают тайну с организацией ритуального уничтожения царя и его семьи.

Эту часть главы я преднамеренно отделил звездочками. Поскольку то, что будет здесь изложено, в отличие от предшествующего, бездоказательно. И не может быть доказано. Таким образом, это не версия, не гипотеза, а считайте — просто авторские размышления. Их можно принять во внимание, а можно и пропустить. Но раз уж в ходе работы над книгой пришла в голову любопытная мысль, я и решил ее записать.

Возник вопрос — а только ли эмиссаром «сил неведомых» являлся Свердлов? Ведь он был весьма эгоистичной, весьма самостоятельной личностью. Предпочитал всегда действовать по собственному разумению, независимо. А подчинялся другим только тогда, когда это было выгодно ему самому (как подчинился Ленину).

Вот и подумалось — а не возносился ли он в мечтах гораздо выше чьего-то «эмиссара»? Не вознесся ли он в своих сокровенных помыслах аж до роли «машиаха»? Т. е. «мессии» еврейского народа? Напомню, что иудеи не признали Мессией Иисуса Христа и ждут своего «мессию» до сих пор. Причем, согласно иудейской традиции, он должен явиться, когда страдания «народа избранного» достигнут высшей точки. Поэтому уже были лжемессии. Например, в 1648 г., во время побоища евреев на Украине повстанцами Богдана Хмельницкого, объявил себя «мессией» некий Саббатай Цви. Позже у него был последователь Якоб Франк, утверждавший, что все религиозные запреты сняты, все позволено и грешить похвально, ибо таким образом сила зла преодолевается изнутри.

А в 1905–1907 гг., когда по югу России прокатывались иногда антиеврейские погромы (людей, возмущенных беспределом терроризма, в коем основную роль играла еврейская молодежь), тоже распространялись и раздувались идеи, что иудейская «чаша страданий переполнена». Но это значило и ожидание «спасителя». А Свердлов со своими бандитами

выступал как бы «мстителем», покровителем обиженных соплеменников. То же самое, о переполненной «чаше страданий», вопила пресса в годы Первой мировой, когда русское командование решило выселить евреев из прифронтовых губерний (из-за заметного их участия в шпионаже).

Однако отметим еще одну сторону этого вопроса. Ряд радикальных иудейских сект и оккультных масонских течений отождествляет ожидающегося «мессию» с… антихристом. Еще раз обращусь к документу масонских руководителей, который цитировался в главе «Британское» и прочее золото». Там говорится, что каждый человек является «богом, первосвященником и монархом» для самого себя, масонство — «богом, первосвященником и монархом» человечества, а его «великие начальники» — это «священный батальон величественного патриарха, который, в свою очередь, является богом, первосвященником и монархом масонства». Нетрудно понять, какой «патриарх» имеется в виду. Впрочем, и по некоторым другим учениям «мессия» в первую очередь должен сокрушить «гонителей» иудеев, христиан. И дать своим последователям власть над всем миром. То бишь должен соответствовать антихристу. Знал ли о таких теориях Свердлов? Безусловно знал.

Должен был он знать и о других теориях. По мистической традиции, как христианской, так и антихристианской, Святой Троице: Богу-Отцу, Богу-Сыну и Святому Духу, противостоит другая триада, черная — сатана, антихрист и лжепророк. При этом сатана остается вне земного мира, действуя через двух остальных членов триады и всевозможных духов. И небезынтересно, что некоторые магические школы сочли лжепророком… Ленина. Такие трактовки порой встречаются по сей день, например, в некоторых версиях расшифровок Нострадамуса. Так не логично ли было бы для Свердлова замахнуться на роль второго лица триады?

Имя — вполне подходящее. Не изначально данное отцом, а то, которое он носил. Яков. Согласно Ветхому Завету, Иаков — богоборец, боролся с самим Господом. Правда, не знал этого, и Господь его простил. Но французские богоборцы-масоны отнюдь не случайно стали «якобинцами». А Яков Михайлович знал за собой и чрезвычайные личные таланты: феноменальная память, необыкновенные работоспособность, контактность, изощреннейший ум, умеющий мгновенно находить выигрышное решение в самых сложных ситуациях. Сверхчеловек, да и только! Как тут не разыграться гордыне?

Кроме того, мистическая традиция утверждает, что антихрист во многих внешних проявлениях должен походить на Христа, но быть его противоположностью. Не мог ли Свердлов сопоставить? Возраст соответствующий — 33 года. Долгое время — пребывание в «сокрытом» состоянии, и лишь потом внезапно он призывается к «служению». И откуда призывается! Из тех самых мест, куда рухнул «падший ангел» — метеорит! Кстати, и привязавшийся, неотступно сопровождающий черный пес, это у сатанистов знак «избранности» — вспомните Фауста.

А дальше он уже сам начинает творить «чудеса» — невероятные, фантастические, ему необыкновенно везет, ему все удается… Он обеспечивает своим соратникам победы, за считанные месяцы взлетает к самой вершине государственной пирамиды. И не только государственной! В перспективе — «мировая революция». А с ней и дальнейший взлет его, Свердлова! Выходит — та самая власть над миром… Которая предсказана антихристу…

Яков Михайлович ожесточенно борется с христианством. Уже весной 1918 г. разворачивает подготовку к этой самой «мировой революции», явно претендуя на лидирующую роль. Прозвище, данное Спиридоновой, «черный железный дьявол», он воспринимает с гордостью, щеголяет им перед товарищами. Между прочим и «зверь» — это тоже обозначение антихриста. Он не ортодоксальный иудей? Да, не ортодоксальный. Он женится на русской, организует субботники и сам трудится по субботам. Но кандидат в «антихристы» может себе это позволить. Он не связывает себя формальностями, он должен установить в мире совсем иную, новую религию.

Но… есть одно «но». По всем теориям антихрист должен быть царем. И Свердлов, как видим, кое-чего достиг в данном направлении. Он живет в царском Большом дворце, пользуется царской мебелью, посудой, скатертями, постельным бельем. Он стал цареубийцей. И не для того ли ему понадобились головы Николая Александровича, наследника Алексея и царевны Анастасии, чтобы какими-то обрядами попытаться перенести с них магическую силу на себя, своего сына и дочь?

Однако, если говорить о власти над Российским Царством, то есть о символическом замещении места царя, то на пути Свердлова стоял не только Николай II. На его пути стоял еще и Ленин…

26. Кто стрелял в вождя?

Царя убили, но положение Советской власти становилось все более напряженным. На Верхней Волге вспыхнули восстания под руководством Савинкова. Их удалось раздавить, как и мятеж командарма Муравьева, но в других местах не клеилось. Казаки Краснова очищали от большевиков Дон. Деникин перешел в наступление на Кубань, раскатал плохо организованные красные полчища и взял Екатеринодар. Самарские учредиловцы двигались вдоль Волги, войска других «областных правительств» вместе с чехами продолжали отбивать у коммунистов города Урала, «зачищать» Транссибирскую железную дорогу. Возникали и новые очаги восстаний. По приглашению самозваного «рабочего правительства» паровозного машиниста Фунтикова англичане вошли в Закаспийскую область, по приглашению Бакинского Совета направили отряд в Баку.

Произошла и высадка частей Антанты в Архангельске. При приближении иностранной эскадры в городе подняли восстание белогвардейские подпольные организации. Большевистское руководство во главе со «свердловцем» Кедровым в панике бежало, не оказав сопротивления. Десант был небольшим — всего 9 батальонов англичан, французов и американцев. Но поднялись и местные крестьяне, создавая ополчение. Было сформировано Временное правительство Северной области во главе с Н. В. Чайковским. Свергать большевиков страны Антанты отнюдь не собирались. Командующий группировкой генерал Пуль откровенно заявил: «Союзники явились для защиты своих интересов, нарушенных появлением в Финляндии германцев». Плюс к этому все еще действовал прежний план создания «Восточного фронта» вместе с чехами. Плюс — прихватить под шумок что «плохо лежит». Скажем, в Закаспийской области и Баку англичан интересовали вовсе не большевики, а нефть. А на Севере части Антанты и поддержавшие их белогвардейцы продвигались только до тех пор, пока не встретили организованную оборону, после чего остановились.

Но коммунистическое руководство очень встревожилось. Чичерин вел переговоры с германским послом Гельферихом, предлагая немцам оккупировать Петроград, чтобы оттуда красные части можно было перебросить под Вологду. На такой шаг Германия не пошла. Ей не до того было — на Западном фронте кипели напряженнейшие сражения «Второй Марны». Но тайные переговоры продолжились в Берлине и завершились подписанием 27 августа дополнения к Брестскому договору. Немцы обещали свою поддержку, обещали даже очистить и отдать большевикам часть Псковщины и Белоруссии до Березины, а за это советское правительство под разными «благовидными» предлогами обязалось уплатить огромное количество золота, 245 тонн 564 килограмма. Впрочем, сделать это оно не могло. Каппелевцы и чехи с налета захватили Казань, и находившийся там золотой запас России тоже попал в их руки.

Неспокойно было и в тылу. Утром 30 августа в Петрограде был убит начальник здешней ЧК Моисей Соломонович Урицкий. Мрачный и страшный человек, вовсю производивший бессудные расстрелы и казнивший сотни мирных граждан. Рассчитался с ним Леонид Канегиссер. Еврей по национальности, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, поэт-романтик, отомстивший за смерть своих русских друзей-юнкеров и их близких. Действовал отчаянно, подкараулил Урицкого возле здания ЧК, и, когда он приехал на службу,

уложил его прямо в вестибюле. После чего попытался скрыться на велосипеде. За ним сразу ринулись в погоню, Канегиссер отстреливался, но его догнали, сбили с ног и скрутили. Из Москвы в Питер сразу же отправилась следственная бригада ВЧК во главе с Дзержинским.

А вечером прозвучали выстрелы и в столице, на заводе Михельсона… История с покушением на Ленина до сих пор остается очень темной и загадочной. И однозначного ответа, кто организовал теракт, даже кто был непосредственным исполнителем, еще не найдено. Так, уже многие исследователи обратили внимание на то, что весомых доказательств, уличающих Каплан, в материалах следствия… нет. А на вопрос о причастности к покушению партии эсеров нужно ответить вообще отрицательно.

Начнем с того, что Фанни Каплан (Фейга Ройдман) была тяжело больной женщиной. И к тому же… полуслепой. И к эсерам она никогда не принадлежала. Она родилась на Волыни, в семье «учителя еврейской общины» (видимо, раввина) — впоследствии отец с семерыми другими детьми эмигрировал в США. А Фанни, как и многие другие представители еврейской молодежи, в годы первой революции ударилась в терроризм. Вступила в организацию анархистов. Когда готовилось покушение на киевского генерал-губернатора Клейгельса, в комнате Каплан по неосторожности взорвалась бомба. Несколько соратников было убито, а сама она получила тяжелую контузию, была арестована и приговорена к пожизненной каторге.

Из-за контузии начались проблемы со зрением. Как сообщала ее подруга, «…Каплан ослепла 9 января, в четвертую годовщину Кровавого воскресенья… Она и прежде теряла зрение, но ненадолго, на два-три дня. На этот раз ее прозрение длилось почти три года. Тюремные врачи потерю зрения Фаней Каплан связывали с резкими головными болями, которыми она жестоко страдала на каторге». Была освобождена Февральской революцией, получила путевку в Евпаторию, в санаторий для пострадавших «политических». Потом устроилась работать в Симферополе на женских курсах. В материалах следствия указано и то, что зимой 1918 г. она якобы ездила в Харьков, где ей делали глазную операцию. Что было невозможно проверить, Харьков находился под немцами. И что вызывает сомнения. Вряд ли в революционном Харькове функционировали учреждения, вроде клиники Федорова, способные быстро и полноценно вернуть зрение. Да и слепота Каплан определялась вовсе не офтальмологическим диагнозом, а была связана с контузией и головными болями, то есть была вызвана мозговой травмой или перенесенным стрессом.

В Москву она прибыла за несколько месяцев до рокового дня (когда именно, почему-то нигде не упоминается, но, скорее всего, уехала с Украины в связи с немецкой оккупацией). Жила у подруг-каторжанок Анны Пигит и Веры Тарасовой-Бобровой. Из-за болезни нигде не работала. Очень стеснялась своего положения нахлебницы. И изображала, будто у нее есть какие-то дела. Брала портфель и уходила. Хотя подруги подметили, что портфель у нее пустой или с какими-нибудь ненужными бумагами, и что она без дела слоняется по Москве и сидит в скверах на лавках. А 30 августа она, вроде бы, собиралась ехать в больницу, ей опять стало хуже. Револьвера или другого оружия у нее никогда не замечали. И она, кажется, никогда в жизни не училась стрелять.

Вот и посудите, неужели опытные боевики-эсеры могли столь легкомысленно поручить такую важную акцию больной женщине, которая вполне может подвести? Да и где вообще гарантия, что полуслепая попадет? И в того, кого нужно? Каждый, кто хоть раз стрелял из боевого пистолета, думаю, согласится со мной, что из этого оружия и вполне здоровый человек поражает цель не всегда. Нужен и навык, и обязательно — твердая рука.

Перейдем к самому покушению. Все показания состоят из сплошных неувязок и противоречий. А иногда существуют и в нескольких вариантах. Ленин, закончив выступление, вышел с гранатного цеха завода. Стала вытекать и толпа присутствующих, создав пробку в единственных дверях. Рядом с Ильичом шла кастелянша соседней больницы Попова и пыталась выспросить наболевшее, почему опубликовано распоряжение не отбирать продукты, везущиеся из деревни, а заградотряды все равно отбирают. Он отвечал, что да, мол, еще есть

злоупотребления, но с этим будет наведен порядок. И вот возникают два варианта показаний шофера Гиля. По одному из них: «Я увидел сбоку, с левой стороны от него (Ленина), в расстоянии не более трех шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом, и были произведены три выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе… Поправлюсь, после первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом». То есть, стреляли из толпы. По второму варианту, «она стояла с левой стороны машины, у переднего крыла, и целилась в грудь Владимира Ильича».

Показания явно подправлялись. Поскольку сперва следствие не располагало данными ни о количестве выстрелов, ни о марке револьвера. Пыталось выяснить, но в течение нескольких дней таких сведений добыть не получалось. А разглядеть, что это браунинг в сумерках, при накрапывающем дождике вряд ли было возможно. К тому же по показаниям других свидетелей, Гиль ждал Ленина, сидя в машине! И только после выстрелов стал вылезать. О чем он и сам проговорился — увидев Ильича, стал заводить мотор. А когда заводят мотор, по сторонам обычно не смотрят. Смотрят перед собой.

В это время поднялась суматоха. Выстрелы. Кастелянша Попова тоже была случайно ранена. Остальные бросились кто куда. Одни из-за выстрелов, другие из-за стихийной паники, третьи — чтобы их случайно не замели. Гиль проявил себя крайне бестолково. Выскочил из кабины, начал метаться по двору с наганом, так что его самого приняли за убийцу, потом закрывал Ленина собой и отгонял людей. Кстати, сам Ильич спросил в первую очередь: «Поймали его или нет?»

А Гиль настолько ошалел, что чуть не угробил вождя. Когда его посадили в машину, сопровождавшие рабочие указали ближайшую больницу, но шофер зациклено твердил: «Нигде не останавливаюсь, еду прямо в Кремль!» И Ленин попросту истек бы кровью. Спас его рабочий И. В. Полуторный, случайно нашел в кармане бечевку и перетянул руку, из которой хлестала кровь. Словом, психология шокированного шофера — где взял, туда и доставить. И привез на квартиру. Где Ленин тоже долго лежал без оказания помощи: пока соображали, куда звонить (позвонили в Совнарком), пока Бонч-Бруевич, снявший трубку, начал принимать меры… Ну и что мог разглядеть и заметить Гиль, пребывавший в таком шоке?

А задерживает Каплан Сергей Батулин, помощник комиссара 5-й Московской дивизии. Вот что он показал: «Человека, стрелявшего в Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу товарища Ленина!» и с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в разных направлениях перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди… Я увидел двух девушек, которые по моему глубокому убеждению, бежали по той же причине, что позади них бежал я и другие люди, и которых я отказался преследовать. В это время позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом обратила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил идти со мной…»

В дороге С. Батулин, «чуя в ней лицо, покушавшееся на т. Ленина», пытается допросить ее. Она затравленно твердит на все вопросы примерно одно и то же: «А зачем вам это нужно знать?» В общем-то, вполне нормальная реакция для женщины, которую вдруг схватили на улице и куда-то тащат. Да и что касается «странного вида» — она стояла на улице, по которой вдруг с воплями понесся народ. Не лишне вспомнить и то, что Каплан была больной. Далее — «на Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в Ленина…» Простите, а что же еще крикнут из толпы о человеке, которого уже взяли и ведут? Точно так же кричали «убийца» и Гилю, и раненной Поповой и еще нескольким людям.

Так кто же все-таки опознает Каплан? В позднейших следственных документах указывается: «Ее сразу же опознал председатель заводского комитета Н. Я. Иванов». Но вот в

чем незадача-то… Иванов автора выстрелов тоже не видел! Он оставался в зале, из-за затора в дверях не мог выйти сразу за Лениным, а когда во дворе начался сумбур, побежал к окну и выскочил. Ильич уже лежал, а люди уже разбегались. А Гиль именно Иванова не подпускал, наставив наган. В следственных материалах писалось, что Каплан была опознана «рядом рабочих», но нигде эти самые «рабочие» и их конкретные показания не упоминаются. А Бонч-Бруевич поясняет: «Товарищ Гиль был почти единственным свидетелем», опознавшим Фанни Каплан. И… опять нестыковка. Гиль никак не мог опознать ее, поскольку к моменту задержания уже уехал. А после задержания ни разу Каплан не видел! Очной ставки не проводилось! И вообще при опросах нескольких десятков свидетелей, присутствовавших на месте преступления, ни с одним не проводилось очной ставки и процедуры опознания Каплан!

Ее сперва доставили в военкомат Замоскворецкого района. Раздели догола и обыскали. Не найдя ничегошеньки подозрительного. И, судя по данным обыска, экипирована была Каплан явно не для теракта — при задержании у нее отбирают портфель и зонтик. Однако портфель того времени — это отнюдь не изящный дипломат, и свидетель Мамонов даже называет его «чемоданом». Да и зонт начала века представлял собой довольно громоздкую конструкцию. Вот и попробуйте, нагрузившись такими вещами и как-то манипулируя ими в руках, прицельно стрелять из пистолета. А потом ускользнуть через толпу и удирать. Почему-то поспешно избавившись от оружия, но с неуклюжим зонтом и «чемоданом»!

Зонт она, очевидно, носила из-за слабого зрения. В те времена зонты служили одновременно и тростью — а для молодой женщины это было предпочтительнее, чем ходить с палочкой. А «чемодан» был почти пуст. В нем обнаружили лишь чужой профсоюзный билет и железнодорожный билет до станции Томилино (никаких мероприятий по поискам на станции Томилино так и не было предпринято). Притащив Каплан в военкомат, задержавшие нашли председателя Московского ревтрибунала Дьяконова, который и произвел первый допрос (в присутствии толпы посторонних).

Что же касается свидетельских показаний, то в них фигурируют и другие кандидатуры на покушение — некий подозрительный гимназист, «человек в матросской фуражке». А бюллетень ЦИК за подписью Свердлова, выпущенный вечером 30 августа, сообщал: «Задержано несколько человек. Их личности выясняются». Вторым задержанным оказывается некто Протопопов, о котором больше вообще ничего не известно — его расстреляли даже раньше, чем Каплан, и больше нигде не упоминали, будто его и не было.

Петерс, оставшийся за начальника ВЧК, узнал о поимке Каплан лишь в 23 часа. Направил своих людей, и ее перевезли на Лубянку. Где последовали новые допросы. К ним подключились сам Петерс, наркомы Курский и Петровский, Козловский, Аванесов, Скрыпник, Кингисепп. И в том, что она стреляла в Ленина, подозреваемая, вроде бы, признается. Но первые протоколы подписывать отказывается. Потом появляется ее подпись, хотя сами протоколы выглядят, прямо скажем, не без странностей. На какие-то вопросы она отвечает подробно, излишне многословно, но отказывается отвечать о мелких технических деталях: сколько раз стреляла, из какого револьвера. Учтем, что и само следствие еще не знало ответов на эти вопросы, ведь револьвер таинственным образом исчез. В других же случаях часто бросается в глаза, что вопросы как бы подсказывают ответы на них. То есть подсказывают обвиняемой информацию, уже известную следователям, которую обязан был знать и стрелявший.

Какова цена подписям Каплан? Никто не знает, ее ли это подписи. И что могли подсунуть полуслепому человеку? И что мог наговорить больной человек после неожиданного ареста и многодневных не прекращающихся допросов? Петерс через несколько лет напишет, что убеждал ее покаяться и тем самым смягчить свою вину. «Она же или плакала, или ругалась зло, с ненавистью, решительно отказываясь давать какие-либо показания». А член коллегии Наркомюста Козловский отмечал, что она «держит себя растерянно, говорит несвязно» и производит впечатление «истерического человека». Очных же ставок было проведено всего

три. С ее подругами Пигит, Радзиловской и Тарасовой, подтвердивших, что это — Фанни Каплан. И все. Что они еще могли подтвердить?

Но если относительно виновности Каплан имеются хотя бы ее «собственные признания», то с организацией теракта эсерами — полный ноль. Тут налицо грубая подтасовка. «Известия ВЦИК» от 1 сентября сообщают: «Из предварительного следствия выяснено, что арестованная, которая стреляла в товарища Ленина, состоит членом партии правых социалистов-революционеров черновской группы». Однако согласно протоколам допросов, она в этот день еще называла себя анархисткой. И лишь 2 сентября в протоколах появляется запись, что «она сторонница эсера Чернова, но в партии не состоит» (и об этом признании «Известия ВЦИК» не постеснялись сообщить вторично, как о величайшей победе следствия — уже 3 сентября). Немаловажно и то, что партия эсеров сразу заявила о своей непричастности к покушению. Что, по эсеровским правилам, лишало теракт всякого смысла. По законам эсеровских боевиков он должен был получать широкую огласку как исполнение приговора партии и тем самым оказать влияние на власть.

И сам Петерс признавал в воспоминаниях: «Долгое время история покушения на В. И. Ленина была довольно темной: известно было только, что стреляла в него Каплан… категорически отрицавшая связь с какой-либо организацией означенной партии» (т. е. эсеров). Никаких данных, кроме ее признаний не было, а заявление ЦК эсеров «будто бы подтверждало, что акт был чисто индивидуальным».

«Полновесные доказательства» появляются лишь… четыре года спустя — на показательном процессе эсеров в 1922 г. Они же фигурируют в качестве основных во всей последующей исторической и публицистической советской литературе. Но ведь уже доподлинно известно, что сам этот процесс был сфабрикован от начала до конца! Дело в том, что в ходе гражданской войны большевики пошли на тактическую хитрость, объявили амнистию антикоммунистической деятельности эсеров. Разгромить и добить партию после войны оказалось «не за что». Но большевики нашли лазейку, зацепившись за «терроризм», о котором, дескать, при амнистии речи не было. За рубежом провокатор Г. И. Семенов издал брошюру о деятельности «террористов», взяв на себя и покушение на Ленина, и Урицкого, и Володарского, после чего «раскаялся» и вернулся в Россию «с повинной».

И был разыгран «процесс эсеров», где давали показания Семенов и другие «раскаявшиеся боевики»: Л. В. Коноплева, И. С. Дашевский, П. Г. Ефимов, К. А. Усов, Ф. Ф. Федоров-Козлов, Ф. В. Зубков, П. Н. Пелевин и Ф. Е. Ставская. Настолько «раскаявшиеся», что на заседания Верховного Трибунала эти подсудимые приходили бесконвойно, из дома. И их услуги были вознаграждены — они, как и другие обвиняемые, получили смертный приговор, но «в связи с раскаянием» расстрел им заменили на «полное освобождение от всякого наказания». А «нераскаявшаяся» подсудимая Евгения Ратнер очень лихо вывела провокаторов на чистую воду — она в свое время видела Каплан на каторге и попросила их описать ее внешность. Ни один из гипотетических соратников по «эсеровской террористической организации» сделать этого не смог…

Но из факта невиновности Каплан (или пусть даже не невиновности, а всего лишь непричастности к покушению эсеровской партии) автоматически вытекает вопрос: а если не эсеры — то кто? Других-то сил, способных стоять за организацией теракта, на первый взгляд, не просматривается. Анархисты были уже разгромлены. А покушение силами каких-то офицерских организаций представляется нереальным — все они были очень слабыми практиками, обычно не выходили за пределы пустого прожектерства. К тому же они являлись отвратительными конспираторами и широко раззванивали о всех своих тайнах (в частности, о покушении на Ленина в Питере на Фонтанке). Поэтому об участии какой-то белоофицерской организации давно стало бы известно.

Однако, если задаться вопросом, обычным при расследовании любых уголовных дел — «кому выгодно», то на первый план выходит фигура… Свердлова! Нет, здесь я не буду касаться

мистических доводов, изложенных в прошлой главе. Как я предупреждал, они бездоказательны. А здесь мы рассмотрим факты.

Свердлов стремительно, менее чем за год вознесся «из ничего» до «вождя № 2» в государстве. Нетрудно представить, как разыгрались амбиции 33-летнего человека! Да еще и какого человека — честолюбивого, хитрого, всегда рвущегося к лидерству. Сокрушив левых эсеров, он уничтожил оппозицию в Советах, сделавшись их полновластным хозяином. Но… роль самих Советов в однопартийном государстве быстро покатилась к нулю. И Свердлов не мог не понимать, что одновременно стала падать и его значимость. В условиях войны более ценными, более «незаменимыми» оказывались другие лидеры — Троцкий, Сталин. Они начинали обходить Якова Михайловича, могли и потеснить…

Постепенно отлаживались и структуры администрации, подчиненные не ВЦИК, а Совнаркому. Усиливались на местах партийные органы — не «свердловские», а «ленинские», их Яков Михайлович мог контролировать не прямо, а только исподволь, будучи главой Секретариата. Убийство решило бы все проблемы. И сделало «вождя № 2» «вождем № 1». Обратим внимание — Троцкий, Сталин и другие самые «боевые» члены ЦК в данный момент находились на фронтах. В Москве оставались только «теоретики» вроде Бухарина. Получается, что конкурировать со Свердловым в данный момент было некому.

Можно назвать и другие вероятные мотивы. Ленинская группировка большевиков в период прихода к власти воспользовалась поддержкой Германии. И в ситуации лета 1918 года снова пыталась искать помощи у Германии. Свердлов с Германией не был связан никогда, он контактировал с Америкой. То есть в случае смены власти, если бы в России оказалось правительство «без Ленина», открывалась возможность переориентироваться, договориться со странами Антанты (как рассчитывали, например, антигитлеровские путчисты в 1944 г.).

Наконец, ведь и Ленин был не дурак. Он не мог не видеть, как реальную власть все отчетливее подгребает под себя Яков Михайлович. С определенного момента он должен был насторожиться самовольством «правой руки». А обуздывать тех соратников, кто зарывался и начинал мнить о себе слишком много, Ильич умел — как было с Каменевым. Следовательно, надо было предпринять шаги первому. Пока их не предпринял вождь, пока не прозвучало его зафиксированных обвинений и критики. (Если же Ленин не был причастен к цареубийству, то нельзя исключать, что именно это самовольство стало первой «трещинкой» между ними).

Разумеется, организация Свердловым покушения — только версия. Прямых доказательств тут нет и быть не может. Но косвенные данные, ложащиеся в струю данной версии, имеются. И их хоть отбавляй.

Взять хотя бы то обстоятельство, что организация покушения была задачей не столь уж простой. Хотя пятницы в Москве считались «единым партийным днем», и митинги с 15–20-минутными выступлениями руководителей проводились по всему городу, но кто и где именно будет выступать, не афишировалось. Сам Ленин, как отмечено в его «Биографической хронике», узнал о маршруте лишь накануне, получив 29 августа путевки на Хлебную биржу и завод Михельсона. А секретари соответствующих райкомов, по воспоминаниям одного из них, Е. М. Ямпольской, были извещены только утром 30 августа.

Даже во время митинга шоферы имели четкую инструкцию не отвечать любопытствующим, кто выступает. Гиль утверждал: «Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедем дальше». Говорил: «Привез лектора, а кого — не знаю». Заметим и то, что у Ленина 30 августа было два выступления. Первое — на Хлебной бирже, где, кроме него, выступали Коллонтай и Ярославский. Соответственно, собрались вместе три шофера, охрана. Но выстрелы прозвучали на заводе Михельсона, куда Владимир Ильич был определен один.

А занимались распределением путевок Московский комитет партии, агитотдел ВЦИК и Секретариат ЦК — два последних органа подчинялись Свердлову. Причем сохранилась даже

его личная записка Ленину от 29 августа: «Владимир Ильич! Прошу назначить заседание Совнаркома завтра не ранее 9 часов вечера. Завтра по всем районам крупные митинги по плану, о котором мы с Вами уславливались; предупредите всех совнаркомщиков, что в случае приглашения или назначения на митинги никто не имеет права отказываться. Митинги начинаются с 6 часов вечера». Никогда до того и после того Яков Михайлович таких записок вождю не писал…

30 августа, узнав о теракте в Петрограде, Бухарин во время обеда уговаривал Ленина не ездить на митинги. Уговаривала его и сестра Мария Ильинична. И он, по словам Крупской, согласился, «что может, и не поедет». Решение воздержаться от выездов в массы крупных руководителей принял и МК партии во главе с Загорским — секретарей райкомов, незадолго до того оповещенных о визитах вождей, повторно вызвали в МК и сообщили об отмене этих визитов. И тут активно вмешался Свердлов, выговаривая всем и каждому: «Что же, мы испугаемся всякой буржуазной сволочи? Прятаться начнем?» Заявил, что на своих митингах, в Лефортовском и Введенском районах, он непременно будет. И Ленин тоже склонился ехать. Неудобным показалось «пугаться» и «прятаться», когда другие выступать будут.

Неоднозначен и вопрос с охраной. Позже в коммунистической литературе было внедрено представление, будто вожди разъезжали вообще без телохранителей. Это не так. За Троцким, например, неотступно ходил увешанный оружием боец. Очень хорошо охраняли и Свердлова (иначе матросики его пришибли бы в марте), он сам организовывал и дрессировал свой охранный спецназ. Присутствует охранник и в нескольких эпизодах из жизни Ленина. А в воспоминаниях Малькова мы находим: «После ранения Ленина в ЦК был поставлен вопрос, чтобы при выезде из Кремля Ленина сопровождал не один, а два бойца из охраны… Владимир Ильич, еще не зная о принятом решении, в воскресенье поехал в сопровождении одного бойца. Часовой задержал его машину… Когда ему доложили, что выезжать с одним бойцом — значит нарушать решение ЦК, Владимир Ильич беспрекословно подчинился». Следовательно, хоть один боец должен был его сопровождать и прежде. Да еще в такой день как 30 августа, после убийства Урицкого! Но Гиль пишет: «Охраны ни с нами, ни в автомобиле не было никакой». А охрана советских лидеров напрямую подчинялись Свердлову…

Зато сразу после покушения он оказывается возле Ленина одним из первых. Крупская пишет, что когда она вошла в квартиру, «около вешалки стоял Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет?» — обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено», — ответил он. «Сговорено, значит, кончено», — подумала я». Надо же, какая психологически яркая сцена! У женщины ранили мужа, она растеряна, она думает о своем — как быть, что делать? Но и ее собеседник думает только о своем! О перехвате власти!

И, кстати, он явно соврал. Совершенно неправдоподобно, чтобы было «все сговорено», чтобы Ленин персонально с ним оговаривал «политическое завещание». Никаких следов этому нет. А если Владимир Ильич действительно занялся бы таковым «завещанием», он уж, конечно, позаботился бы сделать это более солидно, чем в разговоре с глазу на глаз. По крайней мере, ознакомив кого-то еще. А никто из лидеров партии нигде не упоминает о таком «завещании». Сомнительно, чтобы вообще существовали подобные договоренности — Ленин и в 20-х, будучи больным, преемников себе не назначал. Ограничился собственными характеристиками ближайших соратников, а там, мол, сами решайте.

А уж тем более сомнительно, что в 1918 г. он стал бы назначать «наследником» Свердлова. Он был «№ 2», был «правой рукой», но не «головой». Был очень уж недавним выскочкой. С точки зрения духовной близости к вождю, стажа, прошлых заслуг имелись и другие весомые фигуры. А профессор Б. С. Вейсброд вспоминал: «Владимир Ильич,… попросив выйти других врачей, задал мне вопрос: «Вы коммунист?» Получив утвердительный ответ, он продолжал: «Скажите мне откровенно, скоро ли конец? Если да, то мне нужно кое с кем

поговорить…» Вейсброд успокоил его, но Ленин взял с него слово, если дойдет до развязки, предупредить заранее. Как видим, отнюдь не все было «сговорено».

Но Свердлов никаких колебаний не проявлял, дополнительно консультироваться и переспрашивать у вождя не счел нужным. Новгородцева пишет, что «он казался еще тверже, еще решительнее и собраннее, чем всегда». И в этот же вечер под флагом гипотетической «сговоренности» поспешил занять рабочий кабинет Ленина. Сосредоточив в своих руках такую власть, каковую не концентрировал и сам Ильич — руководство Совнаркомом, ЦК партии и ВЦИК Советов! Захватил все бумаги, документы. Он и спал в этом кабинете, словно боялся, что ночью придет кто-то другой и займет…

А пользуясь обретенной властью, он сразу же подминает под себя весь ход следствия! Узнав, что Каплан сейчас привезут на Лубянку, он немедленно выезжает туда. Прихватив все того же Аванесова и еще двоих «своих» людей, наркома юстиции Курского и наркома внутренних дел Петровского. Руководителей двух правоохранительных структур — как бы в противовес ВЧК. Чтобы «проверить, как ведется расследование». Но «проверяющие» оказываются на Лубянке даже раньше Каплан, и первые ее допросы Свердлов поручает Курскому и Петровскому. Потом подключает и члена коллегии наркомата юстиции Козловского.

Кстати, а почему не было Дзержинского? Почему он оставался в Петрограде? Неужели расследование убийства второстепенного деятеля Урицкого (да ведь и стрелявший был сразу же пойман!) являлось важнее покушения на Ленина? Нет, Феликса Эдмундовича «придержали» там. Заверили, что в Москве и без него справятся и распорядились продолжать дела в Питере. Кто распорядился? Кто мог приказать начальнику ВЧК? Совнарком. Во главе со Свердловым. Получается, Дзержинского устранили от расследования. И оставили вне Москвы еще одного из «боевых» членов ЦК.

Зато 31 августа Свердлов вводит для участия в деле еще двоих сотрудников. Один — Виктор Кингисепп, член коллегии ВЧК, но при этом член ВЦИК, следователь по особым делам Верховного Ревтрибунала ВЦИК. Креатура полностью «свердловская». А в помощники ему выделяется… Янкель Юровский! Цареубийца, которого Яков Михайлович за успешное выполнение прошлого задания перевел в Москву и устроил следователем Ревтрибунала и ВЧК. Тут уж поневоле призадумаешься. Если Свердлов подключает столь доверенное лицо, допущенное к самым сокровенным его тайнам, одного этого хватило бы для подозрений, что дело нечисто.

И Каплан, которая у Петерса «отказывалась давать какие-либо показания», а у Козловского «говорила несвязно», как раз у свердловских следователей признает именно то, что требовалось. Очень непонятно выглядит и история с револьвером. Три дня его не было, и никто не знал, где он. 1 сентября «Известия ВЦИК» помещают объявление:

«От ВЧК. Чрезвычайной комиссией не обнаружен револьвер, из коего были произведены выстрелы в тов. Ленина. Комиссия просит лиц, коим известно что-либо о нахождении револьвера. Немедленно сообщить о том комиссии».

И 2 сентября рабочий фабрики им. Савельева А. В. Кузнецов приносит револьвер. Приносит Кингисеппу. Хотя показания разных свидетелей друг с другом совершенно не стыкуются. Гиль утверждал, будто стрелявшая кинула браунинг ему под ноги. Но куда же он исчез? И появляется свидетельство красноармейца Сафронова, одного из тех, кто помогал сажать Ленина в автомобиль. Что он, мол, увидев в двух шагах от лежащего Ильича револьвер, подтолкнул его ногой под машину. Да-а, странноватая реакция — увидев револьвер, пинать его ногой. Вот вам, например, увидев на улице «шпалер», пришло бы на ум футболить его?

А Кузнецов, принесший оружие, дает такие показания. Он, дескать, сперва протискивался через толпу. «И увидел такую картину: товарищ Ленин уже лежал на земле и около него — браунинг… При виде этой картины я сильно взволновался; поднявши браунинг, я бросился преследовать ту женщину, которая совершила преступление…»

То есть как — «поднявши»? Под машину за ним полез? Или — какой же револьвер футболил Сафронов? И какую женщину бросился преследовать Кузнецов, если никакой женщины не видел, он в толпе протискивался? И попал к Ленину, когда уже толпа разбежалась. А среди преследователей, задержавших Каплан, его не было… Но эти неутыки следствие почему-то не смущают. Все подшивается в дело. А многочисленные сотрудники, наперекрест друг с другом ведущие расследование, только 2 сентября узнают, что револьвер — марки браунинг, № 150487, и что из него сделано три выстрела.

В тот же день, 2 сентября, Кингисепп и Юровский на машине Гиля приезжают на завод Михельсона и вместе с председателем завкома Ивановым и членом партии Сидоровым проводят «следственный эксперимент». Ставят во дворе автомобиль, «как было», расставляют людей — вместо Ленина, вместо Каплан, Поповой. А Юровский все это фотографирует в разных ракурсах (он же профессиональный фотограф). Смещает действующих лиц туда, сюда. Происходит, собственно, не эксперимент, а моделирование Юровским картины покушения, приглаживание неувязок — где должна была стоять Каплан, откуда и как должны были производиться выстрелы. И появляются серия снимков — фальсификат происшествия. С надписями «Каплан стреляет», «Совершено покушение» и т. п. Отсюда и противоречивость в показаниях Гиля. Он их переписывал и, судя по всему, несколько раз. Когда уже знал, что револьвер — браунинг, что стреляла — женщина, что она — Каплан.

После чего Каплан неожиданно переводят с Лубянки… в Кремль. Под совершенно фантастическим предлогом — как бы сообщники не напали и не освободили. Куда напасть? На здание ВЧК?! Нет, переводят. В Кремле — последние допросы, последние показания обвиняемой. Причем самые полные, самые исчерпывающие показания. И 3 сентября в 16 часов ее быстренько расстреливают. Для сравнения — Канегиссера держали и допрашивали целый год, пытаясь вызнать предполагаемых сообщников. И лишь тогда вынуждены были признать, что он действовал в одиночку, и казнили. Но и смерть Каплан выглядит совсем необычно. Аванесов вызывает Малькова и предъявляет постановление. По одной версии — ВЧК, по другой — ВЦИК. «Приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову». Самому коменданту! Так сказать, должностному лицу «генеральского» уровня! Зачем тогда нужно было везти Каплан в Кремль? На Лубянке своих «расстрельщиков» хватало.

После Аванесова Мальков имел разговор и со Свердловым. И был поднят вопрос, как быть с трупом. Яков Михайлович дает еще одно загадочное указание. Труп — сжечь. Мальков берет нескольких латышей из охраны и в 16 часов собственноручно пристреливает Каплан в кремлевском гараже. А вечером тело жгут в Александровском саду. И жгут опять два крайне доверенных человека. П. Д. Мальков и… «пролетарский поэт» Демьян Бедный (вот и шут пригодился). Вдвоем. Трудятся, запихивая худое, угловатое тело в железную бочку, заливают бензином, палят… Возможно, сперва расчленяют… Конечно, вряд ли сожгли полностью. Это не такое уж простое и быстрое дело, труп сжечь. Но куда девалась потом обгорелая бочка с жутким содержимым, история вообще умалчивает.

И объяснить такие странности очень трудно. Может быть, Каплан гарантировали жизнь в обмен на признание? А в качестве «гарантии» перевезли в Кремль. Или в Кремле показали ее Гилю, который сказал — не она? Или в ее показаниях проскользнула опасная для кого-то информация? И требовалось, чтобы эта информация умерла вместе с ней? Если даже что-то скажет перед смертью, чтобы не вышла за пределы узкого круга лиц? Или просто, добившись признаний и навесив на нее всю вину, требовалось от нее избавиться побыстрее. Закрыть дело, да так, чтобы и Дзержинский, вернувшись в Москву, возобновить не смог. И чтобы эксгумация была невозможна. Чтобы стало невозможным так и не проведенное опознание Каплан свидетелями теракта. Или — свидетелями каких-то ее прежних контактов и встреч?

Мое мнение — что она случайно попалась под руку и оказалась самой подходящей кандидатурой в террористки. После чего ее то ли дожали и вынудили, то ли какими-то посулами упросили взять на себя вину, то ли подделали протоколы. Хотя, не спорю, нельзя

стопроцентно исключать и ее действительной причастности к покушению. Если так, то заказчика она не выдала. В любом из этих случаев она была обречена и должна была умереть. Но обратим внимание на «почерк». Когда говорят об убийцах, их часто характеризует специфический «почерк» преступлений. А при устранении Каплан уже явно прослеживается «почерк» Свердлова. В июле, при жертвоприношении царской семьи, важное место занимал вопрос об уничтожении трупов. И решался путем их сожжения. В сентябре Яков Михайлович хватается за этот же, знакомый ему вариант и требует полного уничтожения тела путем сожжения.

Хотя, может быть, и сожжение трупа Каплан требовалось ему для каких-то магических ритуалов?

27. «Красный террор»

Террор начал гулять по России задолго до Октябрьской революции. Еще с Февраля — в виде солдатских и матросских самосудов, деревенских погромов помещиков и «мироедов». А к осени 1918 года он принял весьма значительные масштабы. Комиссарам, направляющимся для формирования воинских частей или выполнения иных важных задач, выдавались мандаты с правами расстрела. Страшная жестокость царила на фронтах гражданской войны и при подавлении восстаний — в Ярославле, Рыбинске, Муроме, на Кубани. Да и в тылу советские органы не останавливались перед физическим уничтожением неугодных.

В этом смысле особенно «отличался» начальник Питерской ЧК Урицкий (по некоторым данным, число его жертв достигало 5 тысяч человек). Еще без всяких «красных терроров» выделялась зверствами «вотчина» Свердлова, Урал, где те же самые цареубийцы, бандиты из бывших боевиков, став властью, убивали направо и налево, то за «нелояльность», а то и просто с целью грабежа. Особенно свирепствовали подручные Шаи Голощекина и Пинхуса Войкова в отношении священнослужителей. Епископ Пермский Андроник был зарыт живьем, епископ Феофан, викарий Соликамский, после истязаний утоплен в Каме, епископ Тобольский и Сибирский Гермоген после пыток утоплен в Туре… Только в Екатеринбургской епархии было уничтожено свыше 300 священников и диаконов.

И все же террор весны-лета 1918 г. еще не был доведен до своего кровавого абсолюта. Во-первых, по «содержанию» — он подразумевался или как кара за какую-то вину (действительную или мнимую), или осуществлялся исподтишка, тайно. Например, жертвы уральского Совдепа просто исчезали. Их убивали втихаря, а тела топили в болотах, чтоб «концы в воду». Во-вторых, по «форме». Расправы чаще всего являлись «самодеятельностью» на местах. Правом смертной казни пользовались командиры, комиссары, Совдепы разных рангов — у кого сила есть. Но и проявления террора, его масштабы зависели от облика этих конкретных командиров, комиссаров, Советов. По сути инициатива исходила «снизу». И в одних районах лилась кровь, в других было спокойнее.

Однако Яков Михайлович Свердлов умел оценивать вещи «многосторонне». Использовать весь комплекс прямых и побочных возможностей, которые открывает то или иное событие. Помните? Борьба с бандитизмом — повод разгромить анархистов. Восстания учредиловцев — повод изгнать из ВЦИК меньшевиков с эсерами… А покушение на Ленина дало отличный предлог, для развязывания террора уже не «снизу», а «сверху». Шаги в данном направлении Свердлов предпринимал и прежде, породив Ревтрибунал ВЦИК и легализовав смертную казнь. Но Трибунал — масштабы не те. Многих ли уничтожишь по суду, даже и упрощенному, с процессуальными формальностями?

Уже 30 августа в обращении по поводу выстрелов на заводе Михельсона Свердлов объявляет: «На покушения, направленные против вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит массовым террором против врагов революции».

2 сентября ВЦИК рассматривает вопрос о «красном терроре». Точнее… никакой ВЦИК даже и по этому поводу не собирался. Яков Михайлович придумал и применял очень удобную

формулу — дескать, ВЦИК «в лице президиума» рассмотрел и постановил. То есть заседал-то не ВЦИК, а только президиум, но составляются протоколы заседания не президиума, а ВЦИК. И пишутся постановления не президиума, а ВЦИК. Это примерно то же самое, как если бы нынче собирались спикер Государственной Думы с вице-спикерами и принимали законы. От лица всей Думы. А по поводу «красного террора» ВЦИК постановил: «…Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать… Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря… Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах. Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах…»

Это — Свердлов! Это его «почерк»! Заметьте — опять повышенное внимание к «вопросу о трупах». Обостренное, болезненное внимание. Впрочем, и остальные пункты весьма многозначительны. Террор уже не отдается на откуп местной «самодеятельности». Он насаждается. Целенаправленно, организованно, повсеместно. Яков Михайлович требует личного присутствия при экзекуциях «ответственных товарищей». Чтобы повязать их кровью. Если ты еще не убийца — стань убийцей! Все «ответственные товарищи» ВЧК и ЧК должны сами, лично и непосредственно, быть убийцами. Свердлов своим постановлением не просто дает «зеленый свет» палачам, а делает из людей палачей, приучает их к этому занятию. Чтобы разбудить в человеке «зверя», сломать все моральные преграды в душе, выпустив наружу страшное и низменное. Приохотить к садизму (то же самое, кстати, будет впоследствии делать Гейдрих, проводя своих «ответственных работников» через зондеркоманды). Заметим также и пункт о концлагерях. Это первый официальный документ о создании концлагерей в Советской России. Таким образом, и родоначальником ГУЛАГа являлся не кто иной как Яков Михайлович Свердлов.

5 сентября постановление о «красном терроре» принимает и Совнарком. «Предписывается всем Советам немедленно произвести аресты правых эсеров, представителей крупной буржуазии и офицерства… Подлежат расстрел у все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам… Нам необходимо не медленно, раз и навсегда, очистить наш тыл от белогвардейской сволочи… Ни малейшего промедления при применении массового террора… Не око за око, а тысячу глаз за один. Тысячу жизней буржуазии за жизнь вождя! Да здравствует красный террор!» Списки казненных требовалось публиковать и вывешивать — чтоб боялись, чтоб кровь стыла в жилах. А для более решительного проведения террора предписывалось «укрепить» органы ЧК — направляя туда «ответственных товарищей» со стороны, из советских и партийных структур. Не лишне сопоставить с тем, что было сказано выше. Не только чекистских, но и партийных, советских «ответственных товарищей» тоже надо искупать в крови!

Подписали декрет два ставленника Свердлова — нарком юстиции Курский и нарком внутренних дел Петровский. Сам Яков Михайлович не подписал. Неудобно было при живом Ленине именоваться «председателем», а быть «и. о.» или «за председателя» его никто не уполномочивал несмотря на утверждения о «сговоренности». Но реально руководил Совнаркомом при принятии этого решения Свердлов. И на заседании 5 сентября председательствовал он. А во исполнение постановлений ВЦИК и Совнаркома Петровский издал «Приказ о заложниках»: «Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безусловный массовый расстрел». «Направить все усилия к безусловному расстрелу всех, замешанных в белогвардейской работе»

И понеслось! По всей стране! Города «прочесывались» облавами. По улицам, по общественным местам, ночами — по квартирам жилых домов. Набирали заложников. Хотя этот термин в данном случае весьма некорректен. Вопрос о жизни заложника связывается с условиями, предъявленными противникам: будете вести себя так-то — убьем. По

постановлению о «красном терроре» хватали просто по «социальному» признаку. Производили приблизительную сортировку — этих выпустить, этих в камеру, а этих — сразу на расстрел. А то и без сортировки на расстрел. Без каких-либо условий, без ожидания действий противников.

В одной лишь Москве за несколько дней было уничтожено не менее 500–600 человек. А скорее — тысяча. Ведь именно эта цифра указывалась в постановлении Совнаркома. Обреченных раздевали до нижнего белья, в таком виде сажали в грузовики и везли на Ходынское поле. Для казней специально выделялись подразделения красноармейцев, косившие жертвы залпами винтовок. При первых экзекуциях даже играл военный оркестр! Но для некоторых палачей убийство становилось и развлечением. Так, в Серебряном бору устраивались охоты на людей. Их по одному спускали с грузовика и приказывали бежать, настигая пулями. Фанни Каплан, также подведенная задним числом под декрет о «красном терроре», попала по алфавиту только в шестой список — каждый на 100 человек.

А «вопрос о трупах» сперва был решен таким образом, что тела расстрелянных развозили по моргам больниц и анатомическим театрам. При этом московским врачам и научным работникам было предложено в любом количестве брать трупы для исследовательских работ, анатомирования, препарирования. Вон, мол, какой богатый выбор — и мужчины, и женщины, разных возрастов, многие были совершенно здоровыми. Берите, налетайте! Это тоже, кстати, повторится в Третьем рейхе, где профессор Страсбургского университета Хирт воспользуется столь благоприятной возможностью и начнет собирать коллекцию черепов, скелетов и заспиртованных трупов представителей разных рас и народов. Но из русских врачей в 1918 г. не согласился никто. Да и морги больниц вскоре оказались переполнены. И тела начали просто закапывать за городом где попало.

В Петроград свердловский Совнарком спустил разнарядку на 500 человек, которые должны быть расстреляны. Но преемник Урицкого на посту председателя питерской ЧК Глеб Бокий проявил себя достойным учеником покойного шефа и выдвиженцем Якова Михайловича. Он значительно перевыполнил план и казнил 1300 — из них 900 в Петрограде и 400 в Кронштадте. Часть приговоренных погрузили в две баржи и затопили, трупы потом выбрасывало в Финляндии, многие были связаны колючей проволокой по 2–3 человека вместе.

Разумеется, не случайно и в Москве, и в Питере первый удар пришелся по священнослужителям. В самых первых партиях жертв приняли мученическую смерть выдающийся деятель Православной Церкви протоиерей о. Иоанн (Восторгов), епископ Ефрем, еще целый ряд священников и монахов.

В рамках развернутой кампании террор покатился и по другим городам, хотя и в меньших масштабах. Причем дело теперь было поставлено централизованно, со свердловской четкостью и привычкой к организации. Москва требовала докладов о ходе террора — и эти доклады становились не менее важными, чем фронтовые сводки. Из Нижнего Новгорода доносили, что там расстрелян 41 человек, из Смоленска — 38. В Пошехонской губернии был уничтожен 31, в Ярославле — 38, а в Перми — 50, в Иваново-Вознесенске — 184, в Воронеже даже сосчитать не потрудились, сообщили, что «много расстрелянных».

Но «красный террор» отнюдь не ограничивался едино-разовой кампанией! Она была только началом, стартом сатанинского кошмара. Зиновьев в середине сентября, явившись на заседание Петроградской ЧК, изложил свой «пакет предложений»: вооружить рабочих и предоставить им право самосуда. Пусть, мол, руководствуются «классовым чутьем» и убивают «контру» прямо на улицах, вообще без каких-либо формальностей. И Свердлову его идеи в принципе понравились. Хотя вооружать рабочих все же не стали. Остереглись. Поскольку у большинства рабочих такая власть уже в печенках сидела.

Пришлось действовать силами только верных слуг режима. Но и террор продолжился, превращаясь в постоянное, «обыденное» явление. И в неотъемлемую часть государственной политики. Инициативу Свердлова горячо подхватил Троцкий. Он заявлял, что «устрашение

является могущественным средством политики, и надо быть ханжой, чтобы этого не понимать». И создал собственные карательные органы, Революционные Военные трибуналы. Независимые от ЧК и свердловских Ревтрибуналов. Радек требовал, чтобы казни были публичными — тогда они, дескать, окажут более сильное воздействие. А член коллегии ВЧК Лацис (Судрабс) писал: «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для эксплуатации низших классов». Он стал одним из главных теоретиков террора и рассуждал в «Известиях» о новых законах войны, отметающих все прежние правила и конвенции: «Все это только смешно. Вырезать всех раненых в боях против тебя — вот закон гражданской войны».

Впрочем, и «своих» не щадили. Строительство и укрепление армии Троцкий вел драконовскими мерами. Когда красные войска бросили Казань, а белогвардейцы с чехами вслед за ними двинулись к Свияжску, туда прибыл Лев Давидович и останавливал отступавшие части. Приговорил к смерти 27 ответственных работников, бежавших от чехов, а простых красноармейцев, по свидетельству Ларисы Рейснер, «расстреливали, как собак». Троцкий ввел «децимации» — выстраивал отступившие полки, приказывал рассчитаться по порядку номеров, и каждого десятого казнили. Случалось подобное и в других местах. Так, на Северном фронте однажды расстреляли целый полк, отказавшийся идти в атаку.

Но расправы над «своими» были, конечно, побочным явлением. Это отлаживались «инструменты», оказавшиеся разболтанными и негодными для достижения задач троцких и свердловых. А главная направленность жуткой политики террора была другой. Лацис поучал в газете «Красный террор»: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Простите, но уж какая буржуазия могла остаться в Советской России к осени 1918 года?! Те, кто и впрямь имел капиталы, перебрались за границу еще в 1917-м, до Октябрьской революции, спасаясь от развала и надвигающегося хаоса. После революции многие выехали через Финляндию, пока она еще не отделилась. Эмигрировали и позже — на Украину, а оттуда в Германию. Поскольку выезд в германскую зону оккупации был довольно свободным.

Остались те, кому бежать было некуда и не на что. Не буржуазия, а интеллигенция. Чиновники, студенты, учителя, врачи, гимназисты, инженеры, техники, юристы, журналисты. И офицеры. А офицеры военного времени — это была та же интеллигенция, призванная из запаса. Так что и «красный террор» стал по своей сути целенаправленным истреблением интеллигенции. Той самой, что некогда горячо поддерживала либералов, зачитывалась речами думских оппозиционеров, освистывала царизм, искренне сочувствовала и помогала революционерам, а Февраль встретила восторгами, криками о «свободе» и алыми бантами…

С точки зрения «нормальной» политики очередное преступление Свердлова опять было иррационально. Интеллигенция была оппозиционна коммунистам, но практически безвредна. Протесты и «заговоры» не шли дальше кухонной болтовни. Если один юнкер Канегиссер решился взять револьвер и пустить пулю в Урицкого, то сколько тысяч… нет, сотен тысяч юнкеров, офицеров, чиновников даже не помыслили о такой возможности! На Дон, на Украину, Кубань, в Сибирь для борьбы с Советской властью ехали единицы. Даже в те периоды, когда путь туда был относительно безопасен. Белые армии были ничтожны по численности — они уже позже стали разрастаться за счет недовольных коммунистами крестьян, рабочих, казаков. А львиная доля офицерства так и осталась сидеть по домам, не желая вступать в «братоубийственную войну». Надеясь, что она обойдет их стороной.

Но «красный террор» обрушился именно на этих офицеров, а не на тех, кто сражался у Деникина или Каппеля. Мало того, офицерам и интеллигенции нужно было чем-то

прокормиться, содержать семьи. А при советской системе пайков это можно было сделать лишь работая на новую власть. И они шли служить и работать. Волей и неволей несли большевикам свой опыт, знания, умение. То самое, чего так не хватало революционерам, умеющим лишь разрушать, а не строить… И бесценный интеллектуальный потенциал отправляется на убой! Вплоть до нередких случаев, когда офицер шел «военспецом» в Красную Армию, погибал за Советскую власть, а в это время в тылу его родных и близких ставили к стенке в качестве «буржуев»…

И все же «красный террор» не был абсолютно бесцельной импровизацией Свердлова. Нет, смысл имелся. Глубокий и уже однажды опробованный. В Галиции. Когда в 1914 г. наши войска, гоня австрийцев, заняли Западную Украину, то они нашли там очень дружественное население. Все крестьяне Львовщины называли себя русинами, подавляющее большинство было православным. И, как удивленно отмечали офицеры, их язык был ближе к великорусскому, чем в Поднепровье (что легко объяснимо — в Поднепровье шло смешение жителей Киевской Руси с тюркскими народами). Но в 1915 г. русским пришлось отступить из Галиции. И на нее обрушились карательные акции. Целенаправленно, по планам австрийских геополитиков, было истреблено или изгнано православное духовенство, а почти всю интеллигенцию или казнили, или отправили в концлагель Телергоф, откуда не возвращались. Их место заняли униатские священники и учителя из подготовленных в Вене националистов (их называли «мазепинцами»). Результат известен. Русины сохранились только в Карпатах, в горных районах. А жители равнины превратились в «западэньцев» с другим языком, другой верой — и в ярых врагов России.

Цель «красного террора» была аналогичной. Уничтожь духовенство и интеллектуальную прослойку народа — и ты уничтожишь его культурную традицию. И то, что останется, можно будет «переучить», сделать совершенно другим народом. Была и вторая цель. «Перекрестить» русских, искупав в крови соотечественников. Сделать убийцами как можно больше русских людей, чтобы они преступили все заповеди Христовы и превратились таким образом в верных слуг нечистого.

Это удалось не полностью. Впоследствии в масонской литературе настойчиво внедрялась мысль, что «красный террор» — проявление национального русского варварства и жестокости. Что является грубой подтасовкой. Свердлов, Троцкий и иже с ними к русскому народу не имели никакого отношения. И даже с рядовыми исполнителями часто не ладилось. В Москве красноармейцы, используемые для расстрелов, быстро начали «сдавать», роптали, возмущались, усилилось дезертирство. И вместо них стали привлекать китайцев с латышами. То же самое относится к расправам на Юге. Разведсводка 1-го Добровольческого корпуса Кутепова сообщала, что русские красноармейцы отказывались участвовать в массовых расстрелах, несмотря на выдачу водки и разрешение поживиться одеждой казненных. Разбегались, бунтовали. Поэтому для таких акций привлекались части из латышей и китайцев.

Но, конечно, находились и русские изверги. В семье не без урода. Такие, как Белобородов, Ермаков и прочая шваль из уральской шайки. Интересный пример приводит в своих воспоминаниях писательница Тэффи — в Унече, где располагался пограничный контрольно-пропускной пункт, на весь город наводила ужас комиссарша, ходившая с двумя револьверами и шашкой и «фильтровавшая» выезжающих беженцев, решая, кого пропустить, а кого расстрелять. Причем слыла честной и идейной, взяток не брала, а вещи убитых брезгливо уступала подчиненным. Но приговоры приводила в исполнение сама. И Тэффи вдруг узнала в ней деревенскую бабу-судомойку, некогда тихую и забитую, но выделявшуюся одной странностью — она всегда вызывалась помогать повару резать цыплят. «Никто не просил — своей охотой шла, никогда не пропускала».

Да, вот таких теперь выдвигала система Свердлова. Давала им власть над жизнями, делала высокопоставленными сотрудниками ЧК и других советских органов. И система

«красного террора» с такими кадрами заработала с методичностью конвейера. Вот как действовала, согласно бюллетеню левых эсеров, машина смерти в Москве.

«Теперь ведут сначала в № 11, а из него в № 7 по Варсонофьевскому переулку. Там вводят осужденных, 30–12–8 человек (как придется), на четвертый этаж. Есть специальная комната, где раздевают до нижнего белья, а потом… ведут вниз по лестнице. Раздетых ведут по снежному двору, в задний конец, к штабелям дров, и там убивают в затылок из нагана. Иногда стрельба неудачна. С одного выстрела человек падает, но не умирает. Тогда выпускают в него ряд пуль; наступая на лежащего, бьют в упор в голову или в грудь… Р. Олехновскую, приговоренную к смерти за пустяковый поступок, который смешно карать даже тюрьмой, никак не могли убить. 7 пуль попало в нее, в голову и грудь. Тело трепетало. Тогда Кудрявцев (чрезвычайщик из прапорщиков, очень усердствовавший, недавно ставший коммунистом) взял ее за горло, разорвал кофточку и стал крутить и мять шейные позвонки. Девушке не было 19 лет. Снег на дворе весь красный и бурый. Все забрызгано кругом кровью. Устроили снеготаялку — было дров много… Снеготаялка дала жуткие кровавые ручьи. Ручей крови перелился через двор и потек на улицу, перетек в другие места. Спешно стали закрывать следы. Открыли какой-то люк и туда спускают этот темный, страшный снег, живую кровь только что живших людей».

Снова «держал уровень» Урал. В Перми и Кунгуре казнили группами по 30–60 человек, их рубили шашками. На Мотовилихинском заводе расстреляли 100 оппозиционных рабочих. Как доносил британский представитель Эльстон лорду Бальфуру, белые отряды, занимая уральские города, всюду находили сотни зверски убитых. «Офицерам, захваченным тут большевиками, эполеты прибивались гвоздями к плечам; молодые девушки насиловались; штатские были найдены с выколотыми глазами, другие — без носов…». Всего по английским данным в Пермской губернии было уничтожено не менее 2 тысяч человек. Как видим, за рубежом прекрасно знали обо всех ужасах. Но — никаких воплей «общественности»! В отличие от случая с женами высокопоставленных большевиков.

Во вполне мирных подмосковных Бронницах, где никаких заговоров отродясь не было и куда никакой фронт никогда не приближался, исполком местного Совета вел «террор» по собственному разумению, совершенно произвольно. Член исполкома останавливал на улице человека, по каким-то причинам обратившего на себя его внимание, брал двоих конвойных, вел во двор манежа и убивал. В Рыбинске зверствовала комиссарша «товарищ Зина», в Пензе — Евгения Бош.

В Пятигорске руководил «красным террором» начальник Северокавказской ЧК Атарбеков. 160 заложников, мужчин и женщин, в том числе генералов Рузского (одного из главных участников заговора по отречению царя) и Радко-Дмитриева, вывели на склон г. Машук, приказали снимать с себя все до исподнего, становиться на колени, вытягивая шеи, и рубили головы. Участвовал и сам Атарбеков, отрезавший людям головы кинжалом.

В Ессентуках особыми зверствами прославился «женский карательный отряд каторжанки Маруси». В ставропольском селе Безопасном была тюрьма, куда свозили задержанных из окрестностей, а «суд» местного коменданта Трунова сводился к двум фразам: «покажь руки!», и если руки изобличали представителя интеллигенции — без мозолей, с тонкими пальцами (или человек по другим причинам ему не нравился), следовала команда «раздеть»! С обреченного срывали одежду, кололи штыками и выбрасывали в скотомогильники. Причем таким же способом Трунов, напившись, приказал убить собственную жену. А неподалеку, в селе Петровском, каратели устроили массовые расстрелы «буржуев» на обрывистом берегу реки Калаус, после чего туда же привели учениц местной гимназии и велели раздеваться. Но убивать не стали, а просто насладились их страхом ожидания смерти и перенасиловали.

В некоторых местах приговоренных раздевали не до белья, а догола. Поглумиться, доставить жертвам дополнительные страдания. А себе — извращенное «удовольствие». И такая практика понравилась, постепенно стала общепринятой. Ей и официальное оправдание нашли — не пропадать же вещам? Если верхняя одежда казненных разбиралась палачами или

шла в специальные распределители (большие склады существовали, например, при Моссовете), то белье стали собирать для передачи в военное ведомство — для красноармейцев.

В Саратове за городом у Монастырской слободки был целый овраг с грудами голых тел. Тут латыш Озолин со своими подручными уничтожил не менее полутора тысяч человек. Иногда это становилось формой «допроса» или просто надругательства. В ноябре двоих девушек привезли к страшному оврагу, приказали обнажиться и, поставив на край ямы, принялись «в последний раз» задавать вопросы об их близких. Бывало и так, что людей приводили на место расстрела, заставляли дожидаться своей очереди в раздевшейся партии обреченных, смотреть, как убивают других, а потом объявляли о помиловании. Факты изнасилований молодых женщин и девочек перед казнью зафиксированы повсеместно — в Питере, Вологде, Николаеве, Чернигове, Саратове, Астрахани. В Петрограде случайно арестованная французская коммунистка Одетта Кен описывает и «охоту» на женщин. Два десятка «контрреволюционерок» вывезли в поле и выпустили бежать обнаженными, «гарантируя тем, кто прибежит первыми, что они не будут расстреляны. Затем все они были перебиты».

А кроме «стационарных» боен действовали еще и разъездные. Специальные карательные поезда, колесившие по стране и «подтягивавшие» места, где террор, по мнению руководства, еще недостаточен. Одним таким поездом заведовал «свердловец» М. С. Кедров со своей супругой Ревеккой Майзель. На ответственном посту в Архангельске он проявил себя полным нулем, первым удрал, едва пошли слухи о приближении неприятельской эскадры. А в качестве карателя оказался вполне на своем месте. Его поезд выезжал то для «административно-оперативных», то для «военно-революционных» ревизий, сводившихся к кровопролитию. При наезде в Воронеж было расстреляно около тысячи человек, да еще взято «много заложников».

Особое пристрастие Кедров питал к детям, сотнями присылая с фронтов в Бутырки мальчиков и девочек 8–14 лет, которых объявил «шпионами». Устраивал и сам детские расстрелы в Вологде, Рыбинске. В Ярославле учинил кампанию по уничтожению гимназистов — их определяли по форменным фуражкам, а когда их перестали носить, вычисляли по прическе, осматривая волосы и выискивая рубчик от фуражки. А его жена лично проводила допросы в жилом вагоне, откуда доносились крики истязуемых. Потом она их собственноручно пристреливала тут же, на станции. И только в Вологде убила около 100 человек.

Историк и публицист С. П. Мельгунов вел свою картотеку жертв «красного террора», выписывая фамилии из официальных списков казненных, публиковавшихся в разных советских газетах. И за вторую половину 1918 года насчитал 50 тысяч человек. Точно так же, по опубликованным советским данным, эсеровская газета «Воля России» за январь — март 1919 г. насчитала 13 850 расстрелов. Хотя и Мельгунов, и эсеровские исследователи приводили доказательства, что эти списки всегда занижались. В них, например, редко включали женщин. Их сокращали во время особенно крупных кампаний. В них не включались расправы в прифронтовой полосе. Да и в глухой провинции обходились без каких-либо публикаций. В общем, если жизнь в Советской России и без того была несладкой, то развернутая Свердловым кампания превратила ее в полный ад…

28. Всемогущий регент

Рассматривая явление «красного террора», мы отвлеклись от сюжета повествования. Оставили Якова Михайловича во главе государства и партии, а Ленина — в кремлевской квартире, оправляющегося от ран. Они оказались не тяжелыми. По случайности, но не тяжелыми — пули прошли в нескольких миллиметрах от жизненно важных органов. Ему, собственно, даже больше навредила глупость Гиля, из-за которого он больше часа оставался без элементарной перевязки и потерял много крови. Но осложнений и заражения, чего боялись врачи, не возникло. Кровоизлияние в области плевры рассасывалось. Ленин довольно быстро приходил в себя.

А по России в это время начался не только «красный террор». Началась и бешеная кампания славословий в адрес Ильича. Газеты превозносят его, соревнуются в восхвалениях и придумывании эпитетов — «великий», «гениальный», «славный», «неутомимый», «самоотверженный», «дорогой учитель». По всей стране проводились митинги: в городах, районах, воинских частях, на заводах. Принимались и пересылались в Москву резолюции… Кто инициировал этот поток лести, проследить нетрудно. Начала его газета «Известия ВЦИК». Орган Свердлова.

Именно Яков Михайлович и как раз после покушения на Владимира Ильича принялся делать из него Вождя с большой буквы, раздувать культ Ленина, превращая его в «живое божество». По мановению руки Свердлова и его ближайших подручных центральные газеты густо поддавали курение фимиама, публиковали самые выразительные резолюции и письма, вызывая дальнейшее нарастание потока. По партийной и советской линии шли указания о проведении собраний с соответствующей тематикой. Регулярно, навязчиво рассылались по телеграфу официальные бюллетени о состоянии здоровья вождя — температура, пульс, дыхание. На митингах в Москве выступал и сам Свердлов, передавая ответы «от имени» Ленина.

Владимиру Ильичу, кстати, поднятая шумиха совсем не понравилась. Когда он начал вставать с постели, и ему разрешили читать газеты, он обратил внимание на волну славословий. Как сообщает его биографическая хроника, в середине сентября «Ленин беседует с управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем, высказывает отрицательное отношение к восхвалению его личности, нашедшее отражение в многочисленных письмах и телеграммах, присылаемых в Совнарком, а также в материалах, публикуемых в прессе; поручает Бонч-Бруевичу довести до сведения редакций газет и журналов о его желании прекратить публикацию подобных материалов».

Что ж, уровень газетной лести убавили. Но кампания не прекратилась. Свердлов в качестве главы Секретариата по прежнему подсовывает Ленину хвалебные письма и телеграммы, организует визиты к выздоравливающему различных делегаций. А когда Ленин немного окреп и стал совершать прогулки по Кремлю, Свердлов в Совнаркоме протаскивает предложение устроить киносъемку вождя, так сказать, «скрытой камерой». Владимир Ильич, заметив киношников, выразил крайнее неудовольствие, однако Бонч-Бруевич заверяет его, что это «совершенно необходимо». Дескать, народ жаждет его видеть.

Свердлов придумывает устроить и торжественное награждение Ленина. Портретом Карла Маркса работы питерского художника Лотарева. Но когда в кабинете Якова Михайловича обсуждался этот вопрос, неожиданно зашел сам Владимир Ильич. Догадался, о чем идет речь. Причем сразу понял и то, от кого исходит инициатива: «И конечно, все это предположено сделать по совету и с благословения Якова Михайловича… Яков, я очень признателен за ваше ко мне сердечное отношение, но убедительно прошу вас не создавать такого рода шумных почестей, не заслуженных мною, кстати и несвоевременных, торжественных встреч…»

Уже 17 сентября Ленин возвращается к работе и председательствует на заседании Совнаркома. 18 сентября он собственным решением прекращает публикации бюллетеней о своем здоровье. Но… происходит неожиданное. Свердлов проявляет чрезвычайную заботу о его здоровье! Общается с врачами. Получает заключение — мол, больному надо еще лечиться. Поднимает вопрос в ЦК: Ильич не бережет себя, а мы должны его беречь. И ЦК принимает решение — Ленину отдыхать и лечиться.

А вождь в данном отношении был человеком дисциплинированным. Сам ведь других учил, раз ЦК решил — подчинись. Он отправляется со своими близкими на дачу в Болшево. Но нет, Болшево Якова Михайловича не удовлетворяет, слишком близко и легко доступно. И под разными предлогами Ленина переводят на другую дачу, в Корзинкино. Хотя и это Свердлову не нравится, это лишь временный вариант. Как вспоминала Новгородцева, он «поручил Малькову объездить Подмосковье и найти подходящее помещение» — удобное и достаточно

изолированное. Чтоб, значит, посторонние не мешали. Мальков исколесил все окрестности, и из различных вариантов Яков Михайлович выбрал Горки, усадьбу московского градоначальника Рейнбота. В 30 км от столицы, в стороне от железной дороги. То что надо…

Врач Розанов описал последнюю консультацию: «Владимир Ильич выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца — полная норма…» И 25 сентября вождь переезжает в Горки. С женой и охраной. Из 16 телохранителей — только двое русских. Остальные — латыши и евреи. Братья Дунц, Цируль, Интэ, Звирбул, Звейгзнэ, Пизан, Сталкис, Роберт и Арвид Габалины, Рубашевский, Эрдман, Хейфиц, Озолин, Слесарев, Чебанов. Охранников персонально отбирал Петерс. А его, что стоит отметить, во время следствия по делу Каплан Свердлов сумел подчинить полностью. Отныне Петерс стал «его» человеком. Как и Лацис и еще несколько высокопоставленных сотрудников ЧК. И подобранная охрана подчинялась не Ленину, а только Петерсу и Свердлову. Получив исчерпывающие инструкции не отходить ни на шаг от вождя, выполнять его поручения по хозяйству, но допуск посторонних или выезд — ни-ни.

Словом, Яков Михайлович сделал то же самое, что в 1996 году сделает Чубайс. «Приватизировал» главу государства. Замкнув все контакты с ним на себя и став «регентом», управляющим от имени вождя. Новгородцева пишет: «Яков Михайлович сам следил, чтобы в Горках было все нужное… часто он ездил в Горки. А то посылал Ильичу коротенькие записки, информируя его по важнейшим вопросам, пересылал наиболее важные документы». Ясное дело, о чем и как информировать Ленина, в каком направлении ему «работать с документами», решал Свердлов.

Он же по-прежнему остался единым руководителем Совнаркома, ЦК и ВЦИК. Но заседания Совнаркома при нем стали «короткими». Если при Ленине шло детальное обсуждение, коллегиальное решение вопросов, то Яков Михайлович, как вспоминала Фотиева, этот стиль изменил. Он со своими персональными талантами и работоспособностью очень быстро знакомился с делами, документами, мгновенно ухватывал суть и в большинстве случаев тут же накладывал единоличные резолюции. От имени Совнаркома. То есть ввел те же методы, какими и раньше пользовался во ВЦИК. Между прочим, большинству членов Совнаркома и техническому персоналу это очень понравилось. Времени тратится меньше, бумаги не накапливаются. На заседания теперь выносились только отдельные проблемы, да и по ним у Якова Михайловича уже всегда имелись заготовленные решения. А если требовалось дать указания высокопоставленному лицу, вроде Троцкого, следовал звонок или поездка в Горки, и распоряжение уходило за двумя подписями — Ленин, Свердлов.

«Регентство» стало тем более успешным, что в сентябре обстановка на фронтах резко изменилась в пользу большевиков. Меры по строительству армии, укреплению дисциплины, привлечению «военспецов» быстро дали свои плоды. Красные перешли в контрнаступление на Юге. Потеснили казаков на Дону, отбили у деникинцев Армавир, Ставрополь, разгромили терских повстанцев и овладели Грозным.

А на Востоке победам способствовала полная политическая инфантильность и беспомощность «учредиловцев». Они, в общем-то, достаточно полно продемонстрировали, могло ли стать «выходом» для России Учредительное Собрание. Здешние «демократы» не додумались ни до чего лучшего, кроме как реанимировать гибельный курс Керенского!

Троцкий расстрелами наводил в армии порядок — а в это же время самарские «учредиловцы» сами расшатывали и разваливали собственные жиденькие вооруженные силы. «Демократизировали» их, отменяли чинопочитание, снова вводили митинговщину и коллегиальное командование. Доходило до того, что командиры белых отрядов — Каппель, Стапанов, арестовывали правительственных комиссаров! Чтобы те не мешались, не разлагали части. Самарское, Екатеринбургское, Омское и Владивостокское «правительства» грызлись между собой. Не желали договариваться с казачеством, объявляя его «контрреволюционным» и отвергая всякие контакты.

Только 8 сентября 1918 г. при посредничестве московских политиков и иностранцев в Уфе собралось Государственное совещание для создания единой всероссийской власти. Здесь были представлены все «правительства», депутаты Учредительного Собрания, уцелевшие остатки политических партий, духовенство, казачество. И… покатилась говорильня. Правые обвиняли левых в развале России, левые правых — в «контрреволюции». Спорили, чье правительство законно, а чье нет. Ругались целый месяц! Пока все же договорились создать коллективную диктатуру — Директорию. Она была избрана в составе 5 членов — Н. И. Астрова, Н. Д. Авксентьева, П. В. Вологодского, Н. В. Чайковского, генерала Болдырева, и 5 заместителей — В. Д. Аргунова, В. В. Сапожникова, В. М. Зензинова, В. А. Виноградова и генерала М. В. Алексеева.

Но в этом виде Директория так и не сформировалась. Чайковский находился на Севере, возглавлял правительство в Архангельске. Астров пребывал на Юге, у Деникина. У Алексеева обострилась старая болезнь почек, и он умер. И развала создание Директории не прекратило. Он продолжался полным ходом. А большевики одерживали победу за победой. Выбили белых и чехословаков из Казани, взяли Уральск, Вольск, Симбирск, Хвалынск, Чистополь, Самару. Вскоре вся Волга и почти вся Кама были очищены от противника.

Победы, кстати, сопровождались новыми вспышками «красного террора». Захватив Казань, Троцкий устроил там жуткую резню. Людей расстреливали, топили. И всего через неделю советская печать сообщала: «Казань пуста. Ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Некого и расстрелять. Вынесено всего 6 смертных приговоров». В Армавире устроили побоище за то, что местные жители встречали деникинцев хлебом-солью. Горожан рубили, кололи штыками, разбивали головы прикладами. Более 300 человек попытались укрыться в персидском консульстве, но и их перебили вместе с консулом. Всего в ходе этой вакханалии погибло 1342 человека. В Ставрополе, захваченном Таманской армией Ковтюха, не пощадили даже «буржуйских» детей в больницах. В Ижевске и Воткинске сражались против большевиков восставшие рабочие. Ходили в атаки с «Варшавянкой», под красным знаменем. Дрались отчаянно, но под натиском превосходящих сил вынуждены были отступить. И были казнены их семьи — около 800 женщин, детей, стариков…

Резко изменилась и международная обстановка. Дело в том, что реализация плана по разрушению России на самом-то деле не дала Германии ничего хорошего. Разве что на время оттянула катастрофу. Возвращаемые эшелоны пленных были уже вояками сомнительного качества и заражены «революционностью». А для того, чтобы обеспечить поставки продовольствия и сырья с востока, приходилось держать там оккупационные силы. Но народ не смирился. Развернулось партизанское движение. В Белоруссии начал действовать отряд деда Талаша в Петриковском районе, знаменитые партизаны Дукорской пущи, Рудобельских лесов. По Украине загуляли Махно, Котовский и прочие «батьки». Да и «мирные» крестьяне отнюдь не спешили отдавать хлеб и скот по спущенным им разнарядкам. А при случае брали в руки топор или винтовку. И для того, чтобы удерживать занятые районы в повиновении, выкачивать поставки, немцам и австрийцам пришлось держать на востоке свыше 50 дивизий. Из них 33 германских. Это 15 с половиной корпусов!

И «дожать» Францию Германия не смогла, сражение «Второй Марны» проиграла. Армии Антанты перешли в контрнаступление, быстро вернули все территории, занятые немцами в ходе весенних и летних боев. А 16 сентября прорвали мощные укрепления «Линии Гинденбурга». Германские вооруженные силы потеряли лучшие кадры, выдохлись, надломились. Их стойкость резко снизилась. И 28 сентября соединения Антанты начали общее наступление, громя противника и оттесняя в глубь Германии.

Ухудшалось и положение Турции. Она еще вредила русским, помогала мусаватистам Азербайджана, покровительствовала татарскому правительству Крыма, поддерживала восстания в Чечне и Дагестане, засылала эмиссаров в Туркестан для активизации басмачей. Но турок уже теснили вовсю, англичане, французы и арабские повстанцы заняли Сирию,

продвинулись в Киликию, отхватив от Османской империи всю ее восточную часть. Началось наступление и на Салоникском фронте. И подтвердились прогнозы генерала Алексеева, предлагавшего наносить здесь главный удар. Стоило войскам Антанты прорвать фронт на Балканах и разгромить армию Болгарии, как эта страна рухнула. В ней началась революция, и 29 сентября Болгария капитулировала. Тотчас и предательница Румыния, перекинувшаяся на сторону немцев (за что получила российскую Бессарабию), метнулась обратно в лагерь Антанты. Под влиянием поражений и распада коалиции в самих Германии и Австро-Венгрии начались волнения, демонстрации, забастовки…

В столь благоприятной внешне— и внутриполитической ситуации Советская Республика оказалась под нераздельной властью Свердлова. И вырваться из-под его опеки Ленину долгонько не удавалось! Получив сведения о немецких событиях, он 1 октября писал Якову Михайловичу: «Дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам. А сегодня мы уже отстали. Надо собрать завтра соединенное собрание ЦИК, Московского Совета, Райсоветов, Профессиональных союзов и прочая и прочая. Сделать ряд докладов о начале революции в Германии. (Победа нашей тактики борьбы с германским империализмом. И т. д.)… Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II + Эберт и прочие мерзавцы…»

Молил: «Назначьте собрание в среду в 2 ч. Начнем в 4, мне дайте слово на 1/4 часа вступления, я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину (а по телефону скажите только согласны)…» Объединенное собрание состоялось не в среду, 2 октября, а в четверг, 3-го. И согласия приехать Ленин не получил. Он до позднего вечера просидел на обочине в ожидании машины — ее так и не прислали.

А в это же время начинают твориться странные дела. Через Ленина Свердлов удаляет Цюрупу. Дескать, вид больной, выглядит плохо. Его отправляют в отпуск на два месяца. А затем устраняется и Дзержинский! Собрание, которое Ленин просил назначить на 2-е перенеслось на 3-е по той причине, что 2-го проводилось другое мероприятие. Заседание ЦК. Где обсуждался вопрос о ВЧК. Что уж там говорилось, в каких тонах, неизвестно, протоколы очень немногословны. И решение было принято, вроде бы, округлое — подготовить новое положение о ВЧК. Но сразу после этого Дзержинский исчезает! Из России.

Официальная версия все та же — переутомление, усталость, плохо выглядит. И Свердлов настаивает на отпуске, пусть поедет к семье, оставшейся в Швейцарии. Однако существует и другая версия. Ее озвучил Серго Берия в книге «Мой отец — Лаврентий Берия» (М., «Современник», 1994). Якобы отец доверительно рассказывал ему, что Дзержинский сбежал. Не поставив в известность ни Ленина, никого из членов ЦК. Говорил — понимаешь, мол, сынок, в жизни всякое бывает, осенью 1918 г., когда белогвардейцы грозили и Советская власть на волоске висела, даже «Железный Феликс» не выдержал, допустил слабость. Но Ленин его простил, оставил без последствий…

Да ведь в октябре никакие белогвардейцы не грозили! Наоборот, на всех фронтах победы одерживались. Так от кого же бежал Дзержинский? Получается — только от Свердлова. Получается — без Ленина счел свое пребывание в Москве небезопасным… Хотя источник, сообщивший эту версию, вряд ли можно отнести к надежным. Тут и двойная передача — от Серго Лаврентьевича со ссылкой на Лаврентия Палыча. А сам Серго Лаврентьевич во втором варианте мемуаров, вышедшем во Франции, а потом изданном и у нас в переводе с французского («Мой отец — Берия. В коридорах сталинской власти», М., Олма-пресс, 2002) данную историю больше не вспоминает. Зато густо добавил откровенной лжи в угоду западным русофобам. Словом, доверяться его свидетельствам было бы чревато — «единожды солгав…»

Что ж, останемся при официальной версии. Но даже и в этом случае налицо нечто ненормальное. Свердлов обо всех заботится, здоровье товарищей бережет и — распихивает их кого куда. Ленина в Горки, Цюрупу в отпуск, Дзержинского в Швейцарию. А услав его в отпуск, Свердлов… начинает реорганизацию ЧК. Без Дзержинского! Создается комиссия в

составе Петерса и все тех же наркомов-свердловцев, Курского и Петровского. Какая именно проводилась реорганизация? «Усиление» органов ЧК массовыми вливаниями туда всяческих «инородцев», особенно латышей. Центральный аппарат ВЧК был доведен до 2 тысяч человек, из них 75 % — латыши. Как сообщал потом бюллетень левых эсеров, «в Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу» и служить поступают «целыми семьями».

В это же время отрабатывается «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях». Тоже без Дзержинского. Оно и утверждается во ВЦИК без него. Согласно этому положению ВЧК, как и прежде, подчинялась непосредственно Совнаркому. А для местных ЧК предусматривалось двойное подчинение. С одной стороны — ВЧК. С другой — они создавались Советами и получали права отделов исполкомов. Члены местных ЧК назначались и отзывались местными Советами, а их председатели избирались исполкомами. То есть, структуры местных ЧК через Советы и исполкомы подмял под себя Свердлов. Как раз в то время, когда осуществлялся плавный переход от одноразовой, «ленинской» кампании «красного террора», к постоянно действующей мясорубке.

Кстати, еще один факт. В сентябре, возглавив расследование убийства Урицкого, Дзержинский решил ускорить дело Локкарта. Захватил ряд британских, французских и американских представителей. Конечно, они были шпионами. Но точно так же, как другие иностранные представители, и их до поры до времени не трогали, отслеживая действия и внедряя агентов в их окружение. А в сентябре Дзержинский распорядился их взять. Если хотел выявить, не связаны ли они с Канегиссером и Каплан, то взял ложный след. Но… с этими представителями мог быть связан и сам Урицкий! Который, как уже отмечалось, тоже поддерживал какие-то контакты с зарубежными «силами неведомыми».

Не исключено, что этот фактор тоже сыграл свою роль при устранении «Железного Феликса» — замять и спрятать нежелательную информацию. Завершалось расследование по делу Локкарта без Дзержинского. Завершалось верным «свердловцем» Кингисеппом. И было передано в Верховный Ревтрибунал ВЦИК. Из 24 обвиняемых часть освободили, четверых приговорили к расстрелу, в том числе главу английской миссии Локкарта, французского генконсула Гренара и американского шпиона Каламатиано. Но никого не казнили. Последовало их мгновенное прошение во ВЦИК — и мгновенное решение ВЦИК о помиловании. Решение Якова Михайловича. Несомненно, такую процедуру подготовили заранее, ведь, например, адмирала Щасного расстреляли сразу же, в 24 часа.

Властвуя над страной, Свердлов наряду с Троцким и его заместителем Склянским участвует и в дальнейшем формировании вооруженных сил. Красуется, обтянутый черной кожей, принимая парады (только вот маленький рост мешает, из-за чего он порой выглядит комично). Участвует в мобилизациях «военспецов», дополняя это откровенными угрозами: «Специалистов у нас нет своих, поэтому мы решили брать специалистов из другого лагеря. Но, чтобы обезвредить себя от этих специалистов в смысле организации контрреволюции, мы обставляем их таким строгим контролем, что трудно им что-нибудь сделать. Если же все же и под этим оком они что-нибудь попытаются сделать, то мы прямо им заявляем, что они будут немедленно расстреляны и т. д.» На Украине ширится партизанское движение, и Свердлов проводит в Москве II съезд компартии Украины, берущий курс на подготовку широкого восстания…

Но Свердлов одновременно проворачивает и дела сомнительного свойства. Он продолжает запутывание и заметание следов по поводу убийства царя и его семьи. Так, в Перми было устроено судилище над левыми эсерами. По обвинению в убийстве Романовых и других узников дома Ипатьева! Среди обвиняемых были три члена Екатеринбургского совета. Судя по всему, их пытали, и один из них, Яхонтов, выступил с «признанием», что это он организовал убийство, сумел подчинить своей воле Уральский исполком и дал приказ о расправе. Яхонтов вместе с коллегами по Совету Грузиновым и Малютиным был приговорен к смертной казни. К ним приплюсовали двух женщин, левых эсерок Апраксину и Миронову —

видать, чтобы было с кем «побаловаться» перед расстрелом. И сразу же всех пятерых отправили на тот свет.

Хотя в это же время полпред в Берлине Иоффе завел переговоры об обмене императрицы Александры Федоровны на Карла Либкнехта. А Радек и Карахан в Москве морочили головы сотруднику германского посольства Ритцлеру и консулу Гаушильду, пытаясь выторговать «компенсации» за выезд императрицы и царевен в Германию. Звезда немцев явно закатывалась, предпринять что-либо они были уже не способны. И Свердлов, вероятно, потешался над ними.

Тем более грязно выглядит один из его внешнеполитических шагов. Уже говорилось, что согласно дополнению к Брестскому договору, советское руководство обязалось отправить в Германию 245 с лишним тонн золота. Золотой запас уплыл из рук большевиков, но за счет реквизиций, за счет выколачивания золота у «буржуев» и обирания жертв «красного террора» золото все же собиралось. И немцам было отправлено 93,5 тонны. Два «золотых эшелона». Солженицын, а за ним и другие авторы обрушиваются по данному поводу на Ленина. Хотя он приложил руку только к заключению договора — в обмен на германскую помощь против чехов и архангельских англичан. А вот к выполнению соглашения ни малейшего отношения иметь не мог! Оно было подписано 27 августа, а 30-го вождь выбыл из игры.

После чего и сами договоренности с Германией потеряли смысл, она уже затрещала по швам. И выше цитировалась записка Ленина: «Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II + Эберт и прочие мерзавцы…» Тем не менее, золото собирается, и два эшелона отправляются! Кто их послал? Это мог сделать только Свердлов. Зачем? Он же никогда не был связан с немцами и не принадлежал к «германской ориентации». Ответ напрашивается один. Сделал он это по указанию «сил неведомых». По той самой причине, что Германия на ладан дышала, и русское золото все равно должно было попасть в руки стран Антанты и западных банкиров. Как оно и случилось.

А контролировать действия регента Ленин не мог. Регент сам его контролировал. Решал, кому дать свидание с вождем, кому нет. Присылал секретаря международной социалистической комиссии Балабанову, комиссара 4-й армии Линде, делегатов съезда компартии Украины. Нетрудно отметить — малозначащих, второстепенных работников, которые и Ленина развлекут, и сами будут с квадратными глазами ходить от столь высокой чести. Но ни разу за время пребывания Владимира Ильича в Горках к нему не допускался ни один высокопоставленный руководитель партии и правительства. Только Свердлов.

Он делает все, чтобы подольше придержать там Ленина. По его указанию Мальков начинает ремонт в кремлевской квартире вождя (хотя ремонт там делался полгода назад — в марте, при переезде в Москву). Мальков вспоминал: «Он (Ленин) рвался к напряженной работе, в Кремль. Не раз говорил мне, что собирается возвращаться, но по совету Якова Михайловича, я всегда отвечал ему, что еще не закончен ремонт квартиры. Ленин стал подозревать, что ему говорят неправду. И вот как-то он задает мне вопрос, почему так долго ремонтируется его квартира (на самом деле она была уже отремонтирована). Выслушав «объяснение», Владимир Ильич усомнился в нем. После этого трудно было убеждать Ильича в затяжке ремонта. Удержать его в Горках на более длительный срок не удалось…»

18 октября Ленин вернулся в Москву. И к рычагам власти. А вскоре и Дзержинский возвратился… Период свердловского регентства продолжался почти два месяца! Почти два месяца страна и партия жили без Ленина, по манипуляциям его «правой руки». Причем Свердлов явно нацеливался на более фундаментальный перехват власти, устраняя из руководства «не своих» людей. Но и завершилось регентство вполне мирно, Владимир Ильич вернулся, и Якову Михайловичу пришлось уступить ему председательские места в Совнаркоме и ЦК.

Как же объяснить эти странности? Однозначного ответа нет. Можно выдвинуть несколько версий. Первая — что Свердлов в самом деле готовился избавиться от Ленина. Но не сумел этого сделать. Причины могут быть различными. Например, не нашел исполнителя (любой наемный убийца без труда понял бы, что он тоже обречен). Или не успел организовать. Или что-то сорвалось. Или «силы неведомые» запретили такую акцию по своим соображениям. Не исключено, что и сам Яков Михайлович отказался от замысла. Счел, что два покушения подряд — слишком подозрительно и опасно для него. Или понял, что другие члены ЦК не дадут ему захватить власть, и обладать ею он может только в прежнем варианте, из-за спины Ленина. Или не сошлись какие-нибудь его магические гадания?

Вторая версия — что Свердлов старался лишь на время убрать вождя. Пытался приучить партию и народ к своей роли преемника. Дополнительно возвыситься таким способом. Надеялся на случайность, на свою дьявольскую «избранность» и везучесть. Вдруг у Ильича осложнения начнутся после ранения, вдруг кирпич на голову упадет? Оптимальным для регента был тот самый вариант, который реализовался в 1920-х — больной и беспомощный Ленин в Горках, вот и «рули» от его имени. А может, Яков Михайлович и не выжидал случайностей, но сам старался их вызвать ритуалами своей черной магии? Ведь и впрямь в Горках случилось в этот период несколько чрезвычайных происшествий. Пожар на чердаке. Обвалился потолок в комнате, где жил Ленин…

Или Свердлов просто старался дотянуть до такого события, как начало «мировой революции»? Которую он, находясь на вершине власти, попытался бы возглавить. Но недалекий и прямолинейный матрос Мальков не сумел толком соврать. И дотянуть не удалось. Чуть-чуть…

29. К мировому пожару!

Все же талантов организатора и, не побоюсь этого слова, царедворца, у Свердлова было не отнять. Сорвались прежние задумки, не получилось продержать Ленина в Горках подольше — но Яков Михайлович не унывает. И тут же обыгрывает само возвращение Ленина! Начинается вдруг непрерывная череда торжественных мероприятий, сборищ, форумов, празднеств. Объединенное заседание ВЦИК, Моссовета и рабочих организаций. I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. I Всероссийский съезд работниц. Открытие обелиска Свободы на месте снесенного памятника Скобелеву. Закладка «Дворца рабочих». Открытие временного памятника Марксу и Энгельсу. Открытие мемориальной доски памяти жертв революции. VI Всероссийский съезд Советов…

И Свердлов окунает Ленина во все эти торжества. Таскает по ним и всюду выставляет его в качестве парадной фигуры. Наподобие «свадебного генерала». И всюду опять вздымается волна славословия, здравиц, обожествления. «Великий», «мудрый», «дорогой» — вернулся! Яков Михайлович отравляет вождя этой лестью, приучает к ней. А сам ведет себя, как сын, в дом которого прибыл долго отсутствовавший любимый отец. То есть дом-то сын устраивал, и он водит отца, демонстрируя и хвастаясь — вот как я сделал, вот как у меня хорошо все получилось. Но при этом и отца демонстрируя домочадцам — вот он какой у меня, видите? Это не чей-нибудь, это мой отец…

Снова он отличается неимоверной услужливостью, снова расстелиться готов перед вождем. Снова проявляет способности даже мысли предугадывать, прославившись своим «уже». Ильич о чем-нибудь только заикнется — а от Якова Михайловича слышит: «Уже». В смысле — уже исполнено. Доходит до того, что Ленин перед совещанием в Доме союзов разговорился в фойе с товарищами: а хорошо бы, дескать, на недавно открытом обелиске Свободы высечь текст советской Конституции. Тут и Свердлов подходит. Ленин обращается:

— Яков Михайлович, следовало бы подумать о том, что бы текст нашей Конституции запечатлеть на обелиске Свободы перед Моссоветом. Как ваше мнение?

И слышит в ответ:

— Ну что ж! Вот после собрания и пойдем посмотрим, как оно получилось. Как раз вчера текст Конституции высечен. Уже готово.

Небось сам и подбросил идею через третьих лиц. Или узнал, о чем Ильич раньше проговорился… А на VI съезде Советов, который, как обычно, вел Яков Михайлович, он разыграл особый «режиссерский» прием. Ленин почему-то задержался. Скорее всего, было подстроено, чтобы задержался, машины-то подчинялись Свердлову. Он открыл съезд, предложил избрать Ленина почетным председателем. Избрали с воодушевлением и восторженными аплодисментами. После чего Свердлов исподтишка оглянулся за кулисы, сделал эффектную паузу и объявил:

— Слово предоставляется… Владимиру Ильичу… Ленину!

Результатом стал шквал, буря оваций. Как писал П. И. Замойский, «напряженная секунда тишины… и вдруг весь зал, все ярусы от пола до потолка, все ложи огласились таким грохотом, что казалось, рухнут и потолок, и стены театра».

Во время работы съезда пришли и сведения, что началась Она! «Мировая революция»! Прорыв Антанты на Балканах и капитуляция Болгарии вызвали цепную реакцию. Армии Салоникского фронта, продвигаясь, угрожали Константинополю, и 30 октября капитулировала Турция. А у Австро-Венгрии теперь открылась вся восточная граница, которую защитить было нечем — и в эту огромную дыру нацеливались войска Антанты, наступающие с Балкан. 3 ноября капитулировала и Австро-Венгрия, тут же рассыпавшись на части и заполыхав революциями. А как только в Германию пришли известия о крушении последней союзницы, начались волнения в Берлине, Киле, Гамбурге, Бремене, Любеке, Мюнхене. Вильгельм II быстренько отрекся и в тот же день сбежал в Голландию — повторять судьбу русского царя ему не хотелось. Власть перешла к демократам-масонам: германские деловые и политические круги наивно сочли, что западные государства отнесутся к такому правительству более снисходительно. 11 ноября в Компьене было подписано перемирие…

Но революция, как это всегда бывает, отнюдь не ограничилась свержением монарха. Левых уже подпирали, претендуя на власть, еще более левые. А их, в свою очередь, те, кто еще левее. Причем их активно поддерживала Советская Россия. Уже в сентябре — октябре, когда поражение Германии стало очевидным, полпред Иоффе развернул в Берлине подрывную работу. Установил связи с самыми радикальными группировками, подталкивая их к решительным действиям. Вел открытую пропаганду, обещая в случае революции «братскую помощь», вплоть до снабжения голодной Германии продовольствием из России. Так что последнее кайзеровское правительство спохватилось и разорвало отношения с большевиками. 5 ноября оно отозвало своих дипломатов из Москвы и выслало из Германии Иоффе вместе со всем персоналом посольства.

Но до России он даже не доехал. 9 ноября возникший в Берлине Совет рабочих и солдатских депутатов вернул полпреда с дороги. Казалось, что повторяется российский сценарий 1917 года. И большевики начали полным ходом разыгрывать этот сценарий точно так же, как делали немцы, подпитывая «углубление» Февральской революции. В Германию был направлен дополнительный десант высокопоставленных эмиссаров во главе с Радеком (Собельсоном). Из Москвы пошло щедрое финансирование «спартакидов» и других левых течений. 13 ноября Советское правительство и ВЦИК разорвали Брестский договор…

Подготовкой «экспорта революции» Свердлов занялся горячо и весьма энергично. Как, впрочем, и другие видные большевики. Кто-то — веря в идеалы «всемирного царства свободы». Кто-то, возможно, чисто по-русски: сам погибай, а товарища выручай. А раз «пролетарии всех стран» — братья и товарищи, то и надо им помочь. Было и другое. Как известно, Троцкий выразился предельно откровенно и цинично, что Россия должна стать лишь «охапкой хвороста» для разжигания «мировой революции». А участь самой «охапки хвороста» при этом очевидна. Сгореть и исчезнуть, превратившись в дым и горстку золы.

Какова была в данном вопросе позиция Свердлова? Уж конечно, она не имела ничего общего с чистым «идейным» альтруизмом. И громогласных чудовищных заявлений, подобно Троцкому, он не делал. Он был умнее. Его установкой всегда было: «Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно». Он был практиком. Плюс — крайним честолюбцем, мистиком и чернокнижником.

Известно, что «силы неведомые» в данный момент тоже активно действовали в направлении разрушения Германской и Австро-Венгерской империй. В высших кругах масонства и сионизма эти государства не вызывали такой бешеной ненависти, как Россия. Поэтому, например, Вильгельму позволили уцелеть, доживать век в Голландии, выращивая любимые тюльпаны. Остались у него и значительные средства — в отличие от Николая II, он не растрачивал собственность на раненых и увечных. А когда в странах, пострадавших от германской агрессии, раздались требования суда над военными преступниками, в том числе над Вильгельмом, дело быстро замяли. Но сами по себе две могущественные европейские монархии по замыслу закулисных сил должны были погибнуть, подвергнуться расчленению, стать полем для экономических и финансовых махинаций, «приватизаций» и разворовывания, как оно и произошло в Веймарской республике.

Обратим внимание и на тактические ходы западных политиков. В Компьене проигравшим были предъявлены довольно тяжелые условия капитуляции: возвращение французам Эльзаса и Лотарингии, выдача флота, демобилизация армии и отвод ее за Рейн со сдачей приграничных крепостей и т. д. Но при этом как бы подразумевалось, что это и есть условия мира, и в дальнейшем речь пойдет лишь об их юридическом оформлении. Однако через полгода, на мирной конференции в Версале были выставлены новые, куда более тяжелые условия. Немцы, австрийцы, венгры, болгары взвыли — да только деваться им было уже некуда. Потому что их государства за прошедшие полгода оказались взбаламучены, расшатаны и развалены революциями. Следовательно, и сами эти революции (до определенного предела) входили в планы «сил неведомых», были им выгодны. Тем более что разжигание и углубление социальных катаклизмов шло за российский счет! Через троцких, свердловых и иже с ними, несть им числа.

Но в действиях Свердлова нетрудно увидеть и очень значительную «персональную» составляющую. Личную заинтересованность. Он явно претендовал на роль одного из лидеров «мировой революции». Если не первого лидера. Хотя и в этом направлении он работал умнее, чем Троцкий. Лев Давидович по-прежнему держал себя как «гений» — высокомерно, заносчиво. Видел себя единственной значащей фигурой, для коей вполне естественно попирать ногами окружающих. По воспоминаниям современников, рядом с Троцким каждый «чувствовал себя козявкой». Он и дальше будет так действовать. И именно из-за этого так легко слетит с пьедестала — поскольку под ним не окажется никакой надежной опоры.

Свердлов вел дело иначе. Он и в завоевании позиций на международной арене принялся оперировать расстановкой «своих» кадров. И оперировать успешно. Руководителем компартии Латвии становится его выдвиженец Стучка, компартии Эстонии — Кингисепп, в верхушку компартии Литвы проталкиваются старый знакомый по красноярской пересыльной тюрьме Мицкявичус-Капсукас, один из деятелей еврейского комитета Циховский, «свердловец» Уншлихт. Под особое покровительство Яков Михайлович берет мадьяр, среди которых верховодит его «друг дома» Бела Кун. В ноябре Свердлов экстренно проводит конференцию венгерских коммунистов. Опекает ее, обеспечивает. Сохранились записки в Наркомпрод: «Прошу сделать все возможное для снабжения продуктами венгерской конференции в 120 человек…». И в ВЧК: «Прошу оказать необходимое содействие т. Бела Кун и его товарищам венграм по их обмундированию на европейский лад».

Что ж, из вещей расстрелянных для мадьяр подобрали «на европейский лад» костюмы, рубашки, галстуки, пальто, обувь. И 120 активистов при содействии Свердлова без промедлений и со всеми удобствами забрасываются на родину. А в руководство Федерации

иностранных групп РКП(б) вместо уехавших кадров Яков Михайлович вводит своего подручного-цареубийцу Сафарова…

Кстати, дела политические и международные ничуть не мешали Якову Михайловичу по-прежнему трогательно заботится о родственниках. Поскольку транспорт оказался уже в полном загоне, братец Беньямин на такой работе взвыл и света белого не взвидел. И Яков Михайлович посодействовал — из наркомата путей сообщения Беньямин перешел в Президиум ВСНХ. На должность почетную, высокую в номенклатуре, но совершенно безответственную и бесхлопотную.

25 ноября соединения Красной Армии перешли в общее наступление. Одна группировка — на Псков и далее в направлении Латвии, другая — на Белоруссию, нацеливая удары в двух направлениях, на Полоцк и Бобруйск. Надо сказать, для Советской республики революции в Германии и Австро-Венгрии стали фактором очень и очень благоприятным. Опасаясь противодействия со стороны патриотических сил, немцы и австрийцы до последнего момента не разрешали создавать на оккупированных территориях вооруженных формирований. Ни белогвардейцам, ни марионеточным властям Украины, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Литвы. Хотя большевики свои подпольные структуры на оккупированных территориях создавали, тайно вооружали. Как ранее отмечалось, и партизаны множились.

Спохватилось германское руководство лишь осенью, когда собственное положение зашаталось. Да и то не централизованно — чаще инициатива исходила от командования на местах. Которое видело нарастание угрозы и стало делать уступки «союзникам», смотреть сквозь пальцы на создание офицерских или ополченских отрядов, выделять оружие. Но формирование шло медленно, с раскачкой. Казалось — успеется, под надежным прикрытием немецких штыков можно не торопиться.

Но едва грянула революция в Германии, ситуация почти мгновенно вышла из-под контроля. Оккупационные соединения на российской территории были далеко не лучшего качества — все самое надежное и боеспособное перебрасывалось на Запад, а что похуже — на Восток. Эти части почти год фактически бездельничали. Разлагались, подвергались воздействию коммунистической пропаганды, заражались «духом» революции. И при первых же известиях о событиях на родине германские и австрийские войска стали разваливаться даже быстрее, чем русская армия в 1917 году. В считанные дни. Возникали «зольдатенраты» — солдатские советы, забурлила митинговщина. Части выходили из повиновения. Принимали резолюции об отправке домой. Деникин вспоминал, как к нему явилась группа немецких офицеров и попросила записать их в Добровольческую армию — дескать, теперь-то и мы поняли вас, русских офицеров. Поняли, против чего вы боретесь, и хотим сражаться вместе с вами.

А белые и национальные силы в оккупированных районах пребывали в зачаточном состоянии — «полки» по… 15–20 штыков, «штабы» дивизий и корпусов, не имеющие в подчинении ни одного солдата. И красное наступление развивалось беспрепятственно. Под Псковом оказал сопротивление лишь малочисленный белый отряд полковника Неффа, а немцы бросили фронт, и отряду едва удалось выбраться из окружения.

«Освобождение» тоже сопровождалось жестокими репрессиями. По директиве Петровского о «безусловном расстреле всех прикосновенных к белогвардейской работе» в Пскове было казнено более 300 человек. Вплоть до хозяев и горничных гостиниц, обслуживавших офицеров, и обшивавших их портных. Немцы же и дальше катились прочь без боев. Они были люди хозяйственные и ввели практику продавать красным города. Солдатские комитеты получали от наступающих плату и оставляли город, перебираясь в следующий. Продавали и орудия, боеприпасы, военные склады с вооружением и имуществом.

Проблем с оплатой в данном случае не возникало. Ведь большевикам достались на Монетном дворе печатные станки с огромными запасами бумаги, и они принялись штамповать

сотенные и пятисотенные «николаевские» банкноты. На советской территории хождение царских денег было запрещено, но на окраинах они считались «самыми настоящими», в отличие от украинских, донских, большевистских, керенок и т. п. Да и в Европе их все еще признавали конвертируемой валютой. Свежеотпечатанной продукцией щедро снабжались наступающие группировки, и стороны оказывались квиты. Немцы продавали то, что им не принадлежало, а за это им платили фальшивками.

Если на Запад двигались красные части, то Украина взорвалась изнутри. Здешние крестьяне давно точили зуб на гетмана Скоропадского, вернувшего землю помещикам. Были недовольны оккупацией. А в городах скопились беженцы из Советской России всех сортов — кадеты, эсеры, меньшевики. И когда германо-австрийские части забузили, намыливаясь по домам, все это прорвалось. Гетман сидел в Киеве почти беспомощный, все его силы составляли два полка сердюков в опереточных мундирах — личная охрана. И зачаточная Белая Гвардия — та самая, которую описал Булгаков. Скоропадский заметался, отправил в отставку националистический кабинет и созвал русофильский. Заговорил о федерации с Россией, наводил контакты с Деникиным и Красновым, но ему уже не верили, да и сделать он ничего не успел.

18 ноября в Белой Церкви созвали съезд лидеры прежней Центральной Рады. Под предлогом «измены гетмана украинской независимости» призвали народ к восстанию. Провозглашалась республика во главе с Директорией в составе Винниченко, Петлюры, Швеца и Андриевского. Повсюду возникали отряды и банды. Одни — под предводительством петлюровцев, другие — большевиков, третьи — боротьбистов (украинских эсеров). Или независимых «батек», вроде Махно. Он, между прочим, побывал в Москве, встречался с Лениным и Свердловым. И хотя они не разделяли его идей о крестьянской анархической власти под руководством «Вольных Советов», было решено оказывать ему помощь. Присылали деньги («николаевские», которых не жалко), опытных инструкторов. Махно прославился на Украине дерзкими налетами на помещичьи усадьбы, на небольшие отряды австрийцев, стал настоящим народным героем. И теперь люди валом повалили в его отряды. Он захватил контроль над значительной территорией на Екатеринославщине, скупал оружие у отъезжающих австрийских частей. Или окружал эшелоны и разоружал силой.

А Петлюра заключил соглашение с киевским германским «зольдатенратом». Немецкие части сдавали ему оружие, а он подавал им поезда для отправки на родину. Сердюцкие полки перешли на сторону повстанцев. Скоропадский бежал, и петлюровцы захватили Киев, перебили несколько сот человек, грабили. Директория издала декларацию о «земле и воле», восстановила универсалы Центральной Рады о социализации земли. Пошла новая волна погромов помещичьих экономий, столкновений между крестьянами за земельный передел.

Курс правительства был взят очень левый и крайне националистический. Были объявлены выборы в представительный орган, Трудовой Конгресс, причем избирательные права предоставлялись только рабочим, крестьянам и «трудовой интеллигенции», к которой Директория причисляла лишь сельских учителей и фельдшеров. Врачей и городских учителей уже относили к «буржуазии». Насаждалась русофобия. Новая власть провозглашала: «Директория решительно будет бороться с провозглашенными бывшим гетманом лозунгами федерации с Россией… Всякая агитация и пропаганда лозунгов о федерации будет Директорией караться по законам военного времени».

Был издан приказ об украинизации вывесок. Русский язык не допускался даже наряду с украинским (вывески на иностранных языках разрешалось оставить). На несколько дней Киев превратился в малярную мастерскую — закрашивали, исправляли. Особые патрули проверяли исполнение приказа и орфографию, поскольку большинство киевлян в то время украинского языка не знало. Крымское татарское правительство Сулькевича уступило власть коалиционному «кабинету» Соломона Крыма, отправило телеграмму Деникину, что просит принять полуостров под защиту и тоже сбежало — в Азербайджан.

Ну а на Урале и в Сибири глупое и безалаберное правление социалистов совершенно заколебало всех. В Омске восстало офицерство и Сибирское Казачество. В результате переворота власть досталась известному полярнику и флотоводцу адмиралу Колчаку, провозглашенному Верховным Правителем России. Появилась надежда, что наконец-то установится порядок, что можно будет дать отпор красным. Но европейские революции аукнулись и здесь. Части Чехословацкого корпуса объявили, что раз уж Мировая война закончилась, и цель освобождения их родины достигнута, то они отказываются от дальнейшего участия в боевых действиях. Их уговорили лишь остаться на тыловой службе, охранять Транссибирскую магистраль (за хорошую плату). Уход чехов значительно ослабил фронт. А вдобавок большевики переманили на свою сторону башкирского националиста Заки Валидова, посулив ему власть над Башкирией и автономию. Мусульманский корпус, подчиняющийся Валидову, изменил, перейдя на сторону красных. И фронт опять был прорван, советские армии заняли Оренбург и Уфу.

Казалось бы, положение Советской власти было блестящим!.. Но нет. Совсем не блестящим. Победы на фронтах, успехи на международной арене — а вместе с этим полный мрак и кошмар внутри государства. Ведь «красный террор» не был единственным бедствием, обрушившимся на Россию. То, что постигло ее, можно было сравнить разве что с библейскими «казнями египетскими». Вовсю разгулялся и «обычный» бандитизм. В Москве орудовали крупные шайки Сабана, Яшки Кошелькова, Селезнева, Гуська, Графчика, Краснощекова, Хрящика, Матроса, Бондаря, Донатыча, «банда шоферов», в Питере — Ваньки Белки, Леньки Пантелеева, Жорки Александрова. В темное время суток ходить по улицам стало невозможно, а часто и среди бела дня грабили.

Углублялась разруха. Многие специалисты — чиновники, инженеры, техники, попадали под красный террор, другие разбегались кто куда. Транспорт работал не пойми как. Заводы останавливались. Коммунальное хозяйство городов вообще приказало долго жить. Не стало электричества. Не было тепла, люди обогревались самодельными печками-буржуйками, топили их мебелью, книгами, ломали на дрова заборы, рубили деревья в парках. Не работала канализация. В больших домах жители отправляли естественные надобности на «черных» лестницах, и они замерзали сплошными омерзительными наледями.

Вместо расстрелянных и разогнанных специалистов назначали «ответственных работников», а они оказывались совершенно некомпетентными. Набирали себе огромные штаты помощников, «совслужащих» и «совбарышень», и все равно не справлялись, учреждения работали вхолостую. А чтобы изобразить активную деятельность (и оправдать получаемые пайки), «совслужащие» с «совбарышнями» порождали бумажные потоки, которые вносили дополнительную путаницу и парализовывали решение самых простых вопросов.

Добавились и эпидемии. Из Закавказья был занесен тиф, с запада пришел вирусный грипп — «испанка». Массовые миграции войск и беженцев, скученность в транспорте способствовали распространению заболеваний, а разрушение системы здравоохранения, антисанитария, плохое питание вели к высокой смертности. Если летом солнце и вода кое-как сдерживали развитие эпидемий, то с осени 1918 года они резко пошли по нарастающей и тысячами косили свои жертвы.

Страшным бедствием обернулась и свердловская политика наступления на деревню. Она вызывала постоянные волнения и восстания среди крестьян. Которые жестоко подавлялись. Вот красноречивый факт — самым грозным оружием по тому времени считались бронемашины. Всего их в Красной Армии насчитывалось 122. Из них 6 действовали на Западном фронте, 45 — на Южном, 25 — на Восточном. А 46 приходилось держать в тылу, они обслуживали карательные экспедиции. По эсеровским источникам, при усмирении крестьянских бунтов в 1918 году в Епифанском уезде Тульской губернии было казнено 150 человек, в Медынском уезде Калужской губернии — 180, по Рязанской губернии в Пронском уезде — 300, в

Касимовском — 150, в Спасском — 200, в Тверской губернии — 200, в Ветлужском уезде Смоленской губернии — 600.

Для таких карательных акций, как и для выколачивания продразверстки, обычные красноармейцы оказывались ненадежными, они сами были из крестьян. И использовались либо латышские части, либо особые формирования из «инородцев» — немцев, латышей, евреев, австрийцев, венгров, китайцев, вливалась в них и самая отпетая русская шпана, люмпены. Для «продовольственных» операций и крестьянских экзекуций проводились также мобилизации местных коммунистов — это называлось «боевым крещением партячеек». Подобная мера предписывалась губернским и уездным парторганизациям инструкциями, рассылавшимися Секретариатом ЦК. То есть Свердловым. Снова мы видим очень характерное для него стремление повязать кровью как можно больше людей.

И проходили «боевые крещения» действительно круто. В Вологодской губернии для того, чтобы заставить крестьян отдать хлеб, их запирали раздетыми в холодные подвалы, пороли шомполами. В Костромской — секли плетьми из проволоки. В Ветлужском и Варнавинском уездах, когда приезжало начальство, весь сход ставили на колени, иногда тоже пороли — «всыпьте им, пусть помнят советскую власть!» Повсеместно брали заложников — сдать продразверстку или они будут расстреляны. В Хвалынском уезде продотряд, приехав в деревню, первым делом заставлял истопить баню и привести самых красивых девушек. И приводили — от этого зависела судьба всех сельчан.

В рамках мер по «борьбе с кулаком» и «нейтрализации середняка» проводились и другие акции. Так, было предписано у семей, насчитывающих 5 человек и менее, но имеющих более одной коровы, «лишних» отбирать. И передавать «беднякам». То бишь комбедовцам, пьяницам и дуракам. Эти же комбедовцы, став властью, и с односельчанами не церемонились, обирали их, прижимали, изводили придирками, грубостью, насилиями. Местные исполкомы и комбеды обращались с крестьянами, как с побежденными врагами, сплошь и рядом реквизировали лошадей для собственных нужд. Заваливали повинностями. Отбирали сенокосы и места порубки дров, объявляя их государственной собственностью и вымогая плату. Устраивались всевозможные реквизиции у «мелкобуржуазных производителей». Так, в Московской губернии в крестьянских домах были отобраны все швейные машинки. Якобы по приказу Ленина. О чем сам Ленин с Крупской узнали лишь случайно, гуляя по Москве и разговорившись с крестьянином.

Но… вдобавок ко всему утеснение и обирание крестьян ничего не давало для решения продовольственных проблем! По многочисленным свидетельствам, бесчинствовавшие в деревне продотряды значительную долю награбленного сами же и разбазаривали — обжирались, хлеб пускали на самогон, перепродавали спекулянтам. А то, что удавалось собрать, просто пропадало. Сырое зерно гнило, сваленное на станциях в неприспособленных хранилищах, мясо и рыба тухли, скот подыхал. Потому что это добро уже никого не волновало. Продотряды отчитывались показателями собранного — и все планы выполняли и перевыполняли. Дальнейшее их не касалось. А при административной неразберихе и хаосе на транспорте реализовать продовольствие и доставить по назначению было невозможно.

В городах начался настоящий голод. Нет, он не являлся следствием «кольца фронтов». О каком влиянии «кольца фронтов» можно говорить, если в Астрахани вдруг не стало… рыбы? Голод не был и следствием неурожая. В 1918 году, только-только освоив и засеяв всю полученную землю, крестьяне собрали огромный урожай. Голод стал прямым следствием «войны», которую государство развернуло против своей же, российской деревни.

Тем не менее даже и столь катастрофические результаты не заставили Свердлова угомониться! И он вместе с наркомом земледелия масоном Середой готовит программу нового, второго масштабного удара по крестьянству. «Декрет о земле» дал им землю, из-за чего большевики и получили поддержку масс сельского населения. Теперь же предполагалось эту

землю отобрать. Национализировать. На съезде сельхозкоммун и комбедов 11 декабря 1918 года была провозглашена самая первая программа коллективизации.

Да-да, еще тогда. Только сокращения «колхоз» еще не существовало. Но над президиумом съезда был вывешен лозунг: «Свободный труд в крупных коллективных хозяйствах — путь к коммунизму в земледелии». Предусматривалось создание совхозов, государственных сельхозпредприятий, где крестьяне верстались в «рабочие», из частников превращались в «служащих по найму у государства». Или организация «коммун» с полным обобществлением земли и инвентаря.

Причем совхозы и коммуны, замышлявшиеся Свердловым и Середой, сильно отличались даже от тех колхозов, которые реализовались при Сталине. При проведении сталинской коллективизации людям были оставлены в личную собственность приусадебные участки, птица, мелкий скот, наконец — их дома. В свердловско-середовском варианте такого не допускалось. Эти «коммуны» скорее напоминали «фаланстеры» из масонских утопий. Крестьянам предстояло лишиться всего, превратиться в полных «пролетариев», не имеющих за душой ничегошеньки.

Члены «коммун» должны были трудиться бесплатно, получая за это порцию еды в общественной столовой. И жить должны были в общих помещениях наподобие казарм. Централизованно распределяться на работы. Отдавать детей для коллективного воспитания. Фактически перейти на положение заключенных огромного российского лагеря. (Как раз тогда заговорили и об «обобществлении» женщин. Свердлов данную идею не озвучивал. Но и в ее опровержение не выступал…) Для реализации второго удара по крестьянству было принято решение и о реформе деревенской власти. Вместо прежних Советов крестьянских депутатов создавать другие — Советы депутатов крестьянской бедноты. То есть повысить статус комбедов и сделать их единственной властью на селе. Полностью отдать русскую деревню босякам, шпане и люмпенам — пусть «коммунизируют»!

30. «Честь и имя революционера»

Германские демократы во главе с Эбертом и Носке оказались более умными и дельными, чем львовы и керенские. Впрочем, ведь и «силы неведомые» не желали окончательного разрушения Германии, в отличие от России. Во всяком случае, немецкие социал-демократы не остановились перед решительным применением силы, быстро разгромили «спартакидов», а их вожди Карл Либкнехт и Роза Люксембург (Гольдман) были найдены в канаве убитыми. На что Советская власть отреагировала странно и жестоко. В Петрограде по приказу Зиновьева были расстреляны последние из находившихся в руках большевиков представителей дома Романовых — великие князья Николай Михайлович, Павел Александрович, Дмитрий Константинович и Георгий Михайлович. Якобы «в ответ» на убийство германских предводителей (что ни с какой логикой, конечно же, не согласуется).

Ну а Новгородцева в связи со смертью Либкнехта передает трогательную историю. Как Андрюша Свердлов спросил у отца — неужто и его могут убить буржуи? А Яков Михайлович ответил:

— Конечно, сынка, могут убить, но тебе не надо этого бояться. Когда я умру, я оставлю тебе наследство, лучше которого нет ничего на свете. Я оставлю тебе ничем не запятнанную честь и имя революционера.

Да, Клавдия Тимофеевна очень любила Свердлова. Вся ее жизнь была — это он. Поэтому она и сумела придумать про него такую красивую легенду. Хотя в действительности я не знаю, входило ли в лексикон Якова Михайловича слово «честь»? Перечитав множество текстов его работ, речей, писем, я такого слова не встретил ни разу… Что же касается «незапятнанной» чести и имени, то давайте еще раз отвлечемся от сюжетной хронологии и перескочим на 17 лет вперед.

В 1935 году было велено произвести в Кремле инвентаризацию имущества. Во время которой сотрудники наткнулись на сейф Свердлова. Открыть его не получалось. Разузнали предысторию, и выяснилось, что стоял он в рабочем кабинете Якова Михайловича, а после его смерти не сумели найти ключ. И, соответственно, проникнуть вовнутрь сейфа. Бились-бились — никак. Ну и убрали на комендантский склад, чтобы бесполезная махина Калинину не мешала. Но в 1935 г. охрана и персонал Кремля оказались более настойчивыми, чем в 1919 г. Вызвали мастеров-слесарей. Они с замком тоже не сладили. Тогда привезли из тюрьмы одного из знаменитых «медвежатников», специалистов по сейфам. И у него получилось. Открылась дверца. Тут-то все свидетели и ахнули. Доложили самому Ягоде, а он — лично Сталину. Его записка сохранилась:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны. 26 июля с. г. шкаф был нами вскрыт, и в нем оказалось.

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

а) Свердлова Якова Михайловича,

б) Гуревич Цецилии Олеговны,

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,

г) княгини Барятинской Елены Михайловны,

д) Ползикова Сергея Константиновича,

е) Романюк Анны Павловны,

ж) Кленочкина Ивана Григорьевича,

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Г. Ягода

27 июля 1935 г. № 56568».

Подробная опись не сохранилась. И что за золотые изделия с драгоценными камнями хранились в сейфе, мы не знаем. А они, конечно же, составляли львиную долю стоимости содержимого. Но даже без их учета указанное количество монет — это более 100 кг золота! В целом же исследователи (весьма приблизительно) оценивают клад в сумму не менее 250 млн. долларов по нынешнему курсу.

Но внесем еще маленькое уточнение — паспорта «царского образца» были не просто паспортами. Они в дореволюционной России играли роль и загранпаспортов. Менять их для поездки за рубеж не требовалось. И в первые годы после революции паспорта «царского образца» сохранялись именно в таком качестве, за рубежом они по-прежнему считались действительными.

Из всего сказанного вытекают три немаловажных вопроса. Что это были за ценности? Откуда они взялись? И когда формировалось содержимое сейфа?

На первый из них журналисты разных изданий принялись дружно выдвигать версию, что это, мол, был «партийный общак». Готовившийся на случай, если революция потерпит поражение, и коммунистическому руководству придется скрыться. А в доказательство обычно

ссылаются на мемуары Б. Бажанова. Который, якобы со слов Германа Свердлова, рассказал, что в одном из ящиков стола Новгородцевой в 1920-х хранился «алмазный фонд Политбюро», переданный ей еще в гражданскую. Вот журналисты и совместили этот «алмазный фонд» с содержимым сейфа.

Никакого отношения к действительности данная версия не имеет и не может иметь. Первое — как уже отмечалось, книга Бажанова является очень малодостоверным источником. Да и изложил он «сенсацию» об алмазах в тройной передаче. Вроде бы Андрей Свердлов рассказал Герману, а он Бажанову. Учтем и то, что Герман был заядлым юмористом и любил розыгрыши. Второе — секретная партийная касса из драгоценностей в самом деле собиралась. Хотя хранилась, разумеется, не в ящике письменного стола. Но создавалась эта касса осенью 1919 года! Когда Деникин взял Орел и прорывался к Москве. Свердлова в это время уже не было в живых. И прятать что-либо в сейф он никак не мог. Третье — клад не мог быть партийной «заначкой». Потому что о нем никто не знал. Иначе, будьте уверены, даже при отсутствии ключа не засунули бы сейф в кладовую. Наконец — паспорта. Все исследователи, анализируя информацию о них, приходят к единодушному выводу. Что заполнены они были на подставные имена и предназначались для членов семьи Свердлова.

Таким образом, клад был отнюдь не «партийным», а сугубо «личным», Якова Михайловича. И предназначался для возможного побега за границу. Хотя ключ он не доверил никому (куда он делся, так и не известно). И не обмолвился ни единым словом даже близким, в том числе и жене. В противном случае его родственники сделали бы попытки добраться до сокровищ. Или сообщили бы высшему руководству, чтобы купить его расположение, как сделала Новгородцева с тайным архивом мужа. Нет, Свердлов строго соблюдал собственное правило: «Говорить не то, что можно, а то, что нужно». А вдруг и родные окажутся не совсем надежными? А вдруг придется бежать без них, как из Нарыма?

Перейдем ко второму вопросу. Откуда могли взяться у Свердлова такие ценности? Тут господа журналисты уверенно заявляют — из ЧК! Известно же, что ВЧК в кампаниях реквизиций у «буржуев» и последующего «красного террора» изымала огромное количества золота и драгоценностей, вот, мол, и шли они Свердлову. Вынужден разочаровать сторонников такой гипотезы, она тоже не выдерживает критики. «Кассой» золота и драгоценностей, поступающих в фонд партии по линии ЧК, заведовал не Свердлов, а Ганецкий. Распоряжался же ею лично Ленин. Ганецкий был верным его «кассиром» еще в эмиграции, обеспечивая получение и распределение сверхсекретных средств, выделяемых из Германии, и выполнял только персональные распоряжения вождя.

Клад Свердлова не имел никакого отношения к «кассе» Ленина. Откуда же он получил золото и драгоценности? О, тут вариантов может быть хоть пруд пруди! Один вариант — сразу после переезда в Москву Яков Михайлович наложил лапу на склады и совнаркомовское обеспечение. А с такими повадками, как у него, нельзя исключать, что он через третьих лиц наладил связь с черным рынком и вел выгодный обмен продуктов на золотишко. Когда начался голод, такой торг шел широко. Второй вариант — непосредственно через его руки шло финансирование подпольных и партизанских структур на территориях, занятых белогвардейцами и немцами. Так, в начале 1919 г. он писал в Сибирь: «Дорогие товарищи, ваши записки получили. Мы ни на минуту не забываем о вас. Посылали неоднократно деньги, мало — не по нашей вине…» А выходит, деньги-то были. Вон сколько в сейфе! Может, «мало» доходило все же по вине Якова Михайловича?

Третий вариант — к нему должна была попасть часть драгоценностей царской семьи. Это же железный закон банды. Исполнители себя не забыли, прикарманили изрядно, а как же «пахану» не отстегнуть долю? Четвертый вариант — погромы и разорение церквей, которые велись под его руководством и при его участии. Пятый вариант — не исключена связь с московским преступным миром. Блатных Свердлов в прежние времена хорошо знал, и они его «авторитет» признавали. Может, возобновил контакты? Может, из-за этого так вольготно

разгуливали Кошельковы, Сабаны и Графчики, что имели могучего покровителя? С которым требовалось делиться. Шестой вариант — поступления от ЧК в период отсутствия Ленина и Дзержинского. Альянс с Петерсом. Ну и седьмой вариант — секретная посылка в Германию двух «золотых эшелонов» во время регентства. 90 с лишним тонн! Тут вполне могло что-то к рукам прилипнуть…

Не устали от перечислений? Я нарочно привел все возможности. Потому что моральному облику Свердлова соответствуют они все. И, скорее всего, действовал не один, а несколько из перечисленных способов обогащения. Потому что, скажем, только от царской семьи такое количество золота и драгоценностей попасть в сейф не могло. У царя и его близких попросту не было таких колоссальных богатств. Нет, видать Яков Михайлович охулки на руку не клал и греб где получится. Допустим, бумажные деньги «сэкономил» на сибирских партизанах, что-то от Голощекина получил, что-то от «золотых эшелонов».

Но для нашей темы представляет громадный интерес и третий вопрос: когда у Свердлова возникла мысль на всякий случай подготовить побег? Тут ответов может быть два, и они очень отличаются по содержанию. Один ответ — летом 1918 года. Когда восстания разгорались, чехи по Волге шли, англичане в Архангельске высадились. То есть, предварил те же действия, которые ЦК будет предпринимать при наступлении Деникина в 1919-м, но несколько иначе. Готовя возможность скрыться не для партийного руководства, а для себя. Задание по цареубийству он выполнил образцово, так, наверное, «силы неведомые» приютят, не прогонят. Но ответ может быть и иным. Что побег он начал готовить осенью-зимой 1918 года. Когда не удалась его попытка перехватить власть…

Ленин-то был стреляный воробей. Хоть и «теоретик», но не такой уж наивный человек. Неужто не насторожился, когда отдых в Горках обернулся чуть ли не заключением? Когда понял, что его нарочно там удерживают? Конечно, Яков Михайлович сделал все, чтобы шумихой и праздниками развеять подозрения, но зарубочка в памяти Ильича должна была остаться. Он мог исподволь, через тех или иных людей из своего окружения начать наводить справочки, а что тут без него творилось?

Да и Дзержинский вернулся. Тоже должен был интерес проявить, что без него делалось. А ему наводить такие справочки было сподручнее, чем Ленину. Правда, вытворяя те или иные темные дела, Свердлов заметал за собой следы очень тщательно. Но мог ли он быть до конца уверенным, что не докопаются? Не зацепят какую-нибудь ниточку? Вот и стал готовить пути «отхода». На всякий случай.

Нет, никакого внешнего ухудшения отношений между Лениным и Свердловым не произошло. Со стороны все оставалось по-прежнему, они — вместе, соратники, Яков Михайлович — «правая рука» и верный помощник. Но вспомним, ведь Ленин и с Каменевым не порывал, хотя тот готов был обойти и отправить «за борт» вождя в ноябре 1917-го. И с Бухариным не порывал, хотя тот возглавил «левую оппозицию» по вопросу Брестского мира. Владимир Ильич просто учитывал их качества и регулировал их положение. «Сдвигал» на такие посты, где они, по его мнению, не представляли угрозы и не могли нанести вреда.

В самом ли деле альянс Ленина и Свердлова оставался безоблачным? Нет. Косвенно об этом свидетельствуют воспоминания Новгородцевой. Целый раздел одной из глав она посвящает доказательствам, какими близкими друзьями и боевыми товарищами были Владимир Ильич и Яков Михайлович. Но посудите сами, если, допустим, исследователь разбирает сюжет «Трех мушкетеров», ему никогда в голову не придет доказывать, что д'Артаньян и Атос были друзьями и близкими соратниками. Такие вещи очевидны, они не нуждаются в дополнительных подтверждениях и доводах. А поскольку Клавдия Тимофеевна сочла нужным доказывать и обосновывать подобный вопрос, невольно напрашивается мысль: что-то было «не так». И что особенно характерно, она принимается горячо излагать свои доказательства сразу после того, как описывает пребывание Ленина в Горках.

Да, какая-то «трещинка» между вождем и его «правой рукой» в это время определенно появилась. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что именно в это время, по возвращении Владимира Ильича к управлению государством, резко меняется режим работы и поведения Свердлова! Раньше, со времени переезда в Москву, он почти постоянно торчал в столице. Выезжал только в Нижний за детьми и в августе в Питер на какую-то конференцию. В общем-то и его методы подразумевали нахождение в центре. Чтобы держать под контролем все нити власти. Через Секретариат ЦК — связи между Лениным и низовыми парторганизациями, через ВЦИК — связи между правительством и местными Советами. Как паук, который должен пребывать в центре сплетенной им обширной паутины, чтобы отмечать каждые сигнальные подергивания тех или иных ниточек, своевременно реагировать на них.

Однако с ноября вдруг начинаются сплошные разъезды Свердлова по стране! Ему будто не сидится больше в Кремле, не сидится на месте в своем кабинете. Возвращается, позанимается какими-то делами, проведет пару мероприятий — и снова в путь. Он выезжает в Саратов, в Царицын, на Восточный фронт…

Чем объяснить такую перемену? Кто мог отправить председателя ВЦИК в командировки? Только один человек. Очевидно, Владимира Ильича все же достала опека «правой руки». Зародилось недоверие к этой навязчивой опеке. И он намекнул: «А что, Яков Михайлович, не засиделся ли ты, не оторвался ли от масс?… Не съездить ли тебе?…» Или Свердлов со своими талантами «предугадывать» мысли вождя понял, что вот-вот последует такой намек. И поспешил упредить: «А не съездить ли мне?…» Что, в принципе, одно и то же.

По стране Яков Михайлович раскатывал со всеми удобствами. Сохранились описания спецпоезда председателя ВЦИК. Один вагон — его собственный. Он был изнутри обит бархатом и разделен на несколько отсеков. Половина вагона — салон для заседаний с рядами кресел. Рядом — кабинет с двумя столами. Третий отсек — жилая комната. Отдельный вагон — для охраны. Со Свердловым ездило целое подразделение из его «автобоевого отряда». Почти все — «инородцы», отлично обученные и вооруженные. Еще один вагон — с библиотекой и киноустановкой. Вагон с кухней и запасом продуктов. И вагон для сопровождающих лиц с жилыми купе — большими, удобными. Такими, чтобы не просто ехать в них, а чтобы можно было жить неделями и месяцами. Тут располагался целый штат помощников, машинисток, секретарш.

Может быть, и не только секретарш. Некоторые авторы утверждают, что к женскому полу Яков Михайлович был неравнодушен, называют фамилии его нескольких любовниц, указывают и побочных детей. Однако источники, сообщающие такую информацию, обладают невысокой степенью достоверности. Поэтому я и не счел возможным более подробно останавливаться на этой стороне его жизни. Но косвенным подтверждением подобных увлечений Свердлова может служить тот факт, что все его выездные секретарши были совсем молоденькими девчонками, лет по 18–20. Это не опытные «синие чулки», которых берут для серьезной работы.

Впрочем, подобные «маленькие слабости» были присущи и некоторым другим советским шишкам. Известно, например, что Петерс, выезжая по стране в своем спецпоезде, возил с собой одновременно трех-четырех смазливеньких «секретарш». А когда приедались, запросто бросал их на произвольной станции и там же набирал новых.

И все же начавшиеся разъезды Якова Михайловича, даже и в комфортабельных условиях, были формой опалы. Или, скажем так, «тенью» возможной опалы. Ее признаком. Но одновременно — и не только опалы. Такие люди, как Свердлов, не сдают позиций без боя. Верхушечный перехват власти ему не удался. Ни страна, ни партия, ни ее лидеры не восприняли бы его в качестве «естественного» преемника вождя. Он не имел достаточной опоры, за исключением собственных расставленных «кадров». И можно сказать уверенно — одной из целей своих разъездов Свердлов делает создание такой опоры. Он уже более капитально, более обстоятельно готовится к новым раундам грядущей борьбы за власть.

Ведь теперь Ленин остается кремлевским, кабинетным лидером. А Свердлов общается с руководством и людьми на местах. Наезжая «сверху», как царь и божок. Выступает на митингах и заседаниях не как «второй в Риме», а как «первый в деревне». Пожинает дань почета, угодничества, лести. Вникает в местные нужды, разузнает обстановку. Кого-то из низовых руководителей очаровывает простотой и контактностью, кого-то подчиняет суровой властностью. Кого-то соблазняет перспективами и покровительством. И они тоже становятся «его» людьми. А Яков Михайлович подмечает и запоминает их особенности, слабости, достоинства, недостатки. Все, на чем при случае можно будет сыграть.

Посетив Царицын, он должен был увидеться со Сталиным. Возможно, не терял надежды найти общий язык с товарищем по ссылке, сделать своим союзником. Конечно, не прямо, а закидывая отвлеченные удочки, прощупывая настроения. Но если такое было, встреча наверняка разочаровала Свердлова. Сталин был лидером «национального» течения в партии. «Державного». А в антиленинских закулисных группировках и оппозициях не участвовал никогда. Свердлов должен был понять, что с этой стороны он поддержки не получит.

Куда более веселым и плодотворным для Якова Михайловича стал другой визит. В Ригу. Стучка еще перед своим отъездом на родину пригласил его на I Вселатвийский съезд Советов. И Свердлов ответил, что принимает приглашение — при условии, что съезд состоится в Риге. Так и случилось. Германские части откатывались без боя, а разрозненные добровольческие части и отряды земской самообороны — балтийский Ландвер, организовать фронт на подступах к латвийской столице не смогли. 3 января красные войска вошли в Ригу. Стучка стал председателем правительства.

Свердлов быстро отреагировал — ВЦИК принял постановление о признании независимости Латвии. И сам Яков Михайлович отправился на съезд. Встречали гостя очень пышно, по высшему разряду. Устраивали в его честь приемы и торжества, водили с экскурсиями. И, кстати, в Доме рыцарства, где разместилось правительство, Свердлова очень заинтересовали выставленные на стенах гербы баронских родов Лифляндии. Он внимательно изучал символику (ну а как же — знаток! Геральдические символы часто близки к магическим), расспрашивал, какому барону какой герб принадлежал.

13 января, выступая на съезде, он чрезвычайно расхвалил латышей. Говорил: «Ни с одной страной мы так тесно не связаны, как с красной Латвией… Ни с кем мы так тесно не связаны, как с латвийскими стрелками…»

Правда, как раз здесь хваленые латышские стрелки проявили себя отвратительно. Попав на родину, они вдруг стали проявлять все симптомы… прежней российской армии. Их боеспособность начала быстро падать, пошло разложение частей, падение дисциплины, со дня на день усиливалось дезертирство. Ну да и то сказать — они в России хорошо подзаработали, разжились грабежами при карательных акциях. Так зачем им нужно было и дальше головы под пули подставлять? Следовало реализовать приобретенные капиталы, заняться своими хозяйствами… И отбить всю Латвию красным так и не удалось. Белогвардейцев и Ландвер поддержали германские добровольцы, и фронт остановился по реке Виндава (Вента), а в Либаве разместилось националистическое правительство Ульманиса.

Нельзя не отметить и тот факт, что Рига в данное время стала одним из самых кошмарных эпицентров «красного террора». Значительную долю населения Латвии тогда составляли немцы. Местные, прибалтийские. И из них же тут состояла вся социальная верхушка. Не только помещики, но и чиновники, торговцы, городские ремесленники. А латыши в ту пору, в отличие от нынешних, немцев ненавидели. И террор тут развернулся не только по «классовому», но и по этническому признаку. С одной стороны, хватали «буржуев», семьи отступивших белогвардейцев, с другой — немцев. Без различия пола, возраста. Несколько тюрем было забито битком.

И расстрелы приняли такой размах, что солдаты отказались в них участвовать. Тем более что в волнах арестов и этнических чисток обрекалось на смерть много женщин, детей. Тогда «священную обязанность» палачей добровольно взяли на себя молодые латышки! И из них составилось целое спецподразделение, «прославившееся» жутким садизмом. Казни шли за городом, где со времен Мировой войны остались окопы и траншеи — готовые могилы. Производили экзекуции в открытую, среди бела дня, не считая нужным скрывать. Пригнав очередную партию обреченных, «амазонки» заставляли всех раздеться донага. Приказывали ждать своей очереди на снегу и морозе, а расстреливать не спешили. Измывались и истязали людей, многих кололи штыками, у женщин резали груди, вспарывали животы, мужчинам отхватывали половые органы.

В отряде установились нравы полуказармы-полуборделя, шли веселые гулянки, процветала лесбийская любовь. Но «амазонки» стали не только исполнительницами, они и сами отбирали себе новые жертвы, хватая их прямо на улицах. Иногда — всего лишь из-за понравившихся туфель или одежды. И, как вспоминали современники, выглядело женское подразделение весьма причудливо. Ходили кто в чем — кто в шинели и сапогах, кто в вечернем декольтированном платье, кто в шубках, ажурных чулках, шляпах с перьями, дорогих дамских костюмчиках, снятых с убитых. В таком виде подразделение участвовало во всех парадах и демонстрациях. Наверняка и перед Свердловым маршировало.

Кстати, а вот интересно, бывал ли сам Яков Михайлович при казнях? Рожденное им постановление ВЦИК требовало от ответственных работников лично присутствовать. Хотя выполняли его не все. Известно, что Дзержинский не посещал расстрелы никогда. В отличие от Петерса, который не только любил посещать, но и сам приохотился расстреливать. И даже водил на казни сына, мальчика лет восьми, бегавшего за отцом и просившего: «Папа, дай я!» Ну, Свердлов-то вряд ли снисходил до того, чтобы собственноручно нажать курок. Не по рангу. Но посещать казни — вполне мог. Он любил кровь. Еще в своей уральской банде поучал, что нечего бояться крови. Так что и в Риге мог посетить подобное мероприятие, оказать столь высокую честь самоотверженным латышкам. А заодно проверить, как Стучка, Линде и прочие его подручные переносят зрелище крови и смерти.

В Латвии Свердлов инициировал и проведение коллективизации по своим задумкам. Сельское хозяйство в Прибалтике было не общинное, как в России, а хуторское и помещичье — тем легче казалось провести обобществление. Помещики и арендаторы частью успели сбежать, а кто не успел, тех перебили батраки при приближении красных. И помещичьи хозяйства власть стала переводить на положение готовых «коммун». Сперва батраки встретили новшество с восторгом. Но «коммунизированные» закрома амбаров сразу же начали выгребать продразверсткой. А мужикам принялись разъяснять, что, например, поросенок, родившийся от личной свиньи — это уже не личная собственность, что он должен быть поделен поровну на всю коммуну. И латышские крестьяне призадумались. Шатнулись прочь от такой власти…

В Москве же, пока Свердлов раскатывал туда-сюда, произошли события, вроде бы, незаметные. Однако имевшие значительные последствия. Письмо Ленину прислал Михаил Иванович Калинин. Убежденный коммунист, подпольщик с солидным стажем, активный участник Октябрьской революции. И, в отличие от других видных партийцев, русский человек, бывший рабочий, выходец из деревни. Но человеком он был скромным, на первый план никогда не лез, поэтому занимал не столь уж высокий пост городского головы Петрограда — то есть заведующего коммунальным хозяйством. Его свердловские методы наступления на крестьянство глубоко встревожили и возмутили, и он обратился напрямую к Владимиру Ильичу, описав примеры безобразий и дополнив своими предложениями по изменению политики.

Письмо дошло по назначению. Возможно, только благодаря тому, что Яков Михайлович был в очередном отъезде. И в начале января Ленин сам вызвал Калинина в Москву, к себе.

Отметим, вызвал в такие дни, когда знал, что Свердлова не будет. Случайно ли? Ведь раньше, даже и до августовского покушения, все визиты к Владимиру Ильичу проходили через посредничество Якова Михайловича. Желающие встретиться с вождем обращались к нему, а уж он договаривался с Лениным и сообщал, состоится ли встреча и когда.

Визит Калинина состоялся без посредничества. Он изложил Владимиру Ильичу то, что у него наболело. Что деревня «осереднячилась» — кулаков уже нет, а бедняки, поделив захваченную землю и скот, стали середняками. Что с ними надо сближаться, а не воевать. Что нужно прекратить злоупотребления, силовое выколачивание «чрезвычайного налога», то бишь продразверстки, реквизиции, разрешить товарообмен между уездами и волостями, вместо исполкомовских шишек, давящих и разваливающих деревню, выдвигать в руководство кадры из самих крестьян, знающих хозяйство своих районов. Советы депутатов крестьянской бедноты — похерить. А насильственную «коммунизацию» — пресечь…

И происходит интересная вещь. Еще совсем недавно, на декабрьском съезде комбедов, Ленин поддержал идею «коммунизации». Очевидно, настроенный соответствующим образом. И нетрудно понять — кем. Теперь же он соглашается с Калининым! Признает его доводы. И поручает ему написать несколько статей на данную тему. Сам пока воздерживается выступать. То ли считая неудобным столь быстро менять высказанное мнения, то ли из тактических соображений. Ленин хитрить тоже умел. Но Калинина он подталкивает, поощряет поднять в печати вопрос о крестьянской политике. А статьи в печати — это уже открытый вызов. Вызов Свердлову…

31. Казачий геноцид

Все противники Советской власти лелеяли надежды, что окончание Мировой войны развяжет руки странам Антанты. Ведь «союзники» же! Россия им сколько раз помогала и выручала. Так неужто не помогут? В конце концов, разве культурные и цивилизованные западноевропейцы с американцами будут спокойно смотреть на варварство и зверства комиссарского режима, на такие вопиющие нарушения прав человека? Неужто не вмешаются? И что им стоит помочь? У них уже отмобилизованные, обстрелянные, отлично вооруженные кадровые армии. Победоносные, одолевшие Германию и ее сателлитов.

И действительно, осенью 1918 года корабли «союзников» вошли в Черное и Балтийское моря. Представители стран Антанты появились при белогвардейских и националистических правительствах. А в декабре началась высадка французов в Одессе. Многим казалось — уж теперь-то дни Советов сочтены. Красная Армия была еще слишком слабой, плохо организованной, полупартизанской. Двинутся вперед мощные соединения «союзников», и разве сможет она сдержать их? Но… никаких дальнейших реальных шагов не последовало.

Западные масонские правительства отнюдь не собирались спасать Россию. Американский президент Вильсон говорил: «Всякая попытка интервенции в России без согласия Советского правительства превратится в движение для свержения Советского правительства ради реставрации царизма. Никто из нас не имел ни малейшего желания реставрировать в России царизм». Ллойд-Джордж открыто заявлял в английском парламенте: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании». А впоследствии признавал: «Мы сделали все возможное, чтобы поддерживать дружеские дипломатические отношения с большевиками, и мы признали, что они являются правителями… Мы не собирались свергнуть большевистское правительство в Москве».

Зачем свергать-то? Свергать и реставрировать хотя бы правительство социалистов — значило допустить Россию в круг победителей. А большевиков можно объявить «союзниками» Германии, то есть Россия оказывается в числе побежденных. Вот и пустить ее в передел вместе

с государствами, проигравшими войну. А то, что от нее останется, пусть и дальше барахтается в хаосе и погибает.

Интервенция ограничилась приморскими городами. Кроме Одессы, войска Антанты заняли своими гарнизонами лишь Севастополь, Николаев, Херсон. В глубь страны не двинулись ни на шаг. А правительства «союзников» с огромным энтузиазмом поддержали процессы расчленения России. Бессарабию оставили предательнице-Румынии. Поощряли Пилсудского к захвату Белоруссии и Литвы. Завязывали теплые контакты с Петлюрой, националистическими правительствами Грузии, Азербайджана, Латвии, Эстонии, северокавказскими сепаратистами.

Ну а большевикам и их противникам Совет Десяти (держав-победительниц), заседавший в Париже, в январе 1919 года предложил вдруг «политическое урегулирование» — провести при посредничестве «союзников» мирную конференцию на Принцевых островах в Мраморном море. С участием Советского и всех белогвардейских правительств. И там тихо-мирно обо всем договориться. Коммунисты идею поддержали с радостью, ответили немедленным согласием. А белые правительства Колчака, Деникина, Чайковского, естественно, такое предложение отвергли. Чем дали повод западному «общественному мнению» к ожесточенным нападкам. Поскольку советская сторона выступала как бы миролюбивой, а белогвардейцы изображались кликой фанатиков, отказывающихся от примирения.

Иностранные представители наобещали Деникину и Краснову, что скоро к ним прибудут войска, транспорты с оружием и снаряжением. Но ничего этого не было. А положение белых становилось все более угрожающим. Против них сосредотачивались ударные группировки советских армий, готовились к наступлению. Особенно тревожная ситуация сложилась на Дону. Уход немцев с Украины открыл казачьи земли с запада. Линия фронта сразу увеличилась на 600 км. И красные части стали обтекать Войско Донское. Его обкладывали с трех сторон 10, 9, 8-я и 13-я армии общей численностью 124 тыс. штыков и сабель.

У казаков было в строю 38 тысяч. Вынужденных теперь растягивать фронт, затыкать возникшие дыры. А зима 1918/19 г. выдалась суровая. Снежная и морозная. Метели засыпали неглубокие окопы. Боевые действия шли уже не из соображений тактики, а за жилье, за тепло и крыши. Отступающие сжигали что могли. Наступающие старались захватить хоть какие-нибудь строения. Части жались к населенным пунктам. Набивались в обгорелые дома, затыкали окна мешками и согревались животным теплом. От красноармейцев на Дон пришел тиф и косил казаков похлеще всяких пуль и снарядов. Они держались из последних сил.

Подавляющее большинство казаков были фронтовиками. Они сражались уже с 1914 года. Без отдыха, без передышек. Сперва прошли через битвы Первой мировой. Потом наехала гражданская. Они очень устали от войны. Война им осточертела. А ей конца-краю не было видно. Когда восстали против большевиков, все выглядело просто — выгнать красногвардейские банды с родного Дона и жить себе мирно. Не тут-то было. В течение 1918 года советские силы несколько раз предпринимали масштабные наступления. Казаки их громили, отражали. Но большевики имели возможность создавать и бросать на Дон все новые и новые дивизии. А казаки стояли на фронте одни и те же. Сменить их было некому…

Надвигалась неизбежная катастрофа. Атаман Краснов всячески пытался предотвратить ее. Обращался к Деникину, направил посольство в Румынию — в штаб войск Антанты, просил помощи. Деникин прислал отряды добровольцев, но небольшие. Других сил он выделить не мог, поскольку и на Северном Кавказе начиналось крупное сражение, перешла в наступление 11-я красная армия. На Дон прибыли представители «союзников», британский генерал Пуль, французские капитаны Фукэ и Бертелло. Краснов молил прислать оружие, прислать хоть какие-нибудь воинские контингенты. Даже не на фронт — а разместить их в тыловых городах, прикрыть Дон со стороны Донбасса.

И Пуль, прежде командовавший в Архангельске и разбиравшийся в русских делах, проявил себя действительно честным и благородным товарищем по оружию. Оценив

обстановку, он согласился, что помощь требуется экстренная. Послал приказ в Батуми расположенной там британской бригаде срочно перебазироваться на Дон. Телеграфировал в Лондон, прося ускорить посылку транспортов с оружием, обещанных Краснову. И сам выехал в Англию, чтобы лично хлопотать об активной поддержке Дона. А Фукэ и Бертелло пообещали, что французские войска из Одессы выступят на Харьков и тем самым отвлекут красных.

Однако Пуль в Лондоне был снят с должности. Ему откровенно сказали, что Англии нужны друзья Англии, а не России. Батумская бригада даже не успела погрузиться на пароходы, приказ ей был отменен свыше. И французы никуда из Одессы не двинулись. Между тем Краснов уговаривал казаков продержаться еще немного. Обнадеживал скорой подмогой. Шел на хитрости. Когда в Таганрог приехала группа французских и английских младших офицеров — просто так, из любопытства, атаман пригласил их быть гостями, начал возить по станицам, демонстрируя: вот, мол, они, «союзники», они уже здесь! Скоро и их войска прибудут. Иностранные капитаны и лейтенанты неплохо провели время. Везде в их честь устраивали приемы, обеды, банкеты. И они, поднабравшись, щедро рассыпали в речах и тостах совершенно неограниченные и безответственные обещания от лица своих держав.

Но такие меры дали только отрицательный результат. Сперва-то казаки поверили, воодушевились. А союзных войск не было. И поняли — обман. Атаману больше не верили. Чему способствовало и его собственное лавирование, постоянное изменение политической позиции и иллюзии, которыми он увлекал Дон. То он манил казаков надеждами на покровительство немцев. Дескать, освободим наши земли, немцы помогут замириться с большевиками на границах Дона, как помогли Украине, и будем жить своим суверенным государством, «а до России нам дела нет». Этого не произошло. Теперь сулил поддержку французов и англичан — она тоже оборачивалась несбыточной химерой.

Вместо обещанной подмоги на Дон снова приехал французский капитан Фукэ с «чрезвычайными полномочиями» от главнокомандующего Франше д'Эспре и начал вдруг выставлять требования, чтобы Казачье Войско признало над собой «высшую власть» Франции «в военном, политическом, административном и внутреннем отношении». Чтобы атаман отныне распоряжался и действовал только «с ведома капитана Фукэ». Чтобы Дон оплатил все убытки с 1914 года французских фирм и граждан, имевших собственность на его территории…

А казаки мерзли, вшивели и погибали на позициях. И надломились. Ползли слухи — обман… измена… Боевые действия замерли. Начались стихийные, а потом и целенаправленные контакты между казаками и красными. Появились большевистские агитаторы. Внушали: «Вы что же, против всей России надеетесь устоять? Вас мало, а Россия велика. Против нас воевать — от вас мокрого места не останется». «Мы вашего не трогаем, и вы нас не трогайте. Идите по домам. Вы сами по себе, мы сами по себе». Разъясняли: «Раньше на Дону безобразничала Красная гвардия, а сейчас все совсем по-другому. Сейчас Красная Армия, в ней дисциплина». «Союзники ни Деникину, ни Краснову помогать не будут, потому что европейская демократия заодно с большевиками и своих солдат против них не пошлет».

И подействовало. Под Рождество Христово на северном участке три полка, 28-й Верхне-Донской, Казанский и Мигулинский, бросили фронт и пошли домой. Встречать праздник. А на сам праздник в станицах появились агенты Троцкого с пачками «николаевских» денег. Выставляли ведрами водку. Только в одной Вешенской на угощение станичников было пущено 15 тыс. рублей. И казаки на своих сходах признали Советскую власть. Вслед за этим и в соседнем, Хоперском округе полки начали оставлять позиции. Тем более что здесь со стороны красных действовал корпус казака Миронова. Он для донцов был «свой», многие с оружием переходили к нему. Сперва поодиночке, группами, а потом сразу четыре полка. Во фронте образовалась огромная брешь, куда стали вливаться советские дивизии. Шли даже не разворачиваясь, проходным порядком, занимая станицу за станицей. Казаки встречали их хлебом-солью…

Однако вместо долгожданного примирения грянул геноцид. Автором его стал Свердлов. Все факты говорят о том, что преступление планировалось заблаговременно. Начать с того, что изначально Советы назывались Советами рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. И съезды Советов так назывались. И полным названием ВЦИК было Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Но слово «казачьих» как-то постепенно выпало. Не официально, а «явочным» порядком. Во ВЦИК даже по-прежнему существовал казачий отдел. Но в обиходе слово «казачьих» больше не употреблялось, исчезло. Да и казачий отдел жил как-то сам по себе, на непонятном положении.

В январе 1919 года в Москве состоялось совещание начальников политоделов фронтов. Проводил его и председательствовал Свердлов, вернувшийся из Риги. Очевидно, как раз на этом совещании были согласованы и уточнены детали предстоящей акции. Время для ее начала было определено не случайно. Дождались момента, когда казаки откроют фронт. Иначе разве пустили бы они большевиков на свои земли? Дрались бы до последнего.

А главным сообщником Свердлова в замышлявшемся злодеянии стал Троцкий. Доказательством служит тот факт, что и Лев Давидович заранее вел подготовку. Командир корпуса казак Миронов был вдруг переведен на Западный фронт, в Белоруссию. Чтоб не помешал. А казачьи полки, перешедшие на сторону красных, быстренько загнали в эшелоны и отправили на Восточный фронт. Готовились и силы палачей. Тут надо отметить, что органы ЧК в данном случае не использовались. Операция возлагалась на свердловские Революционные Трибуналы, армейские Особотделы и созданные Троцким в октябре 1918 года Революционные Военные Трибуналы. Они представляли собой вполне самостоятельную структуру, подчинявшуюся Реввоенсовету республики, т. е. Троцкому, имели собственные отряды, вооружение вплоть до пулеметов. Все эти силы заблаговременно сосредотачивались на Дону.

А 24 января 1919 года была издана и пошла на места циркулярная директива Оргбюро ЦК за подписью Свердлова о проведении геноцида. В ней указывалось:

«Последние события на различных фронтах и в казачьих районах, наши продвижения в глубь казачьих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам…»

Предписывалось также «провести… в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли». «Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания…»

Подчеркнем несколько особенностей данного документа. Никакого Оргбюро ЦК в действительности не существовало. Это было второе название Секретариата. То есть кадрового и канцелярского органа при ЦК. Который решать политические вопросы был совершенно не вправе. А фактически решения и инструкции Секретариата вырабатывал, разумеется, не технический персонал, не секретарши и стенографистки. Они исходили от Свердлова. И директива о геноциде была его единоличной. Но, тем не менее, она была издана от имени всего ЦК! В ней так и говорилось: «ЦК постановляет…»!

Следовательно, с «юридической» точки зрения — даже с точки зрения большевистской «законности», документ был более чем сомнительным. Однако еще раз отметим и то, что кампания была уже подготовлена. И едва директива Свердлова дала «старт», машина террора завертелась мгновенно, без раскачки и пробуксовываний. Лозунги убийства были сразу подхвачены на разных уровнях. Троцкий писал о казаках: «Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Стомиллионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственности не имеет здесь права на какое-то великодушие. Очистительное пламя должно пройти по всему Дону, и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции… Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море…» Он же ввел в обиход термин — «устроить карфаген» казачеству.

Член РВС Южфронта Колегаев (только что вернувшийся из Москвы со свердловского совещания) требовал от подчиненных частей массового террора. Распространялись инструкции об «изъятии офицеров, попов, атаманов, жандармов, просто богатых казаков, всех, кто активно боролся с Советской властью». Член РВС 8-й армии Якир писал в приказе: «Ни от одного из комиссаров дивизии не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией наших завоеваний».

Первым делом было провозглашено «расказачивание». Запрещалось само слово «казак», ношение традиционной формы, лампасов. За нарушение — расстрел. Станицы переименовывались в волости, хутора — в села. Часть донских земель вычленялась в состав Воронежской и Саратовской губерний, подлежала заселению крестьянами. Во главе станиц ставили комиссаров, как правило из «инородцев» — евреев, немцев или венгров. Населенные пункты облагались денежной контрибуцией, разверстываемой по дворам. За неуплату — расстрел. В трехдневный срок объявлялась сдача оружия, в том числе дедовских шашек и кинжалов. За несдачу — расстрел. Рыскали карательные отряды, отбирая подчистую продовольствие и скот, по сути обрекая людей на голодную смерть.

Тут же покатились и расправы. Перебить богатых казаков? Но наделы казаков были значительно больше крестьянских, поскольку они несли службу, покупали коней, снаряжение и оружие за свой счет. Вот они все и богатые! Террор к казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью? А кто не принимал, если на Дону была всеобщая мобилизация от 19 до 52 лет? Если кто-то скрылся или отступил с белыми — казнили семью. «Изъять» жандармов? Хватали стариков, служивших при царе, в 1905 году. По хуторам разъезжали трибуналы, производя «выездные заседания» с немедленными расправами. Казнили при помощи пулеметов — разве управишься винтовками при таком размахе? Кое-где начали освобождать землю для крестьян-переселенцев из центральных губерний. Казаки подлежали выселению в зимнюю степь. На смерть.

О том, что творилось на Дону, красноречиво рассказал в своем бессмертном романе Михаил Александрович Шолохов. Хотя он по понятным причинам вынужден был смягчить тона. В 1931 году он писал Горькому: «Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию, причем сознательно упустил факты, служившие непосредственной причиной восстания, например, бессудный расстрел в Мигулинской 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных в течение 6 дней достигло 400 с лишним человек».

Да, по Дону гуляла смерть. Некоторые свидетельства очевидцев приводит в своем очерке Е. Лосев («Москва» № 2, 1989): «Смертные приговоры сыпались пачками. Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30–40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем и криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей…» «Беззаконным реквизициям и конфискациям счет нужно вести сотнями тысяч. Население стонало от насилий

и надругательств. Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса…»

В Урюпинской число казненных доходило до 60–80 в день. Комиссары-инородцы откровенно бесчинствовали и измывались над казаками. В великолепном Вешенском соборе устроили публичное венчание 80-летнего священника с кобылой. В той же станице Вешенской старику, уличившему комиссара во лжи и жульничестве, вырезали язык, прибили к подбородку и водили по станице, пока он не умер. В Боковской комиссар расстреливал ради развлечения тех, кто обратил на себя его внимание. Клал за станицей и запрещал хоронить… Прямое участие в расправах принимал Якир, содержавший собственный карательный отряд из 530 китайцев. Прославилась садизмом и еще одна «политработница», Розалия Залкинд (Землячка), любившая лично присутствовать при казнях.

Но если геноцид на Дону более-менее известен нам по страницам «Тихого Дона», то надо помнить, что в самом-то деле проводился он не только здесь, а повсеместно! Во всех казачьих областях, оказавшихся к этому времени под властью красных. На Урале активным его проводником стал Шая Голощекин, военком Уральского округа и член РВС Туркестанской армии. Впоследствии уполномоченный из Москвы Ружейников, прибывший в Уральск специально для исправления «перегибов», выпустил из тюрем 2 тысячи казаков как невинно арестованных. А скольких не выпустил, сколько счел арестованными законно? И скольких было уже поздно реабилитировать? Сколько уже лежало в земле? Ведь подолгу-то в тюрьмах не держали, конвейеры смерти действовали бесперебойно.

Князь С. Е. Трубецкой в своих мемуарах описывал, как в тюрьме в одной камере с ним оказался комиссар, осужденный за злоупотребления. И рассказывал о своих бесчинствах с уральскими казаками и казачками: «Мы эту гидру выжигали каленым железом», — то есть казнили всех подряд. Расстрелы производились в каком-то овраге. «Девки и молодки подвернулись как на подбор красавицы, — говорил комиссар. — В самом соку, значит. Прямо жаль расстреливать. Ну, думаю, им все равно умирать, зачем же им перед концом ребят не утешить… одну и самому себе выбрал. Вас, говорю, от этого не убудет. Ну а они и слышать не хотят, кричат, ругаются, ну прямо несознательные. Ничего не поделаешь, согласия не дают, чего, думаю, на них, контрреволюционерок, смотреть… мы уж без согласия». «Что же, потом вы их расстреляли?» «А то как же, — ответил комиссар. — Все как полагается, мы свое дело знаем, ни одна не ушла».

Геноцид обрушился и на Оренбургское, Терское, Астраханское казачество. И даже на казачьи части, сражавшиеся на стороне красных! Когда Деникин в зимних боях разгромил 11-ю советскую армию, единственным боеспособным соединением, сумевшим отступить в относительном порядке, была кубанская бригада Кочубея. В Астрахани ее под предлогом «анархии» разоружили и расформировали, многих арестовали. Кочубея хотели расстрелять, он бежал в степи и погиб.

Уже позже, в сентябре 1919 г., на «Мироновском процессе», член РВС республики Смилга говорил о геноциде: «Теперь о зверствах на Дону. Из следственного материала видно, что зверства имели место. Но так же видно, что главные виновники этих ужасов уже расстреляны. Не надо забывать, что все эти факты совершались в обстановке гражданской войны, когда страсти накаливаются до предела. Вспомните французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки с точки зрения индивидуального человека. Поступки войск Конвента понятны лишь при свете классового анализа. Они оправданы историей, потому что их совершил новый, прогрессивный класс, сметавший со своего пути пережитки феодализма и народного невежества, то же самое и теперь».

Интересно, вспомнил ли об «оправданности» троцкист Смилга, когда его самого поставили к стенке в 37-м? Впрочем, сейчас речь о другом. О том, что казачий геноцид не относился к «обычным» ужасам гражданской войны, к страстям, «накаленным до предела».

Потому что проводился целенаправленно, спланировано и систематически. И к тому же это преступление опять было иррациональным!

Ведь речь шла не о подавлении сопротивления, не о карах противников, не об усмирении непокорных. Наоборот, расправа обрушилась на тех казаков, которые уже покорились, признали Советскую власть, уже приняли ее. Могли обеспечить тыловое снабжение для красных частей, воюющих с Деникиным и Колчаком, а кто-то готов был и драться на стороне красных… В чем же дело? За что же и по какой причине было решено их истребить? Некоторые писаки, стараясь объяснить это, даже придумали историю — дескать, молодого Яшу Свердлова в 1905 году поймали казаки и хотели повесить, вот он их и возненавидел. Хотя такого случая никогда не было, это не более чем байка.

Чтобы понять подоплеку акции, надо вспомнить, что казаков традиционно называли «воины Христовы». И сами они всегда с гордостью относили к себе данный титул. Воины Христовы! Призванные не по мобилизациям, а самим Господом. Казак — воин всегда, независимо от того, находится он на действительной, в запасе или на гражданке. Его служба — от рождения до смерти. И конечно же, сатанисту Свердлову и масону Троцкому было из-за чего желать уничтожения казачества. Добавим и то, что казаки — всегда патриоты. Они могли воевать против красных, против белых, но никогда — против Отечества как такового.

Казаки очень дорожат своей свободой. А их собственная субординация и дисциплина отнюдь не считается нарушением свободы, это исполнение сознательного, высшего долга. Казаки — консерваторы, бережно поддерживают свои традиции, свой уклад. И если в схемах Свердлова предполагалось обезличить, оболванить и «переделать» русский народ, превратить в бессловесных рабов крестьян для строительства царства антихристова, если в схемах Троцкого предполагалось такое же порабощение в «трудовых армиях», а Россию следовало пустить на растопку в пламени «мировой революции», то казачество в подобные схемы абсолютно не вписывалось. Оно неизбежно стало бы камнем преткновения на пути этих планов. Вывод следовал один — уничтожить.

Вполне вероятно, что истребления казачества пожелали и международные «силы неведомые». Сочли, что для полного разрушения России вместе с убийством царя, сокрушением Церкви и ее служителей, уничтожением национальной культуры хорошо бы избавиться и от «воинов Христовых».

Но здесь организаторы злодеяний просчитались. В отличие от интеллигенции, стонавшей, пытавшейся жаловаться иностранцам, но при этом покорно шедшей вереницами на бойни и позволявшей умерщвлять себя, как баранов, казаки были именно воинами. Привычными к спайке, умеющими быстро сорганизоваться. Их терпения хватило всего на месяц, пока они не поняли, что их попросту систематически уничтожают. Занялось сразу в нескольких местах. В Еланской, когда 20 коммунистов захватили очередную партию жертв, поднялся Красноярский хутор. Казак Атланов собрал 15 человек с двумя винтовками — пошли шашками и плетками отбивать арестованных. В Казанской, когда на один из хуторов приехали 25 трибунальцев с пулеметом проводить «карфаген», тоже восстали. Пошла цепная реакция. Сотник Егоров поднял по казачьему сполоху 2 тыс. человек…

В качестве агитационных материалов повстанцы распространяли найденные у убитых комиссаров ту самую, свердловскую директиву о геноциде и телеграмму Колегаева во исполнение директивы. Мятеж разливался стремительно, охватив целый ряд станиц: Казанскую, Еланскую, Вешенскую, Мигулинскую, Шумилинскую, Мешковскую, Усть-Хоперскую, Каргинскую, Боковскую. Казаки самостоятельно формировали сотни и полки, выбирали на сходах командиров. Командующим стал полный Георгиевский кавалер хорунжий Павел Кудинов. Был выдвинут лозунг: «За советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». У повстанцев не было оружия, боеприпасов — почти все уже успели сдать. Но доставали припрятанные дедовские шашки, ковали пики и кидались в атаки с холодным оружием. Отливали картечь и пули из оловянной посуды, из свинцовых решетов веялок. Для

нескольких захваченных пушек вытачивали стаканы снарядов из дуба на токарном станке. И гнали, громили палачей и карателей.

Точно так же и в это же время восстало Уральское казачество. Разумеется, не сговариваясь с Донским. Но ведь действовали одни и те же закономерности. И вели к одному и тому же результату. И Оренбургское восстало. Взялось за оружие Терское, активно поддержав Деникина. Словом, для Советской власти кампания геноцида принесла только вред. Вместо того, чтобы развивать наступление на Колчака, Деникина, Петлюру, Пилсудского красное командование во главе с Троцким вынуждено было снимать с фронтов дивизии и перебрасывать против повстанцев. Но даже многократно превосходящими силами сломить их не удалось. Впрочем, Свердлов этого уже не увидел.

32. ВЦИК на колесах

Помощь вооружением и снабжением белогвардейцы все же получили. Но мизерную. Хотя и эта помощь странам Антанты ничего не стоила бы. После войны у них остались огромные склады оружия, боеприпасов, обмундирования, обуви, и почти все предстояло уничтожить, поскольку хранение требовало огромных расходов. Нет, западные «союзники» и дальше будут помогать Деникину так же, по чайной ложке. Только для того, чтобы подпитать и затянуть российскую междоусобицу. Когда белые побеждали, помощь им прекращалась, когда терпели поражение, подбрасывали еще немножко.

Мало того, даже русское вооружение отдать отказались. Под Очаковом и на о. Березань остались огромные склады старой армии, но французы наложили на них лапу, а когда Деникин попросил передать их, ответили, что это территория Украины, значит и склады принадлежат Петлюре (в итоге они были брошены и достались красным). Не помогли и Колчаку. Ему-то снабжение выделялось вообще не бесплатно, а за золото. Однако и за золото слали всякую заваль, вроде пулеметов Сен-Этьена. Если смотрели фильм «Золотая пуля», то там показан такой — неуклюжая дурында на высокой треноге. Которую неизвестно как перетаскивать, а пулеметчик возвышается в рост, открытый для всех пуль и осколков.

Иностранные представители давили на белогвардейские правительства, требуя их «демократизации». Хотя чем «демократичнее» оказывалось правительство, тем слабее оно было и тем быстрее погибало, как было с самарской «учредилкой». Чужеземцы поощряли и подпитывали заговоры левых партий против «великодержавников» Колчака и Деникина. Старались урвать что плохо лежит. Например, после разгрома белогвардейцами 11-й красной армии англичане двинули отряд, силясь захватить Грозный с нефтяными месторождениями. Подзуживали грузинских меньшевиков хапнуть Гагры и Сочи.

Белая бригада генерала Тимановского была переброшена Деникиным в Одессу для наступления на Украину. Нет, французское командование запретило ей выходить за пределы Одессы, поддерживая дружбу с Петлюрой. Чтобы разрешить эти «недоразумения», Деникин четырежды обращался с посланиями к командующему черноморской группировкой генералу Бертелло, пять раз к главнокомандующему в Восточной Европе генералу Франше д'Эспре, дважды к Верховному главнокомандующему армиями Антанты маршалу Фошу. Все обращения остались без ответов.

Правительства Антанты морочили головы антисоветским силам, запутывали их в своей политике. Но и сами в ней совершенно запутались! А большевики очень успешно морочили головы им самим. На Украине, в отличие от Прибалтики и Белоруссии, они действовали очень осторожно. Ведь в Одессе и Румынии располагались крупные силы европейских держав. А ну как вмешаются? Возьмут Петлюру под покровительство, как немцы? И сперва в пограничной Судже было создано «независимое» украинское коммунистическое правительство. Как бы совсем и не подчиняющееся Москве. От лица этого правительства сформировалась Украинская Красная армия Антонова-Овсеенко, тоже формально «независимая» от российской. Она была

маленькой, из 2 дивизий. Всего 4 тыс. человек. Но двинулась вперед, 1-я дивизия на Чернигов, 2-я на Харьков.

Эти дивизии вооружались и снабжались из России, а на Украине начали расти, как снежный ком. За счет тех самых повстанцев, которые сперва выступили под знаменами Петлюры. Киевская Директория была очень «левой» — но состязаться в «левизне» с большевиками все равно не могла. Примыкали к красным и те, кто хорошо погулял и пограбил при восстании против гетмана, а теперь надеялся это повторить. Другим, напротив, надоела анархия и погромы, смены правительств, и они видели в коммунистах силу, способную наконец-то навести на Украине порядок. А многие встречали красных с радостью просто как русских. Поскольку лозунги «самостийности», с которыми носились Рада, гетман и Директория, были чужды для большинства населения. Теперь же снова шло объединение в Россией, все вставало на свои места.

Армия Петлюры таяла. Части разбегались или переходили на сторону большевиков. В январе были заняты Харьков, Чернигов. На стороне коммунистов выступил Махно, стал командиром бригады, состоявшей из его повстанцев. Перешел со своими отрядами еще один значительный «батька», Григорьев. Бывший штабс-капитан царской армии, он успел послужить и Центральной Раде, и Скоропадскому, и Директории, а теперь перекинулся к большевикам и тоже получил чин комбрига.

Националистическое правительство Винниченко-Петлюры проявило полнейшую беспомощность. Издавало универсалы о мобилизации, угрожая дезертирам каторжными работами на срок 20 лет. Над этим только смеялись — все видели, что существование украинской власти измеряется уже не годами, а днями. Доходило до того, что Директория выпускала воззвания, предостерегающие население от действия «секретных химических лучей», которые будут пущены в ход против красных — это петлюровское командование пыталось таким способом напугать врага. Мол, узнают через шпионов о «химических лучах», тут-то и накладут в штаны… Но большевики не испугались, и Директория сбежала в Винницу. 6 февраля дивизия Щорса без боя вошла в Киев.

А в Одессе стояли в бездействии 2 французских, 2 греческих и 1 румынская дивизии — 35 тыс. кадровых солдат и офицеров со множеством орудий, пулеметов, танками, броневиками. Двинься они на север — о каких победах красных на Украине могла бы идти речь? Нет, не двинулись. И белогвардейцев Тимановского не пустили…

Так что положение Советской власти оставалось прочным. Ей ничто не угрожало. Она одерживала все новые успехи, приращая подконтрольную территорию целыми областями и республиками. А председатель ВЦИК Свердлов продолжал жить и трудиться в основном на колесах своего поезда, раскатывая по городам и весям. После Латвии он задержался в Москве только для того, чтобы решить важнейшие дела. Те, что уже упоминались — с совещанием фронтовых политработников, директивой о казаках. Кроме того, Ленин поднял вопрос о созыве очередного, VIII съезда партии. И Свердлов разослал членам ЦК, отсутствовавшим в столице, телеграмму от своего имени:

«Нами намечен партийный съезд на 10 марта. Предполагаемый порядок дня: 1. Программа. 2. Коммунистический Интернационал. 3. Военное положение и военная политика. 4. Работа в деревне. 5. Организационные вопросы… Право избирать имеют члены партии, вошедшие за 6 месяцев до съезда, быть избранными — вошедшие до Октябрьской революции. Прошу немедленно сообщить ваше отношение. Свердлов».

После чего Яков Михайлович снова отбывает из Москвы. На этот раз — в Белоруссию. Опять почести, пышные встречи. Опять он — высокий гость. Поучает, принимает восхваления. 31 января участвует в заседании Центрального бюро компартии Белоруссии, 2 февраля — в работе I съезда Советов Белоруссии. А. Ф. Мясников предоставляет ему первое слово, он толкает речи…

Но и после окончания съезда Свердлов в столицу еще не возвращается. Из Белоруссии он едет в Литву, в Вильно. В общем хорошо видно, что Яков Михайлович подбирает под себя еще одно широкое поле деятельности. Становится «повивальной бабкой» рождения новых республик, их наставником и верховным куратором. Роль Советов во внутрироссийских структурах, как ранее отмечалось, стала падать, и Яков Михайлович создает себе дополнительную опору на национальных окраинах.

Он осваивает роль лидера международного масштаба. А значит, в потенциале, и «мировой революции». Ведь те же западные национальные республики виделись в качестве «трамплинов» для дальнейшего революционного броска. В Европу. И в данное время именно Белоруссии и Литве предназначалась роль главного плацдарма. К этому заранее готовились, был предпринят ряд стратегических политических шагов. Две республики объединялись в одну, Литовско-Белорусскую. Зачем это требовалось?

В Польше тоже шли буза и раздрай, как на Украине. Возникли легальные Советы, где преобладали очень левые настроения. Вот и предполагалось сыграть на национальных и великодержавных чувствах поляков, забросить им идею, что коммунисты готовы воссоздать Речь Посполитую, разрушенную «царизмом» в XVIII веке. А Литовско-Белорусская республика выглядела уже «заготовкой» для подобной реставрации. Дескать, присоединяйтесь, товарищи поляки, милости просим, и будет Польско-Литовско-Белорусская республика, та же Речь Посполитая, только коммунистическая! Мнение православных белорусов, для защиты прав которых Екатерина II когда-то отобрала Белоруссию у Польши, ясное дело, не спрашивалось. Да и им все равно предстояло забыть о своем православии.

В Литве и Белоруссии шло формирование «Польско-литовско-белорусской Красной Армии» из четырех дивизий. Планами предусматривалось сговориться с польскими Советами, при их поддержке захватить Домбровский бассейн, провозгласить эту самую «красную Речь Посполитую» и бросить упомянутые четыре дивизии во взбаламученную Польшу. Как бы независимо от Советской России. То есть повторить украинский сценарий. А Яков Михайлович, таким образом, являлся одним из организаторов и проводников данного плана. Если не одним из авторов этой химеры.

И вот он готовит реализацию объединения, обеспечивает принятие соответствующих решений Советами Белоруссии и Литвы… В Вильно Свердлова встречают и обхаживают его ставленники Мицкявичус-Капсукас, Циховский. И Уншлихт — член РВС Западного фронта, Уж не знаю, как там у него было с полководческими талантами, но, как большинство свердловских выдвиженцев, он успел зарекомендовать себя крайней кровожадностью. После захвата литовской столицы издал приказ арестовывать на улицах всех хорошо одетых людей. Часть объявили «заложниками» и отправили в Москву, часть расстреляли на месте. Вторым этапом Уншлихт провел ревизию крупных городских фирм. При этом были схвачены не только хозяева, но переписаны клиенты фирм. По спискам взяты и уничтожены. Так же действовал Уншлихт и дальше. Например, арестовывал модных и дорогих портных, обвиняя в мошенничестве. Выжимал из них имена всех горожан и горожанок, которые шили себе наряды у этих портных, арестовывал их и отправлял на расстрел.

И вот еще подумалось — не пополнялось ли во время разъездов содержимое сейфа Свердлова? Так, известно, что Стучка в Риге очень солидно греб в свою пользу. В голодающем городе, где люди поели собак и кошек, устроил пышную свадьбу дочери — очевидцы сообщали, что никогда не видели одновременно такого количества драгоценностей, как на гостях стучкиной свадьбы. А Уншлихт в Вильно целенаправленно истреблял состоятельных людей. Так неужто не преподнесли «сувенирчики» своему высшему благодетелю?

Кстати, а если бы Свердлов собрался бежать за рубеж, то, вполне вероятно, воспользовался бы своим поездом. Иначе разве мыслимо упереть с собой такой груз золота и драгоценностей? А в поезде можно. Со всеми удобствами. Под предлогом очередной служебной поездки отправиться в приграничный район, приказать местному начальству пропустить —

мол, на переговоры еду. И поминай как звали. Но нет, побег готовился лишь на крайний случай. Если над ним разразится катастрофа. Власть для Свердлова была важнее богатств. Пока же он не терял надежды сохранить и упрочить высокое положение.

На съезде Советов Литвы, как и на съезде Советов Белоруссии, Яков Михайлович помог подготовить объединение республик. Сломить оппозицию белорусов, не согласных с таким шагом. Впрочем, какие уж там белорусы, если в Минске верховодили Мясникян, Иосиф Адамович, Вильгельм Кнорин, Позерн, Вацлав Богуцкий? А в Вильно вообще «свои» люди. Под надзором и руководством Свердлова были приняты нужные решения, намечены нужные кандидатуры: во главу Совнаркома Литовско-Белорусской республики — Мицкявичус-Капсукас, во главу ЦИК — Циховский, наркомом по военным делам и командующим «Польско-литовско-белорусской Красной Армиией» — Уншлихт. Окончательное объединение произошло уже без Свердлова, 25 февраля, а он свое дело сделал и покатил в Москву. У него хватало и других объектов, требующих внимания и усилий.

Планы «мировой революции» все еще казались вполне реальными. На Украине начали формироваться 1-я Интернациональная советская дивизия и 1-я Бессарабская стрелковая дивизия, в них записывали венгров, румын, болгар, сербов, хорват, греков, чехов. Три дивизии Украинской Красной армии уже выросли в три армии. Они должны были начать наступление на Румынию и через Галицию — в Венгрию, где вел подготовку к революции и провозглашению Советской республики приятель Якова Михайловича Бела Кун.

А с войсками Антанты, торчавшими без дела в Причерноморье, разобрались очень просто. На них пустили не регулярные войска, а 20-тысячную банду атамана Григорьева. Опять осторожненько, прощупыванием. Чтобы в случае чего можно было извиниться — мол, это не мы, это самостийные повстанцы вас потревожили. Но все сложилось лучше некуда. При нападениях отрядов григорьевского сброда крупные французские контингенты вдавались в панику, бежали, бросая пушки и танки. А красные, поняв, что «оно не кусается», стали действовать смелее и решительнее.

Что сыграло на руку правительствам государств Антанты. Они же только предлог выискивали, чтобы руки умыть. Наступление Григорьева и Котовского на Николаев, Херсон и Одессу такой предлог дало. И чуть позже, 1 апреля, Верховный Совет Антанты в Париже примет решение о выводе своих войск из России и о невмешательстве военной силой в русские дела. При этом было глубокомысленно заявлено, что «Россия должна сама изжить свой большевизм».

Но внутреннее положение Советского государства становилось все напряженнее. В Москве по «рабочей» карточке, то бишь самой обеспеченной (за исключением «совнаркомовской») на день полагалось всего 216 г. хлеба, 64 г. мяса, 26 г. постного масла, 200 г. картошки. Но еще попробуй отоварь ее, эту карточку! Давали то не в полном объеме, то суррогаты-заменители. А уж карточки низших категорий — иждивенческие, детские, не отоваривались никогда, их владельцам предоставлялось выкручиваться как угодно или умирать с голоду. Причем Москва была все же столицей, сюда направлялось хоть какое-то продовольствие. В других местах ситуация была катастрофичнее. В январе произошли голодные бунты русских рабочих, служащих и железнодорожников в Туркестане. Потом забастовали заводы в Астрахани.

Товарообмен, прежде хоть как-то подкармливавший города, был пресечен наглухо. Если в августе Ленин издал распоряжение смягчить действия заградотрядов, допустить провоз продуктов из деревни в ограниченных объемах, то после его ранения это было напрочь забыто. И заградотряды свирепствовали, доходя до беспредела. Скажем, жена бывшего военного министра России Елена Сухомлинова, сбежавшая от мужа с любовником-грузином, была с ним задержана на Волге. У них при обыске нашли 2 фунта (800 г) сахару. И обоих расстреляли — «за спекуляцию». Полным ходом продолжалась и насильственная «коммунизация» крестьян.

А Яков Михайлович вернулся из поездки в середине февраля. И вот тут-то вдруг и выяснилось, что между ним и Лениным назрел серьезный конфликт. Откуда это видно? Первое — на VIII съезде предполагалось принять новую Программу партии. А Свердлова к ее разработке не привлекали. Несмотря на то, что он уже зарекомендовал себя специалистом по подготовке основополагающих документов, руководил составлением Конституции. Теперь же оказалось, что программная комиссия почти все сделала в его отсутствие.

И второе — на 2 марта был намечен I Учредительный съезд Коминтерна. Свердлов являлся одним из главных инициаторов создания этой организации. Еще в Туруханской ссылке, если помните, он пытался разрабатывать проекты новых международных структур коммунистического движения. А в 1918 году первым предпринял практические шаги по строительству таких структур, стал родоначальником «Федерации иностранных групп РКП(б)» и по сути руководил ею через Белу Куна. Даже в обрывке московской газеты, обнаруженной следователем Соколовым на месте уничтожения останков царской семьи, фигурировали слова «Третий Интернационал». Еще не существовавший тогда, но уже пропагандировавшийся. Не кто иной как Свердлов в ноябре 1918 года обеспечивал засылку на родину десантов агитаторов из пленных. А его разъезды в Латвию, Белоруссию, Литву — разве не работа по развертыванию «мировой революции»?

Но его, явно претендующего на роль международного коммунистического лидера, на Учредительном съезде Коминтерна… не оказывается даже среди делегатов! Его в это время снова отправляют из Москвы подальше. На Украину.

Что ж, Ленин был умным человеком. И хитрить он тоже умел. Видимо, не только с Калининым успел встретиться, сопоставить ту информацию, что шла к нему через Свердлова, с действительными картинами. Судя по всему, собрал и кое-какие другие сведения о своей «правой руке». Но действовал осторожно, не выказывая своей позиции в открытую. Зная, что кругом — люди Свердлова. Желая сперва как следует подготовиться. А может быть, осторожничал и из соображений собственной безопасности. И вот теперь стало ясно, что Владимир Ильич утратил прежнее доверие к Якову Михайловичу. Начал оттирать его от ключевых высот и решений.

Тем не менее Свердлов не сдается. И намеревается дать бой. Он уже чувствует себя в силах дать бой самому Ленину! Но «правила игры» он принимает, считая их выгодными для себя. Владимир Ильич не открывает карт раньше времени, действует исподволь. И Яков Михайлович, со своей стороны, тоже готовится скрытно. Кто сумеет поспорить с ним в мастерстве закулисных интриг? Бой должен был произойти на VIII съезде партии. Очевидно, Свердлов уже и раньше догадывался об этом. Выше цитировалась его телеграмма по поводу подготовки к съезду. Обратите внимание на пункт: «Право избирать имеют члены партии, вошедшие за 6 месяцев до съезда, быть избранными — вошедшие до Октябрьской революции».

Право быть избранными — то есть делегатами съезда. С формальной точки зрения все, вроде бы, справедливо — выбирать людей со стажем, заслуженных. Но ведь рядовые рабочие, крестьяне, красноармейцы в основном вступали в партию после революции! А «дооктябрьские» коммунисты — это были большей частью «профессиональные» революционеры. В значительной доле евреи, «инородцы». Участники отрядов боевиков и прочих структур, в которых работал Свердлов. Те, с кем он контактировал в тюрьмах и ссылках. К тому же «старые» коммунисты после революции успели превратиться в функционеров. Именно они засели в исполкомах, в руководстве партийных органов на местах, стали всевозможными комиссарами. И как раз с ними работал Яков Михайлович через Секретариат и ВЦИК, имел среди них «свои» кадры.

А по возвращении из Литвы Свердлов развил еще более бурную деятельность в преддверии внутрипартийной схватки. Он лично составляет и через Секретариат рассылает по всем губкомам циркулярную инструкцию о порядке подготовки в съезду. Через друга детства Загорского пытается упрочить позиции в Московской парторганизации, 20 февраля выступает

на собрании коммунистов Рогожского района — с докладом о задачах VIII съезда. Так, как их понимает Свердлов. Он пишет Троцкому, просит побыстрее прислать набросок части программы партии, поскольку «программная комиссия заканчивает предварительную работу».

Отдельно пишет инструкции руководителям Самарского, Вологодского, Воронежского губкомов с указаниями, как проводить предвыборную кампанию. Этих руководителей он считает «своими», верными ему. И старается мобилизовать к съезду все возможные силы. В конце февраля отправляет эти послания — а сам уже снова на колесах. Личный поезд несет его в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, где готовятся сразу два мероприятия, III Съезд компартии Украины и III Всеукраинский съезд Советов.

А I Учредительный съезд Коминтерна проходит со 2 по 6 марта в Москве без Свердлова. Первое крупное советское мероприятие, где он не председательствует! Основные доклады делает Ленин. И председателем Коминтерна избирается Ленин. Да и в составе Исполкома Коминтерна Якова Михайловича не оказывается. Вообще. Тому, кто закладывал фундамент и начинал строительство Третьего Интернационала, места в руководстве данной организации не нашлось…

Ну да ничего, он же обладал талантом оборачивать в свою пользу даже и проигрышные обстоятельства. Обошли с Коминтерном, обидели? Зато перед ним открылись другие возможности. И он, наряду с другими республиками, старается подмять под свой контроль еще и Украину. На пост председателя Всеукраинского ЦИК Советов он тащит своего клеврета Г. И. Петровского. Наркомом по военным и морским делам Украины и главнокомандующим украинскими вооруженными силами, то бишь тремя украинскими армиями, становится «его» человек Подвойский. Председателем Всеукраинской ЧК, очевидно не без ведома Якова Михайловича, устраивается теоретик «красного террора» М. И. Лацис (Судрабс). А на пост председателя Киевской ЧК — бывший уральский боевик Свердлова, друг Белобородова Сорин.

Кстати, случайность или закономерность? Места, по которым путешествовал высокопоставленный чернокнижник, одновременно были и самыми страшными зонами «красного террора». И Харьков отнюдь не являлся исключением. Тут вовсю орудовали палачи-садисты Португейс, Фельдман, Иесель Манькин, матрос Эдуард, австриец Клочковский, Саенко. Главное место расправ, концлагерь, располагался прямо в черте города, на Чайковской улице. И жертвы не только расстреливались. Часто людей подвергали изощренному и мучительному умерщвлению, выводили во двор обнаженными и на глазах других заключенных кололи шашками. Начинали колоть с ног, потом все выше, выше, неглубоко вонзая лезвие и поворачивая в ранах… Впоследствии деникинская комиссия нашла и обследовала камеру пыток, орудия мучений — двухпудовые гири, «отрез резинового пожарного рукава в аршин длиной с обмоткою на один конец в виде рукоятки», пыточное кресло «наподобие зубоврачебного» с ремнями для привязывания людей. Было обнаружено и множество изувеченных трупов с переломами, перебитыми голенями, следами прижиганий раскаленным железом, обезглавленных, с отрубленными руками и ступнями. Женщина с семью ранами была зарыта живой. Практиковалось тут скальпирование жертв, снятие «перчаток» с кистей рук.

А по свидетельствам чудом спасшихся заключенных концлагерь посещал с «инспекцией» кто-то из очень высокопоставленных московских сановников. Не исключено, что Свердлов. Самая вероятная фигура из высокопоставленных. Он же был родоначальником городских концлагерей, должен был поинтересоваться здешним «передовым опытом». Тут можно было обзавестись и какими-нибудь нужными компонентами для магических ритуалов — поколдовать на будущую партийную схватку. Хотя посещение могло быть и просто экскурсией. Так сказать, в рамках «культурной программы». Из желания местного начальства потешить гостя, а для гостя — развеяться, скрасить досуг, ознакомиться с «достопримечательностями». В Харькове для Якова Михайловича главным было, конечно, не это. Главным были съезды.

1 марта открылся съезд компартии Украины. Свердлов — в президиуме, он здесь главное, первое лицо. Четырежды ему пришлось выступать с докладами, участвовать в бурных

дискуссиях. Он телеграфировал Аванесову: «На съезде временами страсти разгораются, присутствие все время оказывается полезным… Улаживаю кучи ведомственных конфликтов между военными, продовольствием, совнархозами». Ну еще бы страсти не разгорались! Ведь Украине предстояло принять весь «букет» свердловского «военного коммунизма».

Продразверстку, запрет на торговлю и товарообмен. И «коммунизацию» сельского хозяйства тоже! Свердлов и на Украине активно проводит ее в жизнь, выступает поборником наступления на крестьянство. Если в Нечерноземье перед революцией в помещичьем владении оставалось не так уж много земли, и сами имения были небольшими, то на Юге была велика доля крупных зерновых хозяйств. Тем легче казалось их «коммунизировать». И Яков Михайлович все же добился своего, провел на съезде нужные решения. Добился и того, чтобы нужные ему кандидатуры были избраны в ЦК украинской компартии и делегатами на VIII съезд РКП(б).

6 марта открылся III Всеукраинский съезд Советов. Тут Свердлов присутствовал только первый день. Все требуемые решения уже были приняты на партийном съезде, что предопределило их принятие и Советами. Даже и делегаты на обоих съездах в значительной доле заседали одни и те же. Якову Михайловичу осталось только убедиться в их послушании и проконтролировать настроения. Все было сделано в согласии с его волей. Петровского выдвинули в руководство ЦИК. И была принята резолюция съезда о национализации всей земли. При этом указывалось, что «все помещичьи и кулацкие земли, отличавшиеся высоким уровнем сельскохозяйственного производства» переходят в руки государства для создания на их базе совхозов.

Этим решением Свердлов наломал таких дров, что последствия для Советской власти станут очень и очень тяжелыми. Поскольку главной силой, помогшей большевикам овладеть Украиной, были крестьянские повстанцы! Которые уже поделили «все помещичьи и кулацкие земли, отличавшиеся высоким уровнем сельскохозяйственного производства». Поделили и скот, инвентарь. Гетман Скоропадский пробовал это отобрать, вернул владельцам — и получил общее восстание, свергшее его. Теперь отобрать решил Свердлов.

В результате против большевиков повернут оружие Махно, Григорьев, да и прочие крестьяне, те же самые, что недавно поддержали красных, полезут доставать с чердаков припрятанные винтовки. Едва распространится весть о национализации и «коммунизации», заполыхает сразу и повсюду, загуляют отряды «батек» всех мастей — «жовто-блакитных», «красно-белых», «зеленых», «черных», «черно-красных». Только в апреле — начале мая по Украине будет зарегистрировано 121 антикоммунистическое выступление. Что и рубанет под корень все мечты Свердлова о перенесении революции на мировую арену.

Но сам он этого, как и последствий политики казачьего геноцида, тоже не увидит. Вечером 6 марта 1919 года, удовлетворенный тем, что удалось сделать в Харькове, он сел в поезд. И персональный благоустроенный состав, весело стуча колесами, помчал его к Москве. И к смерти. Жить Якову Михайловичу оставалось менее десяти суток…

33. Орел, клюющий змею

История гибели Якова Свердлова почти во всех источниках приводится некорректно. В одной из двух версий. Официальная — умер от гриппа — «испанки». Неофициальная — был избит рабочими и скончался от побоев. Сразу отмечу, та и другая версии имеют много «неутыков» и противоречий с фактами. На самом же деле все материалы, относящиеся к смерти Свердлова, в партийных архивах имеются. Они сохранились до сих пор и все противоречия прекрасно снимают. Просто оказывается, что обе версии надо… объединить.

Выезжая из Харькова, Яков Михайлович уже чувствовал себя не очень хорошо. То ли простудился, то ли впрямь грипп подхватил. Но держался, расслабляться не собирался. Он никак не мог позволить себе разболеться. Предстоял съезд партии, предстояла жестокая схватка по поводу политической линии, методов работы. Свердлов имел хорошо налаженную

сеть информаторов вокруг Ленина. Знал, что именно может стать объектом атак и критики. И готовился серьезно, в полную силу. Понимал, что нельзя пренебрегать ничем, важен будет каждый сторонник, каждый голос. Поэтому даже дорога с Украины не была для него отдыхом, когда можно отоспаться, в окошко посмотреть. На всю поездку он распланировал целый ряд ответственных встреч и совещаний. Разослал телеграммы:

«Белгород. Комитету коммунистов. Выезжаю из Харькова 6 марта в 21 час, буду в Белгороде в 23 часа. Прошу придти в мой поезд совместно с президиумом Исполкома. Пред. ВЦИК Свердлов»

«Курск. Губком коммунистов. Проезжая Курск, считаю целесообразным переговорить по некоторым вопросам, партийным и советским. Прошу придти в мой поезд совместно с президиумом Губисполкомв. Буду в Курске в 5 часов седьмого марта. Пред ВЦИК Свердлов»

Аналогичные телеграммы улетели в Орел, в Тулу, в Серпухов. В Белгороде, Курске, Орле, Туле ему требовалось обработать нужным образом местное руководство. Подчинить, внушить, настроить, склонить к своей позиции в грядущей съездовской борьбе. Проверить, кто от этих губерний поедет на съезд. Повлиять на выбор делегатов. А в Серпухов телеграмма была адресована в Реввоенсовет Республики. Там располагалась главная ставка Троцкого. Очевидно, как раз Льва Давидовича Свердлов видел своим главным союзником, намеревался договориться с ним и согласовать действия. И… только ли съездовским союзником? У Троцкого были войска. Армия… Ох как сильно попахивало все это организацией заговора! Допустим, на случай поражения на съезде…

Некогда было болеть Якову Михайловичу. Никак обстановка не позволяла. И он преодолевал слабость, старался подавить в себе хворобу. Наверное, какими-то магическими методами, которыми когда-то врачевал остяков с тунгусами. Напрягал волю, внутренними усилиями концентрировал свой «дух жив» в тех или иных участках организма. А может, шептал какие-то сакральные слова, делал пассы, рисовал магические фигуры, призывая до сих пор верно повиновавшихся ему духов тьмы…

И в этой самой тьме, обступившей со всех сторон, мчался вперед спецпоезд. Поезд с кабинетами и салоном для заседаний, с кухней и запасом продуктов, с удобными жилыми помещениями, с отрядом первоклассной охраны, со штатом прислуги и молоденьких девчонок-секретарш, с библиотекой и киноустановкой. В последней поездке спутникам и спутницам Свердлова было не до развлечений, не до маленьких «житейских радостей». Даже не до сна. Их хозяин включился в бурную работу. А значит, все должны были подчиниться тому же режиму.

Какая разница, в 23 часа или в 5 утра придет его поезд в тот или иной город? Во сколько придет, во столько и должно было предстать перед ним местное руководство. Навытяжку, трепеща, явиться в вагон, обитый бархатом, выслушивать указания и принимать к исполнению. А если в Белгороде совещание затянулось на два часа, то в Курске губернское начальство пусть ждет. Пусть прыгает по перрону, высматривая, где же всемогущий повелитель, выдернувший подчиненных ни свет ни заря.

И персонал спецпоезда тоже должен был дергаться всю ночь. И себя самого Яков Михайлович изматывал напряженным графиком непрерывных совещаний и бессонной ночи. Белгород остался позади. Курск остался позади. Около 10 часов утра 7 марта состав стал тормозить у станции Орел. Остановился. Но вместо чинной, почтительной делегации региональных властей в свердловский вагон влез только один председатель Орловского губисполкома Б. М. Волин (Фрадкин). Почему-то бледный, трясущийся.

Оказалось, что забастовали железнодорожники здешнего депо. Доведенные до крайности невыносимыми условиями жизни. Их дети пухли от голода, жены дошли до истощения. Никакие карточки не отоваривались, их близкие начали умирать… Вот и трепетал Фрадкин, что в его владениях случилось такое. И надо же — прямо к приезду грозного владыки, Якова

Михайловича! Лепетал что-то в свое оправдание. Объяснял, что до сих пор не могут ни уговорить, ни утихомирить. Что тысяча человек собралась в депо, митингует и буйствует…

А Свердлову такая неожиданность была абсолютно не в жилу. Он и без того держал себя только силой воли, преодолевал плохое самочувствие и дурь бессонницы, чтобы удержаться в графике. Впереди ждали губернские власти Тулы, ждали Троцкий и Склянский в Серпухове. Ждала Москва, где безотлагательно требовалось включиться в предсъездовскую подготовку, наверстать дела, упущенные за время пребывания на Украине, встречать и обрабатывать делегатов, плести закулисные «нестандартные» ходы.

Плюнуть на Орел и ехать дальше? Но это было невозможно. Бастовали-то железнодорожники! И перекрыли движение. А по своим железнодорожным каналам, конечно же, узнали, что к ним едет спецпоезд с высоким начальством. Пропускать и обслуживать его отнюдь не были намерены…

Вот и что оставалось делать? Из-за такой «мелочи», из-за досадной случайности заторчать в провинциальном Орле? Сорвав все собственные задумки и планы? Нет. Свердлов решил вмешаться. Сам. Выйти и угомонить бастующих. Он знал за собой умение брать под контроль толпу, забивать громовым голосом многоголосый шум, бросать лозунги, срезать оппонентов остроумными фразами и умелыми приемами, манипулировать настроениями. Он же был бессменным председателем на всех съездах и конференциях, любил и умел ораторствовать на митингах. В конце концов можно было пообещать разобраться. Ладно, мол, как только приеду в Москву, распоряжусь, все уладим. Так что не в ваших интересах меня задерживать.

Яков Михайлович рассчитывал управиться быстро. Накинул демисезонное пальто и пошел. Высыпала и охрана. В ее окружении можно было чувствовать себя вполне надежно, безопасно. Свердлов решительно зашагал к рабочим… Но не учел он, что те массовые мероприятия, которыми он манипулировал раньше, были им же и организованы. Или его помощниками, соратниками. Заранее настроены поддерживать и одобрять. Да и многоголосые многопартийные съезды состояли из людей, заведомо собравшихся подискутировать, почесать языки, но в конце концов прийти к приемлемым компромиссам.

Теперь же перед ним была толпа из тех самых «масс», которые воспринимались им сугубо абстрактно. Как сырье, рабочий материал. Песок и глина для фундаментов высших построений. Но толпа не была бессловесной глиной. Она была разъяренной, враждебной. Возмущенной страданиями своих родных, беззакониями и безобразиями властей, хаосом и развалом в своем городе и по стране. И вот перед толпой появляется один из тех, кто виновен во всех бедах! Маленький, щупленький, пархатенький, но напыщенный от сознания собственной значимости, от роли вершителя судеб, привыкший к почестям и безоговорочному послушанию. Гордый, самоуверенный…

И прорвало! Как электрический заряд в туче копится-копится, а потом вдруг возникает «пробой». Молния… В Свердлова полетел град камней, поленья, заготовленные для паровозов. Посыпались удары — кто куда попал. По туловищу, по лицу, по голове. Он упал, теряя сознание. А охрана… О, охрана из «инородцев» у него была отличная. Преданная, выдрессированная, как собаки. А что делает хорошая собака, когда нападают на хозяина? А?… Правильно, она кидается на обидчика. Точно так же поступила и охрана Свердлова. Мгновенно, не растерявшись и не раздумывая, бросилась на толпу. Бить, месить, разгонять, хватать злодеев.

Но и рабочие завелись, оказали жестокое сопротивление. Встретили теми же камнями и поленьями, вооружались колами, подручными железяками. Тех, кого схватили телохранители, товарищи кинулись отбивать. Закипела драка. Охрана залязгала затворами винтовок, пустила в ход револьверы. Загремели выстрелы. Рабочие не уступали, растекались, укрывались за чем

попало по депо, и снова летели камни… А оглушенный председатель ВЦИК так и лежал на ледяной, промерзшей земле. Охрана дралась — а про него забыла…

А молоденькие девчонки-секретутки, оставшиеся в поезде, услышав шум, вой, вопли, пальбу, перепугались. Попрятались и позабивались кто куда внутри вагонов. Дрожали от страха, что пуля заденет или что ворвется сейчас толпа мятежников и растерзает их. Нет, толпа не ворвалась. Охрана свое дело знала. Несколько десятков бойцов против тысячи рабочих, но профессионалы одолевали, громили противников. Да вот только помочь Свердлову оказалось некому. И он оставался лежать на земле. Одна из выездных секретарш, П. С. Виноградская, через 53 года писала: «Мне кажется, что именно во время этой беседы (с рабочими) он простудился».

Нет, простудился он раньше, в Харькове. А во время «беседы» был избит и валялся, застуживая легкие… Ну а Новгородцева, придерживаясь той же версии о «беседе», грустно констатировала: «Это было последнее выступление Свердлова, последняя речь товарища Андрея». Хотя в самых последних словах своей книги не выдержала, проговорилась. Назвав мужа не умершим, а «павшим» в борьбе.

И потусторонний магический страж, дух туруханского пса, не спас. Шкура осталась в Москве, в кремлевской квартире. А смерть начала входить в организм далеко от квартиры, в Орле. Да и то сказать, какой потусторонний страж поможет, какая охрана, если Сам Господь решил, что чаша злодеяний этого человечка исполнилась? Кстати, если уж обратиться к милой Якову Михайловичу мистической символике, то орел в христианстве — символ Св. апостола евангелиста Иоанна Богослова. Того, кто предсказал приход и торжество антихриста. Но не только торжество, а и конечное поражение его.

Однако если коснуться и куда более древних, дохристианских верований, то орел там выступал символом сил Света. А не Тьмы. Мало того, он символизировал Добро торжествующее. Добро, побеждающее Зло. Мы с вами часто видим статуэтки и скульптуры орла, клюющего змею. На самом деле этот сюжет изображений дошел до нас из глубины тысячелетий, и тогда он имел вполне определенный смысл. Именно победы Добра над Злом.

Вот и получилось, что город Орел «клюнул» черного оккультиста и эмиссара сил зла. Так «клюнул», что лежал он на ветру и морозе, и утекал его «дух жив», всасываясь в холодную мартовскую землю. Охрана победила, взяла верх над рабочими. Неизвестно, сколько было убито и ранено. Большинство разбежалось. Кого-то схватили, принялись разбираться, куда девать арестованных. Опять же, после «победы» спохватились — железнодорожников разогнали, а как дальше ехать? Паровоз водой и топливом заправить, семафоры открыть, стрелки в нужное положение переставить? И только спустя довольно долгое время кто-то случайно наткнулся на валяющегося Свердлова. Тут-то опомнились, подхватили, захлопотали, в вагон понесли. Новая неразбериха началась — надо бы помощь оказать. А как? Какую помощь?

В Орле спецпоезд простоял долго. Пока с пострадавшим возились, пока рыскали по городу и ближайшим станциям, отыскивая железнодорожников для восстановления движения. Дальше двинулись уже без остановок, без встреч и совещаний с местными властями. Какие уж тут совещания? И в Москву председателя ВЦИК довезли 8 марта. Как вспоминала жена, на нем «лица не было». Естественно, не было. С синяками и ссадинами, перебинтованный.

Но Яков Михайлович все еще упорствовал, крепился. Надеялся перемочь. Отлежался немножко дома. А 9 марта поднялся. Появился на заседании Совнаркома (это зафиксировано, хотя, может быть, он пробыл там недолго). Провел заседание президиума ВЦИК (вот это вряд ли, скорее, просто продиктовал Аванесову какие-то решения). Созвал лиц, занимавшихся подготовкой съезда партии (это наверняка, это оставалось для него главным). А к вечеру ему стало совсем плохо, температура полезла под 40. На следующий день, через Ленина, прислали врачей. Лучших специалистов. Те провели консилиум. Предписали строгий постельный режим,

лечение. Но в целом высказали благоприятные прогнозы. Ну что ж — простуда или грипп. Плюс побои. Организм-то молодой, крепкий. Отлежится, оклемается. Грипп косил людей голодающих, ослабленных, ютящихся в нетопленных домах. А при кремлевских удобствах, при совнаркомовском питании опасений, вроде, не возникало.

Однако лежание на мерзлой земле даром не прошло. Болезнь захватила легкие, началось воспаление. И Свердлову становилось все хуже. Собрались родственники — брат, сестры. Беспрестанно дежурил верный Аванесов. Из Нижнего вызвали отца. Шли навещать больного члены ЦК — Дзержинский, Троцкий, Загорский, Ярославский, Смидович, Петровский, Владимирский, Стасова, даже Сталин. Многие как раз на съезд прибывали. Узнавали новость — ну как тут не навестить… Не зашел к Якову Михайловичу только один человек. Ленин.

Что выглядит весьма странно. Товарищ пострадал — можно сказать, на боевом посту, при исполнении обязанностей, был ранен. Когда сам Владимир Ильич пострадал, Свердлов дневал и ночевал рядом. Да и жили-то рядышком, по соседству. Но нет, у постели своей «правой руки» вождь не появляется. Не заходит. Объяснение напрашивается единственное. Ленин успел узнать о Свердлове нечто такое, что этот человек становится ему лично неприятен. Ленин не хочет его видеть.

Бросаются в глаза и еще два момента. Первый — покушения на своих лидеров Советская власть обычно не скрывала. Кто бы ни покушался, это объявлялось кознями врагов, белогвардейцев или эсеров. Широкая информация о терактах героизировала и их жертвы и в целом коммунистическое руководство. Оно ведь при этом выглядело на переднем крае борьбы, в бою, под ударами неприятеля, несло потери. Второй момент — действия антикоммунистического плана не прощались. Даже рабочим. Еще раз напомню о массовых расправах с повстанцами Ижевска и Воткинска. А в Туркестане, где в январе 1919 г. бунтовали и бастовали рабочие и железнодорожники, направленный туда Бокий казнил 2,5 тысячи человек. При усмирении мартовских рабочих волнений и забастовок в Астрахани под руководством уполномоченного Мехотина было уничтожено 2 тысячи.

Нападение на Свердлова почему-то было скрыто. То бишь в «героизации» ему отказали. И никаких кампаний «красного террора» в Орле в данное время не отмечено. Володарского застрелили — за это ответили жизнями тысячи. Урицкого — снова тысячи. Сам Дзержинский расследовать помчался. А Свердлов был куда более крупной фигурой, чем какие-то там володарские и урицкие. Однако ни Дзержинский, ни Петерс, ни Курский и никто другой из высокопоставленных деятелей ЧК и органов юстиции для расследования в Орел не приезжал. И морей крови не последовало. За исключением крови тех рабочих, кто пострадал в схватке с охраной. Спустить дело на тормозах или дать ему раскрутку в конечном счете зависело только от Ленина. И получилось что-то вроде негласного вывода: «Сам виноват».

Да, инцидент в Орле помог Владимиру Ильичу решить серьезную проблему. С его дороги само собой убралось препятствие, которое он намеревался преодолевать на VIII съезде партии. Но отсутствие Ленина у постели больного, затушевывание нападения и его безнаказанность — это что-то большее, чем результат обычных политических разногласий. В общем-то разногласия у Владимира Ильича возникали со многими, и по Брестскому миру, и по другим вопросам. Но если бы в то время пострадали Бухарин, Каменев и т. д., надо думать, реакция была бы иной. Нет, тут явно добавилось что-то еще. Персональное.

12 марта Ленин уезжает из Москвы. В Петроград. Там умер от тифа муж его сестры Анны Ильиничны М. Т. Елизаров, и Владимир Ильич с Крупской отправились на похороны. Где, между прочим, Ленин снова встречается и близко сходится с Калининым. Он был другом Елизарова, при наездах в Петроград тот останавливался у Михаила Ивановича и скончался у него на квартире. Калинин выступал и главным организатором похорон. А Ленин вернулся из Питера 14-го.

Свердлову было уже очень и очень худо. По воспоминаниям жены, «в этот день он стал терять сознание, начался бред. В бреду он все время говорил о VIII съезде, пытался вскочить с кровати, искал какие-то резолюции. Ему казалось, что резолюции украли «левые коммунисты», он просил не пускать их, отобрать резолюции, прогнать их прочь. Он звал сына, хотел ему что-то сказать…» Ну, насчет «левых коммунистов» Клавдия Тимофеевна дипломатично приврала. Ярлыком «левые коммунисты» обозначали противников Брестского мира, и в марте 1919 года таковых уже в помине не было. Что же касается резолюций, то Свердлов собирался дать бой не кому иному, как Ленину. И если Яков Михайлович в бреду кого-то обвинял в краже резолюций, просил не пускать, отобрать, прогнать, то нетрудно понять, кого именно он называл. А если кто-то из посетителей слышал его бред, то не исключено, что не преминули передать адресату.

Но даже в бреду Свердлов не обмолвился о своей золотой «заначке» и о том, где прятал ключ от сейфа! Вот что значит самодисциплина сознания. Запрограммировал себя не проболтаться о самом сокровенном — и так и не проболтался. «Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно». Не сказал он об этом и в моменты возвращения сознания. Значит, все еще цеплялся за надежду, верил, что выживет. Неужели могущественные сатанинские силы, до сих пор поддерживавшие и возносившие его, еще раз не помогут своему «избраннику»? О чем уж он там молился им, какие зароки давал, мы не знаем. Они не помогли. Не смогли помочь.

Болезнь прогрессировала, начались процессы разрушения легких, кровохарканье. Ленин все же появился. Когда узнал, что положение безнадежно и вот-вот конец. Видимо, счел, что в таком случае неудобно не зайти. Несмотря ни на какую неприязнь, ни на какие противоречия и счеты надо попрощаться. 16 марта заглянул на 10–15 минут. По воспоминаниям Новгородцевой, «в этот момент к Свердлову на мгновение вернулось сознание. Он узнал Ильича и ласково, но жалобно, как-то по-детски беспомощно улыбнулся». Просил прощения за все, что натворил? Или радовался, что Ленин явился, выказав тем самым готовность к прощению? Или это было бессознательно?

Он умирал одиноким. Несмотря на то, что вокруг собрались товарищи по партии. Но он был «чужим» среди «своих» и знал это. Умирал одиноким, несмотря на окружение жены и родственников. Разве это не одиночество, если даже им он не решился доверить свою «золотую» тайну? Вскоре после визита Владимира Ильича Свердлов скончался. Дух его отлетел в мир иной. И, надо думать, первым там его встретил и радостно приветствовал дух туруханского Пса, чья шкура так и лежала у подножия кровати покойного. Может быть, по-настоящему он и был самым близким существом для Якова Михайловича Свердлова.

Куда повлеклась дальше его душа, уже не наше с вами дело. Это определил Тот, Кто гораздо выше нас… На календаре было 16 марта. Прошел ровно год с тех пор, как Свердлова пытались прижать к ногтю матросики Дыбенко. Но не получилось, не дожали…

34. Рассыпавшееся наследство

С тем, что оставил после себя Свердлов — я, конечно, имею в виду не сейфовую кубышку, а его политическое, организационной наследство, «честное имя революционера» — сразу же начали происходить любопытные и неоднозначные вещи.

16 марта, в самый день его смерти, собрался Пленум ЦК партии. И отменил январскую директиву Свердлова о казачьем геноциде. На места поехали уполномоченные, вроде упомянутого Ружейникова, освобождавшего арестованных в Уральске. Впрочем, было уже поздно. Уже вовсю полыхали казачьи восстания, и дальнейший геноцид троцкие, якиры, землячки и голощекины повели под флагом их подавления.

Но с «честным именем» все осталось в порядке. 17 марта Президиум Моссовета постановил переименовать Театральную площадь в площадь Свердлова. А на следующий день состоялись пышные похороны. Закопали у Кремлевской стены. Яков Михайлович и здесь

оказался зачинателем. В числе тех, кто похоронен на Кремлевском кладбище не в стене, а у стены, его могила стала первой. Что, разумеется, должно было означать некую высшую честь. Какая еще никому не оказывалась. А на похоронах звучали вполне проникновенные и пересыпанные восхвалениями речи. Такие же, как на всяких официальных похоронах высокопоставленного лица.

Однако почти одновременно с похоронами открылся VIII съезд РКП(б). И если внимательно просмотреть его материалы, нетрудно увидеть, что по сути своей он стал… антисвердловским! Ленин, выступая по крестьянскому вопросу, подчеркнул, что по отношению к середняку ни в коем случае нельзя применять насилие, ибо этим можно загубить все дело. Что надо учитывать особые условия жизни середняка. «Не сметь командовать! Вот правило, которое мы себе поставили». Против кого это выпад, кроме Якова Михайловича? Хотя имя его в критике не поминалось, вроде бы прославлялось, ему отдавалась дань почтения и уважения…

Свердлов должен был делать организационный доклад. Его делал Ленин. Сказал о покойном: «Обладая громадной, невероятной памятью, он в ней держал большую часть своего отчета, и личное знакомство с организационной работой на местах давало ему возможность сделать этот отчет. Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения». Панегирик? Но с очень открытым подтекстом. И о закулисных методах работы Якова Михайловича. Никому — ничего. Даже отчетных данных для оргдоклада нигде не фиксировал, все держал в уме. И о единоличных бесконтрольных решениях.

А в прениях сыпались еще более откровенные обвинения. Делегат М. М. Костеловская: «Этот метод работы (Свердлова) доказал, что таким образом мы не только не вносим классового расслоения, гражданской войны в деревню, а наоборот, восстанавливаем против себя все слои крестьянства — крупного, среднего и мелкого, забиваем клин между городом и деревней, то есть не в том месте, где это требуется».

Делегат В. В. Кураев: «Классовая борьба в деревне, в виде создания комитетов бедноты, привела ко всякого рода злоупотреблениям и восстаниям».

Делегат В. М. Волин: «По волостям и уездам сидит масса партийных работников, ненавистных населению».

А член ЦК, делегат от Москвы Н. Осинский, выступавший несколько раз, обрушился на свердловские методы руководства: «Надо поставить вопрос прямо. У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопросов. Организационная работа ЦК сводилась к деятельности одного товарища — Свердлова. На одном человеке держались все нити. Это было положение ненормальное. То же самое надо сказать и о политической работе ЦК. За этот период между съездами у нас не было товарищеского коллегиального обсуждения и решения. Мы должны это констатировать. Центральный Комитет как коллегия, фактически не существовал».

В другом его же выступлении: «Констатировалось неоднократно, что у нас организационная работа держалась на т. Свердлове. Ставилось в большую личную заслугу т. Свердлову, что он может объять необъятное, но для партии это далеко не комплимент. Секретариата ЦК фактически не существовало… У нас усиленным образом развивается покровительство близким людям, протекционизм, а параллельно — злоупотребления, взяточничество, партийными работниками чинятся явные безобразия…»

Контратака, которую готовил Яков Михайлович, без него, ясное дело, не состоялась. Против линии Ленина полез лишь неумный Шая Голощекин. За что и был причислен в «военную оппозицию». Хотя выступал он крайне путано, и какая уж у него была оппозиция, военная или гражданская, трудно сказать.

А вот предсмертный бред Свердлова насчет украденных резолюций, как выяснилось, имел под собой весомые основания. Резолюции были приняты явно не его. Он был ненавистником крестьянства и всего за 10 дней до смерти протащил на Украине решение об ударе по деревне, национализации и «коммунизации». Однако VIII съезд партии провозгласил кардинальное изменение курса — «от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним». И поддержал призыв Ленина развивать не единоличный, а «коллективный организаторский талант». Хотя, еще раз повторюсь, вопрос о персональной вине Свердлова не поднимался, и его имя оставлялось «чистым».

И знаете, какое складывается впечатление? Что Ленин, конечно, тоже готовился к схватке со Свердловым по крестьянскому, организационному и прочим вопросам. Мобилизовывал сторонников, настраивал и нацеливал в нужную струю ораторов. Если бы такая схватка состоялась (и если бы Владимир Ильич сумел ее выиграть), то в учебниках истории КПСС появился бы раздельчик о преодолении еще одной «оппозиции». Их же много возникало по разным вопросам — «левые коммунисты», «военная оппозиция», «рабочая оппозиция». Вот и появилась бы еще какая-нибудь, во главе со Свердловым. Но он умер. Даже и пострадавши при исполнении служебных обязанностей. И раскатывать его по косточкам стало неудобно. Поэтому в тех же готовившихся заранее выступлениях персональные акценты убрали.

Что касается каких-то других его темных дел, ставших известными Ленину и его окружению, то, очевидно, вопрос о них решался в самом узком кругу. Как быть? Вскрывать? Осуждать? На рядовых партийцев может плохо подействовать. На беспартийную «массу». Белой пропаганде повод дать — вон, мол, какие проходимцы в советском руководстве сидят. Опять же — кто как не Свердлов своими интригами привел большевиков к власти? Обеспечил им победу над конкурентами и однопартийный режим? Значит, партия в должниках у него была. Следовало хоть как-нибудь благодарность проявить.

Да ведь и повязана оказалась партия услугами Якова Михайловича! Осудишь — и тем самым признаешь, какой тип и какими методами помог победить. А может быть, и вскрывшиеся делишки были такого свойства, о которых громко говорить не принято? Наподобие связей с «силами неведомыми»? Тем более что в коммунистическом руководстве оставалось еще много людей, связанных с теми же силами — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Бухарин… Но смерть Свердлова, казалось, сама собой сняла все проблемы. Какая бы там вина за ним ни обнаружилась — его уже нет. Терпеть его рядом больше не нужно. И все равно он больше ничего не натворит. Вот и решили — прославить. Прославить — и как бы забыть. И прославили (но Екатеринбург переименовали в Свердловск гораздо позже, в 1924 году, после смерти Ленина).

И все же, несмотря на прославление, начались очень заметные исправления политического курса. Кто, казалось бы, должен возглавить после Свердлова ВЦИК, если не Аванесов? Ближайший помощник покойного, его «альтер эго»? Как бы не так, на этот пост выбирают Калинина. Причем без участия самого Калинина — он не был даже членом ВЦИК. На заседании ВЦИК предложение о его избрании внес Ленин. От лица партии. И 9 апреля Михаил Иванович выступил с программной «Декларацией о ближайших задачах ВЦИК». Где указывалось — дескать, ни в старой, ни в новой программах партии «не говорится, что мы должны разорять крестьян, сгонять их насильно в коммуны, насильно объединять их земли, поселять их в общие жилища». Наоборот, нужен безболезненный переход к коммунистическому строю, надо прилагать все усилия к сохранению их благосостояния.

Перечислялись и меры для этого: местным исполкомам не чинить препятствий в товарообмене между волостями и уездами; не разрушать благоустроенных крестьянских хозяйств, а оказывать им содействие; способствовать улучшению скотоводства, огородничества, пчеловодства, поощрять их; не мешать развитию домашних ремесел и кустарничества; «чрезвычайный налог» (продразверстку) взыскивать планомерно, но не выходя за установленные пределы; привлечь в исполкомы беспартийных средних крестьян,

хорошо знающих местную жизнь. И «освободить из заключения рабочих, крестьян, красноармейцев и граждан, злонамеренность и явная контрреволюционность которых не будет доказана следственными властями».

Пункты откровенно «антисвердловские». А выбор Лениным Калинина говорит и о другом. Об изменении роли самого ВЦИК. Вместо председателя-политика, председателя-лидера Владимир Ильич проводит кандидатуру председателя-хозяйственника. Калинин и в Питере отличился тем, что сумел кропотливой работой восстановить и поддерживать в приемлемом состоянии городское коммунальное хозяйство. Но видно и то, что Ленин тоже стал использовать «кадровые» методы, которыми прежде оперировал Яков Михайлович. Он ставит «своего» человека. Того, кто не будет плести интриги и своевольничать. Перед ВЦИК Ленин тоже выдвинул задачи перейти от единоличного руководства на коллегиальные методы «в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям».

А свердловские кадры аккуратно, без шума устраняются. Удаляются со значимых постов на второстепенные. Аванесова вообще убрали из ВЦИК. Он остался только членом коллегии ВЧК, куда его пристроил еще Яков Михайлович. А потом его задвигают на совершенно малозначащую должность заместителя наркома Рабоче-крестьянской инспекции. Даже не наркома, а замнаркома. «Свердловец» Петерс считался вторым лицом в ВЧК после Дзержинского, в отсутствие «Железного Феликса» замещал его. Теперь Петерса посылают на фронт. А на роль второго лица выдвигают Менжинского. Сменяют даже охрану коммунистического руководства! Сформированному Яковом Михайловичем отряду ВЦИК присваивают имя Свердлова, но меняют название «автобоевой» на «автоброневой» и тоже отправляют на фронт. А для охраны вместо него привлекают кремлевских курсантов…

Нет, я далек от того, чтобы обелять прочих лидеров революции, перелагая вину за все беды, зверства и безобразия гражданской войны на одного лишь Свердлова. Партия по тем или иным причинам не осудила его злодеяний, а тем самым приняла их. И то, чему он открыл дорогу, продолжало широко разливаться по Руси. Да и других проводников и исполнителей, помимо Якова Михайловича, оказалось более чем достаточно. Продолжилась вакханалия гонений на Церковь. И уже вскоре после смерти Свердлова, 11 апреля, его друг Загорский-Лубоцкий учинил кощунственную акцию публичного вскрытий мощей св. преподобного Сергия Радонежского с киносъемкой варварского действа. Видимо, за этот «подвиг» через несколько месяцев, когда 25 сентября Загорский был убит бомбой, брошенной анархистами, Сергиев Посад переименовали в Загорск.

Еще долго разгуливал по стране «красный террор» — он оказался слишком «удобным» методом избавляться от политических противников. Не завершились реформами весны 1919 года и конфликты с крестьянством. Будут и дальше бесчинства продотрядов — кто их там в глубинке проконтролирует? Будет и голод, поскольку порочной являлась сама политика продразверстки. Будут и бунты, мятежи, восстания с жестокими подавлениями. И успокоение принесет только следующая реформа, в 1921 году. Но эти злодеяния и политические перемены были связаны уже с другими именами и выходят за рамки данной книги.

Когорта «свердловцев», которую создавал Яков Михайлович, после его кончины рассыпалась. Большинство из них стало впоследствии не «свердловцами», а троцкистами. Но чаще они оставались на должностях далеко не первого плана. Пристраивались при органах печати, при наркоматах, НКВД, ВСНХ. Многие часто меняли место работы, перескакивая то туда, то сюда.

Иерарх «сил неведомых» Якоб Шифф, один из главных закулисных вдохновителей и спонсоров российской революции, умер в 1920 году. Но его компаньоны Лоеб, Кун и пр. не только свалили Российскую империю, а еще и сделали на этом сногсшибательный «гешефт». В начале 1920-х, когда власть по сути оказалась в руках Троцкого, Зиновьева, Каменева и прочей шарашки, они чрезвычайно щедро расплатились с заокеанскими покровителями за

«долги» российским золотом. В Америку хлынул настоящий золотой поток через подставные фирмы. По оценкам «Нью-Йорк таймс», не менее чем на полтриллиона долларов. Тогдашних. Из них в сейфах банкирского дома «Лоеб, Кун и компания» осело 103 млн. (Меркулов Д. Н., Бобровник В. М. Контрреволюция и национальная идея России, М., 2003). Так что «благословенный» нэп, воспетый нашими перестроечниками-демократами, стал, по сути, не только временем послаблений частному предпринимательству, но и первым периодом разворовывания нашей страны.

И наверное, не случайно именно в это время многие бывшие «свердловцы» вновь выдвинулись на высокие посты. Белобородов помогал Троцкому создавать «трудовые армии», стал членом ЦК, получил пост наркома внутренних дел. Сафаров возглавил комсомол. Стучка стал председателем Верховного Суда. Пинхус Войков как человек, долгое время живший за границей, получивший образование в Женеве и Париже, сумел устроиться по дипломатическому ведомству, был назначен полпредом (послом) в Варшаву. Вел себя заносчиво, бахвалился славой цареубийцы, заявлял: «Мир никогда не раскроет тайну гибели царской семьи».

Лейба Сосновский стал видным троцкистским публицистом. Прославился сборниками статей, где оплевывал Россию, ее традиции и историю — создав, например, книгу «Рассея». Чуцкаев возглавил не совсем понятный «Комитет по устройству трудящихся евреев». Голощекин возвысился до поста председателя Казахского крайкома партии (Казахстан тогда не был отдельной республикой), был избран кандидатом, а потом и членом ЦК КПСС. В Казахстане отметился страшными безобразиями, учинив, как он называл, «малый Октябрь». Преследовал национальные кадры, изводил под корень малочисленную интеллигенцию, давил даже казахов-партийцев. А в период раскулачивания и коллективизации вздумал перестроить на новый лад все хозяйство. И так «перестроил», что совсем развалил и вызвал голод, унесший 1,8 млн. жизней.

Юровский возглавил Гохран. И активно занялся аферами по перепродаже русских сокровищ за рубеж. Очевидно, в компании с покровителями из высших эшелонов власти. Но случайно вскрылась попытка вывезти за границу царскую корону, державу и скипетр. Та самая попытка, которую в фильме «Корона российской империи» приписали штабс-капитану Овечкину. В реальности это было дело рук «свердловца» и цареубийцы Юровского. Однако после разоблачения все ограничилось тем, что корону, державу и скипетр вернули с дороги, дело замяли, а виновник отделался увольнением.

Виктор Кингисепп подвизался в Коминтерне. Но при очередном переходе границы для нелегальной деятельности в Эстонии тамошние правоохранительные органы все же поймали его. И расстреляли. Зря они это сделали. Ох как зря! Иначе не был бы переименован старинный русский город Ям и не носил бы сейчас идиотское, режущее слух название Кингисепп.

В 1927 году пуля нашла и Войкова, его убил в Варшаве юный монархист Борис Коверда. Тоже совершенно напрасно. Потому что Войков на посту полпреда проворовался и находился под следствием. Потом коллеги шутили: «Если бы не Коверда, быть бы Войкову в советской тюрьме, а не в кремлевской стене». И уж конечно, станция метро в Москве нынче не называлась бы «Войковская».

Ну а в конце 1920-х — начале 1930-х годов, когда Сталин оборвал «благословенный» НЭП и принялся вычищать из советского и партийного руководства масонов и их приспешников, почти все «свердловцы» полетели со своих постов. Как троцкисты.

Кое-кто из соратников «товарища Андрея» успел умереть естественной смертью, от болезней — Аванесов, Стучка, Юровский. Остальные при последующих чистках в 1937–1942 гг. пошли под расстрелы. Белобородов, Теодорович, Бокий, Петерс, Лацис, Уншлихт, Петровский, Бела Кун, Крыленко, Яковлев, Сосновский, Чуцкаев, Дидковский, Герцман, Кедров. Некоторых «достреливали» уже во время войны — Голощекина, Сафарова.

Из видных «свердловцев» не тронули только Подвойского. Возможно, Сталин счел, что он затесался в эту компанию случайно. Впрочем, он и троцкистом не стал, да и от политического поприща был далек — возглавлял работу по физкультуре и спорту. Удалось уцелеть и рядовым громилам из свердловской шайки, наподобие Ермакова…

Брат Якова Михайловича, Беньямин, сполз по служебной лестнице вниз. На не слишком хлопотную и не слишком ответственную должность заведующего научно-техническим отделом ВСНХ. При этом оставаясь беспартийным. Имеются сведения, что в основном он занялся не наукой и техникой, а более привычным для себя делом. Личным бизнесом. Ввозя в Россию английские товары и толкая за рубеж меха, ценности, антиквариат, нефть. Тоже наверняка при покровительстве кого-то из высшего руководства. Не исключено, что имел отношение и к делишкам Гохрана, т. е. Юровского. И был связан очень теплой и взаимовыгодной коммерческой «дружбой» с… британской разведкой. Это не из советского обвинительного заключения. Это данные вполне «демократического» источника — радио «Свобода».

Вообще же из родни Свердлова самого высокого положения достиг двоюродный племянник его отца Генрих Ягода (Иегуди), всемогущий шеф НКВД. Высоко взлетели и племянники Якова Михайловича, дети его сестры Софьи — Леопольд и Ида Авербах. Леопольд, по воспоминаниям современников, «очень бойкий и нахальный юноша», влез в сферу культуры. Возглавил организацию «напостовцев», громивших и калечивших русскую литературу. А Ида вышла замуж за Ягоду и тоже подвизалась на культурном поприще — с одной стороны будучи шишкой в НКВД, а с другой — в писательских организациях. В 1937–1940 годах Генрих Ягода, Леопольд и Ида Авербах, как и Беньямин Свердлов, были расстреляны.

Вдова Якова Михайловича, Клавдия Тимофеевна Новгородцева, со смертью мужа, кажется, потеряла главный стержень своего существования. Вопреки байкам Бажанова, что она нигде не работала, это не так. Однако должности занимала хоть и руководящие, но малозаметные. Была высокопоставленной «совслужащей» и не более того. Сперва заведовала отделом детских учреждений ВЦИК, потом отделом детской литературы и учебников ОГИЗа (Объединенного государственного издательства). Чтобы обеспечить расположение Сталина, передала ему тайный архив мужа, в том числе письма Ленина с руганью в адрес Каменева и Зиновьева, что помогло их низложению и последующему уничтожению. Постаралась и в воспоминаниях о Свердлове подольститься к Сталину, подчеркнуть его руководящую роль в тех или иных революционных событиях. Последняя работа Клавдии Тимофеевны была в Главлите. Закончила жизнь персональной пенсионеркой в Москве в марте 1960 г.

Сына Андрея отец-оккультист не зря программировал прозвищами «звереныш», «зверек», «зверинька». Он таким и стал. В двадцатилетнем возрасте пошел на службу в НКВД, где зарекомендовал себя крайней жестокостью. Никакого специального образования не имел, но благодаря своей фамилии и покровительству Ягоды быстро продвигался в чинах. Правда, и сам чуть было не загремел в мясорубку. Органы НКВД арестовывали Андрея Свердлова дважды, в 1935 и 1937 годах. Ему инкриминировались антисоветские высказывания среди молодежи. Но оба раза Андрею Яковлевичу каким-то образом удалось выкрутиться, выйти сухим из воды. Может быть, благодаря хлопотам матери или кого-то из соратников Якова Михайловича.

И служил он после собственных арестов не менее свирепо, чем до них. Даже несмотря на то, что нередко ему приходилось истязать людей из «своего», номенклатурного круга, старых знакомых своей семьи. Он выколачивал показания из жены Бухарина, Елизаветы Драбкиной, Милютиной, Ганецкой. Ханна Ганецкая, увидев его, сперва обрадовалась, кинулась к нему с возгласом «Адик!» «Какой я тебе Адик, сволочь?!» — оборвал Андрей Яковлевич. В ходе допросов он пытал Сергея и Алю Эфрон (мужа и дочь Цветаевой), полковнику Мещерякову собственноручно выбил шесть зубов.

Женился на дочери Подвойского Нине. Дослужился до полковника. Выше, правда, так и не поднялся. А в октябре 1951 года был снова арестован. Обвинялся в участии в сионистском заговоре. В обвинительном заключении говорилось: «…Совместно со своими единомышленниками занимался вредительством в чекистских органах… тайно хранил вражескую литературу и в значительном количестве огнестрельное оружие… Полностью признал себя виновным по ст. 58–10 и 182 ч. 1 УК РСФСР…» Спасло его лишь то, что следствие тянулось 19 месяцев, а потом умер Сталин. И Берия сразу прикрыл дело.

Освободившись, Андрей Яковлевич перешел на «научную работу». Узнав о решениях XX съезда партии, когда в стране заговорили о наказании извергов и палачей, у Свердлова-младшего начался нервный тик, и он надолго залег в неврологическое отделение Кремлевской больницы. Но посыпавшиеся в ЦК, прокуратуру и органы госбезопасности многочисленные жалобы людей, пострадавших от Андрея Яковлевича, неизменно клались «под сукно». Он вернулся к «науке», под псевдонимом А. Я. Яковлев написал две детективные книжки «Тонкая нить» и «Двуликий Янус».

Дочь Якова Михайловича Вера ничем особенным не прославилась, не выделялась из других отпрысков «номенклатуры». Работала на Всесоюзном радио.

Потомки Якова Михайловича Свердлова и его родни живут среди нас с вами. Хотя в этом, конечно, нет ничего экстраординарного. Родителей не выбирают. И только потерявшие понятие о нравственности павлики морозовы отрекаются от своих родителей. Мало ли кто с кем состоит в родстве, кто чей дальний потомок? Гораздо печальнее то, что среди нас (и «над» нами) живут, процветают и успешно действуют не генетические, а духовные «наследники» Свердлова. Враги и разрушители Православия, российского народа и государственности. Увы, места «эмиссаров сил неведомых» вакантными не бывают…

Заключение

Книги пишутся по-разному. Одни долго, другие быстро. Одни легко, другие трудно. Эта книга рождалась и долго — и быстро. Долго, потому что материалы для нее начали накапливаться с 1989 года, когда я занялся историей гражданской войны и Белого Движения. Сведения персонально о Свердлове имели к данной теме часто лишь косвенное отношение, представляли «побочный продукт» поисков и откладывались про запас. Вдруг пригодится для какой-нибудь статьи или еще куда-то?

Добавлялись данные о нем и в 1993–1997 годах, когда я трудился над газетным, а потом над книжным вариантами «Белогвардейщины». Добавлялись в 1999–2000 годах, при работе над книгой «Государство и революции»… А толчком к написанию нынешней книги стало телевизионное интервью, которое меня попросили дать для фильма о Свердлове. После чего и возникла мысль: если у меня собралось столько фактов о нем, если эти факты за долгое время успели осмыслиться, разложиться «по полочкам», свестись воедино — то и надо донести их до читателя. Ведь по «ящику» всего не скажешь. А из того, что скажешь, самое важное и интересное чаще всего оказывается обрезанным. По «техническим», сюжетным, режиссерским и иным соображениям.

Вот и взялся я за тему о Якове Михайловиче. И на этом этапе книга писалась уже очень быстро — готовый материал оставалось только перелить в книжный текст. Но писалось тяжело. Для сравнения — перед Свердловым мне довелось в течение почти трех лет работать над дилогией о России XVII века. Там тоже было немало темных моментов, с лихвой хватало крови, страданий. Но там я писал совершенно о других людях. Честных, душевных, искренних. И в душе было ощущение чего-то светлого, хорошего, чистого. Признаюсь, завершая дилогию, мне даже жаль было расставаться с этой темой. То есть, с одной стороны, хотелось закончить, поскорее сдать в издательство, увидеть родившимися свои «детища». А с другой — еще немножко потянуть, мысленно «побыть» в той эпохе, «пожить» в ее духовной атмосфере.

Работа над книгой о Свердлове стала полным контрастом. Тут приходилось копаться в грязи. Продираться через грязь, пропускать ее через себя. И возникало чувство, будто сам пачкаешься. Вставая из-за стола и выключая компьютер после дневной работы первое, что хотелось сделать, — умыться. Холодной чистой водой, щедро, полными горстями. Так что заканчиваю этот труд с внутренним облегчением.

Ознакомившись с ним, читатель может упрекнуть меня в односторонности и необъективности. Но история — сама по себе сугубо субъективная наука. И объективных авторов в ней не бывает вообще. Каждый имеет собственное мнение, рассматривает и исследует те или иные вопросы с вполне определенной позиции. Если же автор претендует на абсолютную «беспристрастность», то он либо слепо и некритично передает чьи-то чужие пристрастные взгляды, либо лицемерит и под маской подчеркнутой «объективности» хочет навязать читателю свои субъективные «истины». Хитрить и лукавить подобным образом я не считаю для себя возможным.

Яков Михайлович Свердлов, как уже отмечалось, был одним из ярых гонителей христианства, цареубийцей, автором наступления на русское крестьянство, «красного террора» — истребления офицерства и интеллигенции, казачьего геноцида. А автор этой книги — православный, офицер, казак, монархист по убеждениям и представитель интеллигенции по роду занятий. Отсюда и мой взгляд на данную историческую фигуру. Тем более что все труды о Свердлове, изданные в советское время, трудно назвать объективными. Вот и пусть моя книга будет им неким противовесом. В конце концов, я старался рассказывать о Якове Михайловиче корректно, не выходя за рамки допустимых литературных приемов и культурной лексики. И фактов не выдумывал. А насколько верно взвесил и оценил их — об этом судить не мне, а читателям.

Возможны упреки и в том, что, изображая негативные дела и стороны личности Свердлова, я не остановился на позитивных. Ведь не только плохое было — наверное, было и хорошее? Он же все-таки боролся за некие высокие идеалы — свободу, равенство, братство… Простите, а за чью свободу он боролся? И за какую? За собственную свободу казнить и миловать как левая нога пожелает? И какое равенство с братством могло быть между голодающими железнодорожниками Орла — и владельцем сейфа, набитого золотом? Были ли в России искренние, бескорыстные революционеры? Да, были. Яков Свердлов к их числу не относился.

Ну а искренние революционеры-идеалисты, если уж разобраться, оказались в плену внешне красивых, но несбыточных и опасных иллюзий. Поскольку и сами лозунги «свободы, равенства и братства» являются не более чем химерой. Такой же химерой, как пришедшие нынче им на смену идеалы «демократических свобод» и «прав человека», усердно внедряемые и пропагандируемые Западом и отечественными «наследниками» свердловых. Идеалы, которые на деле выливаются в беспредел проходимцев, в «свободы» и «права» лишь для тех, кто может себе позволить их оплатить.

Потому что истинное равенство и братство людей возможно — но только перед лицом Бога, во Христе. А реальная свобода у человека существует только одна. Та, что дал ему Сам Господь — свобода выбора между Добром и Злом. И отнять эту свободу не может у человека никто! Никто и никогда, пока он жив. Свобода выбора между Добром и Злом существует всегда, при любом режиме правления, существует у каждого человека, даже и у нищего, у безработного, у заключенного концлагеря, у больного, прикованного к постели. Это не только свобода, но и главное право человека. Право делать такой выбор. И обязанность его делать. Сегодня, завтра, каждый день. В какую сторону сделать шаг? Сказать «да» или «нет»? Открыть рот или промолчать? Но свобода выбора, право выбора, обязанность выбора связаны и с ответственностью самого человека. За то, какой выбор он сделал.

Библиография

1. Абрамов А. У Кремлевской стены. М., 1978.

2. Авдеев Н. Революция 1917 года. Хроника событий. М. — Пг.: Госиздат, 1923.

3. Антонов-Овсеенко В. А. В революции. М.: Госполитиздат, 1957.

4. Аршинов П. История махновского движения. Запорожье: Дикое Поле, 1995.

5. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.

6. Башилов Б. История русского масонства // Наш современник, вып. 17. М., 1995.

7. Белецкий С. П. Воспоминания /Архив Русской Революции (АРР), т. 12. М.: Терра-Политиздат, 1991.

8. Белади Л., Краус Т. Сталин. М., 1990.

9. Бережковский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914–1918. Военно-исторический очерк. М., 1964.

10. Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

11.Берия С. Мой отец — Берия. В коридорах сталинской власти. М.: Олма-пресс, 2002.

12. Бернштейн Э. Германская революция. Берлин-Дрезден: Восток, 1927.

13. Берштам М. Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. М., 1992.

14. Блок А. Последние дни старого режима./ АРР, т. 4. М.: Терра-Политиздат, 1991.

15. Бобылев П. Н. На защите Советской республики. М.: Наука, 1981.

16. Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М.: Наука, 1965.

17. Болтин Е., Вебер Ю., Очерки мировой войны 1914–1918 гг. М., Воениздат, 1940.

18. Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сборник документов, М., 1977.

19. Боханов А. Н. Александр Иванович Гучков / Исторические силуэты. М.: Наука, 1991.

20. Бурсенев Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. М.: Прогресс, 1992.

21. Быков П. М. Последние дни последнего царя / АРР, т.17. М.: Терра-Политиздат, 1993.

22. Бьюкенен Дж. Воспоминания дипломата. М., 1923.

23. В годы гражданской войны. Сборник документов и материалов. Иваново, 1957.

24. Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1977.

25. Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964.

26. В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 г. г.). М.: Политиздат, 1987.

27. Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923.

28. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1–9. М., 1978.

29. Владимир Ильич Ленин. Биография. М.: Политиздат, 1972.

30. Воспоминания о В. И. Ленине в 5 томах. М.: Политиздат, 1979.

31. Всемирная история, т. 20–22. Минск, 1997.

32. Выстрел в сердце революции. Под ред. Н. Д. Костина. М.: Политиздат, 1983.

33. Гиляровский В. А. На жизненной дороге. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1959.

34. Гиляровский В. А. Мои скитания. Люди театра. М.: Правда, 1987.

35. Гиляровский В. А. Под «Веселой козой» / Собр. соч. в 4-х томах, т. III. М.: Полиграфресурсы, 2000.

36. Год 1917. М., 1958.

37. Голинков Д. Г. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.) М.: Политиздат, 1975.

38. Гордеев А. А. История казаков, т.5. М.: Страстной бульвар, 1993.
39. Городецкий Е. Н., Шарапов Ю. П. Свердлов. Свердловск, 1981.
40. Горький М. Несвоевременные мысли. М.: Сов. писатель, 1990.
41. Гоффман М. Война упущенных возможностей. М. — Л., 1925.
42. Гоффман М. Записки и дневники 1914–1918. Л., 1929.
43. Гражданская война в СССР. В 2-х т. М., 1986.
44. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.
45. Гражданская война на Украине. 1918–1920 гг., т. 1–3. Киев, 1967.
46. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку: Азернешр, 1991.
47. Гумилев Л. Н. Этносы и антиэтносы.// Звезда №№ 1–3, 1990.
48. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XX век. М.: Просвещение, 1995.
49. Дебидур А. Дипломатическая история Европы, т. 1–2. Р. — н. — Д.: Феникс, 1995.
50. Джолл Д. Истоки Первой мировой войны. Р. — н. — Д.: Феникс, 1998.
51. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в 2-х т. М., 1977.
52. Диль З. В Екатеринбурге. /АРР, т.17. М.: Терра-Политиздат, 1993.
53. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 г. г.) Сборник документов в 4-х томах. М., 1972.
54. Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. М.: Скифы, 1991.
55. Докладная записка Витте Николаю II //Историк-марксист, № 2–3, 1935.
56. Документы о преследовании евреев / АРР, т. 19. М.: Терра, 1993.
57. Думова Н. Секретарь МК. М., 1968.
58. Женщины русской революции. М., 1968.
59. Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.
60. Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная императору Николаю II кн. Голицыным 6 ноября 1916 г.,/ АРР, т. 5. М.: Терра-Политиздат, 1991.
61. Зенькович Н. Вожди на мушке. Минск: Полымя, 1996.
62. Иванов В. Ф. Тайны масонства. История русского масонства. СПб., 1992.
63. Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914), М., 1962.
64. Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М.: Госиздат, 1922.
65. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М.: Госполитиздат, 1949.
66. История внешней политики СССР, т.1, 1917–1945. М., 1976.
67. История гражданской войны в СССР. В 5 томах. М., 1960.
68. История России, XX век. Под ред. В. П. Дмитренко. М.: АСТ, 1996.
69. История русско-японской войны 1904–1905 гг. М.: Наука, 1977.
70. Калинин М. И. Избранные произведения, М., Политиздат, 1975.
71. Карр Э. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923 гг. Т. 1–2. М.: Прогресс, 1990.
72. Керенский А. Ф. На историческом переломе. М.: Прогресс, 1991.
73. Комин В. В. Нестор Махно. М.: Моск. Рабочий, 1990.
74. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М.: Современник, 1991.

75. Костин Н. Д. Суд над террором. М.: Моск. Рабочий. 1990.
76. Костюковский Б. А., Табачников С. М. И нет счастливее судьбы. М., 1984.
77. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1–2, М., 1970.
78. Красная гвардия в Октябрьские дни. (Ленинград и Москва). М. — Л., 1927.
79. Красная книга ВЧК. М.: Госиздат, 1920.
80. Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское./ АРР, т. 5, М.: Терра-Политиздат, 1991.
81. Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М.: Политиздат, 1972.
82. Ксенофонтов И. Н. Выход Советской России из империалистической войны. М.: Знание, 1989.
83. Латышев А. Г. Ленин: первоисточники. М.: Март, 1996.
84. Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996.
85. Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.
86. Лацис М. Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921.
87. Лейберов И. П. Пламенный солдат революции (Н. И. Подвойский). М., 1962.
88. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, издание 5-е, в 55 томах. М.: Политиздат, 1971–1975.
89. Ленин в 1917 году. (Из воспоминаний). М., 1917.
90. Ленинская гвардия Урала. Свердловск, 1967.
91. Леру Г. Агония царской России. Харьков, 1928.
92. Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. Л.: Госполитиздат, 1939.
93. Лосев Е. Трижды приговоренный // Москва, № 2, 1989.
94. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг., т. 1–2. М., 1923–1924.
95. Марягин Г. Стратег и зодчий. М.: Воениздат, 1986.
96. Мейер И. П. Как погибла царская семья. М.: Возрождение, 1990.
97. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств, 1878–1917. М., 1931–1938.
98. Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990.
99. Меркулов Д. Н., Бобровник В. М. Контрреволюция и национальная идея России. М., 2003.
100. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.
101. Минц И. И. О Емельяне Ярославском. М., 1988.
102. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. М.: Норма, 2002.
103. Мяснов Л. Гибель Уральского Казачьего Войска. Нью-Йорк: Всеславянское издат., 1963.
104. Набоков В. Временное Правительство. /АРР, т.1. М.: Терра-Политиздат, 1991.
105. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923.
106. Назаров Г. Я. М. Свердлов — организатор гражданской войны и массовых репрессий, // Молодая Гвардия, № 10, 1989.
107. Назаров М. Тайна России, М, 1999.
108. Немеркнущие годы. Очерки и воспоминания о красном Петрограде. 1917–1919 гг. Л., 1957.
109. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.
110. Новицкий В. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1931.

111. Нотович Ф. Я. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны //Исторические записки, № 23, 1947.

112. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия, т. 4, под ред. Р. Блейка, М., Инфра-М — Весь мир, 2000.

113. Орлов В. Г. Двойной агент: записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998.

114. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия, т. 3–4. Москва, Инфра-М, 1999.

115. Октябрьская революция. Мемуары. М.: Орбита, 1991.

116. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.: Профиздат, 1990.

117. Отречение Николая Второго. М.: Сов. писатель, 1990.

118. О Якове Свердлове, М.: Политиздат, 1985.

119. Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918) / Минувшее, т. 3–4. М., Прогресс, 1991.

120. Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992.

121. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991.

122. Панкратов В. А., Яков Свердлов. М., 1989.

123. Петров Ю. А. Павел Петрович Рябушинский / Исторические силуэты. М.: Наука, 1991.

124. Пионтковский С. А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.). Хрестоматия. М.: Изд. ком. унив. им. Свердлова, 1925.

125. Платонов О. А. Терновый венец России. История цареубийства, М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001.

126. Плотников И. Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–20 гг. Свердловск, 1989.

127. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. М.: Русский раритет, 1992.

128. Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

129. Поляков Ю. А. и др. Антисоветская интервенция и ее крах. М.: Политиздат, 1982.

130. Попов В. И. Жизнь в Букингэмском дворце. М.: Новина, 1996.

131. Последние дни императорской власти. Пг.: Алконост, 1921.

132. Последний всеподданнический доклад М. В. Родзянко II / АРР, т. 5. М.: Терра-Политиздат, 1991.

133. Пуанкаре Р. На службе Франции. М., 1936.

134. Пушкарева И. М. Князь Георгий Евгеньевич Львов./ Исторические силуэты. М.: Наука, 1991.

135. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М.: Прогресс, 1989.

136. Рабинович С. Евреи и СССР. М.: АПН, 1965.

137. Радзинский Э. Господи… спаси и усмири Россию. М., 1993.

138. Революционные латышские стрелки. Рига, 1985.

139. Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат, 1958.

140. Родзянко М. В. Государственная Дума и Февральская революция / АРР, т. 6. М.: Терра-Политиздат, 1991.

141. Родзянко М. В., Крушение империи./ АРР, т. 17, М.: Терра-Политиздат, 1993.

142. Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М.: Политиздат, 1991.

143. Рошаль Л. Площадь Революции. // Киносценарии, № 4, 1989.

144. Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928.

145. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М.: Книга, 1989.
146. Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.
147. Самойлов Э. В. Фюреры. Общая теория фашизма. Кн. 1–3. М.: СЭЛС, 1992.
148. Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая Гвардия, 1976.
149. Свердлов Я. М., Избранные произведения. М., 1976.
150. Сегал Д. Сумерки свободы: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. / Минувшее, т.3. М.: Прогресс, 1991.
151. Семенов Ю. Заговор Локкарта / Неотвратимое возмездие. М.: Воениздат, 1979.
152. Сидоров Д. И. Экономическое положение России в Первой мировой войне. М., 1973
153. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
154. Соколов К. Попытка освобождения царской семьи. /АРР, т.17. М.: Терра-Политиздат, 1993.
155. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М.: Сов. писатель, 1991.
156. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч., т. 5–7. М.: Инком НВ, 1991.
157. Солженицын А. И. Март семнадцатого. // Нева, № 1–6, 1990.
158. Солженицын А. И. Октябрь шестнадцатого. // Наш современник, № 1–12, 1990.
159. Солоухин В. А. При свете дня. М., 1992.
160. Спирин Л. М. Россия 1917 год. М.: Мысль, 1987.
161. Станкевич В. Б. Воспоминания 1914–1919 гг. Л.: Прибой, 1926.
162. Степанов Н. Т. Подвойский. М., 1989.
163. Стишов М. И. История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917–1930-е годы). М., 1981.
164. Сысоев Н. Личная гвардия Свердлова // Совершенно секретно, № 2, 2001.
165. Тарасов Е. П., Николай Ильич Подвойский (Очерк военной деятельности). М., 1964.
166. Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997.
167. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб.: РИСО, 1992.
168. Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
169. Торчинов В. А., Леонтюк А. М., Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2000.
170. Троцкий Л. Д. Сталин. М.: Интердайджест, 1995.
171. Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923.
172. Тютюхин С. В. Лев Давидович Троцкий / Исторические силуэты. М.: Наука, 1991.
173. Убийца тов. Войкова перед польским судом. М. — Л.: Госиздат, 1927.
174. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918 г. М. — Пг.: Госиздат, 1923.
175. Успенский В. Д. Первый президент. М.: Политиздат, 1975.
176. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.
177. Феликс Эдмундович Дзержинский. М.: Политиздат, 1977.
178. Фокке Д. Д. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии./ АРР, т. 19. М.: Терра-Политиздат, 1993.
179. Хомченко В. Они целились в сердце народа./ Неотвратимое возмездие. М.: Воениздат, 1979.
180. Чайкин В. К истории российской революции. М.: Изд-во Гржебина, 1922.
181. Чернин О. Брест-Литовск / АРР, т. 2. М.: Терра-Политиздат, 1991.
182. Чуднов М. Н. Под черным знаменем. М.: Молодая гвардия, 1930.

183. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М.: Алгоритм, 1999.
184. Шамбаров В. Е. Государство и революции. М.: ЭКСМО, 2002.
185. Шамбаров В. Е. Июльский мятеж // Опасная ставка, № 7, 1996.
186. Шамбаров В. Е. Кто стрелял? // Вечерняя Рязань, № 4, 1992.
187. Шамбаров В. Е. Пауки в кремлевской банке // Опасная ставка, № 11, 1999.
188. Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.
189. Шляпников А. Накануне 1917 года. М., 1920.
190. Шолохов М. А. Тихий Дон. Собр. соч. В 8 томах, т. 1–4. М.: Правда, 1980.
191. Шостаковский П. П. Путь к правде. Минск, 1961.
192. Шульгин В. В. Дни. Л.: Прибой, 1927.
193. Эрнст Г. Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения. М., 1981.
194. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М., 1963.
195. Яковлев В. Последний рейс Романовых / Урал, № 7, 1988.
196. Яковлев Е. Былого слышу шаг. М.: Известия, 1985.
197. Ярославский Е. М. Очерки по истории ВКП(б), ч. I. М., 1937.
198. Ярославский Е. М. Партия большевиков в 1917 году. М. — Л., 1927.
199. Ярославский Е. М. Против религии и церкви, т. 1–2. М., 1935.
